

Этнографическое Бозрение

НАУКА
— 1727 —

№ 4

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4

ИЮЛЬ–АВГУСТ 2024

Журнал основан в 1889 г.
Выходит 6 раз в год
Выходил под названиями: “Этнографическое обозрение” (1889–1916; 1992–н.в.);
“Этнография” (1926–1930); “Советская этнография” (1931–1991).
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

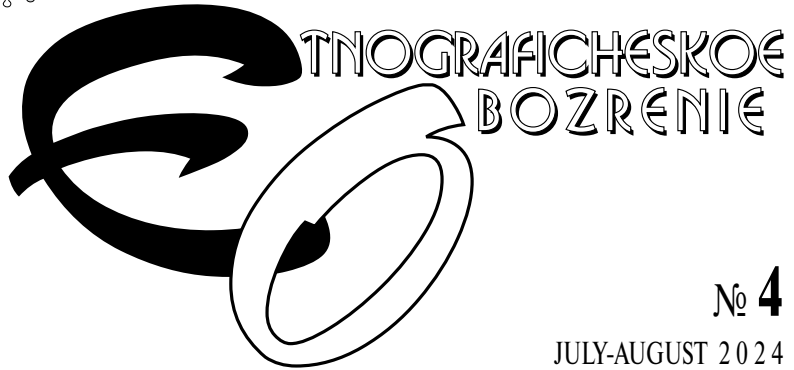
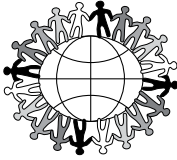
С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург),
С.С. Алымов (к.и.н., ИЭА РАН, Москва),
В.О. Бобровников (к.и.н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург),
М.Л. Бутовская (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН, Москва),
М.В. Добровольская (д.и.н., Ин-т археологии РАН, Москва),
А.Л. Елфимов, главный редактор (Ph.D., к.и.н., ИЭА РАН),
П.С. Куприянов (к.и.н., ИЭА РАН),
М.Ю. Мартынова (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.В. Михель** (д.ф.н., ИНИОН РАН, Москва),
Е.В. Попова (к. полит. н., Томский гос. ун-т),
С.В. Соколовский (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН),
Е.Г. Трубина (д.ф.н., Университет Северной Каролины, Чапел-Хилл, США),
Е.И. Филиппова, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., МГЛУ, Москва)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция),
Д.Н. Замятин (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), **Н.М. Лебедева** (ВШЭ, Москва),
М. Могильнер (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Ин-т социологии РАН, Москва),
Б. Петрик (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Ин-т восточных рукописей, Санкт-Петербург),
М. Ривз (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н.В. Ссорин-Чайков** (ВШЭ, Санкт-Петербург),
Л.А. Чвырь (Ин-т востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия),
В.А. Шнирельман (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67
Интернет-сайт: <https://eo.ica.ras.ru>
e-mail: ethnorev@gmail.com

№ 4

JULY-AUGUST 2024

Founded in 1889
Published as Etnograficheskoe Obozrenie (1889–1916, 1992–present);
Etnografia (1926–1930); Sovetskaya Etnografia (1931–1991)
Publication frequency: 6 issues per year
Organ of the Division of History and Philology, Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Sergey Abashin (European U. at St. Petersburg),
Sergey Alymov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Vladimir Bobrovnikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Marina Butovskaya (Inst. of Ethnology and Anthro., Moscow),
Maria Dobrovolskaya (Inst. of Archaeology, Moscow),
Alexei Elfimov, Editor-in-Chief (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Filippova, Associate Editor (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitri Funk (Moscow State Linguistic U.),
Pavel Kupriyanov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Marina Martynova (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Dmitry Mikhel (Inst. of Scient. Inf. for Soc. Sciences (INION), Moscow),
Evgeniya Popova (Tomsk State U., Tomsk),
Sergey Sokolovskiy, Associate Editor (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Valery Tishkov (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Elena Trubina (University of North Carolina at Chapel Hill, USA)

ADVISORY BOARD

Yuri Berezkin (Kunstkamera, St. Petersburg), **Liudmila Chvyr** (Inst. of Oriental Studies, Moscow),
Nadezhda Lebedeva (Higher School of Economics, Moscow),
Marina Mogilner (U. of Illinois at Chicago, USA), **Vladimir Mukomel** (Inst. of Sociology, Moscow),
Boris Pétric (EHESS, France), **Irina Popova** (Inst. of Oriental Studies, St. Petersburg),
Madeleine Reeves (U. of Manchester, UK), **Peter Schweitzer** (U. of Vienna, Austria),
Viktor Shnirelman (Inst. of Ethnology & Anthro., Moscow),
Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg),
Virginie Vaté (CNRS, France), **Dmitry Zamiatin** (Moscow State University)

Irina Kucherova Editorial Office Manager

Editorial Office Address:
Rm 1807, 32-a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia;
phone +7 (495) 938-1867

Специальная тема номера: Антропология аффективных атмосфер
(отв. ред. — С.В. Соколовский)

<i>С.В. Соколовский.</i> Об атмосферном повороте в социальных науках	5
<i>С.В. Соколовский.</i> В поисках атмосфер: направления, методы, перспективы (интервью с Тонино Гриффери)	22
<i>Д.А. Радченко.</i> Касаюсь города: тактильность и аффект публичного искусства	39
<i>С. Рункель.</i> Религиозные интонации в экономике опыта: понятие атмосферы в эстетической и феноменологической мысли Германа Шмица и Гернота Бёме (пер. с нем. С.В. Соколовского)	56

Физическая антропология

<i>А.Г. Козинцев.</i> Происхождение и родственные связи тагарцев: взгляд полвека спустя	70
<i>Т.А. Сюткина.</i> Сибонеи и таино в контексте краниологической изменчивости населения доколумбовой Америки	94

Статьи и материалы

<i>Н.А. Дубова, М.Г. Никифоров.</i> Пространственное моделирование сохранности народных астрономических знаний жителей Таджикистана	123
<i>А.С. Кочкунов.</i> Религиозная идентичность в контексте ритуальной культуры кыргызского народа на современном этапе.....	140
<i>Е.Э. Носенко-Штейн, И.С. Савин.</i> Современные Золушки: специфика брачных стратегий женщин с ограниченными возможностями здоровья.....	161
<i>Г.И. Макарова.</i> Образы промышленных городов Татарстана в видении лидеров городских сообществ и простых жителей.....	183
<i>Н.Н. Миклухо-Маклай, И.В. Чининов.</i> Культурные традиции моту через призму столетий: жизнь между двух миров (о-в Новая Гвинея)	205

Критика, обзоры, рецензии

<i>М.А. Назарук.</i> “Горизонты воображения” Винсента Крапанзано (пер. с англ. А.Л. Елфимова)	222
<i>М.В. Осипова.</i> Мир божеств Тири Юкиэ (рец. на: Песни богов народа айну, записанные Тири Юкиэ. СПб., 2022).....	228
<i>А.А. Сирина.</i> Книга, проверенная временем (рец. на: Василевич Г.М. Эвенки в советский период (из неопубликованных работ). СПб., 2022)	234

Special Theme of the Issue: Anthropology of Affective Atmospheres

(guest editor S.V. Sokolovskiy)

<i>Sokolovskiy, S.V.</i> On Atmospheric Turn in Social Sciences [Ob atmosfernom povorote v sotsial'nykh naukakh]	5
<i>Sokolovskiy, S.V.</i> In Search of Atmospheres: Directions, Methods, Perspectives (an Interview with Tonino Griffiero) [V poiskakh atmosfer: napravleniia, metody, perspektivy (interv'iu s Tonino Griffiero)]	22
<i>Radchenko, D.A.</i> Touching the City: Tactility and Affect of Public Art [Kasaia's goroda: taktil'nost' i affekt publichnogo iskusstva]	39
<i>Runkel, S.</i> Religious Inflection in the Economy of Experience: The Concept of Atmosphere in Aesthetic and Phenomenological Thought of Hermann Schmitz and Gernot Böhme [Religioznye intonatsii v ekonomike opyta: poniatie atmosfery v esteticheskoi i fenomenologicheskoi mysli Germana Shmitsa i Gernota Beme]	56

Biological Anthropology

<i>Kozintsev, A.G.</i> The Origin and Affinities of the Tagar People: A View from Half a Century Later [Proiskhozhdenie i rodstvennye svyazi tagartsev: vzgliad polveka spustia]	70
<i>Syutkina, T.A.</i> The Ciboney and the Taino in the Context of Craniometric Variation in Native American Population [Sibonei i taino v kontekste kraniologicheskoi izmenchivosti naseleniia dokolumbovoi Ameriki]	94

Research Articles

<i>Dubova, N.A., and M.G. Nikiforov.</i> Spatial Modeling of the Folk Astronomical Knowledge among the Residents of Tajikistan [Prostranstvennoe modelirovanie sokhrannosti narodnykh astronomicheskikh znanii zhitelei Tadjikistana]	123
<i>Kochkunov, A.S.</i> Religious Identity in the Context of Present-Day Ritual Culture of the Kyrgyz People [Religioznaia identichnost' v kontekste ritual'noi kul'tury kyrgyzskogo naroda na sovremennom etape]	140
<i>Nosenko-Stein, E.E., and I.S. Savin.</i> Modern Cinderellas: The Specifics of Marriage Strategies for Women with Disabilities [Sovremennye Zolushki: spetsifika brachnykh strategii zhenshchin s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia]	161
<i>Makarova, G.I.</i> Images of Industrial Cities of Tatarstan in the Vision of the Leaders of Urban Communities and Ordinary Residents [Obrazy promyshlennykh gorodov Tatarstana v videnii liderov gorodskikh soobshchestv i prostykh zhitelei]	183
<i>Miklouho-Maclay, N.N., and I.V. Chininov.</i> Cultural Traditions of the Motu through the Prism of Centuries: Life between Two Worlds (New Guinea) [Kul'turnye traditsii motu cherez prizmu stoletii: zhizn' mezhdv dvukh mirov (o-v Novaia Gvineia)]	205

Book Reviews and Critiques

<i>Nazaruk, M.A.</i> The "Imaginative Horizons" of Vincent Crapanzano ["Gorizonty voobrazheniia" Vinsenta Krapanzano]	222
<i>Osipova, M.V.</i> The World of Chiri Yukie's Deities [Mir bozhestv Tiri Yukie]: A Review of Pesni bogov naroda ainu, zapisannye Tiri Yukie [Ainu Divine Songs Collection Compiled by Chiri Yukie]	228
<i>Sirina, A.A.</i> A Book That Stood the Test of Time [Kniga, proverennaia vremenem]: A Review of Evenki v sovetskii period (iz neopublikovannykh rabot) [Evenkis in the Soviet Period (from Unpublished Works)], by G.M. Vasilevich	234

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА

АНТРОПОЛОГИЯ АФФЕКТИВНЫХ АТМОСФЕР

(отв. ред. — С.В. Соколовский)

ОБ АТМОСФЕРНОМ ПОВОРОТЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

атмосферные исследования, экология аффекта, осязаемое тело, российская антропология, аффективные атмосферы

Аннотация

Настоящая статья представляет собой введение к специальной теме номера: “Антропология аффективных атмосфер”. В нее вошли статьи С.В. Соколовского, Д.А. Радченко, С. Рункеля и интервью с Т. Грифферо. Читателям представляется новая область философских и научных исследований, до сих пор практически не привлекавшая внимания отечественных антропологов, вопреки тому, что так наз. атмосферный поворот развивается уже почти четверть века, реализуясь во множестве социальных наук. Основной целью специальной темы является ознакомление российских антропологов и этнологов как с теоретической и методологической основами исследований (аффективных) атмосфер, так и с конкретными кейсами уже реализованных проектов, а главными задачами этого введения — обзор соответствующих концепций, методологии и исследовательских методов, а также рекомендация источников, знакомство с которыми призвано облегчить включение этой проблематики в программы полевой этнографии.

Информация о финансовой поддержке

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075—15—2022—328]

Любой “поворот” в научном знании инерционен — требуются годы, а иногда многие десятилетия для оформления идей, появления их сторонников, накопления массива соответствующих публикаций и для распространения влияния нового направления на другие исследовательские области и дисциплины. Об атмосферном повороте заговорили сравнительно недавно — всего лишь пять-семь лет назад, а до этого соответствующие идеи вызревали десяти-

Статья поступила 07.06.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В. Об атмосферном повороте в социальных науках // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 5—21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018> EDN: AZHJXU

Sokolovskiy, S.V. 2024. Ob atmosfernem povorote v sotsial'nykh naukakh [On Atmospheric Turn in Social Sciences]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 5—21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018> EDN: AZHJXU

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

летиями в рамках феноменологии пространства и таких междисциплинарных областей социально-гуманитарного знания, как исследования тела и аффекта¹. Если говорить о сдвигах в самом фундаменте эволюции этих знаний, т.е. об онтологии знания вообще, то можно заметить смену так наз. *вещной* (или материальной) *онтологии* с ее пристальным вниманием к связям и отношениям между материальными объектами (новейший пример — акторно-сетевая теория, или материальная семиотика) на конкурирующую с ней *онтологию событий*, основными категориями которой являются становление, процесс и поток (а наиболее влиятельными из современных теоретиков — Альфред Уайтхед и Жиль Делёз), а затем — на приходящую им на смену *онтологию ситуаций*, в которой место процессов становления заняли силовые поля и взаимодействия сил — основа трансформации как материальных сетей, так и цепей событий (из наиболее влиятельных и близких к нам по времени мыслителей здесь можно назвать Мартина Хайдеггера и Германа Шмица; ср.: Lotka 2020). Онтология событий и феноменология пространства и были заложены в фундамент атмосферного поворота, о котором пойдет речь в этом тематическом выпуске.

Исследования аффекта и атмосфер: две разные традиции? Антропологи и прежде обращались к исследованиям аффектов и эмоций. Сложилась особая специализация — психологическая антропология, в которой эмоциям, чувствам и страстям уделялось особое внимание, хотя нередко в полевой работе эта сторона человеческого поведения не фиксировалась и даже когда замечалась, чаще всего оставалась на страницах дневников и не отражалась в публикациях. Работы таких классиков антропологии, как Маргарет Мид (Mead 1928, 1930), Рут Бенедикт (Benedict 1989 [1934], 2013 [1934]), Джин Бриггс (Briggs 1970, 1998), Жорж Деверё (Devereux 1977), Эрика Бургиньон (Bourguignon 1979), Фред Мейерс (Myers 1979, 1986), Ренато и Мишель Розальдо (Rosaldo M. 1980, 1984; Rosaldo R. 1980, 1993), Кэтрин Лутц (Lutz, White 1986; Lutz, Abu-Lughod 1990), Джон Ливитт (Leavitt 1996), и развивающих их идеи уже в новом веке Лайлы Абу-Лугод (Abu-Lughod 2000), Винсента Крапанзано (Crapanzano 2004), Сары Ахмед (Ahmed 2004a, 2004b), Эндрю Битти (Beatty 2010, 2013), Дэниела Уайта (White 2017) стали фундаментом этой специализации как части так наз. аффективного поворота в социальных науках и гуманитаристике (ср.: Clough, Halley 2007; Wetherell 2012). Так в каком же смысле поворот, о котором мы говорим, оказывается действительно “поворотом” в развитии социально-гуманитарного знания?

Дело в том, что вся упомянутая литература, даже новейшая, оказывается мало связанной с тем направлением, которое относительно недавно стало известно как *атмосферный поворот*, а исследования аффективных атмосфер, как выясняется, почти не имеют пересечений с литературой по антропологии эмоций². Из числа философских антропологов, пытавшихся сопоставить эти две независимо развивавшиеся области исследований, на память приходят только имена канадского философа Брайана Массуми (Massumi 2002, 2010, 2015, 2019), немецкого феноменолога Яна Слаби (Slaby 2019) и специалиста по этномузыкологии из Германии, проводившей полевые исследования в Юго-Восточной Азии, Фридлинд Ридель (ср.: Riedel, Torvinen 2019). Одной из причин независимого развития этих направлений является не критическое использование антропологами менталистской (интроспекционистской) парадигмы в трактовке чувств и эмоций. Доплатоновские представления в отношении чувств как сил, приходящих извне, захватывающих и подчиняющих человека, ими всерьез не воспринимались³.

Парадокс игнорирования атмосферных феноменов. Все существующее *существует* во времени и пространстве. Живое, однако, способно эти время и пространство *чувствовать* и *переживать*, что и составляет основу аффективного восприятия мира. Такая вовлеченность в мир характеризует не только высокоорганизованные формы живой материи, но и все живое, а быть может, и остальные формы и модусы существования материи. Существовать в мире — значит быть им *затронутым* (affected)⁴. Можно вслед за Бенедиктом Спинозой утверждать, что существовать — это и значит быть аффицированным, иметь возможность действовать или находиться под воздействием, быть в контакте с вечно изменяющимся миром, являться неотъемлемой составляющей его становления и его частью в каждый момент своего бытия. Но если это так, то каждый момент существования имеет свое аффективное измерение, особую тональность, звучание, цвет, вкус и запах, собственную *атмосферу*, объединяющую все эти модусы восприятия еще до их аналитического различения сознанием⁵. Согласившись с этим утверждением, мы, однако, не приходим к большей ясности в наших взглядах на мир, но лишь сталкиваемся с новыми проблемами и вопросами. Если аффективные атмосферы вездесущи, почему они до сих пор не стали неотъемлемой частью социального и гуманитарного знания или знания биомедицинского?

По контрасту с классическим платоновско-картезианским взглядом на чувства как на внутренние, субъективные или ментальные состояния, немецкие феноменологи утверждали, что чувства приходят извне (известный пример содержится в ранней работе Фридриха Ницше; *Nietzsche* 1994 [1864]). Важно также, что как у древних греков и египтян, так и у последователей новой феноменологии чувства всегда телесно опосредованы, что позволяет уйти от противопоставления ментального — соматическому, сознания — телу, а также по-новому рассматривать взаимодействие тела и среды. Немецкая феноменологическая традиция, объединявшая достижения психологии того времени⁶ с критикой спекулятивного неокантианства, выработала собственный подход к исследованию настроений, чувств и аффектов, предложив развернутые классификации типов ситуаций, типов пространств и типов чувств⁷. Следует отметить и французскую феноменологическую школу и обусловленный ее влиянием отличный от немецких феноменологии и эстетики подход к исследованию аффективных ситуаций (*ambiances*), настроений и коллективных чувств (ср.: *Augoyard, Torgue* 2006; *Thibaud* 2011, 2013; *Bégout* 2020). В этой традиции много внимания уделялось атмосферности света, цвета и звука: наблюдениям, которые восходят к работам двух влиятельных французских феноменологов — Анри Бергсона и Мориса Мерло-Понти⁸. Влияния этих философов обнаруживаются и в работах Тима Инголда, особенно в его рассуждениях о свете и звуке (ср.: *Ingold* 2022: 252–255). В целом, однако, феноменологические подходы, несмотря на свою близость дескриптивным программам этнографического наблюдения (их роднит, напр., установка на борьбу с редукционистскими концепциями реальности), мало сказались на антропологических концепциях аффекта. В первой хрестоматии по теориям аффекта перечислено восемь разных подходов к его изучению (*Gregg, Seigworth* 2010: 6–8), но в недавно вышедшем втором томе редакторы уклоняются от приведения подобных перечней по той простой причине, что оснований для такой классификации может найтись много, а сама она стала бы слишком напоминать известную историю Борхеса о китайской классификации живот-

ных (Seigworth, Pedwell 2023: 8). Во всем этом многообразии ирредукционистские феноменологические подходы к изучению аффективных феноменов рисковали затеряться. Однако именно они возобладали в исследованиях атмосфер.

О том, что атмосферы длительное время действительно ускользали от философского и научного осмысления, свидетельствует то обстоятельство, что предметом систематической рефлексии они стали лишь со второй половины прошлого века, примерно с середины 1960-х годов, когда отдельные феноменологи, психиатры и социологи начали исследовать их в контексте феноменологии пространства (Schmitz 1965, 1969, 2011, 2014; Tellenbach 1968; Simmel 2001 [1913]⁹). Поскольку речь идет о пространстве и его свойствах, много позднее к исследованиям подключились географы (ср.: Hasse 2002a, 2002b; Kazig 2007)¹⁰. Результаты феноменологических исследований аффективных атмосфер повлияли на развитие многих социальных и гуманитарных дисциплин и областей прикладного знания. Сегодня они используются культурологами для переосмысления теории культуры, социологами — для существенных уточнений концепций действия, психологами и психотерапевтами — в обновленных концепциях восприятия, чувств и настроений, а теоретиками медиа — при уточнении сути и роли медиа как среды. Помимо перечисленного, концепт (аффективных) атмосфер все шире используется в практических сферах: в градостроительстве, архитектуре, театро-, кино- и литературоведении, в косметологии, дизайне и моде, в туризме и гостиничном бизнесе, в маркетинге (включая нейромаркетинг), политике, педагогике и еще в дюжине прикладных областей, где целью становится манипуляция поведением или создание необходимого настроения и чувства у потребителя, посетителя/клиента. Библиотека этой междисциплинарной области сегодня насчитывает более полусотни томов, прежде всего на немецком, итальянском и французском языках, а также на английском (в основном — переводы), и более тысячи статей. Можно говорить и об успешной институализации всей этой междисциплинарной области как самостоятельной, выражающейся в организации специализированных сайтов и регулярных международных конференций, в создании научных центров¹¹, онлайн-выходных и оффлайн-выходных периодических изданий¹², книжных серий¹³, учебных курсов¹⁴.

Что же позволяло длительное время игнорировать существование аффективных атмосфер на фоне признания их повсеместного влияния? Первый ответ, который в этой связи возникает: характер самих атмосфер, а точнее такие их черты, как ускользание, неопределенность, размытость, нелокализуемость, эфемерность. Социальные ученые в своих исследованиях обычно сосредоточиваются на устойчивом и повторяющемся, отсеивая преходящее и случайное. Отмечая это обстоятельство, Альберт Нортон Уайтхед писал: “Видеть общее в особенном и сохраняющееся в преходящем — такова цель научного мышления” (Kuntz 1984: 17; цит. по: Kissel 1990: 17–18). Эфемерность и проблемы с дефиницией атмосфер как дорефлексивных и ускользающих явлений, безусловно, затрудняли их выделение в качестве отдельного предмета научного рассмотрения. Исследователи аффективных пространств задавались вопросом: каким образом можно определить атмосферу, если даже акт ее наименования — *репрезентация, фиксирующая* и тем самым подвергающая *редукции* само это явление? (ср.: Anderson, Ash 2015: 38). Решение этой задачи осуществлялось посредством феноменологического анализа повседневного опыта и выявления специфических характеристик аффективных атмосфер. Представитель первого послевоенного поколения немецких философов Шмиц — основатель философской системы, названной им

“новая феноменология”, предложил в рамках своей системы особую методологию исследования аффективных атмосфер. Он обобщает содержание этапов их анализа следующим образом:

1) *описательный* — выделение предметной области жизненного опыта (напр., конкретных переживаний определенного чувства) на основе средств повседневной речи;

2) *аналитический* — определение повторяющихся элементов в данной области и их фиксация в конкретных терминах;

3) *комбинаторный* — более сложные компоненты соответствующей области реконструируются путем объединения разработанных понятий (*Schmitz* 1992: 33).

Известно, что, на основании выделенных характеристик подчеркивая независимость и действенное влияние атмосфер, Шмиц рассматривал их в онтологическом отношении как “полувещи” (*Halbdinge*)¹⁵.

Дорефлексивная манера, с которой атмосферы захватывают наши тела и чувства, заставляет утверждать, что, прежде чем мы начинаем размышлять об атмосферах, они уже “мыслят” нами, исподволь окрашивая наш опыт и направляя наши рассуждения. В этом отношении они являются когнитивно непроницаемыми (*Griffero* 2019: 32). Мы всегда мыслим *в* атмосферах, их *посредством* и *через* них (ср.: *Sumartojo, Pink* 2019: 11–12). Рефлексивная доступность аффективных атмосфер, таким образом, обеспечивается главным образом тем обстоятельством, что мы располагаем личным опытом их переживания и можем этот опыт описывать и осмыслять. Такой опыт, позволяющий понимать и правильно интерпретировать похожие переживания других людей, делает возможным исследование этих постоянно ускользающих от фиксации феноменов. Следует, однако, учитывать, что вездесущность атмосфер и обусловленная ею их обыденность становятся скорее препятствиями (обыденное, играя роль фона, не привлекает внимания и ускользает из фокуса притупляемой привычкой рефлексии), нежели способствуют их анализу.

Вторая версия ответа на вопрос о причинах того, почему длительное время атмосферы не являлись предметом исследований — невозможность их адекватного концептуального схватывания традиционными научными методами. Например, специалисты по эволюционной антропологии, фокусирующиеся на изучении биологических основ поведения человека, при обращении к аффектам зачастую описывают не их, а обработанные культурой и концептуально зафиксированные их формы — эмоции. Иногда аффекты и эмоции в их работах вообще не различаются. Здесь дурную услугу оказывает и стандартная процедура концептуализации, в данном случае нерефлексивно применяемая к предмету, природа которого является сущностно пред- или доконцептуальной и который может описываться лишь феноменологически как совокупность переживаний и телесных состояний, а точнее — переживаний ввергнутого в определенную атмосферу тела. Эти переживания с трудом поддаются классификации в силу того, что множество телесных ощущений плохо вписывается в сетки репрезентаций как культуры наблюдателя, так и культуры наблюдаемых (в автоэтнографии и самоотчете эти две позиции совпадают). Многие из нас на собственном опыте знают смысл выражений “зубы стучат”, “трясутся колени”, “сердце подступает к горлу”, “грудь распирает”, “волосы дыбом”, “по спине бегут мурашки”, “щеки пылают”, “душа в пятках”, “кровь приливает к лицу” и т.д. и т.п., но в словарях нет чувств, наименования которых однозначно бы выражали эти конкретные аффективно-телесные состояния.

Аффективные интенсивности плохо отражаются и в словарях локальных культур (репертуары терминов более сфокусированы на обозначении значимых для конкретной культуры эмоций). Последнее, однако, по-видимому, более справедливо применительно к культурам европейского круга, долгое время находившимся под влиянием платоновско-картезианского ментализма. Об этом свидетельствует и тот факт, что во времена Гомера греки и египтяне располагали значительно более богатой фразеологией и особой восприимчивостью не только к телесно-аффективной стороне жизни, но и к возникающим в этой жизни аффективным явлениям, которые мы сегодня называем атмосферами (ср.: Schmitz 1965, 1969). Эта восприимчивость была утрачена европейцами в результате победы так наз. менталистской, или интроекционистской, парадигмы – противопоставления души телу – и утвердившегося после Платона (но в особенности после Декарта) взгляда на чувства как на исключительно *ментальные* состояния. Впрочем, естественные языки все-таки располагают хоть и ограниченными в каждом конкретном случае, но адекватными современным им режимам чувственности словарями для отражения наиболее распространенных аффективных состояний (напр., эйфории, депрессии, паники, скуки, сосредоточенности и т.д.).

Есть еще и третья версия или, скорее, третий аспект, замедлявший восприятие результатов феноменологических наблюдений за атмосферами и разрабатываемых на их основе концепций в социальных науках. Он может описываться как сочетанное действие глубоко освоенной *идеологии модерна* с ее навыками абстрагирующего и редуцирующего мышления, не позволявшего увидеть мир таким, каким он является не знающему схем и различий современному сознанию, с одной стороны, и *терминологической омонимии* позитивистского и феноменологического описаний, в которых термины “пространство”, “тело”, “чувство”, “атмосфера”, “аффект”, хотя и звучат одинаково, но означают с трудом сопоставимые сущности – с другой.

Все эти моменты затрудняют задачу определения аффективных атмосфер, тем более такого, с которым бы согласились представители разных подходов и дисциплин. Задача остается нерешенной не по причине, как это обычно бывает, наличия разногласий между представителями разных школ, а из-за самой сути определяемых явлений. Помимо попыток атрибутивного определения атмосфер (напр., как это проделал Грифферо за счет перечисления их отличий от других онтологических сущностей; см. публикуемое в этом выпуске интервью), можно использовать также еще историко-семантический подход.

Исследования атмосферы и антропология. Термин *атмосфера* восходит к др.-греч. понятию *ατμόςσφαιρα*, первоначально обозначавшему область или сферу эманаций тел – гуморальных жидкостей, так наз. *effluvia* – испарений, выделений, запахов, пара, иных обусловленных телесностью и захватывающих пространство полей и сил (напр., магнитного поля) или страстей; именно это значение связывалось с термином *атмосфера* на рубеже XVIII и XIX вв. (Riedel 2019: 86). Параллельно этот термин стал использоваться в астрономии и географии, где он обозначал газовые оболочки планет и звезд. Многие авторы (включая Гернота Бёме) считали, что “(аффективные) атмосферы” как понятие возникло в результате метафорического переноса его из области метеорологии в область психологии и медицины¹⁶. Однако Георг Зиммель (Simmel 2003, 2009: 556, 579) и Макс Шелер (Scheler 1973: 257), касавшиеся в своих работах понятия “атмосфера”, не говоря уже о немецких психиатрах-феноменологах Отто Фридрихе

Больнове (*Bollnow* 1965: 44 ff), Губерте Телленбахе (*Tellenbach* 1968) и Томасе Фуксе (*Fuchs* 2000: 58–60), рассматривали его как исторически связанное с телесностью. Лишь благодаря доминированию в обыденном сознании представления об атмосфере как понятии скорее метеорологическом, первая гипотеза его происхождения возобладала. Впрочем, это не исключает возможности вторичного метафорического переноса, что и было сделано некоторыми исследователями аффективно-атмосферных феноменов, опиравшимися на более популярную сегодня версию, в которой понятие “атмосфера” указывает не столько на тело, сколько на климат или погоду¹⁷. Например, Тим Инголд, задаваясь вопросом, в какой среде мы живем, замечает:

Я обнаружил два возможных ответа. Один — думать о среде как о сети, сплетенной из мириад нитей живых существ, проторяющих свои пути в этом мире. Другой — думать о ней как об *атмосфере* — воздушном царстве, наполненном светом, звуком и чувством. <...> А если это и то, и другое, то каково отношение между ними? (курсив мой.— С. С.) (*Ingold* 2022: 51, 2015: 87–88).

Каков же вклад антропологии в исследования атмосферных феноменов? Первые этнографические/антропологические работы в рамках этого направления были опубликованы совсем недавно, и на сегодняшний день есть лишь несколько книг, написанных на основе полевых этнографических исследований, в которых (аффективные) атмосферы стали главным предметом рассмотрения (*Schroer, Schmitt* 2018; *Zehmisch et al.* 2018; *Stenslund* 2023). Впрочем, близкие феномены привлекали внимание антропологов и прежде, пусть и эпизодически. Виктор Тёрнер, например, описывал как особую лиминальную фазу — *коммунитас* — аффективные состояния в обрядах перехода (*Turner* 1983). Марк Оже в одной из своих книг анализировал восприятие пространств и ситуаций вокзалов, аэропортов и супермаркетов как “не-мест”, объединяемых особой атмосферой (*Augé* 1992). Трансдисциплинарный характер атмосферных исследований уже довольно существенно повлиял на повестку нескольких антропологических дисциплин: на городскую (ср.: *Schoon* 2008; *Löfgren* 2010, 2014; *Bille* 2015; *Bille, Schwabe* 2023; *Stenslund* 2023) и медицинскую (*Griffero, Francesetti* 2019; *Sokolovskiy* 2022b) антропологию, антропологию религии (*Radermacher* 2020; *Eisenlohr* 2018, 2022; *Cooper* 2022), туризма (*Holst* 2018; *Sánchez-Fuarros et al.* 2023) и спорта (*Uhrich* 2008), этномузыкологию (*McGraw* 2016; *Abels* 2018, 2022; *Riedel, Torvinen* 2019). Есть также работы в области социологии и антропологии организаций и маркетинга. Такое ширящееся влияние философско-феноменологических исследований атмосфер на социально-гуманитарное и прикладное знание обусловлено ориентацией на холистскую (ирредукционистскую) методологию на волне обретающих все большую популярность пост- и трансгуманистских подходов. Длительное игнорирование чувств и телесности, обеднявшее репрезентации реальности во многих жанрах академического письма, ожидаемо завершилось бумом восполняющих эту лакуну исследований с фокусом на (аффективные) атмосферы и резонирующее под их воздействием переживаемое тело.

Атмосферные исследования в российской антропологии. Существует пока лишь несколько работ по антропологии города, затрагивающих понятие атмосферы (ср.: *Brednikova, Zaporozhets* 2016; *Shishova* 2018; *Kupriyanov, Lurie* 2022). Сам предмет этой субдисциплины сталкивает исследователей с проблемой осмысления

духа или гения места, ауры и атмосферы. Например, в сборнике под редакцией Ольги Бредниковой и Оксаны Запорожец “Микроурбанизм. Город в деталях” авторы включенных в него статей неоднократно касаются темы атмосфер, не пытаясь, однако, использовать соответствующую литературу по феноменологии, хотя работы Вальтера Бенямина и Жана-Поля Тибо все же упоминаются. Есть несколько публикаций по этой тематике и у отечественных религиоведов, правоведов, литературоведов, искусствоведов и архитекторов, в которых затрагиваются концепции Шмица или Бёме. Монографических исследований атмосферных феноменов в отечественной антропологии и смежных дисциплинах пока нет¹⁸. Таким образом, можно констатировать, что атмосферный поворот пока мало затронул наше академическое сообщество, и можно надеяться, что предлагаемые вниманию читателей в этом номере журнала статьи станут существенным вкладом в российскую атмосферологию.

В тему номера вошли статьи и интервью как ведущих специалистов в данной области, так и исследователей, впервые обращающихся к теме атмосферных феноменов: это и теоретические экскурсы, и материалы конкретных кейсов. Тему открывает интервью с нынешним лидером атмосферных исследований Тонино Грифферо, автором множества книг и статей, оказавших значительное влияние как на формирование соответствующих представлений в его собственной дисциплине — эстетике, так и на всю бурно развивающуюся сегодня междисциплинарную атмосферологию. Если говорить о позиции Грифферо в отношении реализуемых в рамках атмосферных исследований подходов, то ее можно охарактеризовать как синтетическую: в своих работах он делает попытку разрешить весьма существенные противоречия между подходами Шмица и Бёме за счет типологизации атмосферных феноменов, в которой онтологические характеристики одного типа соответствуют концепции Шмица, а другого, имеющего собственные внутренние противоречия, — концепции Бёме. Не все исследователи, однако, готовы согласиться с компромиссным семантико-типологическим решением, предложенным Грифферо. В статье Симона Рункеля, которая завершает тему, ставятся важные вопросы о состоятельности онтологии Бёме, отклоняющейся от строго феноменологического подхода и возвращающей (спекулятивные) конструкции классической западной философии типа противопоставления субъекта и объекта, с которыми столь последовательно боролся Шмиц. Тема номера также содержит исследование конкретного кейса городской атмосферы: статья Дарьи Радченко позволяет поставить вопрос о роли синестезии в восприятии атмосферных феноменов и предлагает заслуживающие дальнейшего анализа аналогии между религиозными и городскими атмосферами.

Исследования аффективных атмосфер пока остаются весьма редкой темой в отечественной антропологии, между тем они представляют важную в методологическом отношении альтернативу доминирующим сегодня в сенсорной антропологии подходам, на которых строится так называемый аффективный поворот. Знакомство с литературой по атмосферным феноменам безусловно обогатит такие антропологические субдисциплины, как городская антропология, антропология религии, антропология организаций, психологическая антропология и др., а также представит возможность сравнения современной феноменологии, с одной стороны, и описательных практик полевой антропологии — с другой, с целью обогащения последних новыми приемами и новой оптикой, позволяющей раскрыть стороны реальности, до сих пор ускользавшие от внимания антропологов.

Примечания

¹ Сам диагноз “поворота” (назван по аналогии с другими поворотами в социально-гуманитарном знании) впервые прозвучал в работе немецкого философа и химика Йенса Зёнтгена, сравнившего обращение философии к теме атмосфер с произошедшим в ней ранее лингвистическим поворотом (*Soentgen* 1998: 72). Этим сравнением воспользовался Тонино Грифферо — итальянский философ, специалист по этике; он указал автору идеи (*Griffero* 2014: 9), но оставил за собой первенство в отношении самого термина “атмосферный поворот” и назвал стоящие за ним концепции “атмосферологической парадигмой” (*Griffero* 2020: 174).

² Такая независимость в изучении аффекта *per se* и аффективных атмосфер в философии и социальных науках нуждается хотя бы в кратком комментарии. Пути развития исследований аффекта и сопряженных с ним понятий в англофонной антропологии несколько отличаются от тех, что принято связывать с так наз. аффективным поворотом в социальных науках. Дело в том, что антропология, оставаясь в значительной степени дисциплиной эмпирической и дескриптивной, опиралась в своих исследованиях аффективных феноменов на полевые наблюдения и актуальные для каждого из этапов ее развития достижения психологии и психиатрии (в значительной мере — психоанализа). Лишь с начала нулевых годов текущего века она, наряду с другими социальными науками, стала испытывать мощное влияние делёзианских трактовок аффекта. Это произошло не в последнюю очередь благодаря переводу ключевых текстов Жюль Делёза и Феликса Гваттари на английский язык, выполненных канадским специалистом по философской антропологии Брайаном Массуми. Делёз в своей трактовке аффекта творчески развивал идеи Бенедикта Спинозы, отказавшись от доминировавшей в феноменологии того времени (благодаря влиянию Франца Brentano, Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти) трактовки чувств как интенциональных состояний. В последний чувства увязывались с субъектом как его (субъекта) интенциональные акты. Между тем, как утверждал Герман Шмиц, существуют чувства, не ориентированные на какой-либо объект (иными словами, неинтенциональные чувства), полностью выпадавшие из внимания последователей Гуссерля. Исследование этих феноменов и легло в основу новой феноменологии Шмица. И Массуми, и Шмиц не соглашались со многими принципами феноменологии Гуссерля, однако на этом сходство между их подходами заканчивается. Массуми, следуя Делёзу (который, в свою очередь, помимо концепции аффекта Спинозы, использовал идеи философии процесса Альфреда Нортон Уайтхеда, Анри Бергсона и Чарльза Сандерса Пирса), в итоге отказался от феноменологии и предложил динамическую концепцию аффекта, которая и стала методологической основой аффективного поворота в социальных науках. Шмиц начиная с середины 1960-х годов стал развивать собственную систему новой феноменологии, внося ряд радикальных поправок в классическую феноменологию и заложив основы нынешнего атмосферного поворота. Он опирался прежде всего на собственный анализ произведений гомеровской эпохи и исследования психологов и психиатров. В англофонную литературу по социальным наукам его концепция аффективных атмосфер вошла благодаря усилиям его последователя — Гернота Бёме, популяризовавшего ее и адаптировавшего ее аппарат (за счет не всегда удачного упрощения) к нуждам прикладных исследований (*Böhme* 1993). В Италии концепции Шмица и Бёме развиваются Тонино Грифферо, несколько книг которого недавно переведены на английский; во Франции соответствующие исследования, главным образом в приложении к городским атмосферам и звуковым ландшафтам, пропагандирует Жан-Поль Тибо (*Thibaud* 2015, 2021; *Böhme, Thibaud* 2018).

³ Считая разделение на тело и душу фикцией и глубоко (по крайней мере со времен Демокрита и Платона) укорененной ошибкой философской антропологии (ср.: *Schmitz* 1992: 93 ff) и сравнивая архаические доплатоновские представления о теле с представлениями последующих эпох, Шмиц так характеризует эти подходы: “Один [архаичный подход] трактует человека как телесное, настроенное на захватывающие его силы и вступающее с ними в резонанс существо, другой — как субъекта, обитающего во внутреннем мире души, связанной с телесным телом и через него с внешним миром” (*Schmitz* 1969: 19). В этом высказывании содержится ключ к его трактовке связи между переживаемым, или феноменологическим, телом и аффективными атмосферами. Такая связь может интерпретироваться с помощью двух используемых в его наблюдении понятий, а именно — *настроенности* и *резонанса*, обуславливающих захват тела внешним, манифестируемым как атмосфера чувством. Сам такой “захват” определяется Шмицем с помощью неологизма *Einleibung* (*≈* *воплощение*).

⁴ Языковые различия влияют на восприятие логики высказываний, подчеркивая либо, наоборот, скрывая реальность. Аффективность/затронутость во многих европейских языках выражается глаголами движения (пример из англ.: *to be moved*), в то время как русск. *быть затронутым* отсылает к тактильности, одному из пяти ощущений классического набора (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание). Движение (хотя и относимое к восприятиям и ощущениям в постклассических классификациях ощущений) не ассоциировалось с восприятием в классической феноменологии, что имело существенные последствия для концепции чувств в этой традиции. В частности, Шмиц в своей полемике с предшествующей традицией феноменологических исследований трактует чувства как динамические явления, вовлекающие в свое действие чувствующее или переживаемое тело (*Leib*).

⁵ Это не первое обращение журнала к теме экологически распределенных умственных и физических способностей человека (так наз. экологии разума; ср.: *Clark* 2008). Напомню, что в 2022 г. в “Этнографическом обозрении” была опубликована дискуссия о материальных аспектах политики идентичности (*Sokolovskiy* 2022a; *Baranov et al.* 2022), освещающая роль материальной среды в этой политике, а в заключительном номере прошлого 2023 г. (№ 6) — тематический выпуск по экологии памяти и так наз. аффективным микронишам.

⁶ Макс Шелер, например, при разработке типологии чувств опирался на работы Карла Штумфа (*Scheler* 1973 [1916]: 340 ff).

⁷ Шелер выделял по характеру связей с объектами шесть типов чувств (состояния, аффекты, интенции, чувственные функции, предпочтения и любовь/ненависть), а кроме того, еще четыре их уровня по отношению к эго: 1) уровень телесных ощущений — щемотка, мурашки, голод, жажда; 2) уровень психических состояний — эйфория, симпатия, грусть; 3) уровень личностных чувств — гордость, вина, зависть, восхищение; 4) уровень духовных чувств — удивление, отчаяние, катарсис, стыд, раскаяние, угрызения совести. Несомненным теоретическим достижением Шелера было его рассмотрение чувств и эмоций как коррелятов ценностей, точно так же как коррелятами зрительного восприятия выступают цвета и формы (*Scheler* 1973 [1916]). Мы обнаружим близкую мысль у Гриффиро, считающего, что любая атмосфера несет с собой неотделимые от нее ценность и чувство (*Griffero* 2014: 21 ff).

⁸ Внимание к атмосферным элементам городской среды и архитектуры, уделяемое в этой традиции (как, впрочем, и позиция Гернота Бёме, считавшего, что атмосферы можно конструировать), привлекло градостроителей и архитекторов и породило большую литературу (ср.: *Thibaud* 2007; *Borch* 2014; *Bille, Sørensen* 2016; *Hasse* 2022; *Arbib, Griffero* 2023; *Stenslund* 2023).

⁹ Георг Зиммель в своем очерке “Философия пейзажа” рассматривает пейзаж не только как объект искусства, но и как объект повседневного опыта. Он утверждает, что восприятие пейзажа как выделение определенного образования в природе является исключительно современным феноменом. Зиммель предполагает, что именно процесс индивидуализации эпохи модерна сделал такое разграничение возможным. Это приводит Зиммеля к вопросу: что представляет собой тот особый вид единства, который и определяет такое выделение части из целого? Его ответ: у воспринимающего пейзаж или ландшафт человека формируется аффективный отклик в виде особого настроения (*Stimmung*), или, как он пишет, “целостного ансамбля, который постоянно или временно окрашивает все психические составляющие его [человека] восприятия” (*Simmel* 2001 [1913]: 26).

¹⁰ В теоретическом плане поворот к исследованиям аффективных пространств в географии человека и географии культуры привел к оформлению новых концептуализаций пространства и критике прежних, до того преобладавших в этих дисциплинах “репрезентационистских” подходов с их трактовками пространства как объема, вместилища или контейнера, иными словами — как пространства, не отличающихся по своим характеристикам от пространств, описываемых в физике и геометрии. Исследования феноменологии *переживаемого* пространства (ср.: *Thriff* 2008; *Anderson* 2009; *Vannini* 2015; *Simpson* 2017; *Trigg* 2023) легли в основу так наз. NRT (*Non-Representational Theory*), в которой аффекты и атмосферы, динамика и аффордансы, экологические отношения между людьми и “нечеловеками” (*non-humans*) вышли на первый план и заставили коренным образом переосмыслить основания географии культуры и географии человека. Наименование “нерепрезентационистский” этот подход получил в силу того обстоятельства, что классическое физическое представление о пространстве является удобной *репрезентацией* в физической картине мира. Полемизуя с таким представлением, Шмиц, например, рассматривал трехмерное физическое пространство как результат абстракции и редукции воспринимаемого и переживаемого предименсионального (т.е. не имеющего измерений) “первичного” пространства.

¹¹ Среди них основанное в 1992 г. в Киле (городе, в университете которого Шмиц в 1958 г. начал свою карьеру философа и проработал в должности профессора с 1971 по 1993 гг.) Общество новой феноменологии (*Gesellschaft für Neue Phänomenologie*), объединившее не только немецких последователей Шмица, но и ученых из Австрии, Нидерландов, Швейцарии, Великобритании, Японии, Китая и США (<https://www.gnp-online.de>). В Риме под эгидой Университета Tor Vergata по инициативе Гриффери была создана международная исследовательская сеть *Ambiances International Network* (<https://www.ambiances.net>), объединившая более 1100 ученых и 30 исследовательских групп из 60 стран. В 2022 г. был основан Институт атмосферных исследований при японском университете Кобе (KOIAS) — на его сайте предметом исследований названы “атмосфера” и другие ассоциируемые с ней аффективные феномены, включая “mood” (англ.), “ambiance” (фр.), “Stimmung” (нем.), “qifen” (кит.) и “fun’iki” (яп.) (<http://www.lit.kobe-u.ac.jp/koias>). Во Франции, в Гренобле, при Высшей национальной школе архитектуры с 1998 г. действуют лаборатория AAU (*Ambiances, Architectures, Urbanités*; <https://aau.archi.fr/laboratoire-aau>) и исследовательский центр CRESSON (*Centre de Recherche sur l'Espace Sonore et l'environnement urbain*; <https://aau.archi.fr/cresson>), основным предметом исследований в которых являются городские атмосферы. Аналогичные центры существуют в Италии, Нидерландах, Алжире, Тунисе, Бразилии, Канаде и США.

¹² В частности, сегодня выходят следующие издания: *Ambiances. International Journal on Sensory Environment, Architecture and Urban Space* (<http://journals.openedition.org/ambiances>); *Atmospheric Spaces Bulletin* (<https://atmosphericspaces.wordpress.com/bulletins>); с 2008 г. — *Emotion, Space and Society Journal* (<https://www.journals.elsevier.com/emotion-space-and-society>); *Environmental & Architectural Phenomenology* (<https://newprairiepress.org/eap>); *Lebenswelt: Aesthetics and Philosophy of Experience* (<http://riviste.unimi.it/index.php/Lebenswelt>); *Sensibilia. Studi di estetica* (<http://journals.mimesisedizioni.it/index.php/studi-di-estetica>). Первые два издания целиком посвящены аффективным атмосферам, а в остальных регулярно публикуют статьи по соответствующей тематике.

¹³ Например, известное издательство научной литературы “Routledge” с 2016 г. издавало специализированную книжную серию *Ambiances, Atmospheres and Sensory Experiences of Spaces* (серия была инициирована издательством “Ashgate” в 2015 г. до его слияния с “Routledge” и нынешнего поглощения “Routledge” издательским консорциумом “Taylor & Francis”); в Германии Общество новой феноменологии публикует в издательстве “Karl Alber” серию *Neue Phänomenologie*; итальянское издательство “Mimesis International” с 2017 г. издает книжную серию *Atmospheric Spaces: Aura, Stimmung, Ambiance*, в которой к сегодняшнему дню вышло 12 томов (<https://atmosphericspaces.wordpress.com>).

¹⁴ Например, в начале 1990-х годов в Нанте под руководством французского архитектора Жана-Пьера Пено (Péneau) в тесном сотрудничестве с исследовательским центром CRESSON в Гренобле, которым руководил один из крупных исследователей “обстановки и настроения” (*ambiance*) и основатель CRESSON Жан-Франсуа Огюар (Augoyard), была создана одна из первых во Франции докторских программ подготовки по теме *ambiances*. В начале 2000-х годов Пено продолжил начатую им в Нанте работу уже в Тунисе, где он основал направление *ambiances* в рамках созданной им группы исследователей ENAU.

¹⁵ Итальянский последователь Шмица, специалист по эстетике Гриффери использует термин *quasi-things* (Griffero 2017); подробнее о статусе полувещи и их отличиях от вещей см. интервью Гриффери, публикуемое в данном тематическом выпуске журнала.

¹⁶ Шмиц не обращается к вопросу происхождения термина “атмосфера”, рассматривая вместо этого генеалогию понятий, включая понятие *Stimmung*.

¹⁷ Читателям, желающим углубиться в историю предшествующих феноменологии атмосфер исследований и связанных с ними концептов *aura*, *ambiance*, *Stimmung*, я рекомендую обратиться к специально посвященным этим темам работам (Spitzer 1942, 1963; Tiedemann 1971; Bégout 2020).

¹⁸ Однако уже опубликовано около 20 русскоязычных статей, не считая публикаций философских работ, а также диссертаций Е.Г. Фень “Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города” (М., ВШЭ, 2012 [Fen 2012]) и А.В. Венковой “Феномен иммерсивности в современной художественной культуре” (СПб.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева [Venkova 2022]) и серии статей (см., напр.: Oznobikhina 2022), а также нескольких переводов работ Бёме, Гриффери и Шмица.

Editor's Introduction

Sokolovskiy, S.V. On Atmospheric Turn in Social Sciences [Ob atmosfernom povorote v sotsial'nykh nauka-kh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 5–21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018>
EDN: AZHJXU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthro-pology RAS

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

atmospheric research, ecology of affect, felt body, Russian anthropology, affective atmospheres

Abstract

The article introduces a special theme of the issue on the “Anthropology of Affective Atmospheres”, featuring contributions by S.V. Sokolovskiy, D.A. Radchenko, S. Runkel, and an interview with T. Griffero. Readers of this thematic issue are acquainted with the new area of philosophical and social research, which until now has practically not attracted the attention of Russian anthropologists, despite the fact that the so-called “atmospheric turn” has deeply influenced quite a wide range of social sciences and humanities, including anthropology. The main goal of this issue of the journal is to familiarize Russian anthropologists and ethnologists with theoretical and methodological foundations of (affective) atmospheres research and specific case studies in this field. The main task of this introduction to the topic is to review relevant concepts, to recommend the most influential publications, the familiarity with which is expected to facilitate the introduction of these subjects into field ethnography programs, and to provide a brief overview of the current “atmospheric” research in the country.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075–15–2022–328]

References

- Abels, B. 2018. Music, Affect and Atmospheres: Meaning and Meaningfulness in Palau-an omengeredakl. *The International Journal of Traditional Arts* 2: 1–16.
- Abels, B. 2022. *Music Worlding in Palau: Chanting, Atmospheres and Meaningfulness*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Abu-Lughod, L. 2000. *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society*. Berkeley: University of California Press.
- Ahmed, S. 2004. *The Cultural Politics of Emotion*. New York: Routledge.
- Ahmed, S. 2004. Affective Economies. *Social Text* 22: 118–139.
- Anderson, B. 2009. Affective Atmospheres. *Emotion, Space, Society* 2: 77–81.
- Anderson, B., and J. Ash. 2015. Atmospheric Methods. In *Non-Representational Methodologies: Re-envisioning Research*, edited by P. Vannini, 37–50. Routledge: Abingdon.
- Arbib, M.A., and T. Griffero. 2023. *Atmosphere(s) for Architects: Between Phenomenology and Cognition*. Manhattan: Kansas State University; New Prairie Press.
- Augé, M. 1992. *Non-Lieux* [Non-Places]. Paris: Le Seuil.
- Augoyard, J.-F., and H. Torgue, eds. 2006. *Sonic Experience: A Guide to Everyday Sounds*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Baranov, D.A., et al. 2022. Ekologii soznaniia i affekta: kommentarii [On the Ecology of Mind and Affect: Comments]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 76–113.

- Beatty, A. 2010. How Did It Feel for You? Emotion, Narrative, and the Limits of Ethnography. *American Anthropologist* 112 (3): 430–443.
- Beatty, A. 2013. Current Emotion Research in Anthropology: Reporting the Field. *Emotion Review* 5 (4): 414–422.
- Bégout, B. 2020. *Le concept d'ambiance. Essai d'éco-phénoménologie* [The Concept of Ambiance: An Essay of Eco-Phenomenology]. Paris: Seuil.
- Bille, M. 2015. Hazy Worlds: Atmospheric Ontologies in Denmark. *Anthropological Theory* 15: 257–274.
- Bille, M., and T.M. Sørensen, eds. 2016. *Elements of Architecture: Assembling Archaeology, Atmosphere and the Performance of Building Spaces*. London: Routledge.
- Bille, M., and S. Schwabe. 2023. *The Atmospheric City*. London: Routledge.
- Benedict, R. (1934) 1989. *The Chrysanthemum and The Sword: Patterns of Japanese Culture*. Cleveland: Meridian Books.
- Benedict, R. (1934) 2013. *Patterns of Culture*. New York: Mentor Book.
- Böhme, G. 1993. The Theory of Atmospheres and Its Applications. *Interstices. The Journal of Architecture and Related Arts* 15: 92–100.
- Böhme, G., and J.-P. Thibaud. 2018. *The Aesthetics of Atmospheres*. London: Routledge.
- Bollnow, O.F. 1965. Die pädagogische Atmosphäre. Untersuchungen über die gefühlsmäßigen zwischen menschlichen Voraussetzungen der Erziehung [A Pedagogical Atmosphere: Investigations into the Emotional and Human Prerequisites of Education]. *Anthropologie und Erziehung* 12 (2): 1–111.
- Borch, C., ed. 2014. *Architectural Atmospheres. On the Experience and Politics of Architecture*. Basel: Birkhäuser.
- Bourguignon, E. 1979. *Psychological Anthropology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Brednikova, O., and O. Zaporozhets. 2016. Wind, Fatigue, and Romance of the Night (On Peculiarities of New Residential Areas). *Laboratorium* 8 (2): 103–119.
- Briggs, J.L. 1970. *Never in Anger: Portrait of an Eskimo Family*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Briggs, J.L. 1998. *Inuit Morality Play: The Emotional Education of a Three-Year-Old*. New Haven: Yale University Press.
- Clark, A. 2008. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford: Oxford University Press.
- Clough, P.T., and J. Halley, eds. 2007. *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press.
- Cooper, T.P.A. 2022. Live has an Atmosphere of Its Own: Azadari, Ethical Orientation, and Tuned Presence in Shi'i Media Praxis. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 651–675. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.13712>
- Crapanzano, V. 2004. *Imaginative Horizons: An Essay in Literary-Philosophical Anthropology*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Devereux, G. 1977. *Essais d'ethnopsychiatrie générale* [Essays in General Ethno-Psychiatry]. Paris: Gallimard.
- Eisenlohr, P. 2018. Suggestions of Movement: Voice and Sonic Atmospheres in Mauritian Muslim Devotional Practices. *Cultural Anthropology* 33 (1): 32–57.
- Eisenlohr, P. 2022. Atmospheric Resonance: Sonic Motion and the Question of Religious Mediation. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 613–631. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.13662>

- Fen, E. 2012. *Osnovnye kategorii fenomenologicheskoi filosofii prostranstva v sovremennykh issledovaniyakh gooroda* [The Main Categories of Philosophy of Space in Contemporary Urban Studies]. PhD diss. Moscow, Higher School of Economics.
- Fuchs, T. 2000. *Psychopathologie von Leib und Raum. Phänomenologisch-empirische Untersuchungen zu depressiven und paranoiden Erkrankungen* [Psychopathology of the Body and Space: Phenomenological-Empirical Studies on Depressive and Paranoid Illnesses]. Darmstadt: Steinkopff.
- Gregg M., and G. Seigworth, eds. 2010. *The Affect Theory Reader*. Durham: Duke University Press.
- Griffero, T. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. Farnham: Ashgate.
- Griffero, T. 2017. *Quasi-Things: The Paradigm of Atmospheres*. Albany: SUNY Press.
- Griffero, T. 2019. Is There Such a Thing as an “Atmospheric Turn”? Instead of an Introduction. In *Atmosphere and Aesthetics: A Plural Perspective*, edited by T. Griffero and M. Turner, 11–62. Cham: Palgrave Macmillan.
- Griffero, T. 2020. *Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics*. New York: Routledge.
- Griffero, T., and G. Francesetti, eds. 2019. *Psychopathology and Atmospheres: Neither Inside nor Outside*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Hasse, J. 2002. Subjektivität in der Stadtforschung [Subjectivity in Urban Research]. In *Subjektivität in der Stadtforschung* [Subjectivity in Urban Research], edited by J. Hasse, 7–17. Frankfurt am Main: Institut für Didaktik der Geographie.
- Hasse, J. 2002. Zum Verhältnis zum Stadt und Atmosphäre. Wo sind die Räume der Urbanität? [On the Relationship to the City and Atmosphere: Where are the Spaces of Urbanity?]. In *Subjektivität in der Stadtforschung* [Subjectivity in Urban Research], edited by J. Hasse, 19–40. Frankfurt am Main: Institut für Didaktik der Geographie.
- Hasse, J. 2022. *Das Geräusch der Stadt. Phänomenologie des Lauten und Leisen* [The Sound of the City: Phenomenology of Loudness and Quietness]. Baden-Baden: Verlag Karl Alber.
- Holst, T. 2018. *The Affective Negotiation of Slum Tourism: City Walks in Delhi*. London: Routledge.
- Ingold, T. 2015. *The Life of Lines*. Abingdon: Routledge.
- Ingold, T. 2022. *Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*. Abingdon: Routledge.
- Kazig, R. 2007. Atmosphären-Konzept für einen Nicht Repräsentationellen Zugang zum Raum [The Concept of Atmosphere for a Non-Representational Access to Space]. In *Kulturelle Geographien* [Cultural Geography], edited by C. Berndt and R. Pütz, 167–188. Bielefeld: transcript Verlag.
- Kissel, M.A. 1990. Filosofskii sintez A.N. Whitehead’a [Philosophical Synthesis by A.N. Whitehead]. In *Izbrannye raboty po filosofii* [Whitehead A.N. Collected Works in Philosophy], by A.N. Whitehead, 3–55. Moscow: Progress.
- Kuntz, P.G. 1984. *Alfred North Whitehead*. Boston: Twayne Publishing.
- Kupriyanov, P.S., and M.L. Lurie. 2022. “This Spirit, when You Feel It, It Is Always Very Cool...”: How Cultural Atmospheres Work and why Do We Like Them. *Shagi/Steps* 8 (4): 248–275.
- Leavitt, J. 1996. Meaning and Feeling in the Anthropology of Emotions. *American Ethnologist* 23 (3): 514–539.

- Löfgren, O. 2010. Urban Atmospheres – An Ethnography of Railway Stations. In *Orte – Situationen – Atmosphären. Kulturanalytische Skizzen* [Places – Situations – Atmospheres: Cultural Analytical Sketches], edited by B. Binder, M. Ege, A. Schwanhäußer, and J. Wietschorke, 67–76. Frankfurt: Campus.
- Löfgren, O. 2014. Urban Atmospheres as Brandscapes and Lived Experiences. *Place Branding and Public Diplomacy* 10: 255–266.
- Lotka, T. 2020. Philosophy of the Atmospheric Turn. *Advances in Culture, Tourism and Hospitality Research* 16: 15–29.
- Lutz, C., and L. Abu-Lughod, eds. 1990. *Language and the Politics of Emotion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lutz, C., and G.M. White. 1986. The Anthropology of Emotions. *Annual Review of Anthropology* 15: 405–436.
- Massumi, B. 2002. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham: Duke University Press.
- Massumi, B. 2010. The Future Firth of the Affective Fact: The Political Ontology of Threat. In *The Affect Theory Reader*, edited by M. Gregg, and G.J. Seigworth, 52–70. Durham: Duke University Press.
- Massumi, B. 2015. *Politics of Affect*. Cambridge: Polity Press.
- Massumi, B. 2019. Dim, Massive and Important: Atmosphere in Process. In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel and J. Torvinen, 286–301. London: Routledge.
- McGraw, A. 2016. Atmosphere as a Concept for Ethnomusicology: Comparing the Gamelatron and Gamelan. *Ethnomusicology* 60 (1): 125–147.
- Mead, M. 1928. *Coming of Age in Samoa: A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization*. New York: Wiliam Morrow & Co.
- Mead, M. 1930. *Growing Up in New Guinea*. New York: Blue Ribbon Books.
- Myers, F.R. 1979. Emotions and the Self: A Theory of Personhood and Political Order among the Pintupi. *Ethos* 7: 343–370.
- Myers, F.R. 1986. *Pintupi Country, Pintupi Self: Sentiment, Place, and Politics among Western Desert Aborigines*. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Nietzsche, F. (1864) 1994. Über Stimmungen [On Moods]. In *Frühe Schriften* [Early Writings], by F. Nietzsche, 2. München.
- Oznobikhina, I. 2022. Magic Materialism: From Atmospheric Technologies to Architectures of Affect. *Technology and Language* 3 (4): 101–124.
- Radermacher, M. 2020. Religion und Atmosphäre. Überlegungen zum Potenzial sozial-räumlicher Arrangements in religiösen Situationen [Religion and Atmosphere: Considerations on the Potential of Socio-Spatial Arrangements in Religious Situations]. In *Die Macht der Atmosphären* [The Power of Atmospheres], edited by C. Julmi and B. Wolf, 240–259. Freiburg: Karl Alber.
- Riedel, F. 2019. Atmosphere. In *Affective Societies*, edited by J. Slaby and C. von Scheve, 85–95. London: Routledge.
- Riedel, F., and J. Torvinen, eds. 2019. *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*. London: Routledge.
- Rosaldo, M.Z. 1980. *Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self and Social Life*. New York: Cambridge University Press.
- Rosaldo, M.Z. 1984. Toward an Anthropology of Self and Feeling. In *Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion*, edited by R.A. Shweder and R.A. LeVine, 137–157. Cambridge: Cambridge University Press.

- Rosaldo, R. 1980. *Ilongot Headhunting 1883–1974: A Study in Society and History*. Stanford: Stanford University Press.
- Rosaldo, R. 1993. Introduction: Grief and a Headhunter's Rage. In *Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis*, by R. Rosaldo, 1–21. Boston: Beacon Press.
- Sánchez-Fuarros, I., D. Paiva, and D.M. Calvo, eds. 2023. *Ambiance, Tourism and the City*. London: Routledge.
- Scheler, M. 1973. *Formalism in Ethics and Non-Formal Ethics of Values: A New Attempt Toward the Foundation of an Ethical Personalism*. Evanston: Northwestern University Press.
- Shishova, E. 2018. The Atmosphere of Urban Spaces: From Metaphor to Description Language. *The Journal of Sociology and Social Anthropology* 21 (4): 85–103.
- Schmitz, H. 1965. *System der Philosophie* [System of Philosophy]. Vol. II (1), *Der Leib* [The Body]. Bonn: Bouvier.
- Schmitz, H. 1969. *System der Philosophie* [System of Philosophy]. Vol. III (2), *Der Gefühlsraum* [The Space of Feelings]. Bonn: Bouvier.
- Schmitz, H. 1992. *Leib und Gefühl. Materialien zu einer philosophischen Therapie* [Body and Feeling: Materials for Philosophical Therapeutics], edited by H. Gausebeck and G. Risch. Paderborn: Junfermann.
- Schmitz, H. 2011. *Der Leib* [The Body]. Berlin: Walter de Gruyter.
- Schmitz, H. 2014. *Atmosphären* [Atmospheres]. München: Karl Alber.
- Schoon, S. 2008. Shanghai – Mosaik der Vielfalt [Shanghai – Mosaic of Diversity]. *Die Alte Stadt* 35 (2): 117–130.
- Schroer, S.A., and S.B. Schmitt, eds. 2018. *Exploring Atmospheres Ethnographically*. London: Routledge.
- Seigworth, G., and C. Pedwell, eds. 2023. *The Affect Theory Reader*. Durham: Duke University Press.
- Simmel, G. 2009 (1908). *Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms*. Leiden: Brill.
- Simmel, G. 2001 (1913). Philosophie der Landschaft [The Philosophy of Landscape]. In *Gesamtausgabe* [Collected Works], edited by G. Simmel, 12: 471–482. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Simpson, P. 2017. A Sense of the Cycling Environment: Felt Experiences of Infrastructure and Atmospheres. *Environmental Planning A* 49: 426–447.
- Slaby, J. 2019. Atmospheres – Schmitz, Massumi and beyond. In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel and J. Torvinen, 274–285. London: Routledge.
- Soentgen, J. 1998. *Die verdeckte Wirklichkeit. Einführung in die Neue Phänomenologie von Hermann Schmitz* [The Hidden Reality: Introduction to the New Phenomenology by Hermann Schmitz]. Bonn: Bouvier.
- Sokolovskiy, S.V. 2022. Veshchi, affekty i ekologiya razuma: o material'nykh aspektakh politiki identichnosti [Things, Affects and the Ecology of Mind: On Material Aspects of Identity Politics]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 57–75.
- Sokolovskiy, S. 2022b. I'd Visit a Doctor, but when I Ponder It, I Get the Blues: On Affective Atmospheres in Medical Anthropology. *Qeios* 1–12. <https://doi.org/10.32388/HECMWN>
- Spitzer, L. 1942. Milieu and Ambiance: An Essay in Historical Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research* 3 (1): 1–42; 3 (2): 169–218.
- Spitzer, L. 1963. *Classical and Christian Ideas of World Harmony*. Baltimore: John Hopkins Press.

- Stenslund, A. 2023. *Atmosphere in Urban Design: A Workplace Ethnography of an Architecture Practice*. London: Routledge.
- Sumartojo, S., and S. Pink. 2019. *Atmospheres and the Experiential World: Theory and Methods*. London: Routledge.
- Tellenbach, H. 1968. *Geschmack und Atmosphäre: Medien menschlichen Elementarkontaktes* [Taste and Atmosphere: Media of Elementary Human Contact]. Salzburg: Otto Müller Verlag.
- Thibaud, J.-P. 2007. *Variations d'ambiances. Processus et modalités d'émergence des ambiances urbaines: Rapport de recherche* [Variations of Atmospheres: Processes and Modalities of Emergence of Urban Atmospheres: Research Report]. Grenoble: CRESSON.
- Thibaud, J.-P. 2011. The Sensory Fabric of Urban Ambiances. *The Senses and Society* 6 (2): 203–215.
- Thibaud, J.-P. 2013. L'énigme des ambiances en partage [The Enigma of Shared Ambiance]. In *Ambiances urbaines en partage. Pour une écologie sociale de la ville sensible* [Shared Urban Ambiances: Towards Social Ecology of the Sensory City], edited by J.-P. Thibaud and C.R. Duarte, 7–19. Genève: Métis Presses.
- Thibaud, J.-P. 2015. The Backstage of Urban Ambiances: When Atmospheres Pervade Everyday Experience. *Emotion, Space and Society* 15: 39–46.
- Thibaud, J.-P. 2021. The Atmospherization of Everyday Experience. In *Breathe: Investigations into Our Atmospherically Entangled Future*, edited by K.K. Loenhardt, 163–174. Basel: Birkhäuser.
- Tiedemann, R. 1971. Aura [The Aura]. In *Historisches Wörterbuch der Philosophie* [Historical Dictionary of Philosophy], edited by J. Ritter, 1: 651–652. Basel: Schwabes.
- Thrift, N. 2008. *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Trigg, D., ed. 2023. *Atmospheres and Shared Emotions*. London: Routledge.
- Turner, V. 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka.
- Uhrich, S. 2008. *Stadionatmosphäre als verhaltenswissenschaftliches Konstrukt im Sportmarketing* [The Atmosphere of a Stadium as a Behavioural Scientific Construct in Sports Marketing]. Wiesbaden: Gabler.
- Vannini, P., ed. 2015. *Non-Representational Methodologies: Re-Envisioning Research*. Abingdon: Routledge.
- Venkova, A.V. 2022. Fenomen immersivnosti v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture [The Phenomenon of Immersion in Modern Art Culture]. PhD diss. St. Petersburg, Russian Heritage Institute.
- Wetherell, M. 2012. *Affect and Emotion: A New Social Science Understanding*. London: Sage.
- White, D. 2017. Affect: An Introduction. *Cultural Anthropology* 32 (2): 175–180.
- Zehmisch, P., U. Münster, J. Zickgraf, and C. Lang, eds. 2018. *Soziale Ästhetik, Atmosphäre, Medialität. Beiträge aus der Ethnologie* [Social Aesthetics, Atmosphere, Mediality: Contributions from Ethnology]. Berlin: LIT Verlag.

В ПОИСКАХ АТМОСФЕР: НАПРАВЛЕНИЯ, МЕТОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ (ИНТЕРВЬЮ С ТОНИНО ГРИФФЕРО)

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com |
д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский
пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

атмосферы, аффекты, *Stimmung*, эстетика, ощущаемое тело, аффордансы, Герман Шмиц, Гернот Бёме

Аннотация

Вниманию читателей предлагается комментированный перевод с английского и немецкого языков интервью, взятого в феврале 2024 г. у итальянского философа-феноменолога, профессора эстетики Римского университета “Тор Вергата”, безусловного нынешнего лидера в области изучения (аффективных) атмосфер Тонино Гриффери. В интервью затрагиваются вопросы разнообразия традиций (включая национальные) атмосферных исследований, соотношения понятий атмосферы, настроения (*Stimmung*, *mood*) и обстановки (*ambiance*). Обсуждаются методы исследования и способы концептуализации атмосферных феноменов двух других авторитетных представителей данной области, немецких философов — феноменолога Германа Шмица (16.05.1928–05.05.2021) и специалиста по эстетике Гернота Бёме (03.01.1937–20.01.2022), а также перспективы использования рассматриваемых методов и подходов в социальных науках, включая антропологию.

Информация о финансовой поддержке

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075–15–2022–328]

Тонино Гриффери (Асти, 1958 г.) — итальянский философ-феноменолог, профессор эстетики Римского университета “Тор Вергата”, лидер в области изучения (аффективных) атмосфер. Философское образование получил в Туринском университете, который окончил в 1982 г.; его руководителем был Джанни Ваттимо. С 1999 г. (с 2002 г. — в должности полного профессо-

Статья поступила 07.06.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В. В поисках атмосфер: направления, методы, перспективы (интервью с Тонино Гриффери) // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP

Sokolovskiy, S.V. 2024. V poiskakh atmosfer: napravleniia, metody, perspektivy (interv'iu s Tonino Griffieri) [In Search of Atmospheres: Directions, Methods, Perspectives (an Interview with Tonino Griffieri)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP

ра) преподает и ведет исследовательскую работу в университете “Тор Вергата”. Является редактором журнала *Lebenswelt. Aesthetics and Philosophy of Experience* и книжной серии “Atmospheric Spaces”, координатором одноименного блога, а также автором и редактором многочисленных работ в области герменевтики, немецкого идеализма (Шеллинг) и теософии (Этингер), эстетики восприятия, феноменологии тела и атмосферы. Широкую известность получили его книги “Atmospherology: The Aesthetics of Emotional Spaces” (Рим, 2010 г.; англ. пер. 2014 г.) и “Quasi-Things: The Reality of Feeling” (Милан, 2013 г.; англ. пер. 2017 г.). Работы “Il pensiero dei sensi. Atmosfere ed estetica patica” (Милан, 2016 г.) и “Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics” (Лондон, 2019 г.) предлагают эстетико-феноменологическую интерпретацию понятия атмосферы, фокусируясь не столько на произведениях искусства, сколько на чувствах, которые присутствуют в нашей повседневной жизни и которые захватывают нас. Его исследования распространяются на атмосферные явления как коллективные чувства, в том числе в сферах политики, образования, архитектуры (см. его книгу “The Atmospheric “We”. Moods and Collective Feelings” [Милан, 2021 г.]), и на феноменологию оощуаемого тела (*Leib*) (книга “Being a Lived Body: From a Neo-Phenomenological Point of View” [Лондон, 2023 г.]).

В феврале 2024 г. профессор Грифферо, находившийся с визитом в Институте атмосферных исследований Университета Кобе (Япония), где он читал лекции и знакомился с исследованиями своих японских коллег, узнав о готовящемся тематическом выпуске ЭО, любезно согласился на интервью, полный текст которого приводится ниже.

С.В. Соколовский (СВС): В исследованиях “экологически распределенных” чувств используется множество терминов, в числе которых *атмосфера*, *аура*, нем. *Stimmung* (≈ настрой, настроенность), англ. *mood* (настроение) и фр. *ambiance* (обстановка, окружение, среда). Представляется, что некоторые из них связаны с определенной национальной исследовательской традицией (напр., *Stimmung* — с немецкой, а *ambiance* — по преимуществу с французской). Видите ли Вы существенные различия между немецкой, французской и итальянской традициями изучения (аффективных) атмосфер? Я не упомянул здесь частный случай Питера Слотердайка, поскольку не уверен, можно ли рассматривать его “сферологию”¹ (в каком-то отношении вдохновленную работами Германа Шмица) как часть “атмосферного поворота”; было бы интересно узнать Ваше мнение.

Т. Грифферо (ТГ): “Что-то витает в воздухе”, “я чувствую себя как вытасченная из воды рыба”, “я чувствую себя как дома” и т.д. — эти и многие другие повседневные фразы очень точно выражают качественное и смутное “нечто большее” конкретной ситуации, т.е. ее атмосферу, даже в отсутствии возможности дать ей более точное определение (не говоря уже о рациональном объяснении). Хотя метафорическое употребление этого термина (*атмосфера*) сложилось в XVIII в. и вместе с некоторыми предшественниками (*milieu*, *aura*, *Stimmung*, *genius loci*), призванными охватить данную совокупность явлений, приобрело значимость уже столетие назад, — особенно в период между двумя мировыми войнами — в гуманитарных науках оно стало переживать бум лишь недавно. Так и не оторвавшись полностью от своего климатического значения, погружения в мир погоды, слово “атмосфера” сначала вошло в разговорную речь и означало то, что человек чувствует “в воздухе” (в определенном пространстве или ситуации). Если

говорить кратко, его “карьеру” можно объяснить как эстетизацией в развитых капиталистических экономиках, так и междисциплинарным “аффективным поворотом” в дисциплинах, все больше сосредоточенных на смутных, но выразительных *qualia* реальности (ее патическом “как”), чем на ее количественной материальности или определенной семантической ценности (ее когнитивном [gnostic²] “что”). Тем не менее всего этого может оказаться недостаточно для объяснения удивительной распространенности концепта за рамками одной языковой области.

Понятие “атмосфера”, таким образом, кажется сегодня вполне уместным во многих научных дисциплинах, особенно в тех из них, что имеют дело с не поддающимися строгому измерению человеческими поведением и привычками. И что особенно важно, оно оказывается тем более необходимым, чем больше внимания уделяется: а) телесному (*leiblich*)³ и аффективному опыту, нежели значениям; б) эмоциональной организации среды, нежели нарративному представлению чего-либо; в) оценке нюансов феноменального и произвольного опыта, нежели явлениям, поддающимся количественному измерению.

Кроме того, это понятие могло бы стать инновационным и эвристическим подходом во всех исследовательских областях, которые (не ориентируясь исключительно на вещи и строго функциональные параметры) уделяют больше внимания неясным “сущностям”, которые, в свою очередь, не являясь ни полноценными вещами, ни просто *qualia*⁴, но будучи *квази-вещами* (по Герману Шмицу⁵) или, как я бы добавил, набором аффордансов⁶, обретают над нами более прямую и непосредственную власть, чем собственно вещи. Но важнее всего, что понятие “атмосфера” нацелено на большее, а именно — на философское утверждение, что не существует такой жизненной ситуации, в которой человек не был бы уже каким-то образом сентиментально настроен, и поэтому, вероятно, ни одна ситуация не лишена определенного атмосферного заряда. Более того, атмосферные чувства действительно *существуют*, а не являются простыми *проекциями* внутренних переживаний, претендующих, таким образом, лишь на придание всему “экстериорному” цвета и настроения нашего (якобы) исключительно частного душевного состояния. Для меня одного этого пункта (в философском, онтологическом или даже метафизическом отношении) достаточно, чтобы говорить о действительной новизне данного подхода.

По этой и другим причинам — теперь я перехожу непосредственно к Вашему вопросу — я считаю, что атмосферные исследования предлагают нечто большее, в философском плане, конечно, чем:

а) исследования настроений (*Stimmung*), которые часто ограничиваются литературой⁷ и по преимуществу субъективными нюансами чувств, переживаемых под влиянием окружения (*environmentally*) (что похоже на английское *mood*), даже при том, что уже столетие назад немецкая культура могла говорить, например, о *Stimmung* города или о находящихся “не-внутри-не-снаружи” *Grundstimmungen*⁸ (Мартин Хайдеггера), в точности так же, как сегодня можно было бы говорить об “атмосфере”;

б) я также думаю, что “атмосферу” нельзя сводить к [смыслу понятия] *ambiance*; неудивительно, что социологически это понятие больше относится к экологическому контексту (и по преимуществу городскому) и подразумевает постоянно реляционный характер аффективности, который тем не менее противостоит неофеноменологической гипотезе, утверждающей, что чувства яв-

ляются внешними по отношению к внутреннему миру человека силами и лишь позднее интроецируются (таким образом по-разному “фильтруются”) перцепивентом;

в) итальянская традиция; хотя “атмосфера” — широко используемый в настоящее время термин, ему никогда не уделялось достаточного теоретического внимания, т.е. (не выяснялось) что означает и подразумевает этот расплывчатый термин (немецкое *Stimmung* часто переводили как “атмосферу”).

Что касается русской культуры, то я знаю о ней слишком мало. Хотя ассоциации с *простором* или, например, с понятием *пассионарности* Льва Николаевича Гумилева, да и вообще с такой наполненной страстями культурой, как русская, представляются мне весьма многообещающими.

Тем не менее то, что я назвал “атмосферным поворотом”, очевидно, является частью более широкого “аффективного поворота” в гуманитарных науках. Он рождается: а) из пепла “лингвистического поворота” (и его герменевтических и семиотических разветвлений и гипербол); по словам Ханса Ульриха Гумбрехта, актуальность “эффектов присутствия” (в том числе атмосферы и настроения) сегодня окончательно знаменует кризис “конструктивизма”, равно как и “лингвистического поворота” (*Gumbrecht* 2004); б) из неудачи столь же обманчивого когнитивистского примата аффективной жизни, как и в) из всеобъясняющей модели обработки данных. Однако он также является следствием *кризиса*: а) утопических философий, на смену которым, среди прочего, на фоне “пространственного поворота” пришли философии, более ориентированные на пространственное и временное *присутствие*; б) умеренно-субъективных искусств с их семантическим и репрезентативным содержанием и, наконец; в) рационального социального образа жизни, который теперь заменяется такими формами благополучия и формами сообщества, которые придают новый акцент дорефлексивно-аффективному опыту в противовес доминирующей социальной изоляции.

Неизбежен вопрос, где же были атмосферы до того, как их теоретически “открыли”: в философии — Герман Шмиц (*Schmitz* 1969), в психиатрии — Губерт Телленбах (*Tellenbach* 1968), а в эстетике — Гернот Бёме (*Böhme* 2013 [1995])? Сегодняшний атмосферный бум представляется, по крайней мере отчасти, лишь попыткой выразить уже существовавшую в иных терминах вездесущность базовых чувств, которые, открывая мир и предварительно структурируя любой опыт (аффективный и когнитивный), влияют на ситуацию каждого человека, а также на тип и степень его благополучия. Есть два основных ответа на этот вопрос: 1) опыт (переживания) атмосфер существовал всегда, но только в какой-то момент ученые осветили его, тем самым прояснив семантически запутанную сферу и создав новое поле для исследований; 2) до сих пор атмосферность оставалась скрытой и в действительности реализовалась только благодаря сегодняшней экономико-политической ситуации (поздний капитализм, экономика, основанная на образах и информации, аффективные режимы).

Принимая этот второй вариант всерьез и отвечая на Ваши сомнения относительно сферологии, я думаю, что нефеноменологическая сферология Петера Слотердайка может предложить также и нечто интересное для атмосферологии. Слотердаик подчеркивает сегодняшнюю потребность в (онто-)атмосферной экспликации актуальных и мультифокальных форм иммунитета от миметического заражения. В XIX в. метафизические всеохватывающие моносферы с их

единственной воображаемой иммунологической природой (пузыри и шары) рухнули и были заменены более хаотичными пенами⁹. Таким образом, Слотердаик очерчивает (онто-)климатологию, которая обретает способность осознанно рассматривать среду и бытие-в-мире только после экологического кризиса и повторного открытия эфемерных и уже не монотематических сообществ опыта и спектакля (*Erlebnis- and scene-societies*) (в целом подталкиваемых теперь к левитирующей атмосфере [*a levitation atmosphere*]¹⁰). Он мыслит в антропогенетическом контексте, который, к сожалению, все еще проективен (человек “создает” и свое место, и атмосферу, развиваясь вне защитной материнской внутренней среды!) и поэтому в некотором смысле откровенно несовместим с неофеноменологическим аффективным экстернализмом. Но его тезис тем не менее очень интересен: современность обращает теоретическое внимание на атмосферу только тогда, когда делает явным неявное, т.е. когда осознает, что атмосферой (в том числе и в прямом смысле) можно манипулировать или сделать ее непригодной для жизни (ядерный терроризм, тревожные сводки погоды и экстренные новости и т.д.). Таким образом, современность заменяет (столь любимый феноменологами) жизненный мир климатической техникой (кондиционерами). Этот сдвиг придется принять без анахроничных сожалений о наивном перцептивном восприятии и о якобы естественном синтезе опыта, но, напротив, смело вступая в “экспериментальную эпоху”, основанную на “климат-контроле” и на объединении людей и нечеловеков (*non-humans*).

Одно из менее известных, но для меня интригующих квазисоциологических утверждений Слотердайка состоит в том, что сегодняшнее внимание к атмосфере и обжитому пространству — это часть внимания к вегетативной сфере (настроениям, навыкам и даже болезням), которое стало возможным только благодаря избытку времени бодрствования. Такой избыток действительно позволяет создать не только роскошь и эстетику повседневности, но и атмосферу, понимаемую и как прожитый опыт, и как возможный предмет для анализа. Интересно отметить, что если хайдеггеровская феноменология скуки как базового *Stimmung* “консервативно” нацелена на преодоление современной “парящей” жизни, характеризующейся по Хайдеггеру неспособностью быть действительно затронутой и вызванной чем-то вроде новой “миссии” (более трезво по Шмицу — “укоренением в ситуации”¹¹), Слотердаик скорее предлагает взглянуть на сегодняшнюю центральную роль настроений и атмосферы именно как на неизбежный результат “теплицы комфорта”, на которой зиждется общество избытка, его заразительный спрос на лишнее и привилегированный доступ к тому, “где” и “как” человек себя чувствует.

В любом случае, не рассматривая карьеру атмосфер как еще один (спорный сегодня) “великий нарратив”, — накапливающееся доказательство чего-то, о чем мы долгое время не знали — я довольствуюсь утверждением, что атмосферы стали тематически воспринимаемым опытом и темой, достойной рассмотрения, когда, согласно историко-культурной логике движения маятника, что-то изменилось в “воздухе”, в общем историческом *Affektkomplex* (пользуясь выражением Лео Шпитцера¹²). В каком-то смысле можно сказать, что именно новая социокультурная атмосфера привела к теоретическому атмосферному буму!

СВС: Герман Шмиц кратко представил свою трехступенчатую методологию (описательный, аналитический и комбинаторный этапы) исследования атмосферы и ощущаемого тела: 1) анализ повседневного дискурса и его топосов; 2)

выделение повторяющихся и стандартных тропов — материала для более нюансированной феноменологической терминологии (то, что я бы назвал обобщением первого порядка); 3) объединение полученных таким образом понятий для еще более тонкого феноменологического анализа, который мог бы правдиво уловить телесные резонансы (в перспективе от первого лица, т.е. личного опыта) как материальное свидетельство атмосферного влияния (приношу извинение за упрощенное изложение детальной процедуры Шмица). Отличается ли Ваш метод от этой методологии? Видите ли Вы в методе Шмица какие-либо несоответствия? Могли бы Вы рекомендовать какие-то дополнения, изменения или улучшения, особенно для тех социальных исследователей, которые планируют включить “атмосферное измерение” в свои программы полевых наблюдений?

ТГ: Действительно, я не придавал слишком большого значения строго феноменологической методологии, предложенной Шмицем, просто соглашаясь а) с его отказом от *эпохе*¹³, которую он считает невозможной и заменяет личностным и пространственно-временным перспективизмом, гораздо более близким к герменевтическим подходам; б) с его ограничением роли, традиционно приписываемой интенциональности (последняя применима только к направленным эмоциям и во многих случаях проистекает из путаницы между, говоря в терминах теории гештальта, точкой опоры и зоной конденсации квазиобъективного чувства); в) с важностью его неоспоримого свидетельства (в первую очередь аффективного) того, что только и может быть определено как феномен; г) наконец, с абсолютным приоритетом “субъективных фактов” по сравнению с объективно-нейтрализованными, т.е. всего того, что выражено в перспективе от первого лица.

При этом я разработал более сложную форму атмосферологии (*Griffero* 2014, 2017, 2020, 2021), которая, как я надеюсь, может быть использована в различных областях гуманитарных наук и развивает идею Шмица о том, что (почти предписывающая) власть атмосферы является не только социальной и/или культурной. Подумайте об ингрессивной и прототипической атмосфере, которую вы ощущаете, входя в пространство, пронизанное аффектом, полностью отличающимся от вашего субъективного настроения и по этой причине властвующего над ним — будь то решение к нему приспособиться или ему сопротивляться. Подобный аффект может возникать и вне социальных сценариев. Приведем простой пример: когда небо темнеет из-за мимолетного облака и становится мрачным, придавая окружающей обстановке определенную тональность, это порождает аффективную силу, которую невозможно объяснить как бессознательную проекцию чисто субъективной эмоции.

Вопреки тому, что часто утверждается в социологических подходах к коллективным эмоциям, сила и власть атмосферного чувства не могут быть сведены к необходимости или желанию соответствовать социальным эмоциональным нормам или социальным практикам, поскольку, несмотря на то что это чувство обладает безусловно мощными социальными (включающими, исключаящими и т.д.) эффектами, сегментация реальности, порождаемая атмосферным опытом, не может быть адекватно объяснена социальными конвенциями (даже уже присвоенными [*introjected*]). Физикалистскому и/или культуралистскому редукционистскому подходу приходится объяснять непосредственный опыт проживания в насыщенном чувствами пространстве как действие субъективной (максимум — интерсубъективной) проекции на физическо-объективную

конstellацию, ранее не наделенную аффективной значимостью. Такой взгляд, несомненно, клеймит как неофеноменологическую перспективу, усматривая в ней излишнюю теологизацию, тем самым переоценивая (несомненное, впрочем) влияние, оказанное на Шмица концепцией *священного* и *нуминозного*, предложенной Рудольфом Отто (*Otto* 1923)¹⁴, так и криптометафизичность простого контекстуально-культурного характера ощущаемого авторитета. Это возражение, на мой взгляд, совершенно неадекватно по отношению к *прототипическим атмосферам* (см. ниже), ведь, будучи квази-вещами, они захватывают их воспринимающего, не будучи ему по-настоящему принадлежащими.

Рассмотрение атмосферологии только как раздела теологического эмотивизма оказалось бы, кстати, чрезмерной редукцией. На самом деле нуминозное — это в лучшем случае лишь пример специфически религиозной атмосферы как таковой, несомненно, несколько более демонической, чем та, что создается эросом, *genius loci* и, вероятно, даже кантовской *Gewissen* (совестью)¹⁵, работающей почти как внутренний суд. Однако все эти атмосферы можно назвать “божественными” (по Шмицу) не потому, что они отсылают к теологической трансцендентности, а лишь потому, что они обладают серьезной и абсолютной властью над теми, кто их ощущает, и неважно, подчиняются ли им люди или сопротивляются, поскольку именно таким образом проявляется квазиобъективная реальность атмосферы.

С другой стороны, существуют и ограничения в применимости теоретических положений Шмица к более широкой сфере гуманитарных наук. Начнем с его теории о силе атмосферы:

1. Даже если атмосферы — это аффекты, пронизывающие обжитое и пре-
дмensionальное¹⁶ пространство, нельзя забывать и о роли (физического) локально-метрического пространства с его границами; примером может служить тот факт, что иногда вы перестаете ощущать гнетущую атмосферу определенной комнаты, как только покидаете ее и выходите на улицу.

2. Даже если прототипическая атмосфера обладает авторитетом, ощутимо-телесный резонанс которого выражается в изменении прежней антагонистической односторонней инкорпорации (обширный обзор с неофеноменологической точки зрения *Leib*-феноменологии и ощутимо-телесного “алфавита” Шмица представлен в: *Griffero* 2024), нельзя забывать, что и столь мощное социальное чувство, как харизма, способное иногда завораживать большие массы людей, настолько хрупко, что может быть мгновенно разрушено каким-нибудь *faux pas* (король-то голый!). В менее серьезных случаях такая инкорпорация становится поочередной, и мимесис харизматической личности ослабевает; в более же серьезных случаях она остается односторонней, но выворачивается наизнанку, и тогда массы расправляются с лидерами, которых они прежде боготворили.

3. Наконец, прототипическая атмосфера поначалу когнитивно непроницаема. Например, печаль похорон не смягчается только потому, что мы *знаем*, что каждый биологический организм смертен. Не стоит забывать, что если красота вечернего неба оказывается связанной с его загрязнением, то оно теряет (хотя бы немного) свою атмосферную красоту, только позднее. Таким образом, точное знание и (определение) локализации того, что создает атмосферу, часто оказывается триггером нон-аффективного дистанцирования; похожим образом человека не убеждает речь, риторическая структура которой слишком очевидна. Подобно деньгам, (атмосферный) аффект перестает функционировать (аффек-

тивно вовлекать, или не наблюдаться) в тот самый момент, когда человек перестает в него верить!

Возможно, однако, все гораздо сложнее, потому что иногда ситуация излучает атмосферу “вопреки” тому, что человек знает (напр., атмосфера может радовать и восхищать, даже если она случайна), а иногда обстановка излучает атмосферу “только если” человек что-то знает (место может иметь ауру, напр., только если человек знает, что там жила знаменитость и т.п.). Таким образом, соотношение когнитивного и аффективного – весьма дискуссионный вопрос, который не может быть решен в одностороннем порядке. Можно лишь утверждать, что атмосфера не зависит от того, что человек знает (напр., что ее генератор – всего лишь иллюзия), только поначалу, когда он получает первое и непроизвольное впечатление, которое вызывается ее появлением.

По этим и другим причинам я хотел бы кратко напомнить здесь о трех основных дополнениях к Шмицу в том, что я назвал “атмосферологией”. Во-первых, я сохраняю статус абсолютной неинтенциональности только за теми атмосферами, которые я определил как *прототипические* (объективные, внешние, непреднамеренные и иногда даже не имеющие точного названия), отличающиеся как таковые от *производно-реляционных* (объективных, внешних и иногда намеренно произведенных) и *ложных* (субъективных и проективных). В непатологических условиях первые, вторые и третьи различаются уровнями объективности, интенсивности и зависимости от субъекта. Во-вторых, я также набросал теорию “критически-атмосферной компетентности”, основанную на обучении: а) тому, как погружаться в атмосферу, чтобы, когда это нужно или желательно, стать со-настроенным с окружающей средой; б) тому, как отличать, насколько это возможно, токсичные атмосферы (неважно, стрессовые или успокаивающие) от полезных; а также в) стремлению чередовать различные иммерсивные атмосферы (искусственные, естественные и т.д.), чтобы извлечь пользу из их “разделения полномочий” (в данном случае атмосферных); а также г) надеюсь, тому, как способствовать развитию иммерсивных атмосфер, в которых фаза погружения не только не препятствует, но и стимулирует последующую, вновь возникающую (более критико-рефлексивную) фазу. Наконец, хотя я предполагаю, что атмосфера, конечно, не зависит от того, что человек знает изначально, когда он переживает первое и непроизвольное впечатление от “феномена”, верно также и то, что иногда это может произойти впоследствии, если возникает теоретически интересный, но экзистенциально неловкий микроконфликт между патическим и гностическим. По этой причине я также разработал обширную феноменологию возможных “атмосферных столкновений” согласно типологии, которую я постепенно обогащал и проблематизировал (последнюю версию см.: *Griffero* 2021: 29–66) и которая может стать питательной почвой для более тонкого феноменологического анализа, потенциально полезного для всех гуманитарных наук.

Резюмируя, отмечу, что атмосфера может: 1) быть настолько дистонической, что подавляет нас; 2) обнаружить нас находящимися с ней в унисоне до такой степени, что мы не осознаем и не чувствуем ее; 3) быть осознанной, не будучи перцептивно ощущаемой; 4) вызывать настроение сопротивления, толкающее нас к изменению или противостоянию этой ощущаемой как манипулятивная атмосфере (подумайте об опыте, который является трансгрессивным или по крайней мере свободным и произвольным в оппозиции к тому, чего хочет дисциплинарная власть); 5) конкретизироваться даже в “материалах” или компонентах,

которые обычно выражают противоположное и дают жизнь обратному атмосферному чувству (печали, навеваемой на страдающих от неземной красоты, или беспокойству, порождаемому ситуациями, настолько упорядоченными, что они вызывают впечатление мизансцены) или б) восприниматься по-разному по прошествии времени после первого впечатления.

Первое атмосферное впечатление от изображения красивого пейзажа, например, может быть приятным, но может превратиться в меланхолию, когда вы поймете, что его больше не существует. Подумайте также об интересном взаимодействии между архитектурными пространствами: так, здания снаружи могут казаться узкими, а внутри архитектору удастся создавать неожиданный простор — тем более атмосферный, чем более он неожиданен после первого (внешнего) впечатления. Здесь я даже могу представить себе многослойные ниши атмосферных ощущений. Феноменология этих атмосферных “игр”, конечно, может и должна быть еще более усложнена, если учесть, что каждое переживание атмосферы можно рассматривать как специфическое пересечение *онтологического* плана (т.е. как прототипическую, производно-реляционную или спекулятивную атмосферу) с *феноменологическим* (как дистоническую, синтоническую, невовлекающую, сопротивляющуюся, обратную или изменяющуюся во времени атмосферу).

СВС: В своем анализе онтологических различий между собственно вещами и квази-вещами (атмосферами) Вы, кажется, примиряете или, по крайней мере, предлагаете компромисс между концепциями атмосфер Бёме и Шмица. В то же время мы знаем, что существует обоснованная критика позиции Бёме (ср. *Wellbury* 2003; *Blume, Demmerling* 2007; *Runkel* 2018; *Slaby, von Scheve* 2019), который отклоняется от феноменологического подхода в пользу более спекулятивного и квазитеологического (ср. его “экстазы” вещей), открывая тем самым дорогу к более практическому (и даже коммерческому) подходу к атмосферным явлениям, включая предполагаемые возможности их “конструирования” или “инсталляции”. Онтология, которая предполагается в его подходе, восстанавливает субъектно-объектный дуализм и значительную часть абстрактного и редукционистского мышления, отрицающего феноменологический метод наблюдения “от первого лица”. Хотели бы Вы прокомментировать возможность примирения этих двух, как кажется, взаимно несовместимых концептуализаций? На каком уровне (практическом, теоретическом и т.д.) такое примирение представляется возможным?

ТГ: Я не считаю, что подход Бёме (включая его идею “экстаза вещей”) можно трактовать как “криптотеологический поворот”. Я бы даже сказал, наоборот, поскольку Бёме не преминул напомнить (в том числе и мне), что Шмиц думал (слишком много) об атмосферах как демонических сущностях, парящих в пространстве, а он, Бёме, вместо этого пытался укоренить их и увидеть их распространенность в нашем повседневном опыте. Вы, однако, правы в том, что я считаю, что подходы Шмица и Бёме должны быть согласованы в рамках того, что я назвал более “инфляционной” теорией типов атмосфер. Радикализм Шмица очень хорошо работает, особенно для тех из них, которые я определил как *прототипические атмосферы*, и гораздо меньше для остальных, где роль общества, истории и субъективных нюансов восприятия очень велика. Бёме с 1980-х годов разрабатывал эстетику атмосферы, которая подчеркивает необычайно богатую атмосферную компетенцию современной эстетической работы (включая архитектуру, интерьерный и световой дизайн, искусство, звукорежиссуру, живопись, сценографию, музыку, рекламу и маркетинговые исследования). Он утверждал,

что атмосфера, понимаемая как “промежуточное звено”, посредник между субъектом (живое телесное чувство) и объектом (среда), и свидетельствующая об их сопричастности, присутствует везде, где что-то инсценируется. Она порождается тем, что он называет “генераторами атмосферы” (впечатлениями от движения, синестезией, сценами и социальными персонажами). Для Бёме, однако, навыки, которыми хорошо, хотя и часто неосознанно, владеют архитекторы и другие эстетические работники, сводятся к созданию *условий*, в которых появляется атмосфера, иными словами – к размещению генераторов, с помощью которых атмосферные феномены лишь “могут” возникнуть. Здесь нет никаких предписаний (возможно, расплывчатых) относительно размещений и комбинаций свойств генераторов, создающих вероятность того, что представители конкретного сообщества испытают определенную (пусть и расплывчатую) атмосферу.

Однако идея о том, что можно намеренно генерировать атмосферу, привела к интересному философскому спору между Шмицем (*Schmitz* 1998, 2023: 123–137) и Бёме (*Böhme* 1995). Для Бёме атмосфера также является результатом, по крайней мере частично предсказуемым, “экстаза вещей” – в зависимости от материалов, цветов и форм, в которых они представлены. Если, как у Бёме, в большинстве случаев восприятие атмосферы – это “между”, т.е. отношения между воспринимающим и средой (включая ее атмосферные генераторы), то для исследователей определенный интерес может представлять применение в области дизайна и постановки (в широком смысле) моей типологии атмосфер (прототипические, производно-реляционные и спекулятивные) и атмосферных игр (дистоническая, синтоническая, невовлекающая, сопротивляющаяся, обратная и изменяющаяся во времени). Это позволило бы тщательно оценить, в какой степени определенная атмосферная постановка уже использует, более или менее явно, атмосферные генераторы, которые исследует Бёме.

Напротив, по Шмицу, полноценные атмосферные чувства не являются ни намеренно производимыми, ни намеренно переживаемыми, и, следовательно, бессмысленно исследовать их предполагаемые “генераторы” (тем более если рассматривать их как отдельные вещи). Намеренное производство и ощущение чувства невозможно, считает Шмиц, поскольку атмосферы принадлежат к предсознательной и преддуалистической сфере, которую в силу этого нельзя произвести, а можно лишь “пробудить”. И это опасно, потому что намеренное производство/чувствование подразумевает манипулирование чувствами и лишь порождает сентименталистский субъективизм, приводящий к неэтичной инструментальной эмоциональной гигиене или, по крайней мере, к китчевому эффекту. Эта позиция, однако, не утверждает буквально, что “производимость невозможна”, и не служит достаточным объяснением тому, являются ли намеренно произведенные атмосферы фальшивыми или даже неатмосферными. Шмиц подчеркивает, что *создание* атмосферы есть не что иное, как принципиально риторически-пропагандистская техника впечатлений (*Eindruckstechnik*), которая: а) превращает сегментированную ситуацию во впечатляющую, характеризующуюся акцентированными искусственными патетико-семантическими контурами, и б) приводит к иллюзии, будто отдельные вещи могут порождать атмосферу, когда они, по большей части, являются случайным местом ее конденсации. Конечно, Шмиц прав, напоминая, что мир медиа и так наз. аффективные режимы (тоталитарные и демократические) распространяют искусственные чувства и ложные иллюзии, заставляя нас верить, что все (даже аффективная жизнь) может быть произведено. Однако эта критика

социально безответственной инструментализации аффектов рискует выплеснуть ребенка вместе с водой. Она фактически недооценивает то, что каждый порождает атмосферу, сам того не желая и не зная, и, что наиболее важно в данном контексте, делает основанную на атмосфере социальную и культурную жизнь чем-то необъяснимым. Она скрытно вводит некоторые нормативно-аксиологические (экзистенциальные и/или эстетические) параметры в феноменологический подход — который программно должен быть в основном описательным — и слишком сильно отождествляет *производство* с *манипуляцией*. На самом деле абсолютный авторитет атмосферы никогда не является безошибочным критерием демаркации между тем, что является манипуляцией, и тем, что ею не является, и, в свою очередь, подразумеваемый дуализм манипулятивно-неэтичной агентности и гетероуправляемого ею реципиента действительно кажется чрезмерным упрощением. Неужели признание Шмицем того факта, что атмосфера может быть создана неманипулятивно в определенных привилегированных закрытых ситуациях (жилище, сад, церковь, чайный домик и т.д.), как он часто отмечает, настолько отличается от признания того, что по крайней мере предпосылки атмосферы могут быть созданы (спроектированы, спланированы)?

Ваш вопрос дает мне возможность более широко показать, что отличает атмосферу как квази-вещь от вещей в прямом смысле слова. В развитие в некоторой степени неофеноменологической квази-вещной онтологии можно вкратце сказать, что атмосферы, в отличие от вещей: а) обычно неактивны, *не имеют* границ, дискретности, связности, твердости, устойчивости во времени и скрытых сторон — и по этой причине совпадают с собственным явлением; б) не обладая реальными тенденциями, они не имеют истории (не стареют), радикально событийны, т.е. не являются следом чего-то иного; в) не будучи свойством чего-то или универсально предсказуемых ситуаций, они совпадают с собственным феноменальным и “актуальным” “характером” (но не с субъективно-личностным резонансом); г) более непосредственные, навязчивые и требовательные, чем вещи, они обуславливают принуждение и отторжение в силу своего авторитета, который иногда настолько абсолютен, что не поддается культурно-эмоциональным нормам и не позволяет преодолеть критическую дистанцию; д) у них прерывистая жизнь, в том смысле что они приходят и уходят, и нет смысла спрашивать, что они делали в период их отсутствия; е) у них, однако, наряду с преходящими атмосферными качествами существуют и более устойчивые, например, возвышенный характер атмосферы альпийского ландшафта относительно стабилен, несмотря на меняющиеся погодные условия; ж) они не выступают в качестве отдельных причин, но сами являются влиянием, подобно ветру, который не существует до и после своего дунения; з) хотя у них нет ни источника, ни направления, они “занимают” бесповерхностные пространства опыта, характеризующиеся размытыми границами; и) они относительно (перцептивно) изменяемы, хотя бы на уровне здравого смысла; к) они должны обладать некоторой идентичностью, что хорошо видно из того, что можно ошибиться в их создании, например, попытаться вызвать атмосферу эйфории в унылый день или правильно представить себе (даже контрфактические) условия, при которых она могла бы быть создана; л) то, что они никогда не существуют как чисто потенциальные (мыслимые) состояния, не означает, что атмосфера, особенно прототипическая, во всех отношениях зависит от ее субъективного восприятия; м) есть одни вещи и ситуации, которые стабильно вызывают определенные атмосферы, и есть другие, которые время от времени берут над ними верх, как

это происходит, например, когда атмосфера дикой природы перестает быть таковой при равных сенсорно воспринимаемых компонентах, когда выясняется, что ее происхождение искусственно; н) в основном они являются “опосредующими” (*in between*), возможными благодаря (ощущаемо-телесному, но также социальному и символическому) соприсутствию субъекта и объекта, и в редких, но важных случаях трансцендентно предшествуют этому соприсутствию.

Как я уже говорил, рассуждая о теории компетентности в отношении атмосфер, я полагаю, что следующим шагом в атмосферологии (не отказываясь от феноменологических и — почему бы и нет — даже метафизических оснований ее происхождения) должна стать разработка критической теории атмосферы. И именно на этом уровне, политическом в смысле попытки совместить дескриптивизм с какой-то более нормативной инстанцией, Шмиц и Бёме (и другие) могут и должны найти почву для дискуссии, плодородную для любой гуманитарной науки, таким образом освободившись (по крайней мере частично) от культурологически-конструктивных гипотез.

СВС: Мой заключительный вопрос: какие перспективы, если таковые имеются, Вы видите для “атмосферных исследований” в социальных науках и особенно в социальной/культурной антропологии? Есть ли какой-то пробел, который антропологи могли бы заполнить, или ниша, которую они могли бы занять с пользой для развития атмосферных исследований и своей дисциплины? Какую онтологию и конкретную концептуализацию атмосферы Вы рекомендуете в качестве особо актуальной для таких исследований? Это, признаюсь, очень прямой вопрос, и я задаю его только потому, что считаю нынешние антропологические занятия родственными феноменологическим исследованиям (см., напр., недавние книги Тима Инголда).

ТГ: Как уже говорилось в предыдущих ответах, я считаю, что исследования в области атмосферологии обладают большим потенциалом, который может быть полезен. Действительно, они уже продемонстрировали это, особенно в области архитектуры, географии человека, социологии, психопатологии, медиаисследований и т.д. Я сам, периодически пытаюсь создать точки соприкосновения между Новой феноменологией и прикладными гуманитарными науками (*Griffero, Moretti 2018; Francesetti, Griffero 2019; Griffero, Tedeschini 2019*), убедился, насколько широко, даже не будучи специально проблематизированным, это понятие (атмосфера) используется во многих областях. Однако, несмотря на терминологический и теоретический вклад этого направления, сохраняется множество различий между ним и прикладными гуманитарными науками. Во всех этих науках наиболее частое возражение возникает в отношении риска овеществления чувств из-за неофеноменологической гипотезы (имеется в виду онтологический статус атмосфер как квази-вещей. — С.С.), поэтому принимается скорее мягкая версия Бёме (в свою очередь, в значительной степени “упрощенная”), согласно которой атмосфера — это “только” отношение (изменчивое и историко-культурно-лингвистически обусловленное) между перцепиентом (или культурой) и его (или ее) восприятием. Однако при этом: упускаются из виду те переживания, которые я называю *прототипическими*, лишенными идентифицируемой причины происхождения, сила которых такова, что способна изменить любое душевное состояние воспринимающего; упускается из виду, что иногда можно распознать атмосферное чувство, не будучи вовлеченным в него (что еще более свидетельствует о его внешнем характере); забывается, что любая конструкция атмосфер

всегда будет неудачной, если не создать “условия возможности”, в которых они могут — потенциально, лишь потенциально, гипотетически — сконденсироваться (что еще более демонстрирует их изначальную независимость от случайной локализации как в субъекте, так и в объекте); недооценивают, что вещи и ситуации приобретают имманентные качества (не спроецированные на них субъектами или даже целыми культурами), которые приглашают, иногда очень агрессивно, перцепиента почувствовать нечто (вот почему я ввел в атмосферологию понятие “аффордансов” Гибсона, изъятые здесь из его исключительно прагматического контекста; ср.: *Griffero* 2022), чем перцепиент не владеет и без вклада которого его аффективная жизнь была бы гораздо беднее; и т.д.

Я, конечно же, далеко не пренебрегаю важностью теоретического вклада, который каждая область применения может, в свою очередь, внести в философию атмосфер, например, ее применение к миру погоды у Тима Инголда, к феномену света у Миккеля Билле, к микрофеноменологическому исследованию городской жизни у Юргена Хассе, к психопатологическим расстройствам, рассматриваемым Томасом Фуком, к кино у Юлиана Ханича и Штеффена Хвена, к городскому обустройству у Жана-Поля Тибо и его коллег, к эстетическому воспитанию у Андреаса Рауха, к социальным ситуациям и спорту у Роберта Гугуцера, к архитектурному восприятию у Юхани Палласмаа, к уходу за больными у Шарлотты Узаревич, как и к концепциям многих других исследователей, заслуживающих того, чтобы быть упомянутыми здесь. И я сам постоянно черпаю знания из этих (и других) дисциплинарных областей, например, сейчас из философии *ки* и *ма*, широко укоренившейся в японских атмосферных исследованиях. Однако то, что я мог бы назвать мягкой версией атмосферологии, не должно слишком поспешно приходить к выводам, полностью игнорирующим неофеноменологическую (шмицианскую) систему (атмосферы как чувства, пронизывающие обжитое пространство и резонирующие в ощущаемом телесном измерении воспринимающего), а также “эстетику” (*Aesthetic*¹⁷) Бёме (атмосферы как фокусы патического измерения, правильная оценка которого помогла бы изменить размер современной просветительской апологии автономии субъекта, оказавшейся и иллюзией, и предвестницей негативных последствий). Диалог между философией и гуманитарными науками? Конечно, постоянный диалог, который не ищет мирных компромиссов, а находит свой исход — критически, полемически — в том головокружении мысли (антистатистическом, антиколичественном, антиредукционистском, короче — антидефинитивном), которое философия, достойная своего имени, не должна переставать искать и питать.

Пер. с англ. и нем. и комм. С.В. Соколовского

Примечания переводчика

¹ Российские исследователи могут познакомиться с концепцией этого немецкого философа в 3-томном переводе его работы “Сферы” (СПб: Наука, 2005, 2007, 2010). Стоит отметить, что русский перевод этого труда появился на 6–7 лет раньше, чем английский (*Sloterdijk* 2011, 2014, 2016). *Пузыри, шары и пена* — термины Слотердайка, описывающие этапы эволюции человеческих сообществ.

² Мой собеседник здесь, как и в других своих публикациях, использует термин *gnostic* (*Griffero* 2020, 2021), который в прямом переводе (*гностический*) приобретает как в русском, так и в итальянском (в чем мне удалось убедиться в ходе нашей переписки) языках прото- и раннехристианские ассоциации, т.е. отсылает не к знанию вообще, но к знанию сакральному, тайному или

мистическому. Грифферо в своем ответе любезно указал мне, что он использует данный термин в том смысле, который ему придает Эрвин Штраус (*Straus* 1956), немецко-американский психиатр и феноменолог (1891–1975), противопоставлявший *гностическое* – *патическому* (*gnostisch – pathisch*). Последний термин также используется Грифферо, подчеркивающим, что содержание соответствующего этому термину понятия не стоит путать с *патетическим*; *патический* отсылает к аффективно-преконцептуальному восприятию “как”, а не “что” явлений, к тому, как человек себя ощущает благодаря этому восприятию (подробнее см.: *Ratnapalan, Reggio* 2012). Штраус, в частности, отмечает: “Существует два типа обучения. Расширяющееся гностическое и сужающееся патическое обучение. Последнее основано на способности разума к рефлексии, к жертвенному отрицанию, что позволяет человеку выйти за пределы простого существования. Человек живет в той мере, в какой он перестает реагировать непосредственно. Он способен учиться, потому что может мыслить целое как часть, как охватываемое может мыслить охватываемое” (*Straus* 1956: 198). В другом пассаже, противопоставляющем патическое и гностическое, он пишет: “До сих пор мы опасались говорить о том, что слышим тишину. Мы также не хотим утверждать, что слышим ее так же, как слышим звук и шум. Но воспринимаем ли мы тишину как мучительную или чарующую, нетипично она все же принадлежит к акустическим феноменам, даже если остается гностически незаполненной” (*Straus* 1956: 108).

³ Речь идет о теле, воспринимаемом непосредственно, живом или чувствующем теле, топология которого не совпадает с телом физическим (см. вводную статью специальной темы этого номера, где разъясняются отличия понятий *Leib* и *Körper*).

⁴ Термином *qualia* Грифферо обозначает “возникающие” (*supervenient*) качества, не сводимые к своим носителям (субстратам), а иногда даже независимые от них (как свободно плавающие качества, предшествующие их онтолого-региональной классификации). Например, горькое до того, как оно становится (специализируется, конкретизируется), скажем, в горечи высказывания или в горькости чашки кофе, в ситуации, которая нас разочаровала и т.д. Это позволяет осуществлять “аналоговое” мышление, основанное на априорной качественной эйдетике, а не на ассоциативных процессах чисто психологического типа.

⁵ Следует уточнить, что Шмиц пользуется термином *полувещи* (*Halbdinge*), в то время как Грифферо – термином *квази-вещи* (*quasi-things*) (в переводе термина сохранено написание через дефис, как у автора) (*Griffero* 2017).

⁶ Термин американского психолога Джеймса Гибсона (*Gibson* 2015 [1979]), содержание которого может передаваться русскими терминами “(скрытые) возможности”, “потенциал”, “потенциальности”. Гибсон существенно повлиял не только на исследования так наз. расширенного разума в современных когнитивных науках, но и на использование идей экологии разума в полевой этнографии (ср.: *Hutchins* 1995). Грифферо исследует это понятие в сравнении с понятием атмосферы в своих работах (*Griffero* 2020, 2022).

⁷ Грифферо имеет здесь в виду значительное число литературоведческих исследований, в которых анализируются настроения, чувства и атмосферы (см., напр.: *Meyer-Sickendiek* 2005, 2014; *Gumbrecht* 2011; *Chambers* 2015).

⁸ “Фундаментальные настроения” (страх, скука, беспокойство) подробно анализировались Мартином Хайдеггером (см., напр., гл. 6 в любом из изданий его работы “Бытие и время”).

⁹ См.: Прим. 1.

¹⁰ См.: Т. 3. Гл. 3 “Сфер” Слотердайка.

¹¹ Шмиц, обсуждая коллективные атмосферы и их динамику, предлагает собственную типологию ситуаций (*актуальных* и характеризующих длительные *состояния*; *индивидуальных* и *общих*) и использует выражение “укорененные” в ходе своего анализа переплетения индивидуальных/личностных и общих/стандартных ситуаций, отмечая плотность или тесноту такого переплетения и разделяя по этому параметру “тесно переплетенные”, или “укорененные” (*implantierende Situationen*), и менее плотные инклюзивные (*inkludierende*) ситуации (*Schmitz* 2023: 64–65).

¹² Грифферо здесь вспоминает известный анализ истории термина и понятия *Stimmung* Лео Шпитцера (*Spitzer* 1944–1945), сохраняющий свою значимость и сегодня.

¹³ Термин и понятие феноменологии Эдмунда Гуссерля, часть вводимой им процедуры феноменологической редукции, выражающейся в приостановке метафизических суждений о бытии предмета вне воспринимающего его сознания, “наивно-реалистических” постулатов науки и философии относительно мира.

¹⁴ Имеется в виду классическое произведение лютеранского богослова Рудольфа Отто, предложившего термин “нуминозный” и определившего его как “нерациональный, несен-

сорный опыт или чувство, основной и непосредственный объект которого находится вне личности”. Работы Отто оказали огромное влияние на столь разных мыслителей, как Пол Тиллих и К.С. Льюис.

¹⁵ Совесть (*Gewissen*) в работах Канта упоминается нечасто, она похожа в своем действии на атмосферы лишь в отношении силы своего авторитета или своей принудительности; по всей видимости, других общих характеристик у них нет. Кант упоминает *Gewissen* в контексте размышлений о религии (см. его “Религия в пределах только разума”) и в обсуждении некоторых библейских сюжетов (притчи об Иове) (см. “Основы метафизики нравственности”, а также эссе “О педагогике”). Его *Gewissen* выступает внутренним судом критического разума над собственными действиями в отношении к долгу. Кант, в частности, пишет: “Осознание внутреннего суда в человеке <...> — это совесть. У каждого человека есть совесть, и он чувствует, что внутренний судья наблюдает за ним, угрожает ему и вообще держит в страхе (уважение ассоциируется со страхом), и эта сила, которая следит за законами внутри него, не является чем-то, что он делает с собой (произвольно), но включена в его существо” (*Kant* 1969 [1875]: 400). В ходе переписки по поводу этого места интервью выяснилось, что ключевым моментом является рассмотрение Кантом справедливости как *чувства* (а не идеи в смысле понятия разума). Шмиц в своей книге “Царство норм” опирается на соответствующие рассуждения Канта, рассматривая чувства, обладающие моральным измерением, как “совестливые” (*Gewissensgefühle*), и остается при этом в рамках своего рассмотрения чувств как “пространственно изливающихся атмосфер” (*Schmitz* 2012: 141, 149 ff). У него есть и специальная работа, посвященная совести как предмету европейской философии (*Schmitz* 2007). Выражаю искреннюю признательность Татьяне Караченцовой (Иерусалимский университет) за консультации в отношении соответствующих положений Канта.

¹⁶ То есть не имеющее обычных трех измерений стандартного физического пространства.

¹⁷ Обращение к старой орфографии в данном случае подчеркивает устремление Бёме к восстановлению эстетики, направленной не только на изучение прекрасного, но как дисциплины, изучающей восприятие в целом.

Interview Article

Sokolovskiy, S.V. In Search of Atmospheres: Directions, Methods, Perspectives (an Interview with Tonino Griffero) [V poiskakh atmosfer: napravleniia, metody, perspektivy (interv'iu s Tonino Griffero)]. *Этнографическое обозрение*, 2024, no. 4, pp. 22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040023> EDN: AZEXGP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

atmospheres, Stimmung, pathic aesthetics, felt body, affordances, Hermann Schmitz, Gernot Böhme

Abstract

The article is a commented translation from English and German of an interview, conducted in February 2024 with the Italian philosopher-phenomenologist, professor of aesthetics at the University of Rome “Tor Vergata”, the current undisputed leader in the study of (affective) atmospheres Tonino Griffero. The interview touches upon a diversity of traditions in atmospheric research (including national variation in such studies), the correlation of the notions of atmosphere with the notions of mood (*Stimmung*) and *ambiance*, research methods and ways of theorizing of atmospheric phenomena by German phenomenologist Hermann Schmitz (16.05.1928–05.05.2021) and aesthetics specialist Gernot Böhme (03.01.1937–20.01.2022), and, finally, the prospects of employing the relevant methods and approaches in social sciences, including anthropology.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075–15–2022–328]

References

- Blume, A., and C. Demmerling. 2007. Gefühle als Atmosphären. Zur Gefühlstheorie von Hermann Schmitz [Feelings as Atmospheres: Towards the Theory of Feelings by Hermann Schmitz]. In *Gefühle. Struktur und Funktion* [Feelings: Structure and Function], edited by H. Landweer, 113–133. Berlin: Akademie Verlag.
- Böhme, G. (1995) 2013. *Atmosphäre. Essays zur neuen Ästhetik* [The Atmosphere: Essays on the New Aesthetics]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Chambers, R. 2015. *An Atmospherics of the City: Baudelaire and the Poetics of Noise*. New York: Fordham University Press.
- Francesetti, G., and T. Griffero, eds. 2019. *Psychopathology and Atmospheres: Neither Inside nor Outside*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholar.
- Gibson, J.J. (1979) 2015. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Psychology Press.
- Griffero, T. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. London: Routledge.
- Griffero, T. 2017. *Quasi-Things: The Paradigm of Atmospheres*. Albany: SUNY.
- Griffero, T. 2020. *Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics*. London: Routledge.
- Griffero, T. 2021. *The Atmospheric “We”: Moods and Collective Feelings*. Milan: Mimesis International.
- Griffero, T. 2022. They Are There to Be Perceived: Affordances and Atmospheres. In *Affordances in Everyday Life: A Multidisciplinary Collection of Essays*, edited by Z. Djebbara, 85–95. New York: Springer.
- Griffero, T. 2024. *Being a Lived Body: From a Neo-Phenomenological Point of View*. London: Routledge.
- Griffero, T., and G. Moretti, eds. 2018. *Atmosphere/Atmospheres: Testing a New Paradigm*. Milan: Mimesis International.
- Griffero, T., and M. Tedeschini, eds. 2019. *Atmospheres and Aesthetics: A Plural Perspective*. Basingstoke: Palgrave.
- Gumbrecht, H.U. 2004. *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Stanford: Stanford University Press.
- Gumbrecht, H.U. 2011. *Stimmungen lesen* [Reading Moods]. Berlin: Carl Hanser Verlag.
- Hutchins, E. 1995. *Cognition in the Wild*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
- Kant, I. (1875) 1969. *Metaphysik der Sitten* [Metaphysics of Morals]. Vol. 6, *Werke* [Works], 203–494. Berlin: de Gruyter.
- Meyer-Sickendiek, B. 2005. *Affektpoetik. Eine Kulturgeschichte literarischer Emotionen* [Poetics of Affect: A Cultural History of Literary Emotions]. Würzburg: Königshausen und Neumann.
- Meyer-Sickendiek, B. 2014. Großstadtlyrik einmal anders: Urbane Atmosphären. Gedichten von Kästner bis Hartung [Big City Poetry with a Difference: Urban Atmospheres; Poems from Kästner to Hartung]. In *Atmosphären entwerfen* [To Design Atmospheres], edited by J. Weidinger, 65–88. Berlin: TU Verlag.
- Otto, R. 1923. *The Idea of the Holy*. Oxford: Oxford University Press.
- Ratnapalan, L., and D. Reggio. 2012. Erwin Straus and the Pathic. *History of Psychiatry* 23 (3): 291–304.
- Runkel, S. 2016. Zur Genealogie des Atmosphären-Begriffs. Eine kritische Würdigung

- der Ansätze von Hermann Schmitz und Gernot Böhme [On the Genealogy of the Concept of Atmosphere: A Critical Assessment of the Approaches of Hermann Schmitz and Gernot Böhme]. In *Atmosphären des Populären II. Perspektiven, Projekte, Protokolle, Performances, Personen* [Atmospheres of the Popular II: Perspectives, Projects, Protocols, Performances, People], edited by U. Wünsch, 20–39. Berlin: Uni-Edition.
- Schmitz, H. 1969. *System der Philosophie* [System of Philosophy]. Vol. III (2), *Der Gefühlsraum* [The Spece of Feelings]. Bonn: Bouvier.
- Schmitz, H. 1998. Situationen und Atmosphären. Zur Ästhetik und Ontologie bei Gernot Böhme [Situations and Atmospheres: On Aesthetics and Ontology by Gernot Böhme]. In *Naturerkenntnis und Natursein. Für Gernot Böhme* [To Know Nature and To Be Nature: For Gernot Böhme], edited by M. Hauskeller, et al., 176–190. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schmitz, H. 2007. *Der Weg der europäischen Philosophie* [The Path of European Philosophy]. Vol. 2, *Eine Gewissenserforschung* [An Examination of Conscience]. München: Verlag Karl Alber.
- Schmitz, H. 2012. *Das Reich der Normen* [The Realm of Norms]. München: Verlag Karl Alber.
- Schmitz, H. 2023. *Atmospheres*. Milan: Mimesis International.
- Slaby, J., and C. von Scheve, eds. 2019. *Affective Societies: Key Concepts*. London: Routledge.
- Sloterdijk, P. 2011. *Bubbles: Spheres*. Vol. I, *Microspherology*. Los Angeles: Semiotext(e).
- Sloterdijk, P. 2014. *Globes: Spheres*. Vol. II, *Macrospherology*. Los Angeles: Semiotext(e).
- Sloterdijk, P. 2016. *Foams: Spheres*. Vol. III, *Plural Spherology*. Los Angeles: Semiotext(e).
- Spitzer, L. 1944–1945. Classical and Christian Ideas of World Harmony: Prolegomena to an Interpretation of the Word “Stimmung”. *Traditio*. 1944. Pt. I (2): 409–464; 1945. Pt. II (3): 307–364.
- Straus, E. 1956. *Vom Sinn der Sinne* [On the Meaning of the Senses]. Berlin: Julius Springer Verlag.
- Tellenbach, H. 1968. *Geschmack und Atmosphäre* [Taste and Atmosphere]. Salzburg: Müller.
- Wellbery, D. 2003. Stimmung [Mood]. In *Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch, 7 vols.* [Basic Aesthetic Concepts: Historical Dictionary, 7 vols.]. Vol. 5, *Postmoderne – Synästhesie* [Postmodernism – Synaesthesia], edited by K. Barck, et al., 703–733. Stuttgart: Metzler.

КАСАЯСЬ ГОРОДА: ТАКТИЛЬНОСТЬ И АФФЕКТ ПУБЛИЧНОГО ИСКУССТВА

Д.А. Радченко

Дарья Александровна Радченко | <http://orcid.org/0000-0002-9298-7783> | darradchenko@gmail.com | канд. культурологии, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики | Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАН-ХиГС при Президенте РФ (ШАГИ ИОН РАНХиГС) (пр. Вернадского 82, стр. 1, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, 119571, Россия)

Ключевые слова

аффективная атмосфера, аффект, тактильное взаимодействие, прикосновение, социальные медиа, публичное искусство, городская среда, цифровая среда

Аннотация

Прикосновение к объектам публичного искусства — одна из самых часто фиксируемых и при этом поверхностно описанных практик взаимодействия людей с городской средой. В этой статье предлагается взглянуть на эту практику через оптику подхода “аффективных атмосфер”, что позволяет проблематизировать тактильный контакт как средство и результат аффективной сонастройки с пространством. Анализируя аффективно-дискурсивный канон, складывающийся вокруг взаимодействия с новым арт-объектом (скульптура “Большая глина № 4” в Москве), мы покажем, как переход от цифрового к визуальному и тактильному взаимодействию с материальностью пространства создает коллективный аффект онлайн и как этот аффект транслируется и распространяется в онлайн-среде, делая публичное искусство центром фиджитального гибридного пространства.

Информация о финансовой поддержке

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075–15–2022–326]

Одна из наиболее часто фиксируемых исследователями современных городских практик (и самых любимых фольклористами) — прикосновение “на счастье” или “на удачу” к городским скульптурам и иным архитектурным формам, в том числе и нефигуративным объектам — например, декоративному шару: “На Новослободской мозаика, и там, по-моему, какой-то памятник в конце стоит, его тоже любят трогать. Памятник Пушкину есть на каком-то переходе, его тоже люди на удачу трогают” (ПМИ 2018: СЛА).

Статья поступила 07.06.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Радченко Д.А. Касаясь города: тактильность и аффект публичного искусства // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 39–55. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040033> EDN: AZAXNU
Radchenko, D.A. 2024. Kasaia's' goroda: taktil'nost' i affekt publichnogo iskusstva [Touching the City: Tactility and Affect of Public Art]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 39–55. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040033> EDN: AZAXNU

Как справедливо замечает Н.В. Петров, в таких практиках взаимодействия первично именно касание, а объяснительные модели в существенной степени ситуативны: “...натирают большинство выступающих частей скульптур; а интерпретации этой практики создаются и тиражируются в зависимости от смысла, приписываемого элементам скульптуры” (Петров 2018: 45–46). Более того, в процессе работы с этим материалом складывается ощущение, что во многих случаях объяснения про “прикосновение на удачу” и загадывание желаний отчасти носят рационализирующий характер: прикосновение как способ вступить в телесный контакт значимее, чем стоящее за ним конкретное желание.

Но с чем именно соприкасается горожанин, на бегу трогающий нос собаки на станции метро “Площадь Революции”, или паломник, прикладывающийся к раке святого? Ответ, на первый взгляд, лежит на поверхности: это контакт с некоей трансцендентной силой, способной помочь человеку. Однако, если задать прямой вопрос о природе этой силы, первый из наших двух персонажей затруднится с ответом — у него просто не окажется готовых объяснительных моделей¹. Примечательно, что на вопрос о том, зачем трогать памятник св. Савве Сторожевскому, мне однажды сказали: “Мы как все [касаемся], на удачу — это же как собачка в метро” (ПМА 2020); ср.: «“Площадь Революции” — там это, потереть нос собаке на удачу. Ну, там вроде бы изначально — чтобы экзамены сдать, а вообще это, чтобы привлечь какое-то везение”» (ПМИ 2019: БЕП). Скульптурный образ святого оказывается приравнен к статуе в метро, во-первых, на основании своей публичности (он находится за пределами храма и за стенами монастыря), во-вторых, потому что к нему прикасаются другие люди — это видно по натертым руке и ноге святого. Из этого посетители делают вывод, что он также имеет свойство приносить удачу (заметим, что здесь не звучат термины православного вокабуляра — “благословение” или “благодать”), но не обязательно связывают эту удачу с помощью свыше.

Д.И. Антонов, размышляя о практиках поклонения иконе, предполагает, что их цель — апроприация силы святыни, которая возможна через контакт с ее материальным “телом” или через приближение к ней, вступление в границы ее невидимого “тела”, изливаемой благодати: “...контакт со святыней понимается здесь не только как физическое прикосновение, но и как взаимодействие с ее незримым телом, способным оказать аналогичный или подобный эффект” (Антонов 2018: 26); особенно это характерно для “намоленной” святыни, агрегировавшей в себе силу молитвы множества людей. Разумеется, в христианской онтологии (так же, как во многих других религиозных системах) действие этой благодати ассоциировано не с самой иконой, а со стоящей за ней трансцендентной силой. Но что стоит за прикосновением к городским объектам, которым эта сила не приписывается (даже если они изображают святых)? Что за “невидимое тело” окружает собаку в метро и другие малые архитектурные формы?

Мы попытаемся разобраться в практике прикосновения к городским объектам в оптике теории “городских аффективных атмосфер” (Griffiero 2013), рассматривая, как тактильное взаимодействие со средой создает атмосферы на стыке материального и цифрового (и, шире, дискурсивного) города. Мы будем следовать К. Микельсу, который предлагает концептуализировать атмосферу не как свойство пространства или как явление субъективного восприятия находящихся в нем людей, но как нечто, возникающее во взаимодействии человеческих и нечеловеческих объектов в этом пространстве (Michels 2015); атмосфера — “не в отношении, а является отношением” (Bille, Simonsen 2021).

Хотя складывание аффективных отношений начинается с недискурсивных практик (*Walkerline, Jimenez* 2012: 51), затем аффект практически неизбежно упаковывается в языковые средства выражения, или “аффективно-дискурсивные практики”, из которых складывается “аффективно-дискурсивный канон” (*Wetherell* 2013, 2015). Соответственно, мы будем анализировать практики, позволяющие транслировать этот аффект в онлайн-коммуникации путем осуществления эмоционального опыта (*enacting emotional experience* [*Bareither* 2021]).

По мнению Т. Грифферо,

атмосферный подход представляется особенно полезным для современного искусства, которое компенсирует нарастающую фикционализацию-виртуализацию мира, все более приглашая зрителя к болезненно-иммерсивному опыту взаимодействия с его произведениями (которые иногда можно даже трогать, стучать по ним, царапать их поверхности и т.д.) (*Griffero* 2019: 13).

В качестве отправной точки и эмпирической базы мы обратимся как раз к такому кейсу публичного арт-высказывания и реакции на него: появлению в Москве скульптуры Урса Фишера “Большая Глина № 4” и ее освоению горожанами офлайн и онлайн². Эта 13-метровая скульптура из алюминия была создана в 2013–2014 гг. и в разное время экспонировалась в публичных пространствах Нью-Йорка и Флоренции, везде вызывая неоднозначную реакцию. В августе 2021 г. она была установлена на Болотной набережной в Москве в качестве одного из открывающих мероприятий нового арт-центра “Дом культуры ГЭС-2”, расположенного в отреставрированном здании городской электростанции.

Кейс представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, “Большая глина № 4” — это новый арт-объект, появившийся на вновь открытой для публики после тотального перезапуска территории и, соответственно, не несущий в себе следы “воображаемого присутствия” других или памяти о них (*Urry* 2016). Во-вторых, это объект, находящийся на грани гиперреализма и нефигуративного искусства: он очень достоверно изображает глину под руками скульптора и в то же время не является портретом или сюжетным изображением. Трудности интерпретации нефигуративного искусства вынуждают зрителя налаживать собственные отношения с объектом — как мы увидим далее, репертуар этих практик оказался довольно обширным. В-третьих, “Большая глина” вызвала острую негативную реакцию в социальных медиа и на протяжении нескольких месяцев была “модной” темой общественных дискуссий, что дает нам богатейший материал для изучения.

(Возвращение) в офлайн: искусство в гибридных средах

Современное публичное искусство ориентировано на реакцию не только непосредственно соприкасающегося с ним пользователя, но и на реакцию онлайн-публик, а цифровое присутствие объекта существенно трансформирует опыт взаимодействия с искусством. Начиная с 2000-х годов исследователи все чаще подчеркивали, что переход от стационарного интернета (десктопа) к мобильному радикально меняет способы жизни в городе. В работе А. де Соуза э Сильва отмечается, что городские пространства трансформируются при помощи мобильных средств связи: виртуальное взаимодействие вносится в физиче-

ские пространства (автор приводит пример совместного чтения *sms*-сообщений подростками), превращая их в “многопользовательские игровые среды” (*de Souza e Silva* 2004). Э. Таунсенд, в свою очередь, заявил, что благодаря мобильному интернету публики все в большей степени оказываются соавторами произведений публичного искусства и публичных пространств: они не просто переживают соприкосновение с ним, но и становятся сокураторами, размещая онлайн репрезентации этих произведений, продуцируя огромный поток связанных с ними пользовательских данных (*Townsend* 2008).

Существование публичных пространств и искусства в них становится гибридным: цифровое и физическое объединяются благодаря локативным медиа. Наблюдая арт-объект в физическом пространстве, люди одновременно создают контент о нем в социальных медиа; обсуждения объекта в цифровой среде и манипуляции с его образом оказывают влияние (иногда симультанное) на восприятие его в пространстве города и даже на дальнейшую судьбу объекта. Как отмечает М. Жебрацки, в результате меняется понимание таких базовых дихотомий, как публичное—приватное, цифровое—материальное, временное—постоянное, и параллельно возникают новые способы использования публичного искусства, характерные именно для гибридных сред. Объект публичного искусства экспонируется как в физическом локусе, так и на множестве онлайн-площадок одновременно (*Zebracki* 2017a, 2017b). Эти площадки обладают разной степенью как формальной публичности (напр., страницы в соцмедиа могут быть открыты только для определенного круга пользователей или даже только для самого автора), так и воспринимаемой (пользователь может размещать информацию на формально открытой странице, но ощущать ее как доступную только определенному кругу лиц, рассчитывать на узкую аудиторию своих друзей). Временный объект публичного искусства становится постоянным за счет того, что, будучи убран из городского локуса, он продолжает экспонироваться на онлайн-площадках. Наконец, онлайн мы пересобираем публичное искусство, переделываем его под собственные нужды самопрезентации, создания сообществ и разрешения дискуссий.

В течение первого месяца после установки “Большой глины” на Болотной набережной в социальных медиа появилось свыше 160 тыс. текстов, посвященных этому объекту. Но, несмотря на то что ленты соцсетей пестрели ее изображениями, в ходе обсуждений постоянно высказывались мнения о том, что с искусством необходимо знакомиться “вживую” — т.е. в непосредственном контакте, находясь на расстоянии прямого взгляда. Этот запрос на перевод впечатления из двумерного медийного пространства в трехмерное физическое привел к тому, что горожане стали приходить на набережную, чтобы посмотреть на арт-объект, или как минимум включать остановку там в свои маршруты:

Тот самый памятник глине). Нет, не специально пришли посмотреть, мимо проходили (Соцмедиа: ЕК).

Мне эта хрень по фоткам тоже показалась кучей дерьма. Но притормозил на Болотной, погулял, посмотрел. Это искусство (Соцмедиа: СП).

Она вызвала во мне всплеск радости, потому что мои фантазия и воображение проснулись вмиг, как только я взглянула на глину. Чего я только не увидела в этом куске глины! <...> Обошла скульптуру со всех сторон несколько раз. Образы менялись, сюжетные линии переплетались, чувства фонтанировали (Соцмедиа: ЮБ).

Как мы видим из приведенных цитат, когда люди посещают материальное место после цифрового ознакомления с ним, они могут радикально изменить свое отношение к нему. Встает вопрос: почему это происходит?

Тела и объекты: материальность пространства

“То, что я называю *коллективным* туристским взглядом включает [совместное] веселье. Другие люди, находящиеся в этом месте, придают ему оживленность либо чувство карнавальности или движения. Большое количество людей сигнализирует, что это то место, где следует быть”, — пишет Д. Урри (*Urry* 2016: 116). В Москве, как до этого во Флоренции, “Большая глина” стала важной точкой притяжения и сборки — хотя и по-разному. Во Флоренции посетители площади Синьории, в основном туристы, использовали постамент “Большой глины” в качестве места отдыха. В Москве на Болотной набережной такое место отдыха было создано отдельно от скульптуры (спускающиеся к реке ступени, снабженные сиденьями), но именно арт-объект привлек к себе посетителей.

Вчера проходили мимо “Большой глины”. Вокруг нее столько умных и не очень людей стоят, смотрят, шутят, подходят потрогать и постучать. Отходят и снова смотрят. Мне это невероятно нравится (Соцмедиа: МИ).

Но оказалось, особенно вблизи, что это совершенно дружелюбный объект. На его фоне горожане селфятся, дети стремятся потрогать и понять из чего такое чудо сделано. Вокруг постоянно кто-нибудь тусит, самокатчики притормаживают, а фланеры расчехляют камеры (Соцмедиа: ВС).

Очень приятная набережная, гуляет полно народу, с открытием будет все просто супер. Очень атмосферное местечко (Соцмедиа: ГК).

Пространство наблюдения за объектом публичного искусства тем самым становится пространством соприсутствия с другими. Именно присутствие других людей и их интерес легитимизирует арт-объект в публичном пространстве, делает среду вокруг него стимулирующей аффект. Как видно из приведенных (очень типичных) цитат, попадая в пространство, смысловым центром которого стала “Большая глина”, люди описывают его как насыщенное, дружелюбное, приятное, “атмосферное”.

Итак, аффективная атмосфера пространства связана с его социальностью, и это не только наблюдаемая здесь и сейчас социальность коллективных публичных, материализованная телами других, но и подразумеваемая. Для того чтобы описать эту подразумеваемую социальность, мы снова прибегнем к понятию “намоленное место”. Такое место предполагает, во-первых, знание паломника о том, что в течение длительного времени здесь осуществляли контакт с трансцендентным другие люди, во-вторых, следующее из этого предположение, что место насыщено энергией трансцендентного, и, в-третьих, представление о том, что для каждого нового паломника здесь также возможен успешный контакт (*Кормина* 2008; *Wanner* 2020). “Намоленность” места может ощущаться паломниками на физическом уровне и приводить к трансформативному опыту. Это касается отнюдь не только сакральных объектов: “когда люди циркулируют в аффективно заряженных местах и признают значимость переживаний, которые здесь происходят <...> тотальность этого опыта может продуцировать

аффективную атмосферу” (*Wanner* 2020: 78). Вступая в телесный контакт с местом, человек одновременно вступает в телесный контакт с людьми, которые следовали этим путем до него (*Scriven* 2019: 279). Условиями восприятия атмосферы, таким образом, оказываются не только чувствительность, но и реакция на это место окружающих, основанная на их персональном опыте (*Bareither* 2021), наличие коллективных публичных мест, основанных на аффекте, и личная аффективная биография — знание того, как реагировать на место (*Michels* 2015).

При помощи дискурсивных продуктов, описывающих место, человек понимает, какие эмоции должен здесь испытывать; происходит своего рода приручение аффекта (*White* 2006). Но что если готовых моделей или пояснений нет? С. Лоу решает этот вопрос следующим образом:

Ряд сигналов формируют чувственный и материальный ландшафт искусственной среды таким образом, что человек приходит к подобающему в культурном плане эмоциональному состоянию не только через дискурс, но и при помощи структуры перемещения и деталей архитектурной и материальной культуры пространства (*Лоу* 2024: 262).

По словам К. Воннер, “атмосфера рождается из материальности, которая становится частью чувственного опыта, понимаемого как религиозный” (*Wanner* 2020). Как замечает Р. Скривен, “нуминозное — это не просто предмет веры, но ощущаемая и проживаемая реальность. Сакральное становится доступным для прикосновения через локализованные воплощенные практики, укрепляющие и развивающие индивидуальную и коллективную веру” (*Scriven* 2019: 276). Эта повторяющаяся гипотеза о связи атмосферы, сакральности и тактильного контакта с материальным объектом, высказанная по отношению к сакральным пространствам и объектам (напр., источникам), кажется, существенно шире, чем задумывалась изначально.

В исследованиях в области религиозных практик нередко отмечается, что существенная часть притягательности вернакулярных почитаемых мест (напр., источников) заключается в отсутствии институционального посредника и предписанного ритуала, что позволяет каждому взаимодействовать с трансцендентным любым удобным способом (*Panchenko* 2012; *Kormina, Luehrmann* 2017; *Wanner* 2020). Н. Самутина и О. Запорожец связывают креативное взаимодействие людей с городскими скульптурами в процессе освоения культурных пространств и фотосъемки с тем, что в ходе превращения городских пространств в аттракционы происходит “ослабление внешнего контроля, неартикулированность или постепенное размывание императивной нормативности” (*Самутина, Запорожец* 2014: 178). Эти открытость контакту и отсутствие контроля делают городские скульптуры привлекательными для взаимодействия вне зависимости от того, приписываются ли им свойства сакрального характера.

Вместе с тем прикосновение может быть дорефлексивно и носить сугубо аффективный характер — понятия “физически трогать” и “быть эмоционально тронутым” связаны не только на лингвистическом уровне (*Paterson et al.* 2012: 13). Т. Киннунен и М. Колехмайнен постулируют нераздельность прикосновения и аффекта (*Kinnunen, Kolehtmainen* 2019), говоря о том, что тактильный контакт является не просто культурной, но глубоко телесной, физической

практикой, предполагающей буквальную открытость другому (Paterson 2005). Отсюда встает вопрос: как прикосновение включается в создание аффективных атмосфер?

Тактильный контакт выполняет (иногда в одном акте касания) сразу несколько задач. Безусловно, прикосновение может быть попыткой прямого контакта с изображенным субъектом (а не изображающим его объектом), например, способом поклонения или, наоборот, агрессии. Однако музеевед Ф. Кэндлин, рассуждая о причинах того, почему люди трогают объекты в музеях, выделяет за пределами этого контакта с изображаемым целый репертуар практик прикосновения: посетители знакомятся с физическими свойствами объекта и определяют его аутентичность; устанавливают связь с ним и его историей, а также с историей в целом; преодолевают установленные границы взаимодействия с другими людьми, нечеловеческими агентами и музейными правилами; анимируют объекты, вовлекая их в игру; “заряжаются” от них удачей или просто испытывают чувственное удовольствие от прикосновения к тактильно приятной поверхности (Candlin 2017). При этом та же исследовательница замечает, что внешне эти прикосновения могут выглядеть как мимолетная ласка, незаметное поглаживание. Даже просто проходя мимо и как будто не обращая внимания на объект, посетители часто слегка касаются его.

Размышляя об иммерсивной виртуальной реальности и потенциале цифровых сенсорных разработок, М. Патерсон замечает: “Сенсорика дает возможность верификации объекта в пространстве, чтобы получить подлинное чувство присутствия этого объекта, которое недоступно при помощи одного зрения” (Paterson 2006: 698). Так, Е. Сивак, наблюдая взаимодействие посетителей парка “Царицыно” с макетом архитектурного ансамбля, обращает внимание на то, что «макеты <...> неизменно вызывают попытки сопоставить реальное пространство с изображенным на них <...> становятся способом “обобщить”, целиком воспринять пространство, зачастую в форме игры или развлечения. Например, многие трогают фигурки, пытаются их оторвать» (Сивак 2014: 206). Соприкасаясь с объектом, люди подтверждают и уточняют свое знание о его материальных и пространственных характеристиках, его “подлинность” как противоположность “виртуальности”/“нереальности”. Именно поэтому между материальными объектами данного пространства (от людей и артефактов до погодных явлений) происходит постоянная телесная сонастройка (*attunement*), которая и становится основой того, что затем описывается и конструируется как “атмосфера” (Stewart 2011; Куприянов, Лурье 2022).

Наблюдения Ф. Кэндлин указывают на существование запроса на то, чтобы *что-то испытывать* в насыщенном искусством пространстве и, соответственно, сонастраиваться с ним. В ситуации, когда возникает неуверенность в том, что, собственно, мы испытываем (и что следует испытывать), в ход идут абсолютно все чувства, в том числе осязание, а лишение возможности соприкоснуться с объектом физически (напр., при контакте с ним в медиатизированной среде) может вызывать беспокойство (ср.: Jackson, Everts 2010).

Прикосновение как ритуал взаимодействия выходит далеко за пределы магических, религиозных или рекреативных практик; это спонтанная практика контакта с любым объектом и — шире — содержащим его пространством социального взаимодействия, порождающая аффективную реакцию. Объект, с одной стороны, провоцирует взаимодействие (своими свойствами, контекстом, в ко-

торый он помещен, поведением людей вокруг), а с другой — испытывает влияние складывающейся вокруг него аффективной атмосферы.

В дискуссиях вокруг “Большой глины” заметно расхождение позиций пользователей по поводу необходимости физического контакта; если детально рассмотреть практики знакомства с этим арт-объектом (что мы и сделаем ниже), окажется, что цифровой и физический контакт — это не бинарная оппозиция, а скорее градиентный переход. В то время как одни сообщали, что им достаточно для знакомства фотографии в социальных сетях, другие настаивали на приоритете материальности, освоения объекта в его полноте и включенности в городской контекст. Для вторых оказалось важным осмотреть его с разных ракурсов, обойти и даже войти с ним в физический контакт — благо размещение объекта и его статус позволяют такого рода действия. Дело в том, что знакомство с репродукцией не предполагает ощущения масштаба объекта и иных его физических свойств. В цифровой среде любое изображение сводится в общем виде к размеру экрана: небольшой объект увеличивается, крупный — уменьшается, иной раз радикально. Поэтому тексты пользователей социальных медиа об увиденных ими вживую объектах искусства нередко выражают недоумение: при непосредственном контакте эти объекты оказались существенно меньше или больше, чем ожидалось. Приближаясь к объекту, “ощупывая” его глазами, мы по-другому соотносим с собой его объем; между смотрением на объект и прикосновением к нему зазор оказывается очень небольшим, эти акты принадлежат к одному порядку восприятия (*Merleau-Ponty* 1968: 134).

Подходя к “Большой глине”, люди преодолевают незримый барьер между собой и произведением искусства. Удостоверившись в том, что таблички “руками не трогать” нигде нет, а охрана не возражает против телесного контакта, люди начинают прикасаться к скульптуре, исследуя ее поверхность и физические свойства: прослеживают изображенные на ней гигантские папиллярные линии отпечатков пальцев художника; пытаются установить материал — трогают скульптуру, стучат по ней, с удивлением констатируя, что внешне монументальный объект изготовлен из алюминия и полый внутри, что кажущийся монолитом он составлен из фрагментов, выглядящий естественным — таким не является (в нем видны швы). Этот контраст между формой и материалом вызывает недоумение и почти катарсическую реакцию.

[Я] тоже вокруг ее обходила)) а ещё потрогала и постучала по ней))
(Соцмедиа: ОО).

А ещё несмотря на то, что скульптура из металла, мне показалась она
тёплой и мягкой (Соцмедиа: ЮС).

Итак, не удовлетворяясь зрительным контактом (который сам по себе погружает в атмосферу, предполагая определенные аффективные свойства объекта, — напр., за счет его объема, цвета, визуального баланса, симметрии/асимметрии, фигуративности/нефигуративности или, как в нашем случае, постфигуративности), люди стремятся уточнить полученные данные через прикосновение к объекту. Т. Грифферо предполагает, что атмосфера — это “пространственное переживание”, эмоциональное свойство определенного “проживаемого пространства” (*Griffiero* 2014). “Тело проживает среду не столько путем интерпретации, сколько путем отражения ее движений” (*Michels* 2015), включаясь в нее.

Проводя рукой по “Большой глине”, посетители тактильно следуют заданной ею траектории не только взглядом, но и “чувствующим телом”, сонастраиваясь с ней и включаясь в аффективную атмосферу. Исследуя сакральные пространства, Р. Скривен замечает, что они меняют поведение людей и даже ритм их движения, размывая и делая пористыми границы между людьми и окружающим миром, духовным и материальным, а в результате меняют ощущение посетителями этого пространства (Scriven 2019).

В ходе такого прикосновения и размывания границ создается тип “проживаемого” или “сенсоримоторного” знания об объекте — через тело. Это знание рефлексится не всеми пользователями, более того, одни и те же свойства арт-объекта исследуются разными людьми в разной степени и вызывают разные эмоции. В результате прикосновения посетители определяют скульптуру в категориях “жизни” и “подлинности”: она оказывается “теплой”, “живой”, “дышащей”, “пластичной”, “тактильной”, “активной”, “парящей”, “легкой”, “насыщенной энергией” или, напротив, “холодной”, “мертвой”, “ненастоящей”, “обманывающей”, “тяжеловесной”. Это необязательно прямое отражение телесных ощущений или аффекта в дискурсе. Скорее наоборот, слабо рефлексимое позитивное переживание транспонируется в маркеры телесных ощущений, являющихся конвенциональными для описания посещения мест с “хорошей атмосферой”.

Она крутая и на своём месте. Задаёт атмосферу места. Она свежа, как поток свежего воздуха (Соцмедиа: АН).

Фрагменты нежно искрились в тёплых лучах закатного солнца, атмосфера вокруг, архитектурное окружение, сочетание цветов, форм и фактур соединились в моей психической реальности в нечто чудесное внутри меня! Абсолютно современное творение, которое оказалось в нужном месте в нужное время! (Соцмедиа: НП)

Иными словами, на основании прикосновения, *произведенного в определенном социальном контексте*, люди включают “Большую глину” в ряд условно “живых” акторов взаимодействия или отторгают ее. Однако, как замечает Т. Грифферо, “холодность” (как и другие эмоционально негативные характеристики — “мертвенность”, “безликость”) не делает пространство лишенным атмосферы, но просто меняет ее вектор (Griffero 2013).

Цифровое касание: возвращение в онлайн

Атмосферу, которую посетители “Большой глины” ощутили, они нередко транслировали в цифровую среду через фото — свидетельство того, как они были вовлечены во взаимодействие с материальным путем более или менее плотного контакта. Анализируя фотографии пользователей, сделанные рядом с “Большой глиной”, можно проследить сокращение зазора между зрением и прикосновением. Наиболее ожидаемыми и массовыми результатами знакомства с “Большой глиной” стали “открыточные” изображения скульптуры, принципиально не отличающиеся от тех, которые авторы могли видеть в медиа. Как правило, это фото, сделанные с некоторого отдаления — с Болотной или Якиманской набережных, или с одного из двух мостов — Патриаршего или Малого Каменного.

Приближаясь к объекту, в том числе символически, пользователи “встраивают” себя в пространство при помощи фотографии. Результатом стали портретные снимки людей на фоне скульптуры. Как правило, такие изображения не сопровождаются эмоционально насыщенными текстами, они сделаны прежде всего для того, чтобы удостоверить свое личное присутствие в важном для актуальной медийной повестки месте.

Такое “цифровое касание” приобретает большую выраженность в еще одном типе фотографий, представляющих собой своего рода художественное переосмысление арт-объекта.

Одни снимки такого типа сделаны с близкого расстояния и необычного (т.е. менее распространенного в медиа) ракурса: они не демонстрируют объект целиком, а показывают его (пере)осмысление автором фото. Другие представляют собой лудические изображения, имитирующие контакт с объектом: например, люди притворялись, что держат “Большую глину” между двух пальцев или что она возвышается над рожком для мороженого (такие имитации взаимодействия характерны для вернакулярной фотографии, где при помощи игры с перспективой люди изображают, как будто “поддерживают” падающую Пизанскую башню или жених “помещается” на ладонь к невесте). Эти фотографии имеют двойную прагматику: с одной стороны, они выступают свидетельством присутствия в материальном поле арт-объекта, а с другой — являются инструментом его креативного переосмысления, включая человека-модель в общий с “Большой глиной” перформанс.

Предельной степенью тактильного освоения объекта публичного искусства становится репрезентация соприкосновения в социальных медиа в виде текстов или фотографий. Часть снимков рядом с “Большой глиной” изображает прислонившегося к ней человека или даже крупный план руки, исследующей поверхность скульптуры. Обычно это селфи: люди касаются скульптуры одной рукой и одновременно, держа смартфон в другой руке, дублируют это прикосновение в цифровой форме. Такие фотографии часто снабжены подписями типа “Прикасаясь к искусству” (Соцмедиа: ФГ), “...завораживают отпечатки на экспозиции, прикасаясь к шедевру ощущаешь особую энергетику и философию скульптуры” (Соцмедиа: ЮЕ). К. Классен и Д. Хоуз пишут о том, что переход к музейному экспонированию объектов, не предполагающему соприкосновения с ним посетителя, лимитирующего опыт смотрением на экспонат в застекленной витрине, — продукт культуры XIX в., противопоставившего зрение как привилегированное “цивилизованное” чувство европейца “некультурным” чувствам “туземца” (Clas-sen, Howes 2006). Цифровые медиа оказываются средством деколонизации чувств: при помощи фотографий в соцмедиа тактильность и сопresутствие не просто демонстрируются, но и конструируются как нормативное и желаемое поведение для тех, кто нацелен на сонастройку с аффективной атмосферой места.

К. Барейтер, обсуждая практики фотосъемки на мемориалах, посвященных Холокосту, замечает, что они не являются прямым отражением происходящего:

Процесс медиатизации определяет и трансформирует опыт, становясь неотъемлемой частью посещения мемориала. Иными словами, фотосъемка мемориала, вкупе с контекстуализированием снимков подписями и размещением их в социальных медиа, может стать процессом реализации эмоциональных аффордансов точки наследия через эмоциональные аффордансы цифровых медиа (Bareither 2021: 583).

По мнению исследователя, фотографирующие пытаются (иногда одновременно) “зафиксировать переживание”, установить свою связь с местом и его атмосферой, осуществить заранее ориентированный на цифровую аудиторию перформанс эмоции в ситуации телесного соприсутствия в данном пространстве.

В свою очередь, для зрителя в соцсетях эта фотография становится способом поставить себя на место пользователя публичного пространства. Выше мы обсуждали, как контакт со святыней может быть удаленным, например, путем (со)прикосновения с брандеа или изображением (Антонов 2018); по-видимому, это наблюдение валидно и для несакральных объектов. Как замечает ряд исследователей, такие взаимодействия в цифровой среде не просто возвращают материальное, но и дают возможность удаленному пользователю соприкоснуться с ним *per proxy*: манипулируя реальностью через репрезентации, ощущая соприсутствие через цифровое “схватывание” (*grip*) на расстоянии (Paterson 2006: 701). Виртуальные взаимодействия являются воплощенными (*embodied*) в том смысле, что они, во-первых, полагаются на те же внетелесные контексты (напр., доверие к партнеру по коммуникации), а из-за этого, во-вторых, по крайней мере отчасти возбуждают те же или схожие телесные реакции (James, Leader 2023). Селфи с рукой, касающейся объекта, играет ту же роль, что и особый тип изображения в компьютерных играх — например, в “шутерах” от первого лица. Рука воспринимается как “собственная”, и в результате описанный в посте аффект также до известной степени интериоризуется. Пост в соцсети становится не только свидетельством присутствия автора в месте, обладающем определенной атмосферой, но и средством транслировать ее удаленной аудитории. Парадоксальным образом эта удаленная и невидимая аудитория благодаря практике цифровой фотографии оказывается втянутой в ту социальность, которая в существенной степени определяет аффективную атмосферу физического пространства.

* * *

Кейс “Большой глины” — городского объекта, находящегося за пределами развитых семиотических идеологий и из-за этого плохо поддающегося интерпретации — показывает, что у людей, приходящих к такому арт-объекту, есть запрос на его понимание как путем рационального объяснения (“что тут изображено”), так и путем феноменологического осмысления чувствующего тела (*Leib*), когда смысл изображения неважен или интенционально отсутствует (“кем я являюсь рядом с ним”; “каковы переживания, которые во мне будит или должен будить объект”; “как я соотношусь с переживаниями других людей”). Иными словами, преодолевая цифровой барьер и приближаясь к физическому арт-объекту, люди не просто испытывают на себе действие определенной атмосферы, но и ищут ее. Как “атмосферные” при этом могут определяться и урбанистический контекст, в который помещен объект, и сложившаяся вокруг него социальность, и климатические условия, и свойства самого объекта, изменяющиеся по мере изменения положения тела наблюдателя в пространстве и времени, — а вернее, совокупность всех этих факторов, создающая выходящее за пределы простой их суммы ощущение.

В этой системе тактильный контакт является важным элементом встраивания в окружающую его аффективную атмосферу, сонастройки с ней. Прикосновение — одна из форм “оживления” объекта через реципрокность тактильного

контакта и совоплощения (*co-embodying*) и одновременно продуцент аффекта. Последний определяется как дорефлексивной телесностью участника контакта, так и его аффективной биографией. Важно, что акт прикосновения в городском пространстве по определению публичен — и поэтому, касаясь объекта, человек не только сам сонастраивается с атмосферой места, испытывая ее влияние, но и сонастраивает с ней весь окружающий контекст: во-первых, действия одного человека, повлекшие за собой переживание, могут быть воспроизведены другими; во-вторых, он сообщает о своих переживаниях окружающим, изменяя их аффективную биографию. Итак, коснуться означает, по сути, “сонастроиться аффекту места”, “пережить место”; представляется, что этот вывод валиден и для объектов, которые в исследованиях привычно определяются как “магические” или “сакральные”.

Однако в современных условиях цифрового города прикосновение выполняет еще одну важную задачу. При помощи касания, зафиксированного на фотографии и в тексте, отвечающих определенному аффективно-дискурсивному канону, границы экрана становятся до определенной степени пористыми. Медиатизированное прикосновение транслирует аффективную атмосферу места за пределы физического пространства, конструируя его в диффузной цифровой среде страниц социальных медиа. Тем самым удаленный зритель оказывается вовлечен в атмосферу места, хотя и погружается в нее иначе, чем человек, присутствующий с объектом в одном физическом пространстве.

Примечание

¹ Впрочем, справедливости ради отметим, что в единичных случаях в нарративах о собаке все же встречается следующая объяснительная модель, к которой сами же рассказчики относятся с недоверием: “Ну, я слышала такое объяснение, что, значит, там же бронзовые эти все эти фигуры, что конкретно на эту собаку досталась бронза с какого-то церковного колокола, поэтому за него и надо держаться” (ПМИ 2019: АЕД).

² Эмпирическую базу исследования составил массив вербальных пользовательских текстов на русском языке, размещенных в социальных медиа в период с августа по октябрь 2021 г. Тексты выгружались при помощи сервиса анализа социальных медиа по следующим принципам: 1) ограничения по географическому признаку не вводились; 2) формальные ограничения по языку не вводились, но иные (кроме русского) языки не попали в массив из-за особенностей поискового запроса; 3) выгружались все доступные (т.е. находящиеся в открытых источниках) тексты, включая посты, комментарии, репосты, репосты с дополнением; 4) выгружались все комментарии к сообщениям, содержащим ключевые слова, даже в случае, если в самих комментариях ключевых слов не было. Поисковый запрос был сконструирован на основании результатов предварительного наблюдения за лексическим составом текстов о “Большой глине”. В силу того что в социальных медиа возникло множество дисфемизмов, описывающих объект, не называя его напрямую, эти словосочетания также были включены в поисковый запрос. В результате мы получили корпус материалов объемом около 160 тыс. единиц из 752 источников. Массив исследовался при помощи контент-анализа и дискурсивного анализа. Кроме того, был проведен качественный анализ фотографий, размещенных пользователями в *Vkontakte* и *Instagram** в тот же период в радиусе 150 м от “Большой Глины” (порядка 2000 изображений), отбравшихся по соответствию хэштегов и геотегов. Также в августе–сентябре проводились серии краткого невключенного наблюдения пользовательских взаимодействий с объектом (всего в разные дни — около 4 часов). Данные наблюдения фиксировались в полевом дневнике.

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской, деятельность организации запрещена на территории РФ.

Источники и материалы

- ПМА 2020 – Полевые материалы автора. 2020 г. Ж1 – жен., около 55 лет, туристка, приехавшая в Саввино-Сторожевский монастырь.
- ПМИ – Полевые материалы исследовательской группы “Народная история России”: СЛА – муж., 1996 г.р., Москва, 2018 г. (соб. Елена Югай); АЕД – жен., 1957 г.р., Москва, 2018 г. (соб. Эста Матвеева); БЕП – жен., 1952 г.р., Москва, 2019 г. (соб. Анна Карпова).
- Соцмедиа – Записи в социальных медиа: ЕК – жен., около 50 лет, Москва (запись в соцсети *Instagram** 22.08.2021); СП – муж., около 45 лет, Москва (запись в соцсети *Facebook** 22.08.2021); ЮБ – жен., около 40 лет, Москва (запись в соцсети *Instagram** 19.10.2021); МИ – жен., около 30 лет, Москва (запись в соцсети *Facebook**, 18.08.2021); ВС – муж., около 55 лет, Москва (запись в соцсети *Facebook** 24.08.2021); ГК – жен., Москва (комментарий в соцсети *Facebook** 23.08.2021); ОО – жен., около 35 лет, Москва (запись в соцсети *Instagram** 21.08.2021); ЮС – жен., около 40 лет, Москва (запись в соцсети *Facebook** 11.09.2021); АН – муж., Москва (комментарий в соцсети *Instagram** 18.08.2021); НП – жен., Москва (запись в соцсети *Instagram** 30.08.2021); ФГ – жен., Москва (запись в соцсети *Instagram** 13.09.2021); ЮЕ – жен., Москва (запись в соцсети *Instagram** 28.08.2021).

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской, деятельность организации запрещена на территории РФ.

Научная литература

- Антонов Д. Два “тела” иконы: общение с образом как апроприация силы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 7 (40). С. 9–34.
- Лоу С. Пространственное воплощение культуры. Этнография пространства и места. М.: НЛО, 2024.
- Кормина Ж. Святая энергетика “намоленного места”: о языке православных паломников // *Natales grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона / Ред. А.К. Байбурын, А.Л. Осповат. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2008. С. 251–265.
- Куприянов П.С., Лурье М.Л. “Вот этот вот дух, когда он есть, это всегда очень здорово...”: как работают культурные атмосферы и за что их любят // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 248–275.
- Петров Н.В. Памятники в пространстве Москвы // Живая старина. 2018. № 2. С. 44–48.
- Самутина Н., Запорожец О. Свой среди других: антропология нормы в пространстве царицынского парка // Царицыно. Атракцион с историей / Под ред. Н.В. Самутиной, Б.Е. Степанова. М.: НЛО, 2014. С. 143–187.
- Сивак Е. “Одна карта, много маршрутов”: навигация в парке Царицыно и режимы восприятия пространства // Царицыно. Атракцион с историей / Под ред. Н.В. Самутиной, Б.Е. Степанова. М.: НЛО, 2014. С. 188–214.
- Bareither C. Capture the Feeling: Memory Practices in between the Emotional Affordances of Heritage Sites and Digital Media // *Memory Studies*. 2021. No. 14 (3). P. 578–591.

- Bille M., Simonsen K.* Atmospheric Practices: On Affecting and Being Affected // *Space and Culture*. 2021. № 24 (2). P. 295–309.
- Candlin F.* Rehabilitating Unauthorised Touch or Why Museum Visitors Touch the Exhibits // *The Senses and Society*. 2017. No. 12 (3). P. 251–266.
- Classen C., Howes D.* The Museum as Sensescape: Western Sensibilities and Indigenous Artifacts // *Sensible Objects: Colonialism, Museums and Material Culture* / Eds. E. Edwards, C. Gosden, R. Phillips. Oxford (NY): Berg, 2006. P. 199–222.
- de Souza e Silva A.* Mobile Networks and Public Spaces: Bringing Multiuser Environments into the Physical Space // *Convergence*. 2004. No. 10 (2). P. 15–25.
- Griffero T.* The Atmospheric “Skin” of the City // *Ambiances. Environnement sensible, architecture et espace urbain*. 2013. <https://doi.org/10.4000/ambiances.399>
- Griffero T.* Atmospheres and Lived Space // *Studia Phaenomenologica*. 2014. No. 14. P. 29–51.
- Griffero T.* Is There Such a Thing as an “Atmospheric Turn”? Instead of an Introduction // *Atmosphere and Aesthetics: A Plural Perspective* / Eds. T. Griffero, M. Tedeschi. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 11–62.
- Jackson P., Everts J.* Anxiety as Social Practice // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2010. No. 42 (11). P. 2791–2806.
- James M.M., Leader J.F.* Do Digital Hugs Work? Re-Embodying Our Social Lives Online with Digital Tact // *Frontiers in Psychology*. 2023. No. 14. 910174.
- Kinnunen T., Kolehmainen M.* Touch and Affect: Analysing the Archive of Touch Biographies // *Body & Society*. 2019. No. 25 (1). P. 29–56.
- Kormina J., Luehrmann S.* The Social Nature of Prayer in a Church of the Unchurched: Russian Orthodox Christianity from Its Edges // *Journal of the American Academy of Religion*. 2017. No. 86 (2). P. 394–424.
- Merleau-Ponty M.* *The Visible and the Invisible: Followed by Working Notes*. Evanston: Northwestern University Press, 1968.
- Michels C.* Researching Affective Atmospheres // *Geographica Helvetica*. 2015. No. 70 (4). P. 255–263.
- Panchenko A.A.* How to Make a Shrine with Your Own Hands: Local Holy Places and Vernacular Religion in Russia // *Vernacular Religion in Everyday Life: Expressions of Belief* / Eds. M. Bowman, Ü. Valk. N.Y.: Routledge, 2012. P. 54–74.
- Paterson M.* Affecting Touch: Towards a Felt Phenomenology of Therapeutic Touch // *Emotional Geographies* / Eds. J. Davidson, L. Bondi, M. Smith. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 161–176.
- Paterson M.* Feel the Presence: Technologies of Touch and Distance // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2006. No. 24 (5). P. 691–708.
- Paterson M., Dodge M., MacKian S.* Introduction: Placing Touch within Social Theory and Empirical Study // *Touching Space, Placing Touch* / Eds. M. Paterson, M. Dodge, S. MacKian. L.: Ashgate Publishing, 2012. P. 1–28.
- Scriven R.* Touching the Sacred: Sensing Spirituality at Irish Holy Wells // *Journal of Cultural Geography*. 2019. No. 36 (3). P. 271–290. <https://doi.org/10.1080/08873631.2019.1632404>
- Stewart K.* Atmospheric Attunements // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2011. No. 29 (3). P. 445–453.
- Townsend A.* Augmenting Public Space and Authoring Public Art: The Role of Locative Media // *ArtNodes E-Journal*. 2008. No. 8.
- Urry J.* The Place of Emotions Within Place // *Emotional Geographies* / Ed. J. Davidson. Milton Park: Routledge, 2016. P. 77–83.

- Walkerdine V., Jimenez L.* Gender, Work and Community after De-Industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect. N.Y.: Springer, 2012.
- Wanner C.* An Affective Atmosphere of Religiosity: Animated Places, Public Spaces, and the Politics of Attachment in Ukraine and Beyond // *Comparative Studies in Society and History*. 2020. No. 62 (1). P. 68–105.
- Wetherell M.* Affect and Discourse – What’s the Problem? From Affect as Excess to Affective/Discursive Practice // *Subjectivity*. 2013. No. 6. P. 349–368.
- Wetherell M.* Tears, Bubbles and Disappointment – New Approaches for the Analysis of Affective-Discursive Practices: A Commentary on “Researching the Psychosocial” // *Qualitative Research in Psychology*. 2015. No. 12 (1). P. 83–90.
- White G.* Landscapes of Power: National Memorials and the Domestication of Affect // *City & Society*. 2006. No. 18 (1). P. 50–61.
- Zebracki M.* A Cybergeography of Public Art Encounter: The Case of Rubber Duck // *International Journal of Cultural Studies*. 2017. No. 20 (5). P. 526–544.
- Zebracki M.* Queering Public Art in Digitally Networked Space // *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. 2017. No. 16 (3). P. 440–474.

Research Article

Radchenko, D.A. Touching the City: Tactility and Affect of Public Art [Kasaia's goroda: taktil'nost' i affekt publichnogo iskusstva]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 39–55. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040033> EDN: AZAXNU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Daria Radchenko | <http://orcid.org/0000-0002-9298-7783> | darradchenko@gmail.com | Institute for Social Sciences Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

affective atmosphere, affect, haptic, tactile perception, touch, social media, public art, urban space, digital environment

Abstract

Touching objects of public art is one of the most frequently recorded and at the same time superficially described practices of interaction with the urban environment. I propose to look at this practice through the lens of the “affective atmospheres” approach, which allows us to problematize tactile contact as a means and result of affective attunement with space. Analyzing the affective-discursive canon, emerging around the interaction with a new art object (the sculpture “Big Clay No. 4” in Moscow), I demonstrate how, on the one hand, the transition from digital to visual and tactile interaction with the materiality of space creates collective affect online; on the other hand, how this affect is transmitted to social media, making the public art object the center of a physical hybrid space.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075–15–2022–326]

References

- Antonov, D. 2018. Dva “tela” ikony: obshchenie s obrazom kak apropiatsiia sily [Two “Bodies” of an Icon: Communication with an Icon as Appropriation of Power]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiia* 7 (40): 9–34.

- Bareither, C. 2021. Capture the Feeling: Memory Practices in between the Emotional Affordances of Heritage Sites and Digital Media. *Memory Studies* 14 (3): 578–591.
- Bille, M., and K. Simonsen. 2021. Atmospheric Practices: On Affecting and Being Affected. *Space and Culture* 24 (2): 295–309.
- Candlin, F. 2017. Rehabilitating Unauthorised Touch or Why Museum Visitors Touch the Exhibits. *The Senses and Society* 12 (3): 251–266.
- Classen, C., and D. Howes. 2006. The Museum as Sensescape: Western Sensibilities and Indigenous Artifacts. In *Sensible Objects: Colonialism, Museums and Material Culture*, edited by E. Edwards, C. Gosden, and R. Phillips, 199–222. Oxford (NY): Berg.
- de Souza e Silva, A. 2004. Mobile Networks and Public Spaces: Bringing Multiuser Environments into the Physical Space. *Convergence* 10 (2): 15–25. <https://doi.org/10.1177/135485650401000203>
- Griffero, T. 2013. The Atmospheric “Skin” of the City. *Ambiances. Environnement sensible, architecture et espace urbain*. <https://doi.org/10.4000/ambiances.399>
- Griffero, T. 2014. Atmospheres and Lived Space. *Studia Phaenomenologica* 14: 29–51.
- Griffero, T. 2019. Is there Such a Thing as an “Atmospheric Turn”? Instead of an Introduction. *Atmosphere and Aesthetics: A Plural Perspective*, edited by T. Griffero and M. Tedeschini, 11–62. Cham: Palgrave Macmillan.
- Jackson, P., and J. Everts. 2010. Anxiety as Social Practice. *Environment and Planning A: Economy and Space* 42 (11): 2791–2806.
- James, M.M., and J.F. Leader. 2023. Do Digital Hugs Work? Re-Embodying Our Social Lives Online with Digital Tact. *Frontiers in Psychology* 14: 910174.
- Kinnunen, T., and M. Kolehmainen. 2019. Touch and Affect: Analysing the Archive of Touch Biographies. *Body & Society* 25 (1): 29–56.
- Kormina, J. 2008. Sviataia energetika “namolennogo mesta”: o yazyke pravoslavnyh palomnikov [Saint Enegetics of Prayed Place]. In *Natales grate numeras? Sbornik statei k 60-letiiu Georgiia Ahillovicha Levintona* [Natales Grate Numeras? Essays in Honour of 60th Anniversary of Georgy Akhillovich Levinton], edited by A.K. Baiburin and A.L. Ospovat, 251–265. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt Peterburge.
- Kormina, J., and S. Luehrmann. 2017. The Social Nature of Prayer in a Church of the Unchurched: Russian Orthodox Christianity from Its Edges. *Journal of the American Academy of Religion* 86 (2): 394–424.
- Kupriyanov, P.S., and M.L. Lurie. 2022. “Vot etot vot duh, kogda on est’, eto vseгда ochen’ zdorovo...”: kak rabotaiut kul’turnye atmosfery i za chto ih liubiat [“This Spirit, when You Feel It, It is Always Very Cool...”: How Cultural Atmospheres Work and Why Do We Like Them]. *Shagi/Steps* 8 (4): 248–275.
- Low, S. 2024. *Prostranstvennoe voploshchenie kul’tury. Etnografiia prostranstva i mesta* [Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place]. Moscow: NLO.
- Merleau-Ponty, M. 1968. *The Visible and the Invisible: Followed by Working Notes*. Evanston: Northwestern University Press.
- Michels, C. 2015. Researching Affective Atmospheres. *Geographica Helvetica* 70 (4): 255–263.
- Panchenko, A.A. 2012. How to Make a Shrine with Your Own Hands: Local Holy Places and Vernacular Religion in Russia. In *Vernacular Religion in Everyday Life: Expressions of Belief*, edited by M. Bowman and Ü. Valk, 54–74. New York: Routledge.

- Paterson, M. 2005. Affecting Touch: Towards a Felt Phenomenology of Therapeutic Touch. In *Emotional Geographies*, edited by J. Davidson, L. Bondi, and M. Smith, 161–176. Aldershot: Ashgate.
- Paterson, M. 2006. Feel the Presence: Technologies of Touch and Distance. *Environment and Planning D: Society and Space* 24 (5): 691–708.
- Paterson, M., M. Dodge, and S. MacKian. 2012. Introduction: Placing Touch within Social Theory and Empirical Study. In *Touching Space, Placing Touch*, edited by M. Paterson, M. Dodge, and S. MacKian, 1–28. London: Ashgate Publishing.
- Petrov, N.V. 2014. Pamiatniki v prostranstve Moskvy [Monuments in the Space of Moscow]. *Zhivaia starina* 2: 44–48.
- Samutina, N., and O. Zaporozhets. 2014. Svoi sredi drugih: antropologiya normy v prostranstve tsaritsynskogo parka [Own between the Others: Anthropology of Norm in the Space of Tsaritsyno Park]. In *Tsaritsyno. Attraksion s istoriei* [Tsaritsyno: Attraction with History], edited by N.V. Samutina and B.E. Stepanov, 143–187. Moscow: NLO.
- Scriven, R. 2019. Touching the Sacred: Sensing Spirituality at Irish Holy Wells. *Journal of Cultural Geography* 36 (3): 271–290. <https://doi.org/10.1080/08873631.2019.1632404>
- Sivak, E. 2014. “Odnа karta, mnogo marshrutov”: navigatsiya v parke Tsaritsyno i rezhimy vospriyatiya prostranstva [“One Map, Many Routes: Navigation in Tsaritsyno Park and Regimes of Space Perception]. In *Tsaritsyno. Attraksion s istoriei* [Tsaritsyno: Attraction with History], edited by N.V. Samutina and B.E. Stepanov, 188–214. Moscow: NLO.
- Stewart, K. 2011. Atmospheric Attunements. *Environment and Planning D: Society and Space* 29 (3): 445–453.
- Townsend, A. 2008. Augmenting Public Space and Authoring Public Art: The Role of Locative Media. *ArtNodes E-Journal* 8.
- Urry, J. 2016. The Place of Emotions within Place. In *Emotional Geographies*, edited by J. Davidson, 77–83. Milton Park: Routledge.
- Walkerline, V., and L. Jimenez. 2012. *Gender, Work and Community after De-Industrialisation: A Psychosocial Approach to Affect*. New York: Springer.
- Wanner, C. 2020. An Affective Atmosphere of Religiosity: Animated Places, Public Spaces, and the Politics of Attachment in Ukraine and Beyond. *Comparative Studies in Society and History* 62 (1): 68–105.
- Wetherell, M. 2013. Affect and Discourse – What’s the Problem? From Affect as Excess to Affective/Discursive Practice. *Subjectivity* 6: 349–368.
- Wetherell, M. 2015. Tears, Bubbles and Disappointment – New Approaches for the Analysis of Affective-Discursive Practices: A Commentary on “Researching the Psychosocial”. *Qualitative Research in Psychology* 12 (1): 83–90.
- White, G. 2006. Landscapes of Power: National Memorials and the Domestication of Affect. *City & Society* 18 (1): 50–61.
- Zebracki, M. 2017. A Cybergeography of Public Art Encounter: The Case of Rubber Duck. *International Journal of Cultural Studies* 20 (5): 526–544.
- Zebracki, M. 2017. Queering Public Art in Digitally Networked Space. *ACME: An International Journal for Critical Geographies* 16 (3): 440–474.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНТОНАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ ОПЫТА: ПОНЯТИЕ АТМОСФЕРЫ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ГЕРМАНА ШМИЦА И ГЕРНОТА БЁМЕ

С. Рункель (пер. с нем. С.В. Соколовского)

Симон Рункель | <http://orcid.org/0000-0002-3774-2433> | simon.runkel@uni-jena.de | преподаватель | Йенский университет им. Фридриха Шиллера, Институт географии (Лебдерграбен 32, 07743 Йена, Германия)

Ключевые слова

атмосферы, эстетика, феноменология пространства, маркетинг, аффективные пространства, манипуляция

Аннотация

Статья представляет краткую генеалогию понятия “атмосфера” у Германа Шмица (Новая феноменология) и Гернота Бёме (Новая эстетика), чтобы продемонстрировать, что это понятие приобретает квазирелигиозные коннотации, особенно в таких прикладных областях, как дизайн и экономика. Показано, как феноменологическая концепция религиозного происхождения может превратиться в псевдопсихологическую маркетинговую стратегию. В статье утверждается, что концепция атмосферы не должна применяться исключительно к дизайну (интерьерных) пространств, скорее она должна учитывать социальность атмосферы. Все это привлекает внимание к манипулятивной силе атмосферы.

Информация о финансовой поддержке

Перевод выполнен С.В. Соколовским в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075–15–2022–328]

Понятие “атмосфера” многогранно¹. Уделяемое ему в последние годы повышенное внимание способствовало диверсификации его концептуальных определений. В ходе внедрения понятия в различные дисциплины возникала необходимость состыковывать его с доминирующими в этих дисциплинах дискуссиями и практикой. В результате спектр значений “атмосферы” расширился. С точки зрения социологии знания притягательность понятия

Статья поступила 07.06.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Рункель С. Религиозные интонации в экономике опыта: понятие атмосферы в эстетической и феноменологической мысли Германа Шмица и Гернота Бёме // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 4. С. 56–69. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040047> EDN: AZAETX

Runkel, S. 2024. Religioznye intonatsii v ekonomike opyta: poniatie atmosfery v esteticheskoi i fenomenologicheskoi mysli Germana Shmitsa i Gernota Beme [Religious Inflection in the Economy of Experience: The Concept of Atmosphere in Aesthetic and Phenomenological Thought of Hermann Schmitz and Gernot Böhme]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 56–69. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040047> EDN: AZAETX

можно объяснить тем, что оно остается неопределенным и функционирует в качестве “плавающего означающего” (*Lévi-Strauss* 1987: 63) в “языковых играх” повседневного и научного языков. Дискурсивный его успех как журналистского и научного феномена еще ждет своей деконструкции. Таким образом, точное онтологическое определение “атмосферы” или “атмосферного” оказывается сизифовой задачей. Тем не менее попытки многочисленны. Одним из стимулов для настоящей статьи стало следующее наблюдение: понятие атмосферы приобретает квазирелигиозный вид, особенно в его конструктивных и экономических приложениях. На первый взгляд удивительно то, что атмосферы становятся товарным фетишем, однако не менее удивительно и то, что феноменологическая концепция, сформировавшаяся когда-то в религиозном контексте, может быть преобразована в псевдопсихологическую маркетинговую стратегию. Приводимая в этой статье краткая генеалогия понятия атмосферы служит целям более широкого его определения, а также критически рассматривает манипулятивную власть атмосферы.

Атмосферы заняли центральное место в стратегическом словаре капиталистических экономик опыта (*Erlebnisökonomien*) позднего модерна (ср.: *Pine, Gilmore* 2011)². В последнее время появилось большое количество руководств и справочников по этой теме. Недавно были опубликованы работы, в которых скрупулезно и методично предпринимаются попытки экспериментального разбора и конструирования таких атмосфер (ср.: *Lipczinsky, Börner* 2001; *Uhrich* 2008; *Leichtle* 2009; *Müller* 2012; *Huber et al.* 2013). С точки зрения методологии эта литература использует, с одной стороны, сложные количественные схемы для “измерения” атмосфер, а с другой — указывает на возможности оптимизации декора и меблировки внутренних пространств, в особенности торговых помещений. Экономические практики соблазнения потребителей и создание “чистого” опыта уже давно подвергаются критическому анализу и разоблачению (*Hasse* 2004; *Kazig* 2007a; *Biehl-Missal, Saren* 2012). В настоящее время ясно, что жанру атмосферной поэтики служат прежде всего искусствоведы и архитекторы³.

Ниже я хотел бы вкратце проследить генеалогию значений термина “атмосфера”⁴, которая, однако, остается неполной (и, с очевидностью, предварительной). Выражение “соответствие значений” (*Bedeutungszusammenhang*) предназначено для обозначения различных эпистемических полей значения, в которых термин “атмосфера” онтологизируется или по крайней мере подвергается методологическому обсуждению. Онтологические определения понятия “атмосфера” в основном осуществлялись в феноменологическом ключе — феноменологическая литература является источником этого понятия, которое затем часто в очень урезанном и лишенном онтологических тонкостей виде использовалось в эстетических и архитектурных теориях⁵.

Атмосфера в религии и (новой) феноменологии

Наряду с Хубертом Телленбахом (*Tellenbach* 1968) у истоков нынешней дискуссии о понятии атмосферы стоит философ Герман Шмиц⁶. Шмиц развивает идею религиозного происхождения этого понятия в рамках исторической антропологии. В свою Новую феноменологию (более подробно она будет представлена ниже) он включает “архаическую идею эмоциональных сил, которые овладевают человеком и разворачивают на нем бои как на своем поле битвы”

(Schmitz 2014: 47). Шмиц утверждает, что захват человека чувствами трактовался в античности космогонически и в конечном счете занял свое место в раннем христианстве. Чувство “переполненности”, настроение, которое охватывает человека, предстает “в определенном смысле [как] нечто экзогенное” (Taylor 2012: 65). В раннехристианском смысловом контексте именно Святой Дух овладевает чувствами людей (Schmitz 2014: 48). Атмосфера предстает здесь как открытое для трансцендентности пространство, которое можно ощутимо пережить. Атмосферный опыт отсылает к Другому. Это было признано антропологами в ряде феноменологических исследований религии, посвященных нуминозному, священному и возвышенному (van der Leeuw 1970; Eliade 1998; Otto 2013). Чарльз Тэйлор объясняет этот опыт в его религиозном значении следующим образом: “Тогда внутреннее уже не только внутри, но и снаружи. Это означает, что особенно глубокие чувства человеческой жизни существуют в пространстве за пределами нас самих – в пространстве, которое проницаемо для внешней уподобляемой личности силы” (Taylor 2012: 70). Если интерпретировать атмосферный опыт или переживание в религиозном смысловом поле, то нельзя не понять эту захваченность как пневматический эффект, действенность которого можно наблюдать и сегодня не только в так наз. харизматических движениях современного христианства, но и в других религиях также (ср.: Riedel 2015). Это всегда описывается как экзогенная сила, проявляющаяся в религиозных сообществах, их ритуалах и практиках.

За религиозной интерпретацией следует секуляризованная трактовка атмосфер в Новой феноменологии Шмица. Шмиц описывает повседневные переживания как “непроизвольный опыт жизни”, который представляет собой “все, что происходит с людьми очевидным для них образом, но без их сознательной на этом фокусировки” (Schmitz 2014: 30). Шмиц опровергает религиозную интерпретацию следующим тезисом: “Ощущения – это пространственно разлитые атмосферы и телесные силы захвата <...> Я называю атмосферой занятие бесповерхностного пространства, или зоны, в сфере переживаемого присутствия” (Ibid.). Это пространство бесповерхностно постольку, поскольку нет смысла говорить о геометрически определимой позиции чувств, так же как нет смысла говорить о локализованном пространстве звука. Согласно Шмицу, атмосфера, таким образом, не является локализованным пространством.

Шмиц обсуждает различные атмосферы, которые переживаются физически. Он пишет, что мы должны “думать не об удаленных пространствах”, “а о пространствах, которые переживаются как настоящие, наполненные такими чувствами, как радость, печаль, гнев, стыд, страх, мужество, злость, сострадание, удовлетворение” (Ibid.). Атмосферу можно ощущать физически, но можно и просто воспринимать. Кроме того, Шмиц уточняет, что “если захваченность подлинна, то человек, который ею движим, должен сначала солидаризироваться с ней, принять ее как собственное побуждение, и только после этого он может вступить в личную конфронтацию с чувством через подчинение или сопротивление” (Ibid.: 37). Помимо чувств существуют и другие атмосферы, такие как погода, тишина или ночь. Шмиц феноменологически интерпретирует чувства и атмосферы как полувещи. Он объясняет разницу между вещами и полувещами следующим образом: “Вещи делятся без перерыва и действуют опосредованно, как причина, которая производит эффект через влияние. В отличие от них, длительность полувещи может быть прервана, а их действие является непо-

средственным, так как причина и следствие совпадают” (Ibid.: 39). Здесь Шмиц дистанцируется от реификации чувств, поэтому иногда имеет смысл говорить об “атмосферном”, а не об “атмосфере”. В своей философии Шмиц, таким образом, устраняет религиозную интерпретационную рамку понятия атмосферы и в определенном смысле “нейтрализует” его, возвращая к чисто телесному опыту. Кроме того, для Шмица понятие атмосферы глубоко укоренено в онтологии ситуации, которая будет рассмотрена ниже более подробно. Шмиц упоминает также о возможности формирования атмосферы, а в некоторых случаях и о технике ее культивирования (Schmitz 2009: 77).

Этого краткого описания довольно обширного изложения философской системы Шмица (введение в нее см. в: Schmitz 2005, 2009), по моему мнению, достаточно для последующей аргументации. Поскольку неофеноменологические труды Шмица, за небольшими исключениями (Schmitz et al. 2011; Schmitz 2020), до сих пор не переведены на английский или другие языки, международным дискуссиям (по Новой феноменологии.— С.В.С.) не хватает фундированности. В последнее время “Новая феноменология” Шмица получает все более широкое международное признание, особенно благодаря его концепции атмосферы (Griffero 2014, 2020, 2021; Slaby 2020; Riedel, Torvinen 2020).

Критическое обсуждение концепции атмосферы Гернота Бёме

Современная теоретическая дискуссия в международных изданиях опирается на положения о понятии атмосферы, разработанные в Новой эстетике Гернота Бёме (Böhme 2013 [1995]). Как и Новая феноменология Шмица, Новая эстетика Бёме может быть понята как последовательный отказ от религиозной интерпретации атмосферных феноменов и аналитическое очищение посредством феноменологии опыта от религиозной трактовки понятия атмосферы. Более того, позицию Бёме можно интерпретировать как выход к практическому формированию мира.

От восприятия к созданию атмосферы. Заслуга Бёме состоит в том, что он открыл возможность конструктивного использования понятия “атмосфера” в эстетической и архитектурной теориях. Среди прочего Бёме использует понятие “аура” Вальтера Бенямина (Benjamin 1991) и размышляет об атмосфере в вещно-онтологических терминах. Он в значительной степени отвергает рассуждения Шмица о полувещах, поскольку понимает атмосферу как пространство «в той мере, в какой оно “окрашено” присутствием вещей, людей или констелляций окружающей среды, т.е. их экстафикой» (Böhme 2013: 33). Атмосфера для Бёме — это то, что исходит от вещей. Бёме утверждает, что концепция Шмица сопротивляется возможности того, что атмосферы могут быть порождены и произведены. Он называет феноменологию Шмица сильной стороной эстетики *рецепции*, но заявляет о ее поразительной слабости в отношении эстетики *производства* (Ibid.: 31).

Концепция атмосферы Бёме, напротив, тесно связана с техникой инсталлирования и эстетической работой. Его философия обещает намеренное декорирование мира и, с его помощью, захват чувств. Неудивительно, что Новая эстетика Бёме нашла отклик у сценографов, режиссеров, архитекторов, градостроителей и в конечном счете у находчивых маркетинговых стратегов. Однако все это обнаруживает параллели с критикой эстетической экономики, т.е. экономики “присвоения, манипулирования и внушения, осуществляемых посред-

ством производства атмосферы по отношению к тем, кто подвергается их воздействию” (Böhme 2013: 47).

Философские трудности концепции атмосферы Бёме. Идея Бёме использовать понятие атмосферы таким образом, чтобы его можно было интерпретировать как результирующий продукт оформления мира (*Weltdekoration*), создает ряд философских проблем. Во-первых, это касается эпистемологической дихотомизации субъекта и объекта и вытекающего отсюда противопоставления человека и среды, которое ставится под сомнение в современной философии. Интересно, что Бёме осознает данную проблему, поскольку утверждает, что эта дихотомия должна быть разрушена (Ibid.: 31). С этой целью он использует понятие “экстатика”. Он пишет: «Вещь понимается не через ее отличие от других, ее демаркацию и единство, как раньше, а через способы, которыми она возникает из самой себя. Я ввел выражение “экстатика вещи” для обозначения этих способов выхода из себя» (Ibid.: 32 ff). Экстатику он относит к “вторичным качествам <...> которые принадлежат не вещи самой по себе, а только в ее [вещи] отношении к субъекту” (Ibid.: 33). Попытка Бёме преодолеть дихотомию субъекта и объекта удастся лишь с помощью хитрости: повторного введения дихотомии на вторичном уровне⁷. Эстетическая философия Бёме руководствуется стремлением подчеркнуть конструируемость (*Gestaltbarkeit*) атмосферы, поэтому его теория атмосферы в конечном счете остается полностью артифицированной, с феноменологическими концепциями ее объединяет только то, что она учитывает (субъективный) опыт. Однако это также означает, что экономика инсценированного производства атмосферы овладевает соответствующими субъектами лишь квазирелигиозным способом. Таким образом, Бёме предлагает доктрину созидания, но в комплекте с длинной инструкцией, в которой перечислены побочные эффекты. По крайней мере можно утверждать, что он оставляет достаточно места для возможности критики “фазы глянцевого капитализма” (Ibid.: 45).

Во-вторых, Бёме, по-видимому, понимает пространство как вместилище, в котором могут быть расположены вещи. С одной стороны, он подчеркивает, что это не пространство в кантовском смысле “созерцания внешнего и находящегося рядом” (Ibid.: 95), а субъективное восприятие пространства, встречающегося с аффективным потоком (*Fluidum*). С другой стороны, он ссылается на пространственное создание архитектуры: внутренних пространств зданий, площадей, торговых центров, аэропортов, городских центров и культурных ландшафтов (Ibid.: 97). Остается неясным, как (субъективное) восприятие, аффективная текучесть и материальность сочетаются с одновременным стремлением преодолеть дихотомию субъекта и объекта. Взгляд Бёме на воспроизводимость чувств через создание атмосферы в определенной степени игнорирует философию пространства, для которой со времен Лейбница, по крайней мере в связанных с пространством социальных и гуманитарных науках, характерно реляционное, или относительное, его понимание. Более того, создается даже впечатление, что он неявно предполагает почти бихевиористский, т.е. следующий схеме “стимул—реакция”, пространственный детерминизм, который релятивизируется только утверждением, что люди сами способны конструировать пространство. Таким образом, разработанная Бёме концепция атмосферы встраивается в наивно-реалистическую теорию архитектуры, которая успешна с точки зрения эстетической практики, но остается слабой с точки зрения философии пространства.

Коммодификация чувств? Эстетическая философия Бёме, как представляется, делает возможной коммерциализацию чувств. Во-первых, он ясно говорит, что атмосфера обладает властью. Знание о том, как создавать атмосферу, — это, так сказать, сила, которая “влияет на душевное состояние людей, манипулирует их настроением, вызывает их эмоции” (Böhme 2013: 39). Помимо политики, бизнеса и религии, Бёме помещает это знание об атмосферных манипуляциях в индустрию культуры. Он определяет “эстетическую экономику” как текущую фазу развития капитализма (Ibid.: 45) и, ссылаясь на Фрица Хауга (Haug 1971), предлагает к марксову различению двух понятий стоимости, потребительной и меновой, добавить третье — эстетическую стоимость, или стоимость инсценирования (Böhme 2013: 46). Хотя эта стоимость является “эрзац-стоимостью” (Scheinwert), она, безусловно, может доминировать над другими. Бёме делает еще один шаг и утверждает, что “люди испытывают законную потребность в создании определенной атмосферы, оформляя свое окружение и инсценируя себя”. По его мнению, “атмосферное — это часть жизни, а инсценировка служит для ее улучшения”. Он спешит указать на возможную критику манипулятивной власти; по его мнению, его теория осуществимости и создания атмосферы представляет возможность для (социальной) критики (Ibid.: 47).

Таким образом, Бёме полностью осознает двуличность (*Janusköpfigkeit*) предлагаемой эстетической теории. С одной стороны, он излагает свою эстетическую философию так, что она может быть реализована на практике в виде постановочных атмосфер. С другой стороны, он критикует появление все в большем количестве могущественных и опасных инсценированных атмосфер из-за “предвзятости, отчуждения и слепоты”, которые они порождают (Ibid.). Остается неясным, несмотря на заверения Бёме в необходимости критики, как на самом деле можно держать под контролем вызванных им духов⁸.

Натурализация атмосферы. Проследивая поэтапный рост стоимости “инсценировок” (*inszenatorischen Wertsteigerung*), обеспечивающих базовую антропологическую потребность в эстетическом оформлении жизни, Бёме натурализует свою теорию атмосферы. Он пишет: “Эта реабилитация (здесь имеется в виду китч и происхождение эстетического из декоративного искусства. — С.Р.) опирается, с одной стороны, на признание эстетической потребности человека в качестве базовой, а с другой стороны, на осознание того, что выказывание себя, выход из себя, явление, остается основной чертой природы” (Ibid.: 41)⁹. Бёме обосновывает свою концепцию атмосферы, опираясь на познание природы¹⁰, хотя и выводит человека из этой природы, наделяя его атмосферной творческой силой. Кроме того, Бёме обращается к критике эстетической экономики, которая, как он объясняет, коренится в удовлетворении человеческих потребностей, т.е. в фундаментальной характеристике человеческого существования, в так наз. возрастании жизни, и вряд ли может быть остановлена в капиталистических индустриальных странах. Свой вклад в смягчение манипулятивной власти Бёме видит только в разработке эстетической теории пролиферации атмосфер.

Теория атмосферы Бёме глубоко укоренена в технократическом представлении о манипулировании миром. Таким образом, его философия представляется проектом модерна. Человек у Бёме — это рациональный и образованный контролер, человек Просвещения, способный использовать свой интеллект, чтобы проверить, какие силы желают его захвата. Согласно Бёме, предпосылкой для такого процесса контроля является возможность “эстетического настроя” <...>

а именно отношения, которое позволяет нам позволить атмосфере оказывать на нас дистанцированное воздействие» (Ibid.: 30). Иными словами, выходом из опытно-экономического присвоения является бездушная дистанция просвещенного человека. Остается неясным, можно ли когда-нибудь полностью избавиться от суггестивных сил, ведь, по мнению Бёме, создание атмосферы — естественная человеческая потребность.

Бёме многократно критиковал излишества эстетической экономики (Böhme 2010), хотя его теория атмосферы поощряет авторов, которые поддаются призыву к коммерциализации чувств. Призыв Бёме проводить четкое антисократовское различие между потребностью и желанием, очевидно, не помогает. Здесь находит отклик его марксистское наблюдение: потребности могут стать чрезмерными из-за неверного стандарта, и, таким образом, будет субъективно обнаруживаться постоянный дефицит удовлетворения (Böhme 2013: 46 ff, 62 ff). Тем не менее, как уже упоминалось, Бёме надеется разрушить суггестивную силу атмосфер, распространяя знания об их осуществимости (Ibid.: 47). В этом, однако, он в конечном счете напоминает ученика колдуна из знаменитой баллады Гёте, в силу чего возникает вопрос, можно ли рассматривать созданную Бёме коммерциализацию ощущений, на которую сегодня надеются и которую обещают многочисленные руководства и путеводители, в качестве философской надстройки.

Интересная перспектива возникает, если рассматривать эстетическую теорию Бёме в ее квазирелигиозных чертах. Подобно тому, как религиозный человек жаждет связи с бесконечным и растворения в нем, и это стремление питается переживанием духовной атмосферы, человек Бёме жаждет улучшения жизни с помощью красоты: “Показать себя, появиться, инсценировать себя и свой мир: красота — законное стремление человека” (Ibid.: 65). Человек приобретает знание о “красоте”, наблюдая за Другим, т.е. за природой. Удовлетворение потребности в красоте требует участия в эстетической экономике, которая никогда не стоит на месте. Бёме воспроизводит здесь, сознательно или неосознанно, религиозные корни понятия “атмосфера”.

Забвение ситуативного мира соприсутствия. Человек, воспринимающий атмосферу, изначально является довольно одиноким субъектом, которому приходится противостоять эстетическим соблазнам. Философия Бёме разделяет эту социологическую проблему одинокого наблюдателя с феноменологией в целом¹¹, особенно с феноменологическим опытом ландшафта. Эта проблема разрабатывалась и критиковалась в основном феминистскими авторами (ср.: Rose 1993; Mills 1996; Fisher, Embree 2000). Однако полагаемое у Бёме одиночество человеческого (или, может быть, даже мужского?) наблюдателя природы игнорирует социальность атмосферы. Когда мы говорим о приятной атмосфере какого-либо места, например ресторана¹² или религиозного объекта, возникает вопрос, не вносят ли люди или присутствующие там нечеловеки существенный вклад в атмосферу.

Вещно-онтологическая теория атмосферы Бёме и основанные на ней усилия практиков атмосферного проектирования интерьеров зданий терпят неудачу прежде всего из-за того, что присутствующие в них люди не являются вещами, а также из-за того, что агрегаты людей и вещей, согласно современным социальным теориям, не являются стабильными (ср.: Nohl, Wulf 2013). Бёме в значительной степени исключает ситуативный мир соприсутствия.

Шмиц же в своей феноменологии решает эту проблему с помощью понятия ситуации:

Ситуация в моем понимании, соответственно, характеризуется: во-первых, цельностью (т.е. единством и связностью); во-вторых, внутренне диффузной (или, как я говорю, хаотично многообразной) зоной значимости, в которой не все индивидуально, поскольку не всегда определено, что в ней тождественно и что от чего отличается; и, в-третьих, тем, что эта зона формируется фактами, программами и проблемами; более того, что угодно может принадлежать к ситуации, и это относится, в частности, к атмосфере чувств, которой она может быть, так сказать, заряжена (*Schmitz* 1998: 177).

Ситуации пронизывают человеческую жизнь и, таким образом, являются основой для коммуникативных социальных отношений. Обстоятельства — это люди, вещи и полувещи, например атмосферы. Программы — это цели и желания, а проблемы возникают на разных уровнях (практическом, моральном и т.д.). Ситуации часто, но не всегда, идут рука об руку с атмосферами. Шмиц также различает *личные* (или “одиночные”) и *общие* ситуации. Общие ситуации могут быть объединены с коллективными атмосферами с помощью *воплощения* как формы телесной коммуникации (*Runkel* 2018): “Как партнеры (для воплощения.— С.Р.) выступают другие тела людей и животных, но также и бестелесные объекты, если они исполнены движением и/или синестетическими символами, соединяющими родственные телу качества, как это может восприниматься в гештальте” (*Schmitz* 2014: 56). Коротко говоря, присутствие других людей оказывает решающее влияние на атмосферность и всегда основано на социально стратифицированных ситуациях¹³. Это отвечает на вопрос, поставленный в карикатуре: руководства по атмосферному интерьеру или дизайну интерьера не существует. Что касается атмосферы и манипулирования ею, то это означает, что успех может быть достигнут только в том случае, если присутствующие люди исключены или овеществлены¹⁴.

* * *

Концепция атмосферы Бёме удивительно ограничена с феноменологической точки зрения. Потенциал критической феноменологии здесь, очевидно, не исчерпывается (*Hasse* 2014). Однако интересно то, что в понятии “атмосфера” снова появляется религиозный момент. Таким образом, религиозный характер капиталистического жизнеустройства (*Lebenssteigerung*) снова становится очевидным, хотя теория эстетического труда Бёме в итоге оказывает критикам плохую услугу. Все это вместе с тем возвращает нас к исходному вопросу: действительно ли обещанные Бёме возможности создания атмосфер позволяют нам критиковать эти манипулятивные силы. В конечном счете его подход может быть понят как руководство к составлению примерной программы планирования для всех вовлеченных в экономику опыта (*Erlebnisökonomie*).

Несмотря на свою практическую эффективность в конкретных дисциплинах, связанных с исследованиями пространства, концепция атмосферы Бёме имеет множество недостатков. В противоположность этому концепция атмосферы Шмица, встроенная в ситуационную онтологию, оказывается более надежной и ценной для описания опыта мира. Следует признать, что при практическом исследовании атмосферы остается возможность для творчества. Конечно, это касается, например, домашней обстановки, структурных решений в устройстве

городов, садового и ландшафтного дизайна или театральных постановок. При этом ограничения понятия атмосферы только такими условиями недостаточно. В человеческом общении, например, мы всегда оказываемся в ситуациях, окрашенных атмосферой. Однако зачастую это не только эстетический вопрос. Атмосфера может быть весьма влиятельной, и ее воздействие может быть жестоким и болезненным (см., напр.: *Laketa, Fregonese* 2022). Атмосферы окрашивают весь спектр человеческого опыта.

Если, с одной стороны, Бёме и можно похвалить за то, что он предоставил пространство для продуктивных размышлений об атмосферах, то с другой стороны (и Бёме намекает на почву для критических дебатов), следует также в срочном порядке разработать подход, позволяющий избегать манипулятивно-суггестивной силы атмосфер. Во-первых, это касается репрессивных атмосфер на личном уровне — можно вспомнить о ситуациях насилия или о соблазнительной силе инноваций в торговле. Во-вторых, речь идет о репрессивной атмосфере на коллективном уровне и, таким образом, о политическом измерении атмосфер, например, когда, как описал Вальтер Беньямин (*Benjamin* 1991), коллективная эстетика и аффективность политически присваиваются. На этом фоне сужение понятия атмосферы до изобразительного искусства представляется чистым эскапизмом.

Примечания

¹ Здесь публикуется дополненная и переработанная версия статьи, ранее опубликованной на немецком языке (*Runkel* 2016). Я обязан ценными предложениями Анетте Стенслунд. Сергей Соколовский любезно взялся за перевод статьи с немецкого на русский язык.

² Понятия экономики опыта (*Erlebnisökonomie*) и рынка опыта (*Erlebnismarkt*) разрабатывались немецким социологом Герхардом Шульце (*Schulze* 1992). Опыт им рассматривается не только как центральный элемент процессов индивидуализации, но и как основной продукт экономики ритейла (т.е. современной розничной экономики) — идея, подхваченная и другими исследователями, работающими в рамках экономической социологии (*Pine, Gilmore* 2011). (Прим. пер.)

³ В настоящее время концепция атмосферы набирает наибольшие обороты в теории архитектуры (*Zumthor* 2006; *Pallasmaa* 2014), в социологии пространства (*Amphoux et al.* 2004; *Thibaud, Duarte* 2013), в географии человека (*Hasse* 2002, 2012; *Kazig* 2007b), в философии (*Griffero* 2014, 2020, 2021) и в исследованиях медиа и культуры (ср.: *Rauh* 2012; *Wünsch* 2012; *Riedel* 2015). Концепция атмосферы Гернота Бёме также обсуждается в исследованиях театра (*Schouten* 2007; *Rodatz* 2010) и в контексте образования (*Düttmann* 2000; *Hasse* 2009; *Gieseke* 2010). Об этом свидетельствуют как деятельность международной сети *Ambiances* (www.ambiances.net), так и серия книг “Ambiances, Atmospheres and Sensory Experiences of Spaces” (под ред. Райнера Кацига, Дамьена Массона и Пола Симпсона), выпускаемая издательством “Routledge”.

⁴ Концептуально связанным с ним, хотя и теоретически отличным, является понятие настроения (*Stimmung*), которое фигурирует, например, в онтологии Мартина Хайдеггера (*Heidegger* 2006) как “фундаментальная диспозиция” (*Grundbfindlichkeit*), описывается Людвигом Бинсвангером как “настроенное пространство” (*gestimmter Raum*) (*Binswanger* 1933) и (с опорой на Мартина Хайдеггера и Макса Шелера) впоследствии развивается Отто Фридрихом Больновым в контексте реалистической феноменологии (*Bollnow* 2010). В интерпретации этого понятия у Больнова, как утверждает Юрген Хассе, *Stimmungen* отличаются от атмосфер тем, что у человека могут быть “разные дистанционные отношения” с атмосферой (*Hasse* 2005: 120). Этому вторит Роберт Зайферт, который пишет о “рецептивной способности к аффекту” (*Seyfert* 2011: 78).

⁵ В последние годы этот термин был включен в социально-теоретические концепции и часто ассоциируется с “аффективным поворотом” (*Clough, Halley* 2007; *Gregg, Seigworth* 2010).

Такое концептуальное использование (ср.: Brennan 2004; Anderson 2009; Stewart 2011; Seyfert 2011), на мой взгляд, лишь частично может быть согласовано с предлагаемыми феноменологическими интерпретациями (что в первую очередь связано со спинозистской концепцией аффекта, которую отвергает, например, Шмиц [Schmitz 2005: 96]) и имеет лишь ограниченное отношение к экономике опыта (ср.: Riedel 2020). Однако в англоязычных дебатах о понятии атмосферы в последние годы доминирующим стал подход, основанный именно на теории аффекта. Например, центральное место здесь занимает (квир-)феминистская теоретическая работа Сары Ахмед, в которой в полемике с феноменологией предлагается собственная концепция атмосферы (Ahmed 2010).

⁶ Критическую оценку концепции атмосферы Шмица см. в: Hauskeller 1995.

⁷ Сам Шмиц критикует Бёме в аналогичном ключе (Schmitz 1998: 186).

⁸ Здесь скрытая ссылка на балладу И.В. Гёте “Ученик чародея” (“Духи, лишь колдун умелый вызывает вас для дела”; перевод Б. Пастернака). (Прим. пер.)

⁹ Обратите внимание, как здесь проявляется еще одна проблематичная дихотомия, связанная с современным разделением природы и культуры.

¹⁰ Здесь Бёме критикует прежде всего объектно-ориентированное, чисто материальное понимание природы у Канта, Гегеля и Адорно (Böhme 2013: 80 ff).

¹¹ Обстоятельную критику ограничений и упущений Новой феноменологии Шмица можно найти в: Slaby 2020.

¹² В исходной публикации приводилась карикатура (удалена из публикуемого здесь переработанного варианта по соображениям копирайта), где герои – посетители бара, “новички” и “старожилы”, пытаются понять, из чего складывается его атмосфера. “Новички”, прочитавшие путеводитель, задают вопрос соседней шумной компании завсегдатаев: “Мы слышали, что это место славится своей атмосферой, но хотели бы уточнить, являетесь ли вы ее частью?” (Прим. пер.)

¹³ Питер Слотердайк, опираясь на Шмица, разработал свою сферологическую теорию общества (Sloterdijk 2004).

¹⁴ Такое может быть успешным лишь в актерском искусстве или среди персонала сферы обслуживания с их натренированными улыбками.

Research Article

Runkel, S. Religious Inflection in the Economy of Experience: The Concept of Atmosphere in Aesthetic and Phenomenological Thought of Hermann Schmitz and Gernot Böhme [Religioznye intonatsii v ekonomike opyta: poniatie atmosfery v esteticheskoi i fenomenologicheskoi mysli Germana Shmitsa i Gernota Beme]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 56–69. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040047> EDN: AZAETX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Simon Runkel | <http://orcid.org/0000-0002-3774-2433> | simon.runkel@uni-jena.de | Friedrich-Schiller-Universität Jena, Institut für Geographie (Löbdergraben 32, 07743 Jena, Germany)

Keywords

atmospheres, aesthetics, phenomenology of space, marketing, emotional spaces, manipulation

Abstract

The article offers a brief genealogy of the concept of atmosphere in the thought of Hermann Schmitz (New Phenomenology) and Gernot Böhme (Aesthetic Theory) to show that the concept takes on a quasi-religious appearance, especially in its design and economic applications. It is shown how a phenomenological concept of religious origin could become a pseudo-psychological marketing strategy. The article argues that the concept of atmosphere should not be applied too exclusively to the design of (interior) spaces, but that the sociality of atmospheres should also be taken into account. In this way, attention can be drawn to the manipulative power of the atmospheric.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075–15–2022–328] (recipient S.V. Sokolovskiy)

References

- Ahmed, S. 2010. Killing Joy: Feminism and the History of Happiness. *Signs* 35 (3): 571–594.
- Anderson, B. 2009. Affective Atmospheres. *Emotion, Space and Society* 2 (2): 77–81.
- Amphoux, P., J.-P. Thibaud, and G. Chelkoff. 2004. *Ambiances en débats* [Atmospheres in Debates]. Grenoble: A La Croisée.
- Benjamin, W. 1991. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit [The Work of Art in the Age of Its Technical Reproducibility]. In *Gesammelte Schriften* [Collected Works], by W. Benjamin. Vol. I, 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Biehl-Missal, B., and M. Saren. 2012. Atmospheres of Seduction: A Critique of Aesthetic Marketing Practices. *Journal of Macromarketing* 32 (2): 168–180.
- Binswanger, L. 1933. Das Raumproblem in der Psychopathologie [The Space Problem in Psychopathology]. *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie* 145 (1): 598–647.
- Bollnow, O.F. 2010. *Mensch und Raum* [Man and Space]. Stuttgart: Kohlhammer.
- Böhme, G. 2010. Das Leistungsprinzip und das Reich der Freiheit [The Performance Principle and the Realm of Freedom]. In *Kritik der Leistungsgesellschaft* [Criticism of Meritocracy], edited by G. Böhme, 13–22. Basel: Aisthesis-Verlag.
- Böhme, G. 2013. *Atmosphäre. Essays zur neuen Ästhetik* [The Atmosphere: Essays on the New Aesthetics]. Berlin: Suhrkamp.
- Brennan, T. 2004. *The Transmission of Affect*. Ithaca: Cornell University Press.
- Clough, P.T., and J. Halley, eds. 2007. *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press.
- Düttmann, S. 2000. *Ästhetische Lernprozesse. Annäherungen an atmosphärische Wahrnehmungen von Lernräumen* [Aesthetic Learning Processes: Approaches to Atmospheric Perceptions of Learning Spaces]. Marburg: Tectum Verlag.
- Eliade, M. 1998. *Das Heilige und das Profane. Vom Wesen des Religiösen* [The Sacred and the Profane: On the Nature of Religion]. Frankfurt am Main: Insel.
- Fisher, L., and L. Embree, eds. 2000. *Feminist Phenomenology*. Dordrecht: Springer.
- Gieseke, W. 2010. Atmosphäre in Bildungskontexten – Beziehungstheoretische Überlegungen [Atmosphere in Educational Contexts – Considerations on Relationship Theory]. In *Sinnliche Bildung? Pädagogische Prozesse zwischen vorprädikativer Situierung und reflexivem Anspruch* [Sensual Education? Pedagogical Processes between Predicative Situation and Reflective Demands], edited by R. Egger and B. Hackl, 57–70. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Gregg, M., and G.J. Seigworth, eds. 2010. *The Affect Theory Reader*. Durham: Duke University Press.
- Griffero, T. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. Aldershot: Ashgate.
- Griffero, T. 2020. *Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics*. London: Routledge.
- Griffero, T. 2021. *The Atmospheric “We”: Moods and Collective Feelings*. Milan: Mimesis International.
- Hasse, J. 2002. Zum Verhältnis von Stadt und Atmosphäre. Wo sind die Räume der

- Urbanität? [On the Relationship between City and Atmosphere: Where are the Spaces of Urbanity?]. In *Subjektivität in der Stadtforschung* [Subjectivity in Urban Research], edited by J. Hasse, 19–41. Frankfurt am Main: Institut für Didaktik der Geographie.
- Hasse, J. 2004. Kaufhausatmosphären [Shopping Atmospheres]. *Der Architekt* 5–6: 39–42.
- Hasse, J. 2005. *Fundsachen der Sinne: eine phänomenologische Revision alltäglichen Erlebens* [The Lost and Found of the Senses: A Phenomenological Revision of Everyday Experience]. München: Karl Alber.
- Hasse, J. 2009. Räume der Pädagogik – zwischen Funktion und Subversion [Spaces of Pedagogy – between Function and Subversion]. *Pädagogische Rundschau* 63 (3): 369–385.
- Hasse, J. 2012. *Atmosphären der Stadt: Aufgespürte Räume* [Atmospheres of the City: Discovered Spaces]. Berlin: Jovis.
- Hasse, J. 2014. *Was Räume mit uns machen – und wir mit ihnen. Kritische Phänomenologie des Raumes* [What Spaces Do to Us – And We to Them: Critical Phenomenology of Space]. München: Verlag Karl Alber.
- Haug, F. 1971. *Kritik der Warenästhetik* [Criticism of Commodity Aesthetics]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hauskeller, M. 1995. *Atmosphären erleben. Philosophische Untersuchungen zur Sinneswahrnehmung* [Experience Atmospheres: Philosophical Investigations into Sensory Perception]. Berlin: Akademischer Verlag.
- Heidegger, M. 2006. *Sein und Zeit* [Being and Time]. Tübingen: Niemeyer.
- Huber, F., M. Lenzen, S. Vizethum, and I. Weißhaar. 2013. *Erlebnis-Shopping Concept Stores. Eine empirische Analyse des Einkaufserlebnisses durch Lifestyle und Atmosphäre* [Experience Shopping Concept Stores: An Empirical Analysis of the Shopping Experience through Lifestyle and Atmosphere]. Lohmar: Josef Eul Verlag.
- Kazig, R. 2007. Einkaufsatmosphären: Ein wichtiges Kriterium für die Einkaufsstättenwahl [Shopping Atmosphere: An Important Criterion for Choosing a Shopping Location]. *CIMA direkt* (1): 23–25.
- Kazig, R. 2007. Atmosphären – Konzept für einen nicht repräsentationellen Zugang zum Raum [Atmospheres – Concept for a Non-Representational Approach to Space]. In *Kulturelle Geographien. Zur Beschäftigung mit Raum und Ort nach dem Cultural Turn* [Cultural Geographies: On Dealing with Space and Place after the Cultural Turn], edited by C. Berndt and R. Pütz, 167–187. Bielefeld: Transcript.
- Laketa, S., and S. Fregonese. 2022. Urban Atmospheres of Terror. *Political Geography* 96: 102569.
- Leichtle, V.A. 2009. *Handbuch für atmosphärische Gestaltung im Hotel: Ambiente schaffen – Sinne berühren – Gäste begeistern* [Handbook for Atmospheric Design in Hotels: Create Ambience – Touch the Senses – Inspire Guests]. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Lévi-Strauss, C. 1987. *Introduction to the Work of Marcel Mauss*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Lipczinsky, M., and H. Boerner. 2001. *Shop-Design für erfolgreiche Läden: Atmosphäre schaffen mit Raumpsychologie und Feng Shui* [Shop Design for Successful Stores: Creating Atmosphere with Spatial Psychology and Feng Shui]. München: Callwey.

- Mills, S. 1996. Gender and Colonial Space. *Gender, Place & Culture* 3 (2): 125–148.
- Müller, J. 2012. *Multisensuale Gestaltung der Ladenatmosphäre zur Profilierung von Store Brands. Ein theoriegeleitetes, experimentelles Design zum Shopperverhalten* [Multi-Sensual Design of the Store Atmosphere to Profile Store Brands: A Theory-Driven, Experimental Design for Shopping]. Wiesbaden: Springer Gabler.
- Nohl, A.-M., and C. Wulf. 2013. Die Materialität pädagogischer Prozesse zwischen Mensch und Ding [The Materiality of Pedagogical Processes Between People and Things]. *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft* 16 (2): 1–13.
- Otto, R. 2013. *Das Heilige: Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen* [The Sacred: About the Irrational in the Idea of the Divine and Its Relationship to the Rational]. München: C.H. Beck.
- Pallasmaa, J. 2014. Space, Place and Atmosphere: Emotion and Peripheral Perception in Architectural Experience. *Lebenswelt – Aesthetics and Philosophy of Experience* 4: 230–245.
- Pine II, B.J., and J.H. Gilmore. 2011. *The Experience Economy*. Boston: Harvard Business Review Press.
- Rauh, A. 2012. *Die besondere Atmosphäre: Ästhetische Feldforschungen* [The Special Atmosphere: Aesthetic Field Research]. Bielefeld: Transcript.
- Riedel, F. 2015. Music as Atmosphere: Lines of Becoming in Congregational Worship. *Lebenswelt – Aesthetics and Philosophy of Experience* 6: 80–111.
- Riedel, F. 2020. Affect and Atmosphere – Two Sides of the Same Coin? In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel and J. Torvinen, 262–273. Abingdon: Routledge.
- Riedel, F., and J. Torvinen, eds. 2020. *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*. Abingdon: Routledge.
- Rodatz, C. 2010. *Der Schnitt durch den Raum. Atmosphärische Wahrnehmung in und außerhalb von Theaterräumen* [The Cut Through Space: Atmospheric Perception in and Outside Theater Spaces]. Bielefeld: Transcript.
- Rose, G. 1993. *Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge*. London: Polity Press.
- Runkel, S. 2016. Zur Genealogie des Atmosphären-Begriffs. Eine kritische Würdigung der Ansätze von Hermann Schmitz und Gernot Böhme [On the Genealogy of the Concept of Atmosphere: A Critical Assessment of the Approaches of Hermann Schmitz and Gernot Böhme]. In *Atmosphären des Populären II. Perspektiven, Projekte, Protokolle, Performances, Personen, Posen* [Atmospheres of the Popular II: Perspectives, Projects, Protocols, Performances, People, Poses], edited by U. Wünsch, 20–39. Berlin: Uni-Edition.
- Runkel, S. 2018. Collective Atmospheres: Phenomenological Explorations of Protesting Crowds with Canetti, Schmitz, and Tarde. *Ambiances – International Journal of Sensory Environment, Architecture and Urban Space*. March 2018. <http://journals.openedition.org/ambiances/1067>
- Schmitz, H. 1998. Situationen und Atmosphären: Zur Ästhetik und Ontologie bei Gernot Böhme [Situations and Atmospheres: On Aesthetics and Ontology in Gernot Böhme]. In *Naturerkenntnis und Natursein* [Knowledge of Nature and Being Nature], edited by G. Böhme, M. Hauskeller, C. Rehmann-Sutter, and G. Schiekmann, 176–190. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schmitz, H. 2005. *Der Gefühlsraum. System der Philosophie* [The Emotional Space: System of Philosophy]. Vol. 3 (2), *Der Raum* [Space]. Bonn: Bouvier Verlag.

- Schmitz, H. 2009. *Der Leib, der Raum und die Gefühle* [The Body, the Space and the Feelings]. Bielefeld: Aisthesis Verlag.
- Schmitz, H. 2014. *Atmosphären* [Atmospheres]. München: Verlag Karl Alber.
- Schmitz, H. 2020. Intensity, Atmospheres and Music. In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel and J. Torvinen, 60–69. Abingdon: Routledge.
- Schmitz, H., R.O. Müllan, and J. Slaby. 2011. Emotions Outside the Box – The New Phenomenology of Feeling and Corporeality. *Phenomenological Cognitive Sciences* 10 (2): 241–259.
- Schouten, S. 2007. *Sinnliches Spüren: Wahrnehmung und Erzeugung von Atmosphären im Theater* [Sensual Sensing/Marks: Perception and Creation of Atmospheres in the Theatre]. Berlin: Theater der Zeit.
- Schulze, G. 1992. *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart* [The Adventure Society. Contemporary Cultural Sociology]. Frankfurt am Main: Campus.
- Seyfert, R. 2011. Atmosphären – Transmissionen – Interaktionen: Zu einer Theorie sozialer Affekte [Atmospheres – Transmissions – Interactions: Towards a Theory of Social Affects]. *Soziale Systeme* 17 (1): 73–96.
- Slaby, J. 2020. Atmospheres – Schmitz, Massumi and Beyond. In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel, and J. Torvinen, 274–285. Abingdon: Routledge.
- Sloterdijk, P. 2004. *Sphären III – Schäume. Plurale Sphärologie* [Spheres III – Foams: Plural Spherology]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Stewart, K. 2011. Atmospheric Attunements. *Environment and Planning D: Society and Space* 29 (3): 445–453.
- Taylor, C. 2012. *Ein säkulares Zeitalter* [A Secular Age]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Tellenbach, H. 1968. *Geschmack und Atmosphäre. Medien menschlichen Elementarkontakts* [Taste and Atmosphere: Media of Human Elemental Contact]. Salzburg: O. Müller.
- Thibaud, J.-P., and C.R. Duarte. 2013. *Ambiances urbaines en partage* [Shared Urban Atmospheres]. Genève: MetisPresses.
- Uhrich, S. 2008. *Stadionatmosphäre als verhaltenswissenschaftliches Konstrukt im Sportmarketing. Entwicklung und Validierung eines Messmodells* [Stadium Atmosphere as a Behavioral Scientific Construct in Sports Marketing: Development and Validation of a Measurement Model]. Wiesbaden: Gabler; GWV Fachverlage.
- van der Leeuw, G. 1970. *Phänomenologie der Religion* [Phenomenology of Religion]. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Wünsch, U. 2012. *Event als Interaktion und Inszenierung: Ein Beitrag zu Theorie und Praxis der Medienästhetik* [Event as Interaction and Staging: A Contribution to the Theory and Practice of Media Aesthetics]. Berlin: Uni-Edition.
- Zumthor, P. 2006. *Atmospheres – Architectural Environments – Surrounding Objects*. Basel: Birkhäuser.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ТАГАРЦЕВ: ВЗГЛЯД ПОЛВЕКА СПУСТЯ

А.Г. Козинцев

Александр Григорьевич Козинцев | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

эпоха бронзы, эпоха раннего железа, Южная Сибирь, Западная Сибирь, Минусинская котловина, окуневская культура, андроновская культура, карасукская культура, тагарская культура

Аннотация

Для выяснения генезиса и родственных связей тагарского населения (VIII–III вв. до н.э.) 36 мужских краниологических тагарских серий сопоставлены со 117 сериями других эпох и территорий с помощью многомерных статистических методов спустя почти полвека после моей книги 1977 г. Главными претендентами на роль предков тагарцев сегодня выглядят андроновцы, ключевую роль которых подтверждают и генетические факты. Роль доандроновского субстрата могли сыграть чаахольцы, возможно и елуинцы. Участие карасукцев в формировании тагарской популяции по-прежнему ничем не засвидетельствовано. Из соседей тагарцев к ним особенно близки пазырыкцы Урсула (Алтай) и некоторые саглынды Аймырлыга (Тува). Судя по датам, эти группы возникли в результате миграции части тагарского (в частности сарагашенского) населения на юг. Поскольку чаахольцы, как было показано раньше, чрезвычайно близки к степным скифам, а среди тагарцев – к людям сарагашенского этапа, можно предположить, что сарагашенцы или их потомки мигрировали не только на юг, но и далеко на запад – в восточноевропейские степи. Предшествующая данной миграции архаическая скифская культура могла распространяться по тому же маршруту, но диффузионным путем.

Памяти Дмитрия Глебовича Савинова

Происхождение тагарской общности раннего железного века (VIII–III вв. до н.э.) остается загадочным, и это тем более удивительно, что она чрезвычайно детально исследована как в археологическом отношении (обзор см.: Савинов 2011), так и в антропологическом (Дебец 1931, 1932, 1948; Алексеев 1961б, 1973, 1975). Радикальных изменений в периодизации тагарской культуры не произошло. Предложенная М.П. Грязновым схема в основном осталась не-

Статья поступила 03.02.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 14.03.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Козинцев А.Г. Происхождение и родственные связи тагарцев: взгляд полвека спустя // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 70–93. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040056> EDN: AYYXWJ

Kozintsev, A.G. 2024. Proiskhozhdenie i rodstvennyye svyazi tagartsev: vzgliad polveka spustia [The Origin and Affinities of the Tagar People: A View from Half a Century Later]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 70–93. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040056> EDN: AYYXWJ

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

изменной, за исключением того, что наиболее ранний, баиновский этап было предложено перенести из эпохи раннего железа (тагарской) в эпоху поздней бронзы (карасукскую) (Поляков 2022: 285), а представители одного из этапов — биджинского, считавшегося промежуточным, обнаружили антропологическое своеобразие (Лазаретова 2006).

Итоги краниометрического изучения были подведены в моей книге, написанной до внедрения в антропологическую практику компьютеров и современных статистических методов (Козинцев 1977). Ее выводы, следовательно, требовали проверки на современном уровне методики. Они в основном подтвердились на новом, компьютерном этапе обработки информации в работах А.В. Громова и его учеников (см., напр.: Учанева и др. 2017), которые продолжили исследование тагарцев по предложенной мной краниоскопической программе (Козинцев 1988: 150–151; Громов и др. 2016). Кроме того, они изучили корни позднетагарского (тесинского) населения, оставшегося за рамками моей работы (Громов, Учанева 2013). Краниометрический же материал, важный для понимания происхождения собственно тагарцев, увеличился за последние десятилетия не настолько, чтобы это само по себе могло существенно приблизить решение проблемы (Лазаретова 2006; Громов, Лазаретова 2021).

Зато появились измерительные данные о множестве групп, с которыми тагарцы прежде не сопоставлялись (их список см. ниже), а также гораздо более подробные сведения о культурной, локальной и хронологической изменчивости в пределах тех общностей, с которыми сопоставления уже проводились, прежде всего андроновской и карасукской. На этом фоне сравнивать тагарцев с афанасьевцами, как я делал прежде, по-видимому, уже не имеет смысла, несмотря на их краниологическую близость, вызванную общностью глубоких восточно-европейских корней. В самом деле, даже если углубить нижнюю дату тагарской культуры до X–IX вв. до н.э. (Боковенко и др. 2003), то все равно от финала афанасьевской культуры ее отделяет разрыв в полторы тысячи лет. Кроме того, появившиеся недавно генетические данные свидетельствуют о преемственности тагарцев не с афанасьевцами, характеризующимися Y-хромосомной гаплогруппой R1b, а с андроновцами, которым, как и тагарцам, присущи варианты гаплогруппы R1a1. Андроновцы, судя по всему, и принесли эту гаплогруппу в Южную Сибирь (Черданцев и др. 2021)¹.

На повестке дня — обработка всего доступного краниометрического материала, относящегося к антропологическим связям тагарской палеопопуляции. На первом этапе будут определены вероятные предки тагарцев, на втором изучены связи с соседями и прочими ранними кочевниками восточной части скифского мира, на третьем я попытаюсь выяснить, в какой мере тагарцы родственны обитателям западной части этого мира — скифам.

Использованы измерительные данные о 153 мужских краниологических сериях, из которых 36 представляют тагарцев, а 117 относятся к иным эпохам и территориям.

А. ТАГАРЦЫ:

1. Тагарская культура, подгорновский этап, суммарная группа (Учанева и др. 2017) (VIII–VI вв. до н.э.)².
2. То же, биджинский этап (Там же).
3. То же, сарагашенский этап (Там же).

4. То же, Гришкин Лог, баиновский этап, IX–VIII вв. до н.э.
5. То же, Черновая I и IV, подгорновский этап.
6. То же, Барсучиха I (сарагашенский этап), V (подгорновский этап), VI (подгорновский, биджинский и сарагашенский этапы) и VII (сарагашенский этап).
7. То же, Сарагаш (сарагашенский этап).
8. То же, Копьево (VII–V вв. до н.э.).
9. То же, Кичик-Кюзюр I, подгорновский этап.
10. То же, биджинский и сарагашенский этапы.
11. То же, Улуг-Кюзюр I (подгорновский и сарагашенский этапы).
12. То же, Саргов улус (VII–V вв. до н.э.).
13. То же, Малые Копены III (сарагашенский этап).
14. То же, Средне-Абаканская группа (VIII–VI вв. до н.э.).
15. То же, Кызыл-Куль (в основном сарагашенский этап, VI–V вв. до н.э.).
16. То же, Нижне-Абаканская группа (в основном VII–VI вв. до н.э.).
17. То же, Откнин улус (в основном VII в. до н.э.).
18. То же, Самохвал (подгорновский и сарагашенский этапы, VII–VI вв. до н.э.).
19. То же, Федоров улус (II стадия, по С.В. Киселеву – видимо, в основном сарагашенский этап).
20. То же, Каменка I (подгорновский этап).
21. То же, Сыда (VII – начало V в. до н.э., в основном VI в. до н.э.).
22. То же, Усть-Сыда (VII–V вв. до н.э.).
23. То же, Бузуново (VII и VII–VI вв. до н.э.).
24. То же, Туран I, подгорновский этап, VI в. до н.э.
25. То же, Туран I, сарагашенский этап, VI в. до н.э.
26. То же, Туран II (сарагашенский этап, VI–V и V в. до н.э.).
27. То же, Туран III (сарагашенский этап).
28. То же, Тепсей IX (подгорновский этап).
29. То же, Тагарский о-в (кроме кург. 42) (баиновский и подгорновский этапы, VIII–VI вв. до н.э.).
30. То же, Тагарский о-в, кург. 42 (V в. до н.э.).
31. То же, Усть-Тесь (подгорновский этап, VII–VI вв. до н.э.).
32. То же, Кочергино (в основном подгорновский этап, VI в. до н.э.).
33. То же, Восточно-Минусинская группа, ранняя (VIII–VI вв. до н.э.).
34. То же, Восточно-Минусинская группа, поздняя (VI–IV вв. до н.э.).
35. То же, Есино I, II, подгорновский этап (*Громов, Лазаретова* 2021).
36. То же, Есино XIII–XVIII (Там же)³.

Б. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ТАГАРЦЕВ:

37. Окуневская культура, Хакаско-Минусинская котловина, Тас-Хазаа (*Громов* 1997).
38. То же, Уйбат (Там же).
39. То же, Черновая (Там же).
40. То же, Верх-Аскиз (Там же).
41. Чаахольская культура, Аймырлыг, Тува (*Алексеев и др.* 1987).
42. Елунинская культура, Верхнее Приобье (*Солодовников, Тур* 2003).
43. Самусьская культура, Томско-Нарымское Приобье (*Солодовников* 2005)⁴.
44. Гумугоу, первая половина II тыс. до н.э., Синьцзян (*Хань Кансинь* 1986).

45. Синташтинская культура, Волго-Уралье (памятники потаповского типа) и Зауралье⁵.
46. Петровская культура, Южный Урал и Северный Казахстан.
47. Андроновская (федоровская) культура, Центральный, Северный и Восточный Казахстан.
48. То же, Барабинская лесостепь.
49. То же, Рудный Алтай.
50. То же, Барнаульское Приобье, Фирсово XIV.
51. То же, Барнаульско-Новосибирское Приобье.
52. То же, Причумышь.
53. То же, Томское Приобье, Еловка II.
54. То же, Кузнецкая котловина.
55. То же, Минусинская котловина.
56. То же, суммарная федоровская группа (суммированы данные по группам № 47–55).
57. Андроновская (алакульско-кожумбердынская) культура, Южный Урал и Западный Казахстан.
58. Андроновская (алакульская) культура, Центральный, Северный и Восточный Казахстан.
59. То же, Омское Прииртышье, Ермак IV.
60. То же, суммарная алакульская группа (суммированы данные по группам № 57–59).
61. Карасукская культура, “классический” вариант (*Рыкушина* 2007).
62. То же, каменоложская стадия (Там же).
63. Атипичная карасукская группа, суммарно (*Козинцев* 1977; суммированы данные по группам № 64–67).
64. То же, северная группа – каменоложские погребения на р. Карасук (Там же).
65. То же, Малые Копены III, по неопубликованным измерениям Г.Ф. Дебеца (Там же).
66. То же, Федоров улус, по измерениям В.П. Алексеева (*Алексеев* 1961а; *Козинцев* 1977).
67. То же, Восточно-минусинская группа – лугавские (бейские) погребения на правом берегу Енисея к югу от р. Тубы, по измерениям Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева (Там же).
68. Карасукская культура, северная группа (*Рыкушина* 2007)⁶.
69. То же, южная группа (суммированы данные Г.В. Рыкушиной (Там же) и А.В. Громова (*Громов* 1991, 1995) по группам № 80–84).
70. То же, ербинская группа (*Рыкушина* 2007).
71. То же, левобережная группа (Там же).
72. То же, правобережная группа (Там же).
73. То же, Хара-Хая (Там же).
74. То же, Тагарский Остров IV (Там же).
75. То же, Кюргеннер I (Там же).
76. То же, Кюргеннер II (Там же).
77. То же, Карасук I (Там же).
78. То же, Северный берег Варчи I (Там же).
79. То же, Сухое Озеро II (Там же).

80. То же, Арбан I (*Громов* 1991).
81. То же, Белое Озеро (*Громов* 1995).
82. То же, Сабинка II (Там же).
83. То же, Терт-Арба (Там же).
84. То же, Есинская МТС (Там же).

В. СОВРЕМЕННОСТИ ТАГАРЦЕВ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СКИФСКО-ГО МИРА:

85. Тува, алды-бельская культура, Аржан-2 (*Чикишева* 2012).
86. То же, Копто (Там же).
87. То же, уюкско-саглынская культура, Догээ-Баары II (Там же).
88. То же, Саглы (вероятно, Саглы-Бажи II), по измерениям В.В. Гинзбурга (*Козинцев, Селезнева* 2011)⁷.
89. То же, Аймырлыг, уюкский этап (скопления Г–Е) (*Громов и др.* 2020).
90. То же (скопления VII и VIII) (Там же).
91. То же, саглынский этап (скопления II и III) (Там же).
92. То же (скопление VI) (Там же).
93. То же (скопления VIII–XII) (Там же).
94. То же, Эки-Оттуг, переход от алды-бельской культуры к уюкско-саглынской (Е.Н. Учанева, личное сообщение).
95. То же, ранняя стадия уюкско-саглынской культуры (Е.Н. Учанева, личное сообщение).
96. Ранние кочевники, Западная Монголия, Улангом, чандманьская культура (*Мамонова* 1980).
97. Древнейшие кочевники, Алтай (*Тур* 1997).
98. Пазырыкская культура, Горный Алтай, Средняя Катунь (*Тур* 2003).
99. То же, Нижняя Катунь, Барангол (*Бородовский, Тур* 2015).
100. То же, северные предгорья Алтая (*Тур* 2004).
101. То же, Кызыл-Джар (*Тур, Рыкун* 2004).
102. То же, Уландрык (*Чикишева* 2012).
103. То же, Юстыд (Там же).
104. То же, Барбургазы (Там же).
105. То же, Укок (Там же).
106. То же, Чуя (Там же).
107. То же. Урсул и Средняя Катунь (Там же).
108. Пазырыкская культура, суммарная группа (Там же).
109. Кара-кобинская культура, Горный Алтай (Там же).
110. Саки, Восточный Казахстан (*Гинзбург, Трофимова* 1972).
111. Саки и усунь, Северный и Центральный Казахстан (Там же).
112. Саки, Центральный Казахстан, тасмолинская культура (*Бейсенов и др.* 2015).
113. То же, Семиречье (*Китов и др.* 2019).
114. То же, Нарын (Там же).
115. То же, Иссык-Куль (Там же).
116. То же, Талас (Там же).
117. То же, Кетмень-Тюбе (Там же).
118. То же, Кочкор (Там же).
119. То же, Атбаши (Там же).

120. То же, Тянь-Шань, суммарная группа (Там же).
121. То же, южные предгорья Тянь-Шаня, Синьцзян, Чауху-4 (*Поздняков, Комиссаров 2007*).
122. То же, Алай (*Гинзбург, Трофимова 1972*).
123. То же, Памир (Там же).
124. То же, Южное Приаралье, Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая (*Яблонский 1996*).
125. То же, Южный Тагискен и Уйгарак (*Гинзбург, Трофимова 1972*).
126. Савроматы, Приуралье и Нижнее Поволжье (*Балабанова 2014*).

Г. СКИФЫ И ИХ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ⁸:

127. Степные скифы, Фронтное I.
128. То же, Акташ.
129. То же, Керчь.
130. То же, Присивашье.
131. То же, Гайманово Поле.
132. То же, Носаки.
133. То же, Златополь.
134. То же, Мамай-Гора.
135. То же, Каховка.
136. То же, Широкое.
137. То же, Михайловка, Кут, Калиновка.
138. То же, Александрополь (Луговая Могила).
139. То же, Никополь.
140. То же, Верхне-Тарасовка.
141. То же, Ингулецкая группа.
142. То же, Северо-Западное Причерноморье.
143. То же, Николаевка на Днестре.
144. Степные скифы, суммарная группа.
145. Лесостепные скифы, Сейминская группа.
146. То же, Посульская группа.
147. То же, Ворсклинская и Бориспольская группы.
148. То же, Медвин.
149. То же, сборная серия из правобережной лесостепной Украины; суммированы трипольская (сборная) и днестровско-побужская группы.
150. Лесостепные скифы, суммарная группа.
151. Носители черногоровской культуры Украины (*Круц 2017*).
152. Носители черногоровской культуры Нижнего Подонья (*Батиева 2011*).
153. Носители предсавроматской культуры Нижнего Поволжья (*Балабанова 2014*).

Программа включает 14 признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры, наименьшую ширину лба, скуловой диаметр, верхнюю высоту лица, высоту и ширину носа, ширину и высоту орбиты, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступления носа. Данные обработа-

ны с помощью канонического анализа и подсчета расстояний Махаланобиса с поправкой на численность (D^2). Матрица расстояний подвергнута неметрическому многомерному шкалированию. Построены минимальные остовные деревья, показывающие кратчайший путь соединения точек на плоскости. Использовалась программа CANON Б.А. Козинцева и пакет PAST Э. Хаммера (версия 4.05).

На графике (см. Рис. 1) зоны изменчивости трех основных популяций бронзового века — окуневской, андроновской и карасукской — располагаются в том порядке, который уже неоднократно был продемонстрирован, а именно, карасукская промежуточна между двумя более древними (Рыкушина 2007; Козинцев 2023а, 2024), что свидетельствует о ее метисности. Это особенно наглядно видно по расположению центроидов усредненных карасукских групп (VI, № 61–63) по отношению к окуневским (I) и усредненным андроновским (V, № 56, 60). При этом позднекарасукские серии — каменноложская (№ 62) и “атипичная” (№ 63) — обнаруживают по сравнению с классической карасукской (№ 61) сдвиг в сторону усредненных андроновских (V, № 56 и 60) и усредненных тагарских (VII, № 1–3) соответственно, что подтверждает выводы, сделанные Г.В. Рыкушиной (Рыкушина 2007: 122) и мной (Козинцев 1977: 28; 2024).

Усредненные тагарские группы близки к усредненным андроновским, и в целом тагарская область изменчивости на графике практически полностью находится внутри андроновской. Данная закономерность нарушается тремя тагарскими сериями: из Кызыл-Куля (№ 15), сближающейся с карасукскими⁹, Нижне-Абаканской (№ 16) и из Тепсея IX (№ 28). Две последние серии малы¹⁰ и не сходны ни с одной из известных мне групп, а потому можно предположить, что их aberrantность — результат случайности.

При этом тагарская область изменчивости занимает лишь часть андроновской, причем пять из 12 андроновских серий находятся за ее пределами. Сюда относятся три федоровские серии: из Центрального, Северного и Восточного Казахстана (№ 47), из Фирсова XIV в Барнаульском Приобье (№ 50) и из Причумышья (№ 52), а также алакульско-кожумбердынская из Южного Приуралья и Западного Казахстана (№ 57). Вне тагарской зоны находится и довольно изолированная федоровская серия из Еловки II в Томском Приобье (№ 53), принадлежащая, судя по всему, ассимилированным андроновцами сибирским аборигенам (Дрёмов 1997; Чикишева 2012; Козинцев 2023б).

В своей книге 1977 г. я писал, что тагарцы ближе к андроновцам Восточного, Центрального и Северного Казахстана (не разделенным тогда на федоровскую и алакульскую группы), чем к андроновцам Минусинской котловины (Козинцев 1977: 37). Выясняется, однако, что данный вывод верен лишь по отношению к казахстанским алакульцам (№ 58, без западных), которые действительно ближе к тагарцам, чем федоровцы Минусинской котловины (№ 55). Для федоровцев же Казахстана (№ 47) справедливо обратное (см. расположение усредненных тагарских групп (VII) и андроновских № 47, 55 и 58 на графике).

Итак, нет сомнения, что основными предками тагарцев были носители андроновской культуры или, скорее, их потомки. Согласно новым данным, в Минусинской котловине данная культура доживает лишь до XV в. до н.э. (Поляков 2022: 222). Но в XIII–XI вв. до н.э. туда с юга (из Синьцзяна через Монголию) вновь проникают носители андроновских традиций, определивших облик карасук-лугавского этапа периода поздней бронзы (Там же: 311). Правда, некоторые археологи считают, что и тагарская культура была результатом очередной ми-

грации откуда-то извне (Там же: 318), но антропологические факты заставляют и в этом случае приписывать решающую роль потомкам андроновцев.

Весомые антропологические свидетельства участия карасукцев в сложении тагарской популяции по-прежнему отсутствуют. Центроид усредненной классической карасукской серии (№ 61) находится вне зоны внутритагарской изменчивости, центроиды каменоложской и “атипичной карасукской” групп (№ 62 и 63) — на самой ее периферии, что можно приписать усилению андроновского

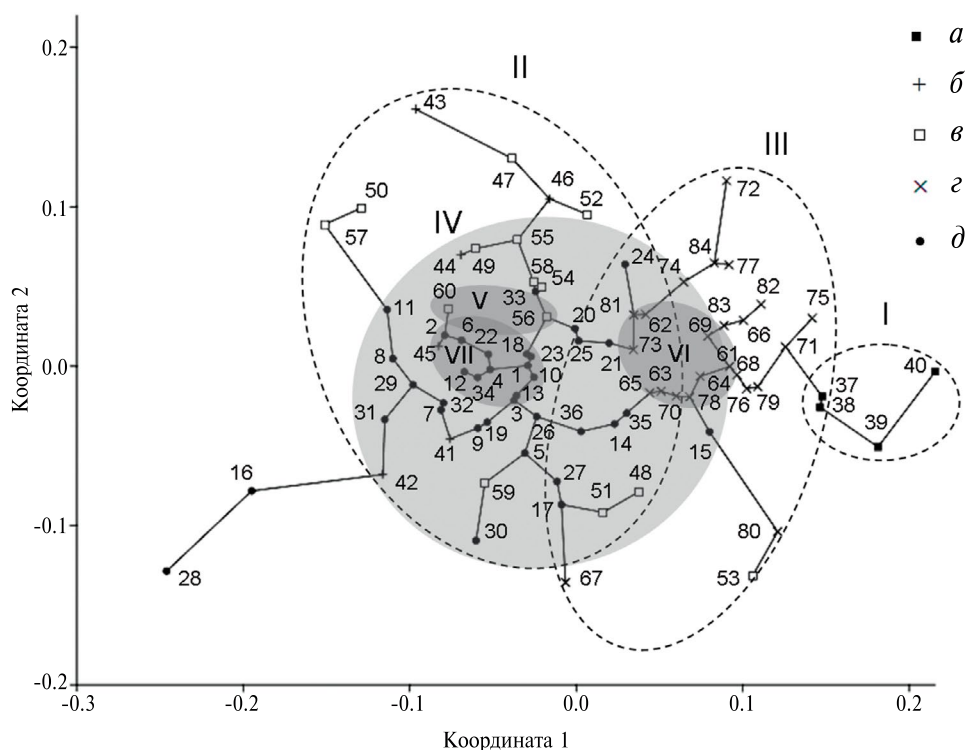

Рис. 1. Положение центроидов мужских краниологических серий тагарской и более ранних культур Южной Сибири и Центральной Азии на плоскости неметрического многомерного шкалирования матрицы обобщенных расстояний (D^2). Номера серий соответствуют списку в тексте. Прямые линии — ребра минимального остоного дерева, показывающие кратчайший путь между точками на плоскости.

a — окуневские, *б* — доандроновские западного тяготения, *в* — андроновские, *г* — карасукские, *д* — тагарские. Группировки, выделенные по археологическому принципу (показаны штрих-пунктирными овалами и пятнами): I — окуневская; II — доандроновская западного тяготения и андроновская, кроме Еловки II (№ 53); III — карасукская; IV — тагарская, кроме Нижне-Абаканской группы (№ 16) и Тепсея IX (№ 28); V — усредненные андроновские группы: федоровская (№ 56) и алакульская (№ 60); VI — усредненные карасукские: “классическая” (№ 61), каменоложская (№ 62) и “атипичная” (№ 63); VII — усредненные тагарские: подгорновская (№ 1), биджинская (№ 2) и сарагашенская (№ 3).

влияния (см. выше). А усредненные тагарские серии отклоняются от усредненных андроновских отнюдь не в сторону карасукских. Куда же именно?

Наилучшими претендентами на роль второго компонента в сложении тагарской общности являются чаахольцы Тувы (№ 41), а возможно, и елунинцы Верхней Оби (№ 42). Эти доандроновские группы европейского тяготения, вернее, их потомки, могли послужить субстратом для складывающейся тагарской популяции. Подробнее мы на этом остановимся в разделе, посвященном связям тагарцев и скифов.

Обратимся теперь к сериям, представляющим современников тагарцев в восточной части скифского мира, прежде всего к тем, которые находятся внутри тагарской зоны изменчивости (см. Рис. 2). Наиболее близки к тагарцам ($D^2_c \leq 1,5$) пазырыкцы Урсула и Средней Катунь (№ 107), обнаруживающие сходство более чем с половиной тагарских серий (21 из 36 — 58%), люди, захороненные в двух группах саглыных могил на Аймырлыге (№ 91 и 92 — 15, т.е. 42%, и 9, т.е. 25% соответственно), а также саки Таласа (№ 116) (8, т.е. 22%). Савроматская серия (№ 126) находится на периферии тагарской зоны и близка лишь к четырем тагарским¹¹. Итак, ближние связи тагарцев ведут прежде всего на Алтай и в Туву. Речь явно идет о близком родстве, но к происхождению тагарцев эти связи едва ли имеют отношение. В самом деле, вышеназванные алтайские и тувинские группы не относятся к ранним стадиям кочевнической культуры, но при этом обнаруживают близость к тагарцам всех трех этапов, в том числе и самого раннего — подгорновского. Центроиды же серий, представляющих более ранних кочевников Алтае-Саян (№ 85, 86, 94, 97), находятся вне тагарской зоны изменчивости. Видимо, миграционный импульс был направлен из Минусинской котловины на юг и привел к частичной смене населения.

Более перспективным в плане происхождения было бы сравнить тагарцев с ранними кочевниками Южного Приаралья (№ 124). Представляющая их серия находится вблизи тагарской зоны и обнаруживает сходство с тремя тагарскими группами: из Барсучихи (№ 6), из биджинско-сарагашенских погребений Кичик-Кюзюра (№ 10) и из Улуг-Кюзюра (№ 11). Этого, конечно, мало, чтобы говорить о миграциях. Еще меньше поводов предполагать связь с памирскими саками (№ 123), близкими лишь к одной, наиболее “средиземноморской” по облику тагарской группе — из Копьева (№ 8).

Связи тагарцев со скифами отражены на Рис. 3. Различия между лесостепными и степными сериями уже рассматривались мной. Судя по всему, эти группы имели разное происхождение: первые были автохтонными, вторые — пришлыми “из глубин Азии” (Козинцев 2007). Эти различия хорошо видны на графике. Все шесть лесостепных групп находятся “к западу” от тагарской зоны изменчивости, тогда как треть степных групп (6 из 18), в том числе и суммарная (№ 129, 132, 134, 137, 142, 144), попадает внутрь этой зоны и еще пять (№ 127, 128, 138, 141, 143) — на ее периферию. Из семи оставшихся одна (№ 130 — из Присивашья), в отличие от большинства прочих, отклоняется от тагарских групп не в “западном” направлении, как лесостепные скифы, а в противоположном, “восточном”. Она ближе всего к сериям из Тувы: к монгун-тайгинской (Козинцев 2007), из Аржана-2 (№ 85) и Саглы (№ 88), а также к сакской из Северного и Центрального Казахстана (№ 111).

Я уже указывал на исключительную роль чаахольской группы из Аймырлыга (№ 41) в качестве предположительно предковой для степных скифов (Ко-

зинцев 2007). Показатель обобщенного различия с поправкой на численность (D^2_c) в этом случае отрицателен ($-0,23$), т.е. различие меньше ошибки. Расчеты А.А. Казарницкого подтвердили мои выводы (Казарницкий 2017), которые находят соответствие и в археологических данных (Ковалев 2014)¹², между тем как прежде такого соответствия обнаружить не удавалось.

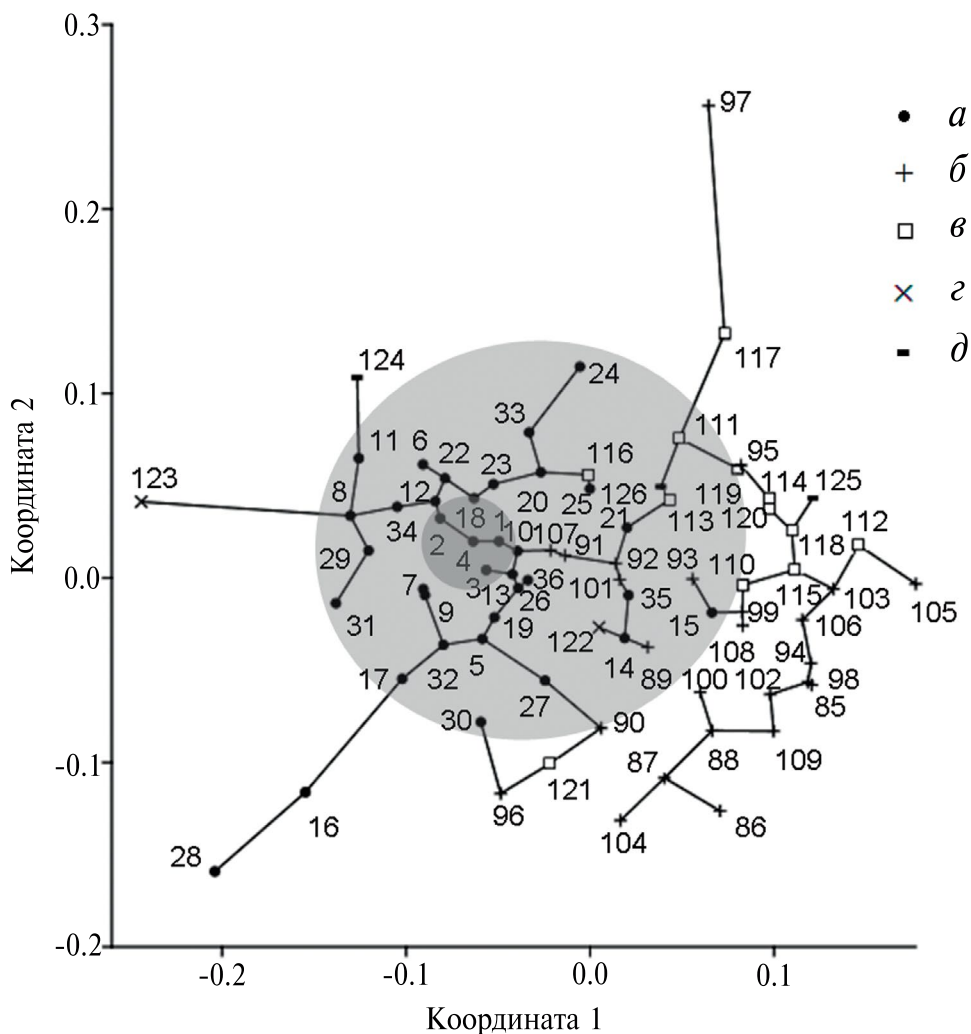

Рис. 2. Положение центроидов мужских краниологических серий тагарской и современных ей культур Центральной и Средней Азии на плоскости неметрического многомерного шкалирования матрицы обобщенных расстояний (D^2_c). Обозначения см. в подписи к Рис. 1.

a – тагарские серии; *б* – серии из Тувы, Монголии, Алтая; *в* – серии из Восточного и Центрального Казахстана, Притяньшанья; *г* – серии из Памиро-Алая; *д* – серии из Южного Приаралья, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Светлым пятном обозначена область изменчивости тагарских групп, кроме Нижне-Абаканской (№ 16) и Тепсея IX (№ 28), темным – усредненных тагарских (№ 1–3).

Можно ли предположить такую же роль чаахольцев по отношению к тагарцам? Как показывает график (см. Рис. 4), это может быть справедливым для самой поздней – сарагашенской группы ($D^2_c = 0,62$), противостоящей обеим более ранним – подгорновской и особенно биджинской (2,48 и 5,42 соответственно).

Переход к сарагашенскому этапу ознаменовался существенными изменениями в облике тагарской культуры, в частности усилением алтайского влияния (Членова 1967: 135–144; Савинов 2004). Антропологические данные, правда, позволяют предположить миграцию в противоположном направлении – из Минусинской котловины на юг (см. выше). Так или иначе, усиление связей, судя по всему, имело место.

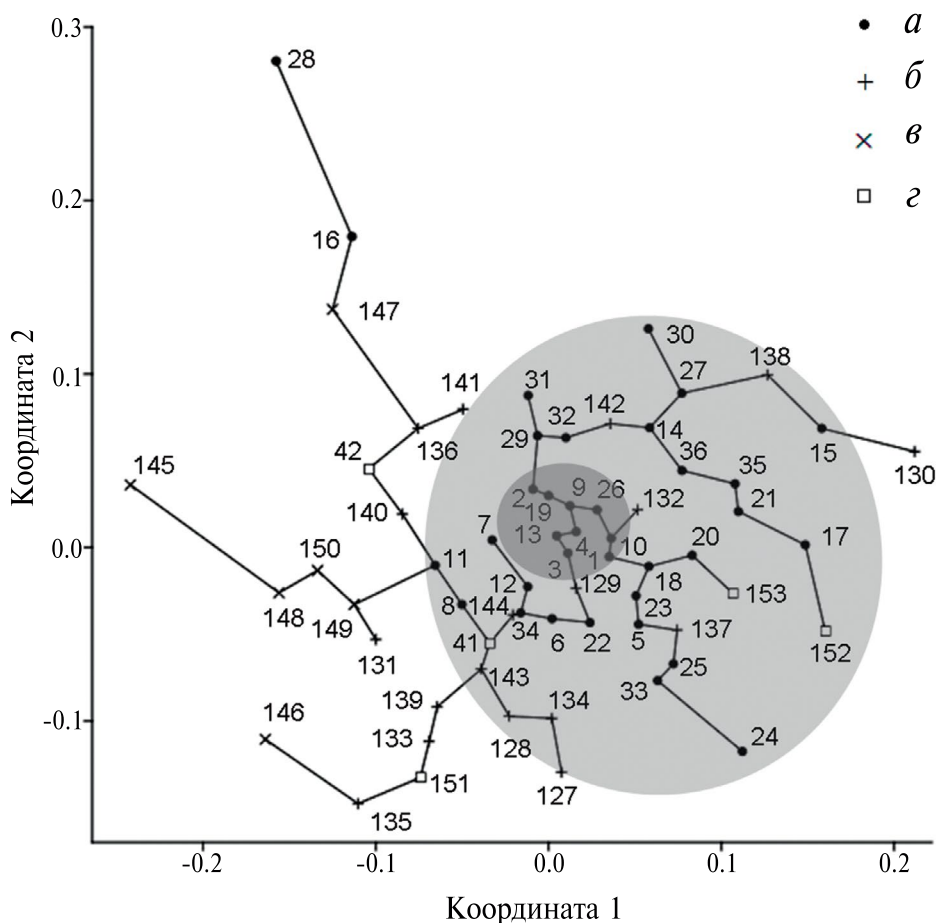

Рис. 3. Положение центроидов мужских краниологических серий тагарской, скифской и доскифских культур на плоскости неметрического многомерного шкалирования матрицы обобщенных расстояний (D^2_c).

a – тагарские, *б* – степные скифские, *в* – лесостепные скифские, *г* – доскифские. Обозначения см. в подписях к рис. 1, 2.

Учитывая поздние даты скифских серий из степи (Круц 2017; Козинцев 2007), можно допустить, что именно приток населения из Алтае-Саян определил антропологическое своеобразие степных скифов по сравнению с лесостепными. Но что это было за население? Вполне возможно, что тагарское, конкретно сарагашенское или родственное ему, распространившееся, следовательно, не только на юг (в Туву и на Алтай), но и на запад, вплоть до Северного Причерноморья. Антропологические факты определенно указывают на такую возможность (тот же вывод см.: Казарницкий 2017).

Связи с прочими группами ранних кочевников Центральной Азии отмечены в восьми скифских группах из степи (в лесостепных — ни разу). Никакой повторяемости в этих связях нет — лишь близость к предсавроматской группе из Нижнего Поволжья (№ 153; см. Рис. 3), несомненно, пришедшей с востока, отмечена в трех степных скифских сериях (к савроматской — в четырех, см. выше). Однако суммарная степная скифская группа не близка ни к одной из синхронных восточных, тогда как к чаахольской близки 10 степных серий, в том числе — и в ничуть не меньшей степени — суммарная.

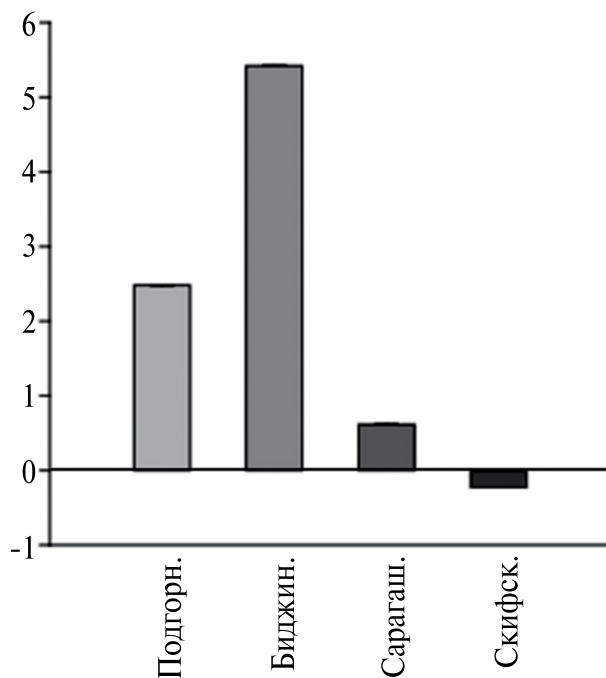

Рис. 4. Показатели обобщенного отличия (D^2) чаахольской серии из Аймырлыга от сборных тагарских серий разных этапов и от сборной скифской из степи. В последнем случае показатель отличия с поправкой на численность отрицателен, т.е. различие меньше его ошибки.

Почему же именно чаахольская группа, отделенная от тагарских (особенно сарагашенских) и степных скифских огромным хронологическим разрывом, проявляет к ним такую близость? Это загадка, а потому приходится ограничиться выводом, к которому вслед за мной пришел и А.А. Казарницкий (см. выше): ничем, кроме родства, это не объяснить.

Что же касается архаической скифской культуры, распространенной в лесостепи и на Северном Кавказе, то, как я предположил, она могла распространиться из тех же “глубин Азии”, но раньше, и притом не миграционным, а диффузионным путем (Козинцев 2007). Судить об этом можно будет лишь после появления антропологического материала по скифской архаике.

Предскифская черногоровская группа из Украины (№ 151) близка к чаахольской и к семи степным скифским, в том числе и суммарной, но заметно отличается от всех тагарских, уклоняясь от них не в “восточном”, а в “западном” направлении – в сторону лесостепных скифов (см. Рис. 3). Предполагать ее восточное происхождение нет никаких оснований, но субстратная ее роль вполне вероятна (Там же). Иначе обстоит дело с черногоровской группой из Нижнего Подонья (№ 152), явно пришедшей с востока и близкой к предсавроматской, к трем степным скифским группам, но не к чаахольской, и лишь к одной из тагарских. Следовательно, и данная популяция не сыграла решающей роли в генезисе основной массы скифского населения степи.

Итак, мы приходим к следующим выводам:

1. Наиболее вероятные предки тагарцев – носители андроновской культуры; доандроновский субстрат был, скорее всего, представлен чаахольцами.
2. Вероятная причина отличия некоторых пазырыкских групп Алтая и саянских групп Тувы от более ранних – миграция части сарагашенского населения на юг.
3. Отличия степных скифов от лесостепных вызваны, скорее всего, продвижением сарагашенцев или их родственников из Алтае-Саян в восточноевропейские степи.
4. Особую роль в данной миграции могли сыграть группы, сохранившие антропологические черты доандроновского, в частности чаахольского субстрата.

Благодарности

Я признателен за помощь М.П. Грязнову и другим сотрудникам Красноярской археологической экспедиции, а также Н.Л. Членовой, передатировавшей для меня весь опубликованный, а отчасти и новый материал, и И.П. Лазаретову за консультацию. Благодарю Т.А. Чикишеву за полезное обсуждение рукописи статьи и Е.Н. Учаневу за предоставление неопубликованных данных по группе из Эки-Оттуга.

Примечания

¹ Два других исследования по генетике ранних кочевников Северной Евразии (Unterländer et al. 2017; Krzewińska et al. 2018) сколько-нибудь интересных для нас результатов не дали, вероятно, из-за слишком формального подхода генетиков к антропологическому материалу и недостаточно тесного контакта их с археологами.

² Этапы даны по схеме М.П. Грязнова. Дата баиновского этапа приведена по А.В. Полякову (Поляков 2022: 302), подгорновского – по А.В. Полякову и С.В. Святко (Поляков, Святко 2009),

прочие даты — по Н.Л. Членовой (*Членова* 1967 и личные сообщения). Более подробные сведения о тагарских сериях № 4–34 см.: *Козинцев* 1977: 138–142.

³ В анализ не включена подгорновская серия из Станции Казановской-1, отличающаяся аберрантно высокими значениями зигомаксиллярного угла — 135,2° у мужчин и 138,5° у женщин (*Кишкурно* 2022).

⁴ Используются только данные о мужских черепах.

⁵ Источники данных о доандроновских и андроновских сериях № 45–60 см.: *Козинцев* 2023б.

⁶ Здесь и далее принадлежность серий к классической или каменноложской (лугавской) группе не уточняется из-за расхождений между археологами и культурной неоднородности могильников.

⁷ Точные данные о происхождении саглинской серии из раскопок А.Д. Грача, к сожалению, отсутствуют. По личному сообщению К.В. Чугунова, речь, скорее всего, идет о могильнике Саглы-Бажи II.

⁸ Источники данных о скифских сериях № 127–148 см.: *Круц* 2017; *Козинцев* 2007.

⁹ Черепа из Кызыл-Куля добыты в конце XIX в., и полной уверенности, что все они тагарские, нет.

¹⁰ Некоторые размеры определены на одном-двух черепах.

¹¹ То же относится к не отраженной на данном графике предсавроматской группе из Нижнего Поволжья IX–VII вв. до н.э. (№ 153), явно имеющей восточное происхождение (*Балабанова* 2014). Ее статус мы обсудим ниже.

¹² А.А. Ковалев объясняет культурные особенности чаахольцев влиянием населения Монгольского Алтая и находит сходные черты в елунинской и чемурчекской культурах (*Ковалев* 2014). Антропологически елунинская серия действительно сближается с чаахольской, но, в отличие от нее, входит в зону изменчивости лишь скифских, но не тагарских групп. Два мужских чемурчекских черепа отчетливо монголоидны (*Солодовников и др.* 2019; *Козинцев* 2021).

Научная литература

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. Труды Института этнографии АН СССР. 1961а. Т. 71. № 3. С. 107–206.

Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. 1961б. Т. 20. С. 238–327.

Алексеев В.П. К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. Сборник статей, посвященных памяти Валерия Николаевича Чернецова / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 220–232.

Алексеев В.П. Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 109–119.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.

Балабанова М.А. Роль восточных миграций в формировании савромато-сарматского населения восточноевропейских степей // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всероссийской научной конференции “Проблемы сарматской археологии и истории” / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2014. С. 20–29.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015.
- Боковенко Н.А. и др. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и Средневековье: к 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. Кн. 2. С. 19–21.
- Бородовский А.П., Тур С.С. Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине Нижней Катунь (антропологический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 3. С. 128–141.
- Гинзбург В.В. Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
- Громов А.В. Палеоантропологические материалы из карасукского могильника Арбан I // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб.: Наука, 1991. С. 42–47.
- Громов А.В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. 1995. № 1. С. 130–150.
- Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник / Отв. ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 301–358.
- Громов А.В., Лазаретова Н.И. Краниологические материалы из раннетагарских курганов Могильной степи // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. К 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 211–223.
- Громов А.В., Лазаретова Н.И., Учанева Е.Н. Краниоскопия тагарских могильников: норма и вариации // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2015 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2016. С. 344–350.
- Громов А.В., Учанева Е.Н. Раннетесинское население Минусинской котловины по данным краниологии (опыт сопоставления двух систем признаков) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2012 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2013. С. 32–38.
- Громов А.В., Учанева Е.Н., Ширококов И.Г., Жогова Н.А. Население Центральной Тувы в скифское время по данным краниологии (по материалам могильника Аймырлыг) // Население раннего железного века и Средневековья Северной Евразии по материалам музейных коллекций. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2020. С. 208–222.
- Дебец Г.Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии // Советская Азия. 1931. № 5–6. С. 195–209.
- Дебец Г.Ф. Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 26–48.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1997.
- Казарницкий А.А. Данные физической антропологии о формировании населе-

- ния Северного Причерноморья в античное время // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э.—VII в. н.э.) / Отв. ред. А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева. М.; Симферополь: ИП Т.В. Зуева, 2017. С. 213–302.
- Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.* Палеоантропология сакских культур При-
татьяншанья. Алматы: Хикари, 2019.
- Кишкурно М.С.* Новые данные по краниологии носителей подгорновского этапа тагарской культуры Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2022. Т. 28. С. 555–562.
- Ковалев А.А.* Происхождение скифов из Джунгарии; основание гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 124–136.
- Козинцев А.Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977.
- Козинцев А.Г.* Этническая краниоскопия. Л.: Наука, 1988.
- Козинцев А.Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 143–157.
- Козинцев А.Г.* Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 121–132.
- Козинцев А.Г.* На кого были похожи карасукцы? // Этнографическое обозрение. 2023а. № 3. С. 150–164.
- Козинцев А.Г.* Происхождение андроновцев: статистический подход // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023б. Т. 51. № 4. С. 142–151.
- Козинцев А.Г.* Происхождение карасукцев (по краниологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52. № 2. С. 143–153.
- Козинцев А.Г., Селезнева В.И.* Краниометрические особенности населения Тувы эпохи железа: черепа из могильника Саглы // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2010 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2011. С. 217–222.
- Круц С.И.* Скифы степей Украины по антропологическим данным. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2017.
- Лазаретова Н.И.* Краниологические материалы из биджинских курганов в контексте межгрупповой изменчивости населения тагарской культуры // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии / Отв. ред. И.И. Гохман, А.В. Громов. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 66–75.
- Мамонова Н.Н.* Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР / Отв. ред. И.И. Гохман. Л.: Наука, 1980. С. 60–74.
- Поздняков Д.В., Комиссаров С.А.* Антропологические материалы из могильников группы Чауху (Синьцзян, КНР) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 84–90.

- Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2022.
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М.: Старый Сад, 2007.
- Савинов Д.Г. Население Среднего Енисея в эпоху сложения скотоводческих обществ // Journal of Turkic Civilization Studies. 2004. № 1. С. 107–134.
- Савинов Д.Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // “Terra Scythica”. Материалы международного симпозиума “Terra Scythica” (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 208–217.
- Солодовников К.Н. Краниологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV в свете проблем формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 1. С. 35–47.
- Солодовников К.Н., Тумен Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчекской культуры Западной Монголии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. 2 / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2019. С. 79–81.
- Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. С. 142–176.
- Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. С. 136–147.
- Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. С. 137–169.
- Тур С.С. Краниологические материалы из могильников северных предгорий Алтая скифского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. С. 253–257.
- Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. 2004. № 12. С. 32–49.
- Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 78–87.
- Хань Кансинь. Антропологическое изучение могильника Гумугоу на р. Кончеда-

- рья, Синьцзян // Каогу сюэбао. 1986. № 3. С. 361–384. (на кит. яз.)
- Черданцев С.В. и др. Генетический состав носителей тагарской культуры: современное состояние и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2021. Т. 27. С. 723–729.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. Археология и антропология могильников. М.: Институт археологии РАН, 1996.
- Krzewińska M. et al. Ancient Genomes Suggest the Eastern Pontic-Caspian Steppe as the Source of Western Iron Age Nomads // Science Advances. 2018. No. 4. Art. eaat4457. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aat4457>
- Unterländer M. et al. Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. 2017. No. 8. Art. 14615. <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>

Research Article

Kozintsev, A.G. The Origin and Affinities of the Tagar People: A View from Half a Century Later [Proiskhozhdenie i rodstvennyye svyazi tagartsev: vzgliad polveka spustia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 70–93. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040056> EDN: AYYXWJ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Alexander Kozintsev | <https://orcid.org/0000-0002-0165-8109> | alexanderkozintsev@yandex.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 190034, Russia)

Keywords

Bronze Age, Early Iron Age, Southern Siberia, Western Siberia, Minusinsk Basin, Okunev culture, Andronovo culture, Karasuk culture, Tagar culture

Abstract

To revise the origins and external relationships of the Tagar population (800–300 BC) nearly half a century after my book (1977), 36 male Tagar cranial samples were compared with 117 samples representing other periods and regions using multivariate statistical methods. To date, the principal contenders for the role of Tagar ancestors are the Andronovans, whose key role is supported by genetic facts. The pre-Andronovo substratum was likely represented by the Chaa-Khol' people of Tuva and the Yelunino people of the Upper Ob. The Karasuk tribes do not appear to have taken part in Tagar origins. Among the neighbors of the Tagar people, the closest to them are the Pazyryk people of the Ural, Altai, and certain Sagly people of Aimyrlyg, Tuva. Judging by the dates, those groups resulted from a southward migration of certain Tagar populations at the Saragash stage. Since the Chaa-Khol' people, as I showed previously, were extremely close to Scythians of the steppes, and among the Tagar people, to those of the Saragash stage, it appears that the Saragash people or their descendants had migrated not merely to the Altai-Sayan region but also much further west – to the Eastern European steppes. The archaic Scythian culture, which preceded this migration, may have spread along the same route, but by way of diffusion.

References

- Alekseev, V.P. 1961. Paleoantropologiya Altae-Saianskogo nagor'ia epokhi neolita i bronzy [Paleoanthropology of the Altai-Sayan Highland in the Neolithic and Bronze Age]. *Antropologicheskii sbornik 3. Trudy Instituta etnografii AN SSSR* 71: 107–206.
- Alekseev, V.P. 1961. Paleoantropologiya Khakassii epokhi zheleza [Paleoanthropology of Khakassia in the Iron Age]. *Sbornik muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* 20: 238–327.
- Alekseev, V.P. 1973. K proiskhozhdeniiu tashtykskogo naseleniia Yuzhnoi Sibiri [On the Origin of the Tashtyk Population of Southern Siberia]. In *Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Sbornik statei, posviashchennykh pamiati Valerii Nikolaevicha Chernetsova* [Problems in the Archaeology of Ural and Siberia: A Collection in Memory of Valerii Nikolaevich Chernetsov], edited by A.P. Smirnov, 220–232. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1975. Antropologicheskie dannye o lokal'nykh razlichiiakh naseleniia tagarskoi kul'tury [Anthropological Data on the Local Differences in the Tagar Population]. In *Pervobytnaia arheologiya Sibiri* [Prehistoric Archaeology of Siberia], edited by A.M. Mandelshtam, 109–119. Leningrad: Nauka.
- Alekseev, V.P., I.I. Gokhman, and D. Tumen. 1987. Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentral'noi Azii (kamennii vek – epokha rannego zheleza) [A Brief Outline of the Paleoanthropology of Central Asia (Stone Age – Early Iron Age)]. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia], edited by A.P. Derevianko and S. Natsagdorzh, 208–241. Novosibirsk: Nauka.
- Balabanova, M.A. 2014. Rol' vostochnykh migratsii v formirovanii savromato-sarmatskogo naseleniia vostochnoevropeiskikh stepei [The Role of Migrations in the Origin of the Sauromato-Sarmatian Population of Eastern European Steppes]. In *Sarmaty i vneshnii mir: materialy VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii"* [Sarmatians and the External World: Materials of the Eighth All-Russian Conference "Problems in Sarmatian Archaeology and History"], edited by L.T. Yablonskii and N.S. Saveliev, 20–29. Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury YNC RAN.
- Batieva, E.F. 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. don.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [Population of the Lower Don in the 9th Century BC – 4th Century AD (A Paleoanthropological Study)]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YNC RAN.
- Beisenov, A.Z., A.O. Ismagulova, E.P. Kitov, and A.O. Kitova. 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysiacheletii do n.e.* [Population of Central Kazakhstan in the 1st Millennium BC]. Almaty: Institut arkheologii im. A.H. Margulana.
- Bokovenko, N.A., et al. 2003. K probleme khronologii rannetagarskikh pamiatnikov Eniseia [On the Chronology of Early Tagar Burials on the Yenisei]. In *Stepi Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia Mikhaila Petrovicha Griaznova* [Steppes of Eurasia in Early History and the Middle Ages, Celebrating the Centennial of Mikhail Petrovich Griaznov], edited by Y.Y. Piotrovskii, 2: 19–21. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.
- Borodovskii, A.P., and S.S. Tur. 2015. Barangol'skii nekropol' pazyrykskoi kul'tury v gornoi doline Nizhnei Katuni (antropologicheskii aspekt) [The Barangol Cemetery of the Pazyryk Culture in the Mountain Valley of the Lower Katun'].

Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii 43 (3): 128–141.

- Cherdantsev, S.V., et al. 2021. Geneticheskii sostav nositelei tagarskoi kul'tury: sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniia [Genetic Composition of the Tagar Population: Modern Knowledge and Prospects]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems in the Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjacent Territories], 27: 723–729. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Chikisheva, T.A. 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza* [Dynamics of Anthropological Differentiation of Southwestern Siberian Population in the Neolithic – Early Bronze Age]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Chlenova, N.L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniia istoriia plemen tagarskoi kul'tury* [Origin and Early History of the Tagar Tribes]. Moscow: Nauka.
- Debetz, G.F. 1931. Eshche raz o belokuroi rase v Tsentral'noi Azii [The Blonde Race of Central Asia Revisited]. *Sovetskaia Azia* 5–6: 195–209.
- Debetz, G.F. 1932. Rasovye tipy Minusinskogo kraia v epokhu rodovogo stroia (k vo-prosu o migratsiiakh v doklassovom obshchestve) [Racial Types of the Minusinsk Region in the Tribal Age (On Migrations in the Pre-Class Society)]. *Antropologicheskii zhurnal* 2: 26–48.
- Debetz, G.F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dremov, V.A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk)* [Population of the Upper Ob' in the Bronze Age (An Anthropological Sketch)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Ginzburg, V.V. and T.A. Trofimova. 1972. *Paleoantropologiya Srednei Azii* [Paleoanthropology of Southwestern Central Asia]. Moscow: Nauka.
- Gromov, A.V. 1991. Paleoantropologicheskie materialy iz karasukskogo mogil'nika Arban I [Paleoanthropological Materials from the Karasuk Cemetery Arban I]. In *Novye kollektsii i issledovaniia po antropologii i arkheologii* [New Collections and Studies in Anthropology and Archaeology], edited by I.I. Gokhman, 42–47. St. Petersburg: Nauka.
- Gromov, A.V. 1995. Naselenie yuga Khakasii v epokhu pozdnei bronzy i problema proiskhozhdeniia karasukskoi kul'tury [The Population of Southern Khakassia in the Late Bronze Age and the Problem of Karasuk Origins]. *Antropologiya segodnia* 1: 130–150.
- Gromov, A.V. 1997. Proiskhozhdenie i svyazi naseleniia okunevskoi kul'tury [The Origin of the Okunev People]. In *Okunevskii sbornik* [Okunev Miscellany], edited by D.G. Savinov and M.L. Podolskii, 301–358. St. Petersburg: Petro-RIF.
- Gromov, A.V., and N.I. Lazaretova. 2021. Kraniologicheskie materialy iz rannetagar-skikh kurganov Mogil'noi stepi [Cranial Samples from Kurgans in the Mogil'naya Steppe]. In *Tvorets kul'tury. Material'naia kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii. K 80-letiiu professora Dmitriia Glebovicha Savinova* [Creator of Culture: Material Culture and Spiritual Space of Man in the Light of Archaeology, History, and Ethnography: Marking the 80th Anniversary of Dmitrii Glebovich Savinov], edited by N.Y. Smirnov, 211–223. St. Petersburg: IIMK RAN.
- Gromov, A.V., N.I. Lazaretova, and E.N. Uchaneva. 2016. Kranioskopiia tagarskikh mogil'nikov: norma i variatsii [Cranial Nonmetrics of the Tagar Groups: Norm

- and Variations]. In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty Muzeia antropologii i etnografii RAN v 2015 g.* [Radlov Collection: Studies and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography in 2015], 344–350. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN.
- Gromov, A.V., and E.N. Uchaneva. 2013. Rannetesinskoe naselenie Minusinskoï kotloviny po dannym kraniologii (opyt sopostavleniia dvukh sistem priznakov) [The Early Tes' Population of the Minusinsk Basin (An Attempt at Comparing Data from Two Systems of Traits)]. In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty Muzeia antropologii i etnografii RAN v 2012 g.* [Radlov Collection: Studies and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography in 2012], 32–38. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN.
- Gromov, A.V., E.N. Uchaneva, I.G. Shirobokov, and N.A. Zhogova. 2020. Nasele-nie Tsentral'noi Tuvy v skifskoe vremia po dannym kraniologii (po materialam mogil'nika Aimyrlyg) [Cranial Study of the Population of Central Tuva in the Scythian Era: The Aimyrlyg Cemetery]. In *Naselenie rannego zhelezno go veka i Srednevekov'ia Severnoi Evrazii po materialam muzeinykh kollektsii* [The Iron Age and Middle Age Population of Northern Eurasia], 208–222. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN.
- Han Kangxin. 1986. Antropologicheskoe izuchenie mogil'nika Gumugou na r. Konchedar'ia, Xinjiang [An Anthropological Study of the Gumugou Cemetery on the Konchedarya, Xinjiang]. *Kaogu Xuebao* 3: 361–384 (in Chinese).
- Kazarnitskii, A.A. 2017. Dannye fizicheskoi antropologii o formirovanii naseleniia Severnogo Prichernomor'ia v antichnoe vremia [Evidence of Physical Anthropology on the Origin of the Population of the Northern Black Sea Region in the Classic Age]. In *Krymskaia Skifiia v sisteme kul'turnykh sviazei mezhdru Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v.n.e.)* [Crimean Scythia in the System of Cultural Ties between East and West (3d Century BC – 7th Century AD)], edited by A.I. Ivanchik and V.I. Mordvintseva, 213–302. Moscow; Simferopol': IP T.V. Zueva.
- Kishkurno, M.S. 2022. Novye dannye po kraniologii nositelei podgornovskogo etapa tagarskoi kul'tury Khakassii [New Data on the Craniology of the Podgornovo Stage People of Tagar Culture in Khakassia]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems in the Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], 28: 555–562. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Kitov, E.P., S.S. Tur, and S.S. Ivanov. 2019. *Paleoantropologiia saksikh kul'tur Pri-tian'shan'ia* [Paleoanthropology of the Saka Cultures of the Tien Shan]. Almaty: Hikari.
- Kovalev, A.A. 2014. Proiskhozhdenie skifov iz Dzhungarii; osnovanie gipotezy i ee sovremennoe sostoianie [The Dzungarian Homeland of Scythians: Principal Hypotheses and Modern Knowledge]. In *Arii stepei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepiakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriiakh. Sbornik pamiati Eleny Efimovny Kuzminoi* [Aryans of the Eurasian Steppes: Bronze and Early Iron Age in the Eurasian Steppes and Adjacent Territories, Miscellany in Memory of Elena Efimovna Kuzmina], edited by V.I. Molodin and A.V. Epimakhov, 124–136. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kozintsev, A.G. 1977. *Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniia tagarskoi kul'tury* [Anthropological Composition and Origin of the Tagar Population].

Leningrad: Nauka.

- Kozintsev, A.G. 1988. *Etnicheskaia kranioskopiia* [Ethnic Epigenetics]. Leningrad: Nauka.
- Kozintsev, A.G. 2007. Scythians of the North Pontic Region: Between-group Cranial Variation, Affinities, and Origins. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 4: 143–157.
- Kozintsev, A.G. 2021. Patterns in the Population History of Northern Eurasia from the Neolithic to the Early Bronze Age, Based on Craniometry and Genetics. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 49 (4): 121–132.
- Kozintsev, A.G. 2023. Na kogo byli pohozhi karasuktsy? [Whom Did the Karasuk People Resemble?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 150–164.
- Kozintsev, A.G. 2023. Origin of the Andronovans: A Statistical Approach. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 51 (4): 142–151.
- Kozintsev, A.G. 2024. The Origin of the Karasuk People: Craniometric Evidence. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 52 (2): 143–153.
- Kozintsev, A.G., and V.I. Selezneva. 2011. Kraniometricheskie osobennosti naseleniia Tuvy epokhi zheleza: cherepa iz mogil'nika Sagly [Cranio-metric Features of the Population of Tuva in the Iron Age: Crania from the Sagly Cemetery]. In *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty Muzeia antropologii i etnografii RAN v 2010 g.* [Radlov Collection: Studies and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography in 2010], 217–222. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN.
- Kruts, S.I. 2017. *Skify stepei Ukrainy po antropologicheskim dannym* [Scythians of the Ukrainian Steppes: The Evidence of Physical Anthropology]. Kiev; Berlin: Vydavets Oleg Filiuk.
- Krzewińska, M., et al. 2018. Ancient Genomes Suggest the Eastern Pontic-Caspian Steppe as the Source of Western Iron Age Nomads. *Science Advances* 4. Art. eaat4457. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aat4457>
- Lazaretova, N.I. 2006. Kraniologicheskie materialy iz bidzhinskikh kurganov v kontekste mezhgruppovoi izmenchivosti naseleniia tagarskoi kul'tury [Cranial Material from the Bidzha Kurgans in the Context of Between-Group Variation of the Tagar Samples]. In *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoi antropologii* [Topical Issues in Modern Physical Anthropology], edited by I.I. Gokhman and A.V. Gromov, 66–75. St. Petersburg: MAE RAN.
- Mamonova, N.N. 1980. Antropologicheskii tip drevnego naseleniia Zapadnoi Mongolii po dannym paleoantropologii [Anthropological Type of the Ancient Population of Western Mongolia, Based on Anthropological Data]. In *Issledovaniia po paleoantropologii i kraniologii SSSR* [Studies in the Paleoanthropology and Craniology of the USSR], edited by I.I. Gokhman, 60–74. Leningrad: Nauka.
- Poliakov, A.V. 2022. *Khronologiia i kul'turogenез pamiatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlov* [Chronology and Cultural Origins in the Bronze Age of the Minusinsk Basins]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN.
- Poliakov, A.V., and S.V. Sviatko. 2009. Radiouglerodnoe datirovanie arkheologicheskikh pamiatnikov neolita – nachala zheleznogo veka Srednego Eniseia: obzor rezul'tatov i novye dannye [Radiocarbon Chronology of Archaeological Sites from the Neolithic to the Early Iron Age on the Middle Yenisei]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovani* 5: 20–56.
- Pozdniakov, D.V., and S.A. Komissarov. 2007. Antropologicheskie materialy iz

- mogil'nikov gruppy Chaukhu (Xinjiang, KNR) [Anthropological Materials from the Chawuhu Group of Cemeteries, Xinjiang, China]. In *Altai-Saianskaia gornaiia strana i sosednie territorii v drevnosti* [Altai-Sayan Highland and Adjacent Regions in Prehistory], edited by V.E. Larichev, 84–90. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Rykushina, G.V. 2007. *Paleoantropologiya karasukskoi kul'tury* [Paleoanthropology of the Karasuk Culture]. Moscow: Saryi Sad.
- Savinov, D.G. 2004. Naselenie Srednego Eniseia v epokhu slozheniia skotovodcheskikh obshchestv [Population of the Middle Yenisei During the Formation of the Early Pastoral Societies]. *Journal of Turkic Civilization Studies* 1: 107–134.
- Savinov, D.G. 2011. Problema khronologii i periodizatsii tagarskoi kul'tury v istoricheskom kontekste [Problems in the Chronology and Periodization of the Tagar Culture]. In *"Terra Scythica". Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica" (17–23 avgusta 2011 g., Denisova peshchera, Gornyi Altai)* ["Terra Scythica": Papers from the International Symposium "Terra Scythica" (August 17–23, 2011, Denisova Cave, Gornyi Altai)], edited by V.I. Molodin and S. Hansen, 208–217. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Solodovnikov, K.N. 2005. Kraniologicheskie materialy iz mogil'nika andronovskoi kul'tury Firsovo XIV v svete problem formirovaniia naseleniia Verhnego Priob'ia v epokhu bronzy [Cranial Materials from the Andronovo Cemetery Firsovo XIV, With Reference to the Origin of People of the Upper Ob' in the Bronze Age]. In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Yuzhnoi Sibiri* [Studies in the Historical and Cultural Legacy of the Peoples of Southern Siberia], 1: 35–47. Gorno-Altai: AKIN.
- Solodovnikov, K.N., D. Tumen, and M. Erdene. 2019. Kraniologiya chemurcheskoi kul'tury Zapadnoi Mongolii [Craniology of the Chemurchek Culture of Western Mongolia]. In *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v kontekste svyazi i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontsepcii)* [Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the Context of Ties and Interactions in the Eurasian Cultural Space: New Facts and Theories], edited by A.V. Poliakov and E.S. Tkach, 2: 79–81. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN.
- Solodovnikov, K.N., and S.S. Tur. 2003. Kraniologicheskie materialy yeluninskoi kul'tury epokhi rannei bronzy Verhnego Priob'ia [Cranial Materials of the Yelunino Culture of the Early Iron Age on the Upper Ob']. In *Pogrebal'nyi obriad naseleniia epokhi rannei bronzy Verhnego Priob'ia (po materialam gruntovogo mogil'nika Teleutskii Vozov-1)* [Funerary Rite of the Upper Ob' Population of the Early Bronze Age, Based on Materials from the Flat Grave Burial Ground Teleutskii Vozov-1], by Y.F. Kiriushin, S.P. Grushin, and A.A. Tishkin, 142–176. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tur, S.S. 1997. Kraniologicheskie materialy iz ranneskifskikh mogil'nikov Altaia [Cranial Materials from the Early Scythian Cemeteries in the Altai]. In *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia* [Scythian Age of Gornyi Altai], by Y.F. Kiriushin and A.A. Tishkin, 1: 136–147. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tur, S.S. 2003. Antropologicheskii sostav naseleniia Srednei Katuni skifskogo vremeni (vnutrigruppovoi analiz) [The Anthropological Composition of the Population of the Middle Katun' of the Scythian Era: A Within-Group Analysis]. In *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia* [Scythian Age of Gornyi Altai], by Y.F. Kiriushin,

- N.F. Stepanova, and A.A. Tishkin, 2: 137–169. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tur, S.S. 2004. Kraniologicheskie materialy iz mogil'nikov severnykh predgorii Altaia skifskogo vremeni [Cranial Materials of the Scythian Era Cemeteries in the Northern Piedmont of the Altai]. In *Kompleksnye issledovaniia drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Multidisciplinary Studies of Prehistoric and Traditional Societies of Eurasia], edited by Y.F. Kiriushin and A.A. Tishkin, 253–257. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tur, S.S., and M.P. Rykun. 2004. Kraniologicheskie materialy pazyrykskoi kul'tury iz mogil'nikov v urochishche Kyzyl-Dzhar [Cranial Materials from Pazyryk Cemeteries at Kyzyl-Dzhar]. *Drevnosti Altaia* 12: 32–49.
- Uchaneva, E.N., A.A. Kazarnitskii, A.V. Gromov, and N.I. Lazaretova. 2017. Naselenie Minusinskoi kotloviny v rannem zheleznom veke: k voprosu o vnutrigruppovoi i mezhruppovoi izmenchivosti [Population of the Minusinsk Basin in the Early Iron Age, with Reference to the Within-Group and Between-Group Variation]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 1: 78–87.
- Unterländer, M., et al. 2017. Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications* 8: 14615. <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>
- Yablonskii, L.T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaral'ia. Arkheologiya i antropologiya mogil'nikov* [The Saka of the Southern Aral Area: Archaeology and Anthropology of Cemeteries]. Moscow: Institut arkheologii RAN.

СИБОНЕИ И ТАИНО В КОНТЕКСТЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ

Т.А. Сюткина

Таисия Александровна Сюткина | <https://orcid.org/0000-0002-6222-4929> | syuttaya@gmail.com | младший научный сотрудник центра антропоэкологии | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

сибонеи, таино, краниометрия, коренное население Кубы, искусственная деформация черепа

Аннотация

В статье рассматриваются две краниологические серии, представляющие доколумбово население Кубы (сибонеи и таино), в общем контексте краниологической изменчивости коренного населения американского континента. Для сравнения привлечены опубликованные краниометрические данные из разных источников; использованы методы канонического дискриминантного анализа и матрицы попарных квадратов расстояний Махаланобиса. Отдельно ставится вопрос о возможности использования искусственно деформированных черепов (из которых целиком состоит как серия таино, так и многие другие американские серии) с использованием только признаков лицевого скелета. При анализе серий без искусственной деформации прослеживается сходство между сибонеями и южноамериканскими группами преимущественно западного побережья, что может указывать на их происхождение от древнего и менее дифференцированного типа популяций, заселявших в древности Центральную и северо-западную Южную Америку. Результаты анализа, объединяющего деформированные и недеформированные серии, сложнее поддаются интерпретации, что может указывать на значительное влияние деформации свода черепа на морфологию лицевого скелета, однако не противоречит выводам исследований смежных наук о южноамериканском происхождении таино.

Информация о финансовой поддержке

Грант Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения: 075–15–2022–328]

Статья поступила 29.02.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 25.04.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сюткина Т.А. Сибонеи и таино в контексте краниологической изменчивости населения доколумбовой Америки // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 4. С. 94–122. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040067> EDN: AYUDTG

Syutkina, T.A. 2024. Sibonei i taino v kontekste kraniologicheskoi izmenchivosti naseleniia dokolumbovoi Ameriki [The Ciboney and the Taino in the Context of Craniometric Variation in Native American Population]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 94–122. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040067> EDN: AYUDTG

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

По наиболее распространенной версии, американский континент был заселен из Азии по сухопутному перешейку, существовавшему на месте современного Берингова пролива и в последний раз соединявшему Азию и Америку в позднем плейстоцене примерно 11 тыс. лет назад. Подробную дискуссию о процессах заселения континента можно найти в специально посвященных этому публикациях (см., напр.: *Васильев и др.* 2015; *Зубов* 1999; *Pucciarelli* 2004; *Waters* 2019). Общим местом большинства выдвигаемых теорий является заселение Нового Света популяциями из разных регионов Азии, сменявшими друг друга в рамках разных миграционных волн или проникавшими на континент непрерывно в рамках “капельной” миграции.

Антильские острова были заселены достаточно поздно — самые ранние следы человеческого присутствия обнаружены на Больших Антильских островах и относятся к IV тыс. до н.э. (*Феблес* 1986; *Febles Dueñas* 1988; *Perez Carratala, Izquierdo Díaz* 2010). Некоторые авторы на основании анализа каменных орудий предполагают даже большую древность пребывания человека на Кубе — начиная с 8–6 тыс. лет назад (*Васильевский* 1986: 5). Первые обитатели островов были охотниками и собирателями, не знавшими земледелия и керамики, — за ними закрепилось название “сибонеи”. Докерамическую культуру принято считать культурным этапом, включающим разнообразные культурные традиции, носителями которых могли быть различные, в том числе и по происхождению, группы населения. Примерно 1800 лет назад (*Fernandes et al.* 2021) началась аравакская миграция на Антильские острова: предполагается, что они двигались из долины реки Ориноко и колонизировали сперва Большие, а затем Малые Антильские острова (*Callaghan* 2001; *Napolitano et al.* 2019). На Кубе, Гаити и Пуэрто-Рико эти племена получили название “таино”; это были аравакоязычные группы, имеющие развитый социальный строй, занимавшиеся сельским хозяйством и производящие керамику (*Guarch Delmonte* 1978; *Torres Etayo* 2006). Для таино характерна также практика искусственной деформации черепа лобно-затылочного косо́го типа¹.

В настоящее время твердо установлено, что таино имеют южноамериканское происхождение, родственное другим аравакским народам, и что напрямую таино и сибонеи генетически не связаны (*Fernandes et al.* 2021; *Nägele et al.* 2020), хотя не исключается вероятность разновременного отделения от единой предковой популяции (*Lalueza-Fox et al.* 2003). Вероятные истоки археологической культуры сибонеев, как правило, рассматриваются в рамках трех гипотез: южноамериканской (*Rouse* 1992), центральноамериканской (*Wilson et al.* 1998) и флоридской (*Febles Dueñas* 1991; *Rey Bettancourt, García Rodríguez* 1988). Компьютерные симуляции морских путешествий в доколумбову эпоху показывают, что самый простой путь до Больших Антильских островов, которыми ограничен ареал докерамических культур, пролегает с южноамериканского континента. Плавание из Центральной Америки потребовало бы серьезных мореходных навыков и хорошего знания географии островов, которые еще не были заселены, а пересечение Флоридского пролива в направлении с севера на юг было сопряжено с большими рисками (*Callaghan* 2003). При этом теория о южноамериканском происхождении первых поселенцев не исключает возможности их дальнейшего смешения с группами с других территорий.

Результаты генетических исследований не позволяют однозначно определить родство представителей докерамического населения с какими-либо группами известного происхождения, однако определенно ограничивают их от таи-

но. Два последних крупных исследования сходятся на том, что между араваками и их предшественниками в Карибском регионе не было смешения и что носители керамической культуры представляют собой довольно однородное население, скорее всего происходящее с северо-востока Южной Америки и родственное современным аравакоязычным группам (*Fernandes et al.* 2021; *Nägele et al.* 2020). При этом уточнить происхождение носителей докерамической культуры, представленных в обеих работах кубинскими сибонейми, не удастся: наиболее вероятной их прародиной на данный момент считается север Южной Америки или Центральная Америка, хотя два индивида из выборки Нагеле с соавторами демонстрируют большую близость к привлеченным к сравнительному анализу геномам из Северной Америки.

Лингвист Джулиус Грэнберри (*Granberry* 1980), изучив доаравакские топонимы Больших Антильских островов, отнес язык сибонеев к варроидным языкам. Сейчас язык варао — изолят, на котором говорят только на северо-востоке Южной Америки, однако согласно гипотезе Грэнберри раньше они были широко распространены в карибском регионе, на Флориде и в Центральной Америке, а самой вероятной прародиной сибонеев он считал именно последнюю как территорию, откуда эти языки получили распространение. Серхио Вальдес же пришел к противоположному выводу: все кубинские топонимы относятся к аравакской языковой семье, значительно отличаясь при этом от топонимов, сохранившихся в Центральной Америке и Флориде. Из этого он заключает, что сибонейи происходят от того же южноамериканского предкового ствола, что и таино (*Valdés Bernal* 2003: 164).

В.В. Гинзбург (*Гинзбург* 1967) делает вывод о южноамериканском происхождении сибонеев и таино и о принадлежности их черепов к разным подгруппам одного расового типа. Антропологический тип сибонеев он считал восходящим к более древнему типу из Лагоа Санта (Бразилия), представляющему палеоамериканскую расу. В.П. Алексеев, напротив, объяснял разницу между черепами сибонеев и таино только следствием искусственной деформации, считая их потомками одной и той же предковой популяции южноамериканского происхождения (*Алексеев* 1986). Результаты краниометрического исследования группы американских антропологов (*Ross et al.* 2002) обособили выборку сибонеев от всех древних и современных групп коренного населения Южной Америки, взятых для сравнения, но количество этих групп было небольшим, а выборка сибонеев состояла только из девяти индивидов.

Цель настоящей статьи — проанализировать кубинские краниологические серии сибонеев и таино в широком контексте доступных данных по краниологической изменчивости коренного населения Северной и Южной Америки. С общими трудностями изучения доисторического населения Америки по остеoarхеологическим материалам так или иначе сталкивались все исследователи, бравшиеся за эту задачу. К.Д. Родригес-Флорес удачно распределил их на пять категорий: труднодоступность, неприменимость, несопоставимость данных, полученных исследователями разных школ, скудность датировок, неясная культурная принадлежность (*Rodríguez Flórez* 2019: 203–215). Поскольку в настоящей работе используется большой массив опубликованных данных из разных источников, все вышеперечисленные проблемы могли оказать влияние на ее результаты. Следующий раздел освещает происхождение и принцип подбора материалов.

Неприменимость многих материалов для палеоантропологического исследования объясняется не только их зачастую неудовлетворительной сохран-

ностью, но и широко практиковавшейся в Америке практикой искусственной деформации черепа. Деформированные черепа непригодны для использования измерительных признаков черепной коробки, однако влияние искусственной деформации на морфологию лицевого скелета остается дискуссионным вопросом. На одном конце спектра мнений находится представление о существенных изменениях лицевых краниометрических признаков на деформированных черепах (*Björk, Björk 1964; Anton 1989; Cheverud et al. 1992; Kohn et al. 1993; Rhode, Arriaza 2006*), на другом — убеждение, что эти изменения незначительны для всех или некоторых размеров (*Rothhammer et al. 1982; Verano 1987; González-José 2003; Ross, Ubelaker 2009; Cocilovo et al. 2011*). В настоящей статье было принято решение провести отдельные анализы с использованием только недеформированных серий и с включением деформированных серий и с большой осторожностью интерпретировать результаты последних.

Материалы и методы

Краниологические серии сибонеев и таино представляют доколумбово население Кубы; сибонеи обитали на острове приблизительно с III тыс. до н.э. (*Napolitano et al. 2019*), а таино — с VI в. н.э. (*Torres Etayo 2006*). Все индивиды серии таино несут следы искусственной деформации черепа, а среди сибонеев она не встречается. Кубинские серии, используемые в настоящей работе, являлись предметом специальных исследований, отраженных в ряде статей автора (*Сюткина 2017, 2018; Syutkina et al. 2021*), а в публикациях других антропологов были охарактеризованы близкие по составу выборки (*Алексеев 1986; Гинзбург 1967, Pospisil, Rivero de la Calle 1964; Herrera Fritot 1964*). Хотя мы точно не знаем, состоит ли серия сибонеев из представителей одной популяции, исследование внутригрупповой структуры данной выборки показало, что она достаточно однородна (*Syutkina et al. 2021*). Вкратце отметим, что черепа сибонеев небольшие, мезокранные, лицо низкое, средней ширины, в горизонтальной плоскости несколько сильнее профилированное на среднем уровне, чем на верхнем. По вертикальной профилировке сибонеи мезо- или ортогнатны, орбиты среднего размера, нос у большинства черепов узкий и невысокий, переносье низкое. Черепная коробка в серии таино в среднем характеризуется малой длиной и очень большими — шириной и высотой. Лобная кость средней ширины и очень уплощена вследствие давления деформирующей повязки, следы которой также иногда отчетливо видны. Затылочная кость имеет большую высоту изгиба. По ширине черепа таино заметно больше, чем черепа сибонеев, а по длине и высоте, наоборот, уступают им. Лица у таино широкие, средней высоты, орбиты и грушевидное отверстие большие. Лицо так же, как у сибонеев, слабо профилировано на верхнем уровне и средне — на среднем, угол выступания носа малый.

Серии изучались автором в различных музеях и коллекциях Кубы в 2017 г. (Антропологический музей Монтане, музей Эль Морийо, Университет Сантьяго, Археологический музей Баракоа, Управление историка города Матансас), более подробная информация о составе коллекций содержится в одной из предыдущих публикаций (*Сюткина 2023*). К измерениям автора были добавлены измерения, сделанные В.В. Гинзбургом (*Гинзбург 1967*) на тех черепах, которые не встретились в изученных в 2017 г. коллекциях. Всего, таким образом, кубин-

ские серии, использованные в настоящей работе, состоят суммарно из 57 черепов сибонеев ($m = 40$, $j = 17$) и 39 черепов таино ($m = 27$ и $j = 12$).

Привлекаемые к сравнительному анализу данные взяты из публикаций, посвященных краниометрическим исследованиям коренного населения Северной и Южной Америки, содержащим средние данные по краниометрическим признакам и данные о численности серии. Привлекались серии, состоящие не менее чем из 10 индивидов на каждый пол. Полный список использованных серий и их характеристики представлены в Табл. 1, а Рис. 1 отражает географическое расположение мест их происхождения. Названия серий соответствуют их названиям в источниках, и потому разнородны – некоторые обозначают памятник, с которого они происходят, другие – археологическую культуру или этническую группу, третьи – регион происхождения. Сами источники в большинстве случаев также являются сводками, поэтому не всегда содержат полную информацию о сериях.

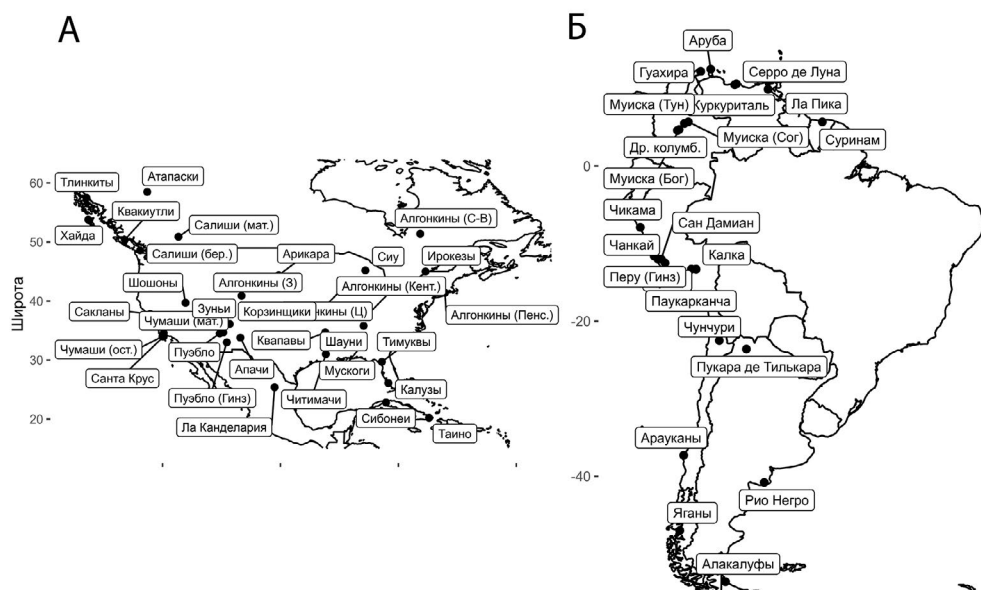

Рис. 1. Географическое положение мест происхождения серий, привлеченных к сравнительному анализу. А: Северная и Центральная Америка. Б: Южная Америка

Таблица 1

Список всех использованных серий

Название серии	Датировка, гг.	Количество мужских черепов	Количество женских черепов	Деформация	Источник
Яуйос	—	55	55	нет	Howells 1989
Арикара	1600–1750 н.э.	42	27	нет	Howells 1989
Санта Крус	~1500–1850 н.э.	51	51	нет	Howells 1989

Продолжение Таблицы 1

Название серии	Датировка, гг.	Количество мужских черепов	Количество женских черепов	Деформация	Источник
Чикама	~2000 до н.э. – 1600 н.э.	50	50	нет	<i>Stewart</i> 1943
Аруба	1000–1700 н.э.	10	—	предположительно есть (<i>Tacoma</i> 1963b)	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Гуахира	1000–1700 н.э.	18	12	нет	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Ла Пика	1000–1500 н.э.	39	21	нет	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Древние колумбийцы	6000–700 до н.э.	32	21	нет	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Муиска Богота	800–1000 н.э.	74	73	различные типы	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Муиска Тунья	1000–1300 н.э.	47	28	различные типы	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Муиска Сога-мосо	200–1400 н.э.	45	13	различные типы	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Суринам	близкие к современности	14	—	предположительно есть (<i>Tacoma</i> 1963a)	<i>Rodríguez Cuenca</i> 2001
Ла Канделария	XIII в. н.э.	40	34	нет	<i>Romano</i> 1956
Сан Дамиан	—	60	56	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950
Чанкай	—	54	24	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950
Паукарканча	—	92	58	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950
Калка	—	32	23	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950
Арауканы	—	25	—	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950
Рио Негро	1500 н.э.	71	47	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950; <i>Rothhammer, Silva</i> 1990
Серро де Луна	1200 н.э.	47	28	нет	<i>Stewart, Newman</i> 1950; <i>Rothhammer, Silva</i> 1990

Продолжение Таблицы 1

Название серии	Датировка, гг.	Количество мужских черепов	Количество женских черепов	Деформация	Источник
Куркуриталь	1200 н.э.	13	26	нет	<i>Stewart, Newman 1950; Rothhammer, Silva 1990</i>
Яганы	1900 н.э.	37	19	нет	<i>Stewart, Newman 1950; Rothhammer, Silva 1990</i>
Алакалуфы	1900 н.э.	11	11	нет	<i>Stewart, Newman 1950; Rothhammer, Silva 1990</i>
Айалан	500 до н.э. — 1730 н.э.	18	20	нет	<i>Ubelaker 1981</i>
Пукара де Тил-кара	—	12	12	лобно-затылочная прямая, лобно-затылочная косая	<i>Гинзбург 1967</i>
Перу (Гинзбург)	—	24	12	лобно-затылочная прямая	<i>Гинзбург 1967</i>
Пуэбло (Гинзбург)	—	15	10	лобно-затылочная прямая	<i>Гинзбург 1967</i>
Сибонеи	3000 до н.э. — 1600 н.э.	40	17	нет	данные автора; <i>Гинзбург 1967</i>
Таино	600—1700 н.э.	27	12	лобно-затылочная косая	данные автора; <i>Гинзбург 1967</i>
Северные атапаски	—	32	27	нет	<i>Дебец 1951</i>
Тлинкиты	—	27	11	нет	<i>Дебец 1951</i>
Хайда	—	20	10	нет	<i>Дебец 1951</i>
Квакиутли	—	97	33	нет	<i>Дебец 1951</i>
Северо-восточные алгонкины	—	102	80	нет	<i>Дебец 1951</i>

Продолжение Таблицы 1

Название серии	Датировка, гг.	Количество мужских черепов	Количество женских черепов	Деформация	Источник
Пенсильванские и виргинские алгонкины	—	48	59	нет	Дебец 1951
Кентукийские алгонкины	—	34	26	нет	Дебец 1951
Центральные алгонкины	—	125	69	нет	Дебец 1951
Западные алгонкины	—	32	19	нет	Дебец 1951
Сиу	—	59	43	нет	Дебец 1951
Шошоны	—	24	13	нет	Дебец 1951
Апачи и липаны	—	17	—	нет	Дебец 1951
Шауни	—	17	30	нет	Дебец 1951
Читимачи	—	34	63	нет	Дебец 1951
Квапавы	—	59	90	нет	Дебец 1951
Тимуквы	—	238	207	нет	Дебец 1951
Калузы	—	111	135	нет	Дебец 1951
Мускоги	—	70	58	нет	Дебец 1951
Сакланы	—	146	13	нет	Дебец 1951
Чумаши материковые	—	49	39	нет	Дебец 1951
Чумаши островные	—	199	92	нет	Дебец 1951
Корзинщики	—	41	24	нет	Дебец 1951
Зуньи	—	44	61	нет	Дебец 1951
Пуэбло	—	209	215	нет	Дебец 1951
Салиши материковые	—	25	24	нет	Дебец 1951
Салиши береговые	—	60	24	нет	Дебец 1951
Ирокезы	—	67	76	нет	Дебец 1951
Чунчури	1000 н.э.	15	—	нет	Кастро Степанава, Гончарова 2019
Чунчури 1	1000 н.э.	13	—	кольцевая прямая	Кастро Степанава, Гончарова 2019

Окончание Таблицы 1

Название серии	Датировка, гг.	Количество мужских черепов	Количество женских черепов	Деформация	Источник
Чунчури 3	1000 н.э.	24	—	лобно-затылочная прямая	<i>Кастро Степанава, Гончарова</i> 2019
Чунчури 4	1000 н.э.	19	—	лобно-затылочная косая	<i>Кастро Степанава, Гончарова</i> 2019

Поскольку методика измерения некоторых краниометрических признаков различается в разных антропологических школах, в исходные значения ширины орбиты и высоты лица вносилась поправка, если они измерялись от дакриона и до простиона соответственно. Использовалось соотношение 1 : 1,076 для ширины орбиты и 1 : 1,035 для высоты лица (*Алексеев, Дебец* 1964).

На первом этапе исследовалось максимальное количество серий, состоящих только из недеформированных черепов: 47 мужских и 44 женских. Поскольку многие серии, привлеченные к сравнению, были изучены только по очень кратким программам, список использованных краниометрических признаков был продиктован необходимостью включить как можно больше групп (номера по Мартину): 1, 8, 17, 45, 51, 52, 54, 55. В программе Multican 1.2 (*Гончаров, Гончарова* 2016) был проведен канонический дискриминантный анализ отобранных серий, применялась усредненная корреляционная матрица И.Г. Широбокова (*Широбоков* 2021) и среднеквадратические отклонения признаков по В.П. Алексееву и Г.Ф. Дебецу (*Алексеев, Дебец* 1964: 123–127). График расположения групп в пространстве канонических векторов был построен в программе RStudio (*Posit Team* 2023) при помощи языка программирования R (*R Core Team* 2022), в частности пакета ggplot2 (*Wickham* 2016). Затем в программе PAST (*Hammer et al.* 2001) была рассчитана матрица попарных квадратов расстояний Махаланобиса (D^2) между всеми группами по тому же набору признаков. В полученные расстояния вносилась поправка на усредненную численность наблюдений на признак в каждой группе (*Козинцев* 2007; *Rightmire* 1969).

На втором этапе выборка формировалась как из групп без деформации, так и с ней, а краниометрические признаки подбирались так, чтобы максимизировать информацию о морфологии лицевого скелета: 45, 48, 77, $\angle zm^\circ$, 51, 52, 54, 55. Включение углов горизонтальной профилировки резко уменьшило количество доступных серий до 20 мужских и 14 женских. Для этого набора производился только расчет матрицы расстояний D^2 .

Результаты

Краниометрический анализ серий без деформации. Расположение мужских недеформированных серий в пространстве первых двух канонических векторов, которые суммарно объясняют 55% изменчивости, отражено на Рис. 2. Самая большая положительная нагрузка на первый канонический вектор приходится на высоту

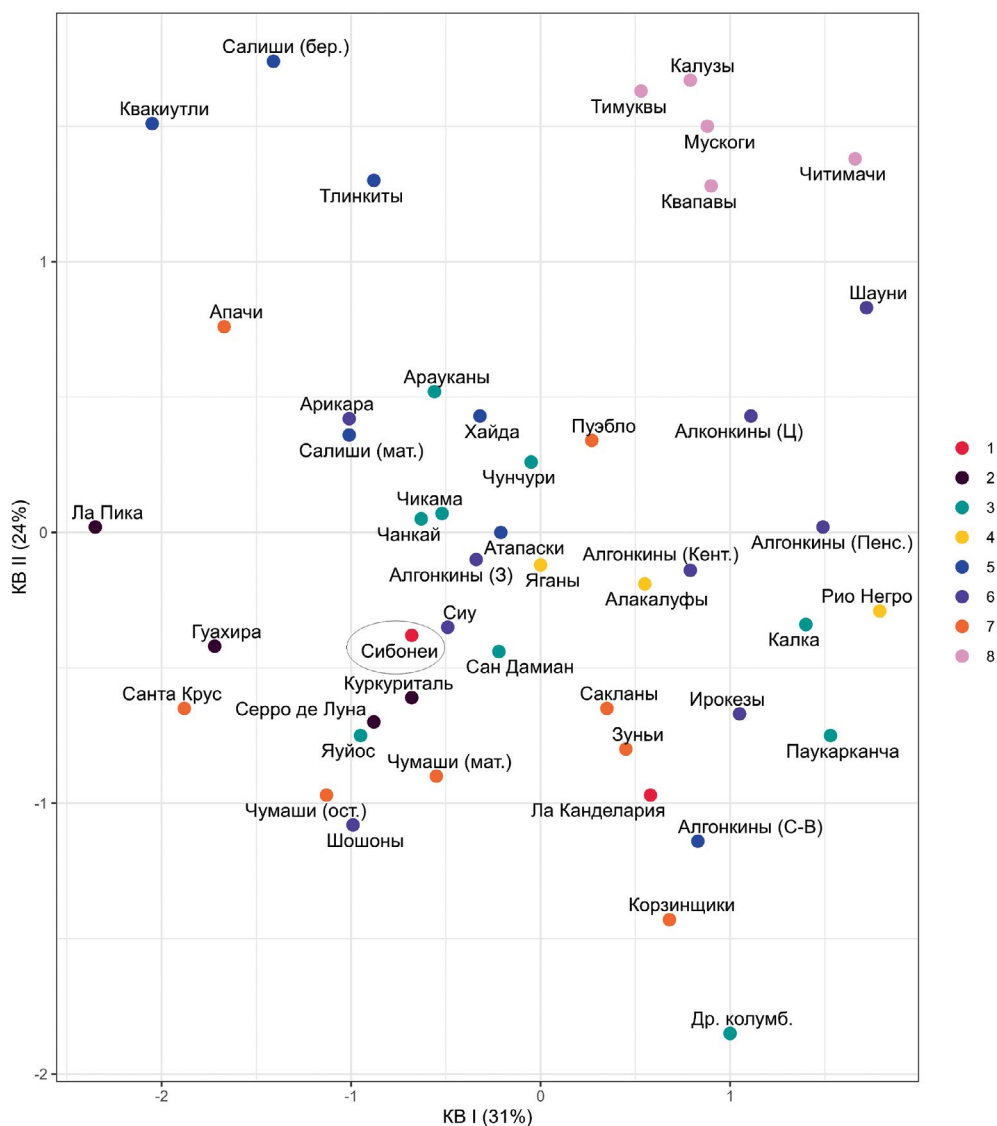

Рис. 2. Расположение мужских серий недеформированных черепов в пространстве первых двух канонических векторов. 1 – Центральная Америка; 2 – север и северо-восток Южной Америки; 3 – Анды; 4 – Огненная Земля и Патагония; 5 – субарктика и северо-западное побережье Северной Америки; 6 – центральная Северная Америка; 7 – юго-запад Северной Америки; 8 – юго-восток Северной Америки

черепа, умеренные отрицательные – на ширину черепа и орбит (Табл. 2). Второй в основном дифференцирует серии по величине черепного указателя с более брахикранными сериями в верхней части графика и более долихокранными – в нижней. Мезокранная серия сибонеев, которая по многим признакам попадает в категорию средних, расположена почти в самом центре графика. К ней близки несколько североамериканских серий: две из Венесуэлы (Серро де Луна и Куркуриталь), четыре перуанские (Яуйос, Сан Дамиан, Чанкай и Чикама) и три с разных широт территории современного Чили (Чунчури, арауканы, яганы).

Согласно матрице попарных расстояний D^2 , наименьшие расстояния отделяют выборку сибонеев от серий Чикамы, Яуйос, кентукийских алгонкинов, Чанкая, шауни и арауканов; наибольшие – от Куркуриталь, Калка, Квакиутль, Серро де Луна, Рио Негро (Табл. 3).

Таблица 2

Нагрузки на признаки по первым двум каноническим векторам при анализе мужских и женских недеформированных выборок

Признак	♂		♀	
	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	0,16	–0,67	–0,69	–0,31
2. Поперечный диаметр	–0,53	0,51	–0,05	0,64
17. Высотный диаметр	0,80	0,47	0,91	–0,17
45. Скуловая ширина	0,16	0,29	0,09	–0,04
54. Ширина носа	0,30	0,04	0,29	–0,24
55. Высота носа	–0,06	0,13	0,20	0,01
51. Ширина орбиты	–0,50	0,06	–0,07	0,82
52. Высота орбиты	0,16	0,08	0,10	–0,19

При анализе женских выборок недеформированных черепов первые два канонических вектора объясняют 53% общей изменчивости по выбранным признакам (Рис. 3). Самая большая нагрузка на первый вектор также приходится на высоту черепа, вторую по величине и с противоположным знаком имеет продольный диаметр (Табл. 2). Основным дифференцирующим признаком по второму каноническому вектору является ширина орбиты. На графике женская серия сибонеев также соседствует с некоторыми северными североамериканскими группами, рядом снова оказываются перуанские серии (Чикама и Яуйос), огнеземельцы (алакалуфы). По сравнению с графиком мужских серий бросается в глаза большая удаленность венесуэльских серий и близость мексиканской.

Наименьшие расстояния D^2 отделяют женскую серию сибонеев от кентукийских алгонкинов, эквадорской серии Айалан, материковых салишей, Яуйос, шошонов. Наибольшие – от перуанской серии Паукарканча, венесуэльских выборок Ла Пика и Серро де Луна, а также от ирокезов и сиу (Табл. 3).

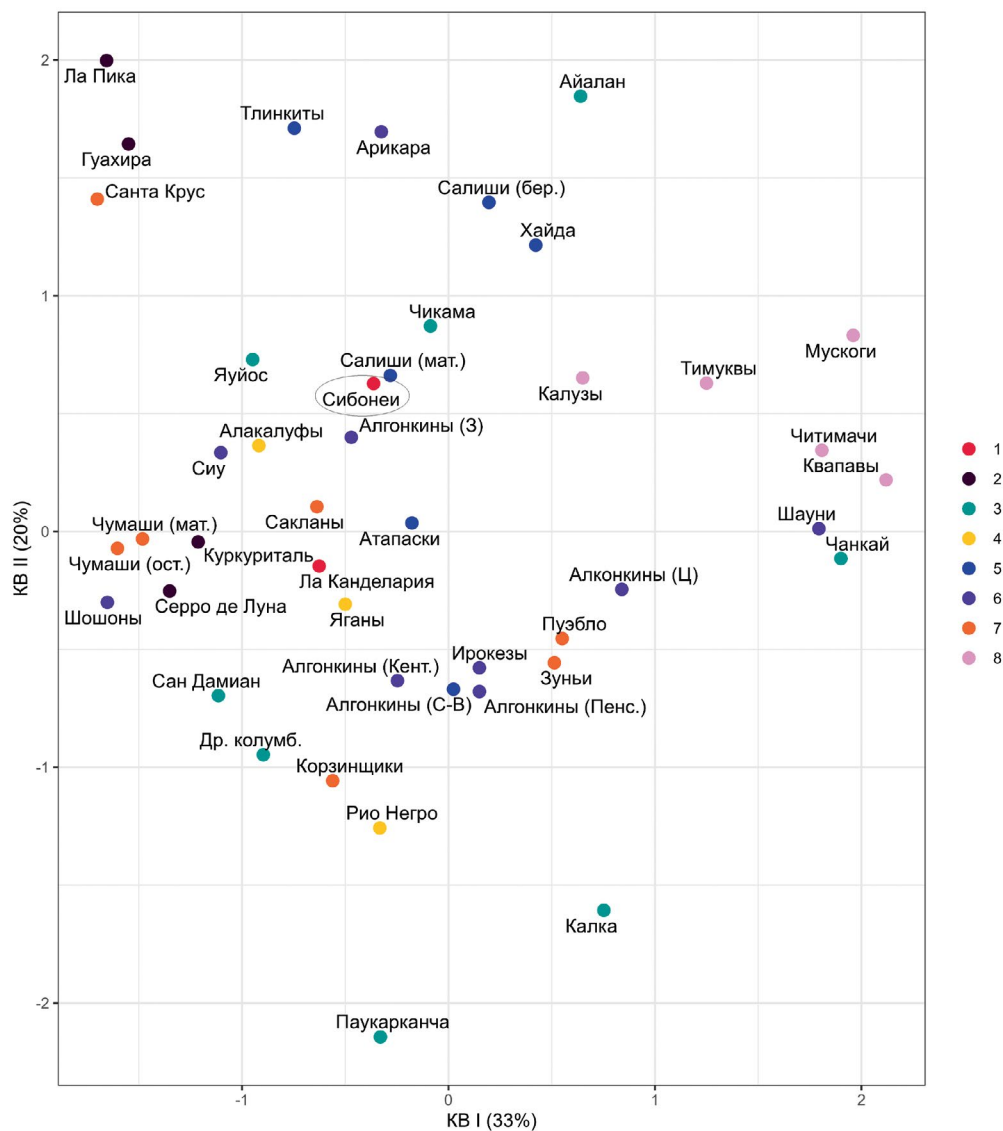

Рис. 3. Расположение женских серий недеформированных черепов в пространстве первых двух канонических векторов. Территориальные группы как на Рис. 2.

Таблица 3

Расстояния D^2 между сибопеями и другими выборками недеформированных черепов

Серия	♂	♀	Серия	♂	♀	Серия	♂	♀
Арикара	1,00	0,51	Шошоны	0,90	0,12	Куркуриталь	1,30	0,73
Санта Крус	0,70	0,61	Апачи	0,93	—	Рио Негро	1,46	0,99
Яуйос	0,49	0,18	Шауни	0,46	0,77	Арауканы	0,56	—
Атапаски	0,61	0,40	Читимачи	1,02	0,97	Яганы	1,21	0,39
Тлинкиты	1,13	0,28	Квапавы	1,05	0,78	Алакалуфы	0,69	0,52
Хайда	0,77	0,34	Тимуквы	1,13	0,96	Сан Дамиан	0,91	0,73
Салиши (мат.)	0,68	0,06	Калузы	1,10	0,64	Чанкай	0,45	0,38
Салиши (бер.)	1,13	0,72	Мускоги	0,94	0,57	Паукарканча	1,43	1,27
Квакиутли	1,49	—	Сакланы	0,88	—0,36	Калка	1,64	0,81
Ирокезы	1,22	1,07	Чумаши (мат.)	0,63	0,44	Чунчури	0,67	—
Алгонкины (С-В)	0,82	0,51	Чумаши (ост.)	0,98	0,70	Гуахира	0,67	0,12
Алгонкины (Пенс.)	1,01	0,68	Корзинщики	0,91	0,34	Др. колумб.	0,90	0,30
Алгонкины (Кент.)	0,36	—0,13	Зуны	0,87	0,83	Ла Пика	0,97	1,04
Алконкины (Ц)	0,93	0,69	Пуэбло	0,88	0,62	Ла Канделария	0,71	0,59
Алгонкины (З)	1,16	0,78	Чикама	0,19	0,35	Айалан	—	0,07
Сиу	1,16	1,04	Серро де Луна	1,39	1,03			

Краниометрический анализ серий с деформацией и без нее. Канонический анализ всех групп, независимо от наличия или отсутствия искусственной деформации, с использованием только признаков лицевого скелета (в том числе углов горизонтальной профилировки) не дал результатов, достойных представления, — все серии дифференцировались по одному-двум признакам в зависимости от набора признаков или серий. В Табл. 4 приведена матрица попарных расстояний D^2 между всеми сериями, для которых доступны основные признаки лицевого скелета и углы горизонтальной профилировки. Выше диагонали представлены расстояния между мужскими сериями, ниже — между женскими.

Мужские выборки сибонеев и таино разделяет расстояние 0,83, при том что минимальное значение расстояния D^2 в матрице — 0,03 (между таино и серией с Арубы), а максимальное — 1,46 (между древней колумбийской серией и серией Санта-Крус). Наименьшие расстояния отделяют сибонеев от Арубы, недеформированной серии Чунчури и венесуэльской Гуахиры, а наибольшие — от Санта-Крус и Арикара. Таино близки тем же сериям, что и сибонеи, только с меньшими значениями расстояний, и дополнительно сближаются с некоторыми другими деформированными сериями (Пукара де Тилькара, Пуэбло, Чунчури 1–4), причем независимо от типа деформации. У женских серий наблюдаются похожие тенденции, только сибонеи дополнительно сближаются с деформированными пуэбло, Пукара де Тилькара и Перу, а женскую серию таино отделяют от них еще меньшие расстояния. Нужно, однако, отметить, что почти все расстояния между женскими выборками меньше, чем между соответствующими мужскими, что может быть связано с меньшим размером большинства самих выборок.

Обсуждение

Полученная картина не претендует на то, чтобы являться точным отражением биологической реальности. Среди самых очевидных факторов, влияющих на точность любого анализа столь разрозненных данных, можно отметить межисследовательские расхождения, необходимость ограничиться лаконичным набором признаков, а также воздействие на морфологию черепа (особенно лица) таких факторов, как климатические условия или биомеханический стресс (Eyteev *et al.* 2017; Hubbe *et al.* 2009; Menéndez 2018; von Cramon-Taubadel 2014).

Небольшой процент изменчивости, объясняемый первыми двумя каноническими переменными в анализе всех американских серий, в составе которых нет деформированных черепов, подчеркивает трудности работы с имеющимся массивом данных. Относительная близость к сибонеем на графике таких северных групп, как атапаски, хайда и сиу, заведомо не близко им родственных, объясняется очень близкими значениями только по признакам, взявшим на себя ключевые нагрузки по первым двум каноническим векторам — высоте черепа и ширине орбит, — в то время как по другим признакам серии значительно различаются.

Расчет попарных расстояний D^2 для всех серий по всем признакам позволяет скорректировать эту картину, отодвигая субарктические группы и подчеркивая сходство между сибонеем и южноамериканскими группами преимущественно западного побережья. В этом контексте особенно важно отсутствие заметной близости сибонеев к венесуэльским сериям, представляющим аравакское население, — близким родственникам таино. По археологическим свидетельствам, сибонеи попали на Кубу очень рано — не позднее 5 тыс. лет назад (Napolitano *et al.* 2019). Единственная выборка, сопоставимая по возрасту с последними предками сибонеев на континенте, если они действительно происходили из Южной Америки, — сборная древняя колумбийская серия. С ними сходства ни женской, ни мужской серий сибонеев не прослеживается. Но и сама серия сибонеев является сборной по времени, датировки отдельных черепов поздние или неизвестны.

Результаты генетических исследований позволяют предположить, что доаравакское население Кубы происходит с территории Мезоамерики или Южной

Америки (*Fernandes et al.* 2021; *Lalueza-Fox et al.* 2003; *Nägele et al.* 2020). Слабый сигнал североамериканских связей прослеживается для двух древнейших индивидов (*Nägele et al.* 2020), но они представлены фрагментами костей и не отражены в краниологической серии. Анализ наших данных не отражает близости сибонеев к флоридским сериям. Единственная недеформированная мезоамериканская серия Ла Канделария несколько ближе к сибонеем, однако наибольшее сходство прослеживается с сериями, происходящими с тихоокеанского побережья Эквадора, Перу и Чили.

Что касается сравнения искусственно деформированных серий с сериями недеформированных черепов, то вопрос о его надежности неизбежно поднимает и другой: влияет ли искусственная деформация черепной коробки на морфологию лицевого скелета и отражается ли это влияние в существенных изменениях краниометрических размеров? В настоящей статье было принято решение использовать деформированные серии в отдельном анализе, включающем только признаки лицевого скелета, в том числе углы горизонтальной профилировки. Систематическое сходство таино почти со всеми деформированными группами может означать параллельное однонаправленное изменение некоторых признаков лицевого скелета, вызванное влиянием деформирующего аппарата. Особенно логично такое предположение относительно высоты орбиты (*Ражев* 2009: 149; *Cocilovo et al.* 2011), которая действительно относится к категориям больших и очень больших у таино, серий с Арубы, из Суринама, Пукара де Тилькара и некрополя Чунчури с лобно-затылочной кривой деформацией.

Любопытно небольшое расстояние между серией сибонеев и серией Арубы, при том что расстояние между таино и Арубой минимальное, а сходство сибонеев и таино, в свою очередь, не так велико. Серия с Арубы входит в нашу базу как искусственно деформированная, однако сама деформация не на всех черепках легко определима (*Tacota* 1963b). В то же время трудно сказать наверняка, какое население она представляет: на Арубе жили как араваки, близкородственные таино, так и предшествовавшее им доземледельческое население, информации о котором недостаточно для того, чтобы определить, родственны ли они доземледельческому населению Кубы (*Van Heekeren* 1963). Промежуточное между сибонеем и таино положение серии с Арубы может говорить о ее смешанном характере.

К сожалению, такой важный для антропологии американских индейцев признак, как угол выступления носа, трудно привлечь для межгруппового анализа из-за редкости его использования в краниологических программах. В.П. Алексеев (*Алексеев* 1985) приводит значения этого признака для некоторых групп, преимущественно североамериканских и тех, что опубликованы В.В. Гинзбургом (*Гинзбург* 1967), включая кубинские серии. Для последних средние значения, полученные автором настоящей статьи, несколько отличаются за счет изменения состава выборки. Средние значения для сибонеев составляют 21,1° для мужской выборки и 16,9° — для женской, для таино — 21,6° для мужской и 18° — для женской. Во всех случаях эти значения попадают в категорию средних в мировом масштабе. Почти все североамериканские племена характеризуются заметно более сильно выступающими носовыми костями, кроме чинуков (21,7° и 18,5°) и пуэбло (20,8° и 14,7°), к которым кубинские серии ближе всего по этому признаку. Южноамериканские популяции представлены только аргентинской (24,9° и 23,7°) и перуанской (24,2° и 20,9°) сериями, измеренными В.В. Гинзбургом,

и превосходят по углу выступления носа сибонеев и таино, но не так сильно, как североамериканские группы. Этих данных недостаточно даже для приблизительного межгруппового сравнения.

Факт очень большого морфологического разнообразия коренного населения Америки, несмотря на позднее заселение материка, широко признается в научной литературе (Зубов 1999; *Brace et al.* 2004; *González-José* 2003; *Howells* 1989; *Powell, Neves* 1999). Также в исследованиях отмечается дифференциация населения по градиенту восток-запад как в Северной, так и в Южной Америке (*Fuselli et al.* 2003; *Pucciarelli et al.* 2006; *Pucciarelli et al.* 2008), однако объяснения разнятся — вследствие изначально двух путей заселения (*Pucciarelli et al.* 2008) или более поздних изменений морфологии (*Hubbe et al.* 2015; *Menéndez et al.* 2019). В любом случае подчеркивается, что америнды, обитавшие к востоку и западу от Анд, отличаются друг от друга в основном за счет признаков, характеризующих черепную коробку. При этом в исследовании Э. Пуччарелли и соавторов (*Pucciarelli et al.* 2006) выборки, представляющие аравакоязычные группы из Венесуэлы, образуют собственный небольшой кластер северо-западных популяций, отличающийся как от восточных, так и от западных. Из-за разницы методологических подходов результаты цитируемого и настоящего исследований несопоставимы напрямую, однако первый анализ настоящей работы отражает тяготение сибонеев скорее к западным, чем к восточным или северо-западным группам, именно по измерениям нейрокраниума.

Западное побережье Южной Америки отделено от остального континента труднопроходимыми Андами, однако горы не полностью изолировали различные популяции друг от друга. Кроме того, если принять точку зрения, что более древнее население южноамериканского континента отличалось большей однородностью (*Hubbe et al.* 2015; *Menéndez et al.* 2019), то можно предположить, что сибонеи представляют более древний и менее дифференцированный тип южноамериканского индейца, чем большинство выборок, привлеченных к сравнительному анализу в настоящем исследовании. Созвучную мысль высказывал В.В. Гинзбург (*Гинзбург* 1967: 202), предложивший считать антропологический тип сибонеев более поздним вариантом палеоамериканской расы.

* * *

Описывая масштаб миграционных потоков коренного населения Южной Америки и в особенности араваков — предков таино, Мануэль Галич писал:

Тот, кто... смог почувствовать себя... испытывающим благоговейный трепет перед непостижимой неизведанностью мира венесуэльско-колумбийских льянос Гайяны, Амазонии и бассейна Ориноко, сможет представить себе... что значит для этнографов и археологов проникнуть в этот труднодоступный мир и попытаться воссоздать картину жизни племен, населявших его хотя бы 500 лет назад. ...картина оказывается настолько неполной, что ее трудно назвать даже фрагментарной, и вряд ли когда-нибудь можно будет ожидать большего (*Галич* 1990).

Во всяком случае, краниометрические данные, собранные из опубликованных источников, при всех присущих им недостатках позволяют наметить лишь отдельные штрихи на фрагменте этой картины, относящемся к Кубе, — одной

из остановок в долгом странствии араваков и их предшественников на острове. Представляется возможным сделать ряд предварительных выводов. Во-первых, при сравнении серий без искусственной деформации прослеживается сходство между сибонеями и южноамериканскими группами преимущественно западного побережья — Эквадора, Перу и Чили, и отсутствует заметное сходство с венесуэльскими сериями, представляющими аравакское население, — предков таино. На данный момент кажется вероятным, что сибонеи являются потомками древнего и менее дифференцированного типа популяций, заселявших в древности Центральную и северо-западную Южную Америку. К сравнению удалось привлечь только одну центральноамериканскую выборку; увеличение краниометрической базы недеформированных черепов по этому региону в будущем может помочь уточнить полученные результаты.

В то же время объединение деформированных и недеформированных серий в рамках одного анализа с использованием только признаков лицевого скелета дало менее понятные результаты, что объясняется как вероятным влиянием деформации черепа на лицевой скелет, так и ограниченным количеством выборок, для которых доступны не только линейные, но и угловые краниометрические признаки. Тем не менее полученные результаты не противоречат выводам археологических, лингвистических и популяционно-генетических исследований о родстве таино с другими аравакоязычными группами и их происхождении с северо-востока Южной Америки.

Благодарности

Автор благодарит директора Антропологического музея Монтане Университета Гаваны Армандо Ранхеля Риверо и куратора остеологической коллекции Карлоса Арредондо Антунеса, сотрудницу Управления по делам культуры провинции Матансас Сильвию Тереситу Эрнандес Годой, преподавателя факультета биологии Университета Сантьяго Марио Хуана Гордийо Переса и сотрудника Музея археологии Баракоа Плинио Луиса Гаинса Гарсиа за предоставление возможности изучить краниологические коллекции.

Примечание

¹ Здесь и далее для описания типов деформации будут использоваться термины классификации Х. Имбеллони (*Dembo, Imbelloni* 1938).

Источники и материалы

Гончаров, Гончарова 2016 — Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). Свидетельство о регистрации прав на ПО № 2016610803. М., 2016.

Posit Team 2023 — RStudio: Integrated Development Environment for R. Posit Software, PBC, Boston, MA. <http://www.posit.co>

R Core Team 2022 — R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing, 2022 // R-Project. <https://www.R-project.org>

Научная литература

- Алексеев В.П.* О некоторых морфологических особенностях аборигенов Америки, важных для реконструкции процесса ее заселения // Исторические судьбы американских индейцев: проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 24–30.
- Алексеев В.П.* К краниологической характеристике населения Кубы // Археология Кубы / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1986. С. 15–22.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Васильев С.А. и др.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Васильевский Р.С.* (отв. ред.) Археология Кубы. Новосибирск: Наука, 1986.
- Галич М.* История доколумбовых цивилизаций. М.: Мысль, 1990.
- Гинзбург В.В.* Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXIV / Отв. ред. Л.П. Потапов. Л.: Наука, 1967. С. 180–278.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Зубов А.А.* Биолого-антропологическая характеристика коренного доевропейского населения Америки // Население Нового Света: проблемы формирования и социокультурного развития / Отв. ред. А.А. Истомин. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 11–66.
- Кастро Степанова А.А., Гончарова Н.Н.* Краниологическая характеристика населения Чили доколумбовой эпохи (на примере некрополя Чунчури): искусственная деформация и морфометрические особенности // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2019. № 1. С. 18–34. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.1.018-034>
- Козинцев А.Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Т. 4 (32). С. 143–157.
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009.
- Сюткина Т.А.* Краниометрическая характеристика древнего населения Кубы докерамической культуры // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 65–82.
- Сюткина Т.А.* Искусственная деформация черепа у аборигенного населения доколумбовой Кубы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. Vol. 4 (43). С. 136–146. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-136-146>
- Сюткина Т.А.* Палеопатологический анализ краниологических серий Кубы доколумбовой эпохи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. Vol. 1 (60). С. 139–150. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-12>
- Феблес Х.* Каменные орудия комплекса Себоруко // Археология Кубы / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1986. С. 23–33.
- Широбоков И.Г.* О применении усредненной матрицы корреляций в краниометрии // Camera praehistorica. 2021. № 1 (6). С. 141–149. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2021-1-63-141-149>

- Anton S.C.* Intentional Cranial Vault Deformation and Induced Changes of the Cranial Base and Face // *American Journal of Physical Anthropology*. 1989. Vol. 79 (2). P. 253–267. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330790213>
- Björk A., Björk L.* Artificial Deformation and Cranio-Facial Asymmetry in Ancient Peruvians // *Journal of Dental Research*. 1964. Vol. 43 (3). P. 353–362. <https://doi.org/10.1177/00220345640430030601>
- Brace C.L., Nelson A.R., Qifeng P.* A Comparative Craniofacial View // *The Settlement of the American Continents: A Multidisciplinary Approach to Human Biogeography* / Eds. C.M. Barton, G.A. Clark, D.R. Yesner, G.A. Pearson. Tucson: University of Arizona Press, 2004. P. 28–38.
- Callaghan R.T.* Ceramic Age Seafaring and Interaction Potential in the Antilles: A Computer Simulation // *Current Anthropology*. 2001. Vol. 42 (2). P. 308–313. <https://doi.org/10.1086/320012>
- Callaghan R.T.* Comments on the Mainland Origins of the Preceramic Cultures of the Greater Antilles // *Latin American Antiquity*. 2003. Vol. 14 (3). P. 323–338. <https://doi.org/10.2307/3557564>
- Cheverud J.M., Kohn L.A.P., Konigsberg L.W., Leigh S.R.* Effects of Fronto-Occipital Artificial Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face // *American Journal of Physical Anthropology*. 1992. Vol. 88 (3). P. 323–345. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330880307>
- Cocilovo J.A., Varela H.H., O'Brien T.G.* Effects of Artificial Deformation on Cranial Morphogenesis in the South Central Andes // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2011. Vol. 21 (3). P. 300–312. <https://doi.org/10.1002/oa.1141>
- Dembo A., Imbelloni J.* *Deformaciones Intencionales del Cuerpo Humano*. Buenos Aires: Humanior, 1938.
- Evteev A., Cardini A.L., Morozova I., O'Higgins P.* Extreme Climate, Rather than Population History, Explains Mid-Facial Morphology of Northern Asians // *American Journal of Physical Anthropology*. 2014. Vol. 153 (3). P. 449–462. <https://doi.org/10.1002/ajpa.22444>
- Febles Dueñas J.* *Manual para el Estudio de la Piedra Tallada de los Aborígenes de Cuba*. Havana: Editorial Academia, 1988.
- Febles Dueñas J.* Estudio Comparativo de las Industrias de la Piedra Tallada de Aguas Verdes (Baracoa) y Playitas (Matanzas): Probable Relación de Estas Industrias con Otras del S.E de los Estados Unidos // *Arqueología de Cuba y otras Areas Antillanas* / Ed. M.A. Rodríguez. Havana: Editorial Academia, 1991. P. 312–370.
- Fernandes D.M. et al.* A Genetic History of the Pre-Contact Caribbean // *Nature*. 2021. Vol. 590. P. 103–110. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-03053-2>
- Fuselli S. et al.* Mitochondrial DNA Diversity in South America and the Genetic History of Andean Highlanders // *Molecular Biology and Evolution*. 2003. Vol. 20 (10). P. 1682–1691. <https://doi.org/10.1093/molbev/msg188>
- González-José R.* *El Poblamiento de la Patagonia. Análisis de la Variación Craneofacial en el Contexto del Poblamiento Americano*. PhD diss. Universitat de Barcelona, Barcelona, 2003.
- Granberry J.* West Indian Languages: A Review and Commentary // *Journal of the Virgin Islands Archaeological Society*. 1980. Vol. 10. P. 51–56.
- Guarch Delmonte J.M.* *El Taíno de Cuba: Ensayo de Reconstrucción Etno-Histórica*. Habana: Academia de Ciencias de Cuba, 1978.

- Hammer O., Harper D.A.T., Ryan P.D.* PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // *Palaeontologia Electronica*. 2001. Vol. 4 (1). P. 1–9.
- Herrera Fritot R.* Craneotrigonometria. La Habana: Comision Nacional de la Academia de Ciencias de la República de Cuba, 1964.
- Howells W.W.* Skull Shapes and the Map: Craniometric Analyses in the Dispersion of Modern Homo. Cambridge: Harvard University, 1989.
- Hubbe M., Hanihara T., Harvati K.* Climate Signatures in the Morphological Differentiation of Worldwide Modern Human Populations // *The Anatomical Record: Advances in Integrative Anatomy and Evolutionary Biology*. 2009. Vol. 292 (11). P. 1720–1733. <https://doi.org/10.1002/ar.20976>
- Hubbe M., Strauss A., Hubbe A., Neves W.A.* Early South Americans Cranial Morphological Variation and the Origin of American Biological Diversity // *PLoS One*. 2015. Vol. 10 (10). e0138090. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138090>
- Kohn L.A.P., Leigh S.R., Jacobs S.C., Cheverud J.M.* Effects of Annular Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face // *American Journal of Physical Anthropology*. 1993. Vol. 90 (2). P. 147–168. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330900203>
- Lalueza-Fox C. et al.* Mitochondrial DNA from Pre-Columbian Ciboneys from Cuba and the Prehistoric Colonization of the Caribbean // *American Journal of Physical Anthropology*. 2003. Vol. 121 (2). P. 97–108. <https://doi.org/10.1002/ajpa.10236>
- Menéndez L.P., Rademaker K., Harvati K.* Revisiting East–West Skull Patterns and the Role of Random Factors in South America: Cranial Reconstruction and Morphometric Analysis of the Facial Skeleton from Cuncacha Rockshelter (Southern Peru) // *PaleoAmerica*. 2019. Vol. 5 (4). P. 315–334. <https://doi.org/10.1080/20555563.2019.1703167>
- Menéndez L.P.* Moderate Climate Signature in Cranial Anatomy of Late Holocene Human Populations from Southern South America // *American Journal of Physical Anthropology*. 2018. Vol. 165 (2). P. 309–326. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23355>
- Nägele K. et al.* Genomic Insights into the Early Peopling of the Caribbean // *Science*. 2020. Vol. 369 (6502). P. 456–460. <https://doi.org/10.1126/science.aba8697>
- Napolitano M.F. et al.* Reevaluating Human Colonization of the Caribbean Using Chronometric Hygiene and Bayesian Modeling // *Science Advances*. 2019. Vol. 5 (12). eaar7806. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aar7806>
- Perez Carratala A., Izquierdo Diaz G.* Cuba. Intercambios Socioculturales en el Periodo Aborigen con el Caribe // *Cuba Arqueológica*. 2010. Vol. 3 (2). P. 6–16.
- Pospisil M., Rivero de la Calle M.F.* Estudios de los Craneos Aborigenes de Cuba del Grupo no Ceramista // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Т. 3. М.: Наука, 1964. С. 87–98.
- Powell J.F., Neves W.A.* Craniofacial Morphology of the First Americans: Pattern and Process in the Peopling of the New World // *American Journal of Physical Anthropology*. 1999. Vol. 110 (S29). P. 153–188. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1096-8644\(1999\)110:29+<153::AID-AJPA6>3.0.CO;2-L](https://doi.org/10.1002/(SICI)1096-8644(1999)110:29+<153::AID-AJPA6>3.0.CO;2-L)
- Pucciarelli H.M. et al.* East-West Cranial Differentiation in Pre-Columbian Populations from Central and North America // *Journal of Human Evolution*. 2008. Vol. 54 (3). P. 296–308. <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2007.08.011>

- Pucciarelli H.M. et al.* East-West Cranial Differentiation in Pre-Columbian Human Populations of South America // *Homo*. 2006. Vol. 57 (2). P. 133–150. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2005.12.003>
- Pucciarelli H.M.* Migraciones y Variación Craneofacial Humana en América // *Complutum*. 2004. Vol. 15. P. 225–247.
- Rey Bettancourt E., García Rodríguez F.* Similitud Entre los Artefactos Líticos Del Lejano Oriente de Asia y de Cuba // *Anuario de Arqueología* / Eds. J. Febles et al. Havana: Academia de Ciencias de Cuba, 1988. P. 1–13.
- Rhode M.P., Arriaza B.T.* Influence of Cranial Deformation on Facial Morphology among Prehistoric South Central Andean Populations // *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. Vol. 130 (4). P. 462–470. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20333>
- Rightmire G.P.* On the Computation of Mahalanobis' Generalized Distance (D^2) // *American Journal of Physical Anthropology*. 1969. Vol. 30 (1). P. 157–160. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330300121>
- Rodríguez Cuenca J.V.* Los Chibchas: Adaptación y Diversidad en los Andes Orientales de Colombia. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2001.
- Rodríguez Flórez C.D.* A Brief History of Pre-Hispanic Skeletal Collections in the Northern Andes of Colombia, Venezuela, and Ecuador // *Biological Anthropology of Latin America: Historical Development and Recent Advances* / Eds. D.H. Ubelaker, S.E. Colantonio. Washington, DC: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2019. P. 203–215.
- Romano A.P.* Los Restos Óseos Humanos de la Cueva de la Candelaria, Coahuila: Craneología. PhD diss. Instituto Nacional de Antropología e Historia, México, 1956.
- Ross A.H., Ubelaker D.H.* Effect of Intentional Cranial Modification on Craniofacial Landmarks: A Three-Dimensional Perspective // *Journal of Craniofacial Surgery*. 2009. Vol. 20 (6). P. 2185–2187. <https://doi.org/10.1097/SCS.0b013e3181bf038c>
- Ross A.H., Ubelaker D.H., Falsetti A.B.* Craniometric Variation in the Americas // *Human Biology*. 2002. Vol. 74 (6). P. 807–818.
- Rothhammer F., Cocilovo J.A., Quevedo S., Llop E.* Microevolution in Prehistoric Andean Populations: I. Chronologic Craniometric Variation // *American Journal of Physical Anthropology*. 1982. Vol. 58 (4). P. 391–396. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330580406>
- Rothhammer F., Silva C.* Craniometrical Variation among South American Prehistoric Populations: Climatic, Altitudinal, Chronological, and Geographic Contributions // *American Journal of Physical Anthropology*. 1990. Vol. 82 (1). P. 9–17. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330820103>
- Rouse I.* The Tainos: Rise and Decline of the People Who Greeted Columbus. New Haven: Yale University Press, 1992.
- Stewart T.D.* Skeletal Remains with Cultural Associations from the Chicama, Moche, and Virú Valleys, Peru // *Proceedings of the United States National Museum*. 1943. Vol. 93. P. 153–185.
- Stewart T.D., Newman M.T.* Anthropometry of South American Indian Skeletal Remains // *Handbook of South American Indians* / Ed. J.H. Steward. Washington, DC: US Government Printing Office, 1950. P. 19–42.
- Syutkina T. et al.* Intragroup Variation in the Pre-Columbian Cuba Population: A Perspective from Cranial Morphology // *Anthropological Review*. 2021. Vol. 84 (3). P. 233–255. <https://doi.org/10.2478/anre-2021-0021>

- Tacoma J.* American Indians from Suriname, a Physical Anthropological study. PhD diss. University of Utrecht, Utrecht, 1963a.
- Tacoma J.* Studies on the Physical Anthropology of the Netherlands Antilles: III: Kunstmatige Schedeldeformatie in Aruba // *Nieuwe West-Indische Gids/New West Indian Guide*. 1963b. Vol. 43. P. 211–222.
- Torres Etayo D.A.* Taínos: Mitos y Realidades de un Pueblo sin Rostro. México: Editorial Asesor Pedagógico, 2006.
- Ubelaker D.H.* The Ayala Cemetery: A Late Integration Period Burial Site on the South Coast of Ecuador // *Smithsonian Contributions to Anthropology*. Vol. 29. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1981. <https://doi.org/10.5479/si.00810223.29.1>
- Valdés Bernal S.* Visión Lingüística del Caribe Insular Precolombino // *Catauro. Revista Cubana de Antropología*. 2003. Vol. 5 (8). P. 159–177.
- Van Heekeren H.R.* Studies on the Archaeology of the Netherlands Antilles: III: Prehistorical Research on the Islands of Curaçao, Aruba and Bonaire in 1960 // *Nieuwe West-Indische Gids/New West Indian Guide*. 1963. Vol. 43. P. 1–24.
- Verano J.W.* Cranial Microvariation at Pacatnamú: A Study of Cemetery Population Variability (Peru). PhD diss. University of California, Los Angeles, 1987.
- von Cramon-Taubadel N.* Evolutionary Insights into Global Patterns of Human Cranial Diversity: Population History, Climatic and Dietary Effects // *Journal of Anthropological Science*. 2014. Vol. 92 (4). P. 43–77. <https://doi.org/10.4436/JASS.91010>
- Waters M.R.* Late Pleistocene Exploration and Settlement of the Americas by Modern Humans // *Science*. 2019. Vol. 365 (6449). eaat5447. <https://doi.org/10.1126/science.aat5447>
- Wickham H.* ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. N.Y.: Springer-Verlag, 2016.
- Wilson S.M., Iceland H.B., Hester T.R.* Preceramic Connections between Yucatan and the Caribbean // *Latin American Antiquity*. 1998. Vol. 9 (4). P. 342–352. <https://doi.org/10.2307/3537032>

Research Article

Syutkina, T.A. The Ciboney and the Taino in the Context of Craniometric Variation in Native American Population [Sibonei i taino v kontekste kraniologicheskoi izmenchivosti naseleniia dokolumbovoi Ameriki]. *Этнографическое обозрение*, 2024, no. 4, pp. 94–122. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040067> EDN: AYUDTG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Taisiya Syutkina | <https://orcid.org/0000-0002-6222-4929> | syuttaya@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Ciboney, Taino, craniometry, indigenous population of Cuba, artificial cranial deformation

Abstract

The article examines two cranial samples representing the pre-Columbian population of Cuba (the Ciboney and the Taino), in the general context of craniometric variation in the indigenous population of the American continent. Published craniometric data from various sources were used for comparison by the canonical discriminant analysis and calculation of pairwise squared Mahalanobis distances. The question is raised about the possibility of including artificially deformed crania (of which the Taino and

many other American samples are entirely composed) in the analyses using only the metrics of the facial skeleton. When analyzing samples without artificial deformation, similarities were found between the Ciboney and South American groups, mainly from the West, which may indicate their origin from an ancient and less differentiated type that inhabited Central and northwestern South America in ancient times. The results of the analysis combining deformed and non-deformed samples are more difficult to interpret, which may indicate a significant influence of cranial vault deformation on the morphology of the facial skeleton, but they do not contradict the conclusions of studies of related sciences about the South American origin of the Taino.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant number 075–15–2022–328]

References

- Alexeev, V.P. 1985. O nekotorykh morfologicheskikh osobennostiakh aborigenov Ameriki, vazhnykh dlia rekonstruktsii protsessa ee zaseleniia [On Some Morphological Features of the American Aborigines Important for Reconstructing the Process of Its Settlement]. In *Istoricheskie sud'by amerikanskikh indeitsev: problemy indeanistiki* [Historical Destinies of American Indians: The Problems of Indian Studies], edited by V.A. Tishkov, 24–30. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1986. K kраниологической характеристике аборигенного населения Кубы [On the Craniological Characteristic of the Cuban Aboriginal Population]. In *Arkheologiia Kuby* [Archaeology of Cuba], edited by R.S. Vasilievskii, 15–22. Novosibirsk: Nauka.
- Alexeev, V.P., and G.F. Debetz. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Cranio-metry: Methods of Anthropological Study]. Moscow: Nauka.
- Anton, S.C. 1989. Intentional Cranial Vault Deformation and Induced Changes of the Cranial Base and Face. *American Journal of Physical Anthropology* 79 (2): 253–267. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330790213>
- Björk, A., and L. Björk. 1964. Artificial Deformation and Cranio-Facial Asymmetry in Ancient Peruvians. *Journal of Dental Research* 43 (3): 353–362. <https://doi.org/10.1177/00220345640430030601>
- Brace, C.L., A.R. Nelson, and P. Qifeng. 2004. A Comparative Craniofacial View. In *The Settlement of the American Continents: A Multidisciplinary Approach to Human Biogeography*, edited by C.M. Barton, G.A. Clark, D.R. Yesner, and G.A. Pearson, 28–38. Tucson: University of Arizona Press.
- Callaghan, R.T. 2001. Ceramic Age Seafaring and Interaction Potential in the Antilles: A Computer Simulation. *Current Anthropology* 42: 308–313. <https://doi.org/10.1086/320012>
- Callaghan, R.T. 2003. Comments on the Mainland Origins of the Preceramic Cultures of the Greater Antilles. *Latin American Antiquity* 14 (3): 323–338. <https://doi.org/10.2307/3557564>
- Castro Stepanova, A.A., and N.N. Goncharova. 2019. Kраниологическая характеристика населения Чили доколумбовой эпохи (на примере некрополя Чунчурри): искусственная деформация и морфометрические особенности [Craniological Characteristic of the Chilean Pre-Columbian Era Population (Based on the Chunchuri Necropolis): Artificial Cranial Deformation and Morphometric Features]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiia* 1: 18–34. <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2019.1.018-034>

- Cheverud, J.M., L.A.P. Kohn, L.W. Konigsberg, and S.R. Leigh. 1992. Effects of Fronto-Occipital Artificial Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face. *American Journal of Physical Anthropology* 88 (3): 323–345. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330880307>
- Cocilovo, J.A., H.H. Varela, and T.G. O'Brien. 2011. Effects of Artificial Deformation on Cranial Morphogenesis in the South Central Andes. *International Journal of Osteoarchaeology* 21 (3): 300–312. <https://doi.org/10.1002/oa.1141>
- Debetz, G.F. 1951. *Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti* [Anthropological Research in the Kamchatka Region]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Dembo, A., and J. Imbelloni. 1938. *Deformaciones Intencionales del Cuerpo Humano* [Intentional Deformations of the Human Body]. Buenos Aires: Humanior.
- Evteev, A., A.L. Cardini, I. Morozova, and P. O'Higgins. 2014. Extreme Climate, Rather than Population History, Explains Mid-Facial Morphology of Northern Asians. *American Journal of Physical Anthropology* 153 (3): 449–462. <https://doi.org/10.1002/ajpa.22444>
- Febles Dueñas, J. 1988. *Manual para el Estudio de la Piedra Tallada de los Aborígenes de Cuba* [Manual for the Study of the Carved Stone of the Aborigines of Cuba]. Havana: Editorial Academia.
- Febles Dueñas, J. 1991. Estudio Comparativo de las Industrias de la Piedra Tallada de Aguas Verdes (Baracoa) y Playitas (Matanzas): Probable Relación de Estas Industrias con Otras del S.E de los Estados Unidos [A Comparative Study of the Carved Stone Industries of Aguas Verdes (Baracoa) and Playitas (Matanzas): Probable Relationship of These Industries with Others in the S.E. of the United States]. In *Arqueología de Cuba y otras Areas Antillanas* [Archaeology of Cuba and Other Antillian Areas], edited by M.A. Rodríguez, 312–370. Havana: Editorial Academia.
- Febles, J. 1986. Kamennye orudiia kompleksa Seboruko [Stone Tools from the Seboruko Complex]. In *Arkheologiia Kuby* [Archaeology of Cuba], edited by R.S. Vasilievskii, 23–33. Novosibirsk: Nauka.
- Fernandes, D.M., et al. 2021. A Genetic History of the Pre-Contact Caribbean. *Nature* 590: 103–110. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-03053-2>
- Fuselli, S., et al. 2003. Mitochondrial DNA Diversity in South America and the Genetic History of Andean Highlanders. *Molecular Biology and Evolution* 20 (10): 1682–1691. <https://doi.org/10.1093/molbev/msg188>
- Galich, M. 1990. *Istoriia dokolumbovykh tsivilizatsii* [History of Pre-Columbian Civilizations]. Moscow: Mysl'.
- Ginzburg, V.V. 1967. Antropologicheskaiia kharakteristika drevnikh aborigenov Kuby [Anthropological Characteristics of the Ancient Population of Cuba]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences], edited by L.P. Potapov, XXIV: 180–278. Leningrad: Nauka.
- González-José, R. 2003. El Poblamiento de la Patagonia. Análisis de la Variación Craneofacial en el Contexto del Poblamiento Americano [The Settlement of Patagonia: Analysis of Craniofacial Variation in the Context of the American Population]. PhD diss., Universitat de Barcelona.
- Granberry, J. 1980. West Indian Languages: A Review and Commentary. *Journal of the Virgin Islands Archaeological Society* 10: 51–56.
- Guarch Delmonte, J.M. 1978. *El Taíno de Cuba: Ensayo de Reconstrucción Etno-Histórica* [The Taino of Cuba: Essay on Ethno-Historical Reconstruction]. Habana: Academia de Ciencias de Cuba.

- Hammer, O., D.A.T. Harper, and P.D. Ryan. 2001. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis. *Palaeontologia Electronica* 4 (1): 1–9.
- Herrera Fritot, R. 1964. *Craneotrigonometria* [Craniotrigonometry]. La Habana: Comisión Nacional de la Academia de Ciencias de la República de Cuba.
- Howells, W.W. 1989. *Skull Shapes and the Map: Craniometric Analyses in the Dispersion of Modern Homo*. Cambridge: Harvard University.
- Hubbe, M., A. Strauss, A. Hubbe, and W.A. Neves. 2015. Early South Americans Cranial Morphological Variation and the Origin of American Biological Diversity. *PLoS One* 10 (10): e0138090. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0138090>
- Hubbe, M., T. Hanihara, and K. Harvati. 2009. Climate Signatures in the Morphological Differentiation of Worldwide Modern Human Populations. *The Anatomical Record: Advances in Integrative Anatomy and Evolutionary Biology* 292 (11): 1720–1733. <https://doi.org/10.1002/ar.20976>
- Kohn, L.A.P., S.R. Leigh, S.C. Jacobs, and J.M. Cheverud. 1993. Effects of Annular Cranial Vault Modification on the Cranial Base and Face. *American Journal of Physical Anthropology* 90 (2): 147–168. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330900203>
- Kozintsev, A.G. 2007. Skify Severnogo Prichernomor'ia: mezhruppovye razlichii, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie [Scythians of the Northern Black Sea Region: Intergroup Differences, External Relations, Origins]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 4 (32): 143–157.
- Lalueza-Fox, C., et al. 2003. Mitochondrial DNA from Pre-Columbian Ciboneys from Cuba and the Prehistoric Colonization of the Caribbean. *American Journal of Physical Anthropology* 121 (2): 97–108. <https://doi.org/10.1002/ajpa.10236>
- Menéndez, L.P., K. Rademaker, and K. Harvati. 2019. Revisiting East–West Skull Patterns and the Role of Random Factors in South America: Cranial Reconstruction and Morphometric Analysis of the Facial Skeleton from Cuncacha Rockshelter (Southern Peru). *PaleoAmerica* 5 (4): 315–334. <https://doi.org/10.1080/20555563.2019.1703167>
- Menéndez, L.P. 2018. Moderate Climate Signature in Cranial Anatomy of Late Holocene Human Populations from Southern South America. *American Journal of Physical Anthropology* 165 (2): 309–326. <https://doi.org/10.1002/ajpa.23355>
- Nägele, K., et al. 2020. Genomic Insights into the Early Peopling of the Caribbean. *Science* 369 (6502): 456–460. <https://doi.org/10.1126/science.aba8697>
- Napolitano, M.F., et al. 2019. Reevaluating Human Colonization of the Caribbean Using Chronometric Hygiene and Bayesian Modeling. *Science Advances* 5 (12): eaar7806. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aar7806>
- Perez Carratala, A., and G. Izquierdo Díaz. 2010. Cuba. Intercambios Socioculturales en el Periodo Aborigen con el Caribe [Cuba: Sociocultural Exchanges in the Aboriginal Period with the Caribbean]. *Cuba Arqueológica* 3 (2): 6–16.
- Pospisil, M., and M.F. Rivero de la Calle. 1964. Estudios de los Craneos Aborigenes de Cuba del Grupo no Ceramista [Studies of the Aboriginal Skulls of Cuba from the Non-Ceramic Group]. In *VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, avgust 1964)* [VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Science (Moscow, August 1964)], 3: 87–98. Moscow: Nauka.
- Powell, J.F., and W.A. Neves. 1999. Craniofacial Morphology of the First Americans: Pattern and Process in the Peopling of the New World. *American Journal of Physical Anthropology* 110 (S29): 153–188. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1096-8644\(1999\)110:29+<153::AID-AJPA6>3.0.CO;2-L](https://doi.org/10.1002/(SICI)1096-8644(1999)110:29+<153::AID-AJPA6>3.0.CO;2-L)

- Pucciarelli, H.M., et al. 2006. East-West Cranial Differentiation in Pre-Columbian Human Populations of South America. *Homo* 57 (2): 133–150. <https://doi.org/10.1016/j.jchb.2005.12.003>
- Pucciarelli, H.M., et al. 2008. East-West Cranial Differentiation in Pre-Columbian Populations from Central and North America. *Journal of Human Evolution* 54 (3): 296–308. <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2007.08.011>
- Pucciarelli, H.M. 2004. Migraciones y Variación Craneofacial Humana en América [Migrations and Craniofacial Variety in America]. *Complutum* 15: 225–247.
- Razhev, D.I. 2009. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoi obshchnosti* [Biological Anthropology of the Sargat Community]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Rey Bettancourt, E., and F. García Rodríguez. 1988. Similitud Entre los Artefactos Liticos Del Lejano Oriente de Asia y de Cuba [Similarity between Lithic Artifacts from Far East Asia and Cuba]. In *Anuario de Arqueología* [Yearbook of Archaeology], edited by J. Febles et al., 1–13. Havana: Academia de Ciencias de Cuba.
- Rhode, M.P., and B.T. Arriaza. 2006. Influence of Cranial Deformation on Facial Morphology among Prehistoric South Central Andean Populations. *American Journal of Physical Anthropology* 130 (4): 462–470. <https://doi.org/10.1002/ajpa.20333>
- Rightmire, G.P. 1969. On the Computation of Mahalanobis' Generalized Distance (D^2). *American Journal of Physical Anthropology* 30 (1): 157–160 <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330300121>
- Rodríguez Cuenca, J.V. 2001. *Los Chibchas: Adaptación y Diversidad en los Andes Orientales de Colombia* [The Chibchas: Adaptation and Diversity in the Eastern Andes of Colombia]. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
- Rodríguez Flórez, C.D. 2019. A Brief History of Pre-Hispanic Skeletal Collections in the Northern Andes of Colombia, Venezuela, and Ecuador. In *Biological Anthropology of Latin America: Historical Development and Recent Advances*, edited by D.H. Ubelaker and S.E. Colantonio, 203–215. Washington, DC: Smithsonian Institution Scholarly Press.
- Romano, A.P. 1956. *Los Restos Óseos Humanos de la Cueva de la Candelaria, Coahuila: Craneología* [Human Bone Remains from the Cueva de la Candelaria, Coahuila: Craneology]. PhD diss., Instituto Nacional de Antropología e Historia.
- Ross, A.H., and D.H. Ubelaker. 2009. Effect of Intentional Cranial Modification on Craniofacial Landmarks: A Three-Dimensional Perspective. *Journal of Craniofacial Surgery* 20 (6): 2185–2187. <https://doi.org/10.1097/SCS.0b013e3181bf038c>
- Ross, A.H., D.H. Ubelaker, and A.B. Falsetti. 2002. Craniometric Variation in the Americas. *Human Biology* 74 (6): 807–818.
- Rothhammer, F., and C. Silva. 1990. Craniometrical Variation among South American Prehistoric Populations: Climatic, Altitudinal, Chronological, and Geographic Contributions. *American Journal of Physical Anthropology* 82 (1): 9–17. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330820103>
- Rothhammer, F., J.A. Cocilovo, S. Quevedo, and E. Llop. 1982. Microevolution in Prehistoric Andean Populations: I. Chronologic Craniometric Variation. *American Journal of Physical Anthropology* 58 (4): 391–396. <https://doi.org/10.1002/ajpa.1330580406>
- Rouse, I. 1992. *The Tainos: Rise and Decline of the People Who Greeted Columbus*. New Haven: Yale University Press.
- Shirobokov, I.G. 2021. O primenenií usrednennoi matritsy korreliatsii v kranimetrii [On the Application of the Averaged Correlation Matrix in Craniometry]. *Camera praehistorica* 1 (6): 141–149. <https://doi.org/10.31250/2658–3828–2021–1–63–141–149>

- Stewart, T.D. 1943. Skeletal Remains with Cultural Associations from the Chicama, Moche, and Virú Valleys, Peru. *Proceedings of the United States National Museum* 93: 153–185.
- Stewart, T.D., and M.T. Newman. 1950. Anthropometry of South American Indian Skeletal Remains. In *Handbook of South American Indians*, edited by J.H. Steward, 19–42. Washington, DC: US Government Printing Office.
- Syutkina, T., et al. 2021. Intragroup Variation in the Pre-Columbian Cuba Population: A Perspective from Cranial Morphology. *Anthropological Review* 84 (3): 233–255. <https://doi.org/10.2478/anre-2021-0021>
- Syutkina, T.A. 2017. Kраниometricheskaia kharakteristika drevnego naseleniia Kuby do-keramicheskoi kul'tury [A Craniometric Study of the Ancient Preceramic Population of Cuba]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 65–82.
- Syutkina, T.A. 2018. Iskusstvennaia deformatsiia cherepa u aborigennogo naseleniia dokolumbovoi Kuby [Artificial Cranial Deformation Among the Aboriginal Population of Pre-Columbian Cuba]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 4 (43): 136–146. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-136-146>
- Syutkina, T.A. 2023. Paleopatologicheskii analiz kраниологических серий Kuby dokolumbovoi epokhi [Paleopathological Analysis of the Cranial Samples from Pre-Columbian Cuba]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 1 (60): 139–150. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-60-1-12>
- Tacoma, J. 1963. American Indians from Suriname, a Physical Anthropological Study. PhD diss., University of Utrecht.
- Tacoma, J. 1963. Studies on the Physical Anthropology of the Netherlands Antilles: III: Kunstmatige Schedeldeformatie in Aruba. *Nieuwe West-Indische Gids/New West Indian Guide* 43: 211–222.
- Torres Etayo, D.A. 2006. *Táinos: Mitos y Realidades de un Pueblo sin Rostro* [Taínos: Myths and Realities of a Faceless People]. México: Editorial Asesor Pedagógico.
- Ubelaker, D.H. 1981. The Ayala Cemetery: A Late Integration Period Burial Site on the South Coast of Ecuador. In *Smithsonian Contributions to Anthropology* 29. Washington, DC: Smithsonian Institution Press. <https://doi.org/10.5479/si.00810223.29.1>
- Valdés Bernal, S. 2003. Visión Lingüística del Caribe Insular Precolombino. *Catauro. Revista Cubana de Antropología* 5 (8): 159–177.
- Van Heekeren, H.R. 1963. Studies on the Archaeology of the Netherlands Antilles: III: Prehistorical Research on the Islands of Curaçao, Aruba and Bonaire in 1960. *Nieuwe West-Indische Gids/New West Indian Guide* 43: 1–24.
- Vasiliev, S.A., et al. 2015. *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Peopling of The New World: A Multidisciplinary Study]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Vasilievskii, R.S., ed. 1986. *Arkheologiia Kuby* [Archaeology of Cuba]. Novosibirsk: Nauka.
- Verano, J.W. 1987. Cranial Microvariation at Pacatnamú: A Study of Cemetery Population Variability (Peru). PhD diss., University of California.
- von Cramon-Taubadel, N. 2014. Evolutionary Insights into Global Patterns of Human Cranial Diversity: Population History, Climatic and Dietary Effects. *Journal of Anthropological Science* 92 (4): 43–77. <https://doi.org/10.4436/JASS.91010>
- Waters, M.R. 2019. Late Pleistocene Exploration and Settlement of the Americas by Modern Humans. *Science* 365 (6449): eaat5447. <https://doi.org/10.1126/science.aat5447>

- Wickham, H. 2016. *ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis*. New York: Springer-Verlag.
- Wilson, S.M., H.B. Iceland, and T.R. Hester. 1998. Preceramic Connections between Yucatan and the Caribbean. *Latin American Antiquity* 9 (4): 342–352. <https://doi.org/10.2307/3537032>
- Zubov, A.A. 1999. Biologo-antropologicheskaya kharakteristika korennoy doevropeyskoy naseleniya Ameriki [Biological and Anthropological Characteristics of the Indigenous Pre-European Population of America]. In *Naselenie Novogo Sveta: problemy formirovaniya i sotsiokul'turnogo razvitiya* [Population of the New World: Problems of Formation and Sociocultural Development], edited by A.A. Istomin, 11–66. Moscow: IEA RAN.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОХРАННОСТИ НАРОДНЫХ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА

Н.А. Дубова, М.Г. Никифоров

Надежда Анатольевна Дубова | <http://orcid.org/0000-0002-4340-1037> | dubova_n@mail.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Михаил Геннадьевич Никифоров | <http://orcid.org/0000-0003-3106-5854> | followup@mail.ru | к. ф.-м. н., доцент | ФГБОУ ВО “Московский государственный лингвистический университет” (ул. Остоженка 38, стр. 1, Москва, 119034, Россия)

Ключевые слова

Таджикистан, этнография, народные астрономические знания, пространственное моделирование, идентификация звезд

Аннотация

Под термином “народные астрономические знания” подразумевается набор практических знаний, позволяющих человеку ориентироваться в пространстве и времени. Важным моментом является возможность суммарной оценки этих знаний на уровне не только индивида, но также отдельного поселения или региона. На основании полевых материалов, собранных в Республике Таджикистан в 2019–2023 гг., авторы разработали метод для определения показателя, характеризующего уровень народных астрономических знаний; метод апробирован на большой выборке (опрошено 177 человек). Усредненные значения “коэффициента знаний” (k) позволили оценить процесс потери знаний среди информантов четырех возрастных групп, а также составить карты, отражающие сохранность народных астрономических знаний на изученных территориях. Анализ карт дает возможность предложить модель, описывающую наблюдаемую распространенность этих знаний; их максимальный уровень зафиксирован вдоль Памирского тракта — в зоне активного обмена информацией, а минимальный — в изолированных долинах. На основе предложенной модели сделаны качественные предсказания уровня народных астрономических знаний на еще не обследованных территориях.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22–18–00529]

Статья поступила 28.01.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 05.06.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Дубова Н.А., Никифоров М.Г. Пространственное моделирование сохранности народных астрономических знаний жителей Таджикистана // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 123–139. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040078> EDN: AYMPSK

Dubova, N.A., and M.G. Nikiforov. 2024. Prostranstvennoe modelirovanie sokhrannosti narodnykh astronomicheskikh znaniy zhitelei Tadjikistana [Spatial Modeling of the Folk Astronomical Knowledge among the Residents of Tajikistan]. *Этнографическое обозрение* 4: 123–139. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040078> EDN: AYMPSK

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

Под термином “народные астрономические знания” в первую очередь подразумевается набор практических знаний, которые позволяют человеку ориентироваться в пространстве и времени (напр., находить Полярную звезду, околополярные созвездия или какие-либо другие приметные звезды и астеризмы, что актуально для охотников, путешественников и торговцев). Знание моментов восходов и заходов некоторых звезд позволяет с относительно высокой точностью фиксировать определенные дни года и составлять актуальный для земледельца календарь. По такому календарю можно предсказывать время наступления теплых и холодных периодов, планировать начало и завершение земледельческих работ (посев или сбор какой-либо сельскохозяйственной культуры и т.п.).

Календари, основанные на наблюдении восходов и заходов звезд, были популярны в Греции (*Ptolemy* 1816; *Плиний* 2009), поэтому мы вправе предполагать их распространение и в Средней Азии, в том числе на Памире. Уровень народных астрономических знаний можно охарактеризовать тем, насколько хорошо население знает звезды, умеет их находить на небе и использовать это в повседневной жизни.

Отсюда следует, что для оценки уровня астрономических знаний необходим достаточно большой объем специфической информации с привязкой к конкретным информантам и территориям. Поскольку этот аспект народных знаний до настоящего времени не был предметом специальных исследований, данные нужно было собрать и проанализировать. На первом этапе мы планировали определить, какие звезды известны жителям сейчас, постараться понять, что было известно ранее, а также очертить ареалы распространения этих знаний.

Население Таджикистана — один из удобных объектов для проведения такого рода исследования. Республика выделяется среди среднеазиатских стран особым географическим положением. Даже беглого взгляда на физическую карту региона достаточно, чтобы увидеть, что большую часть территории Таджикистана занимают горы. Основные места расселения людей находятся в долинах горных рек. В горах с увеличением высоты падает среднегодовая температура и сокращается продолжительность теплого времени года, что создает неблагоприятные условия для земледелия. В кишлаках, которые находятся выше 2000—3000 м над уровнем моря, многие сорта сельскохозяйственных культур просто не вызревают, а те, что успевают созреть, не дают богатого урожая. Помимо климатического фактора, есть фактор территориальный: земель, которые пригодны для выращивания сельхозкультур, не так много. Но, несмотря на все эти сложности, с глубокой древности население на этой территории занималось земледелием.

Столетиями, оказываясь под давлением степных кочевников, совершавших время от времени набеги на эти земли, коренное население вынуждено было уходить все выше в горы, приспосабливаясь к новым, более суровым климатическим условиям. С одной стороны, это позволяло поддерживать свою культуру и привычный образ жизни, а с другой — приводило к определенной изоляции. Результатом действия этих двух факторов явилась консервация в горной местности древних обычаев.

В конце XIX в., после присоединения Средней Азии к России, сюда начали приезжать русские путешественники (см., напр.: *Андреев*, *Половцев* 1911), которые в своих дневниках — пусть кратко — зафиксировали местный уклад жизни,

обычаи, верования и представления, а также отдельные знания о звездах. Хотя собранные сведения носили, как правило, фрагментарный характер, это была первая документальная информация, полученная из этого региона.

В советское время в процессе коллективизации проявилась своеобразная проблема: местное население использовало свой сельскохозяйственный календарь, с которым не были знакомы прибывшие управленцы, и совершенно не умело пользоваться григорианским календарем (Майский 1934: 102). Советским этнографам была поставлена задача: исследовать местные календарные представления и обычаи. Таким образом, в первые десятилетия XX в. был собран достаточно обширный полевой материал.

Одна из первых попыток проанализировать собранную ранее информацию, в которой описаны наблюдения звезд, и оценить с помощью моделирования возможность проведения этих наблюдений была предпринята в нашей предыдущей работе (Колганова, Никифоров 2016). На основании исследований советских этнографов (Андреев, Половцев 1911; Рахимов 1957а, 1957б; Андреев 1958; Кисляков, Писарчик 1966) нам удалось выделить ряд звезд и астеризмов, идентифицировать их и получить, хотя бы в первом приближении, пространственное распределение народных астрономических знаний (см. Рис. 1).

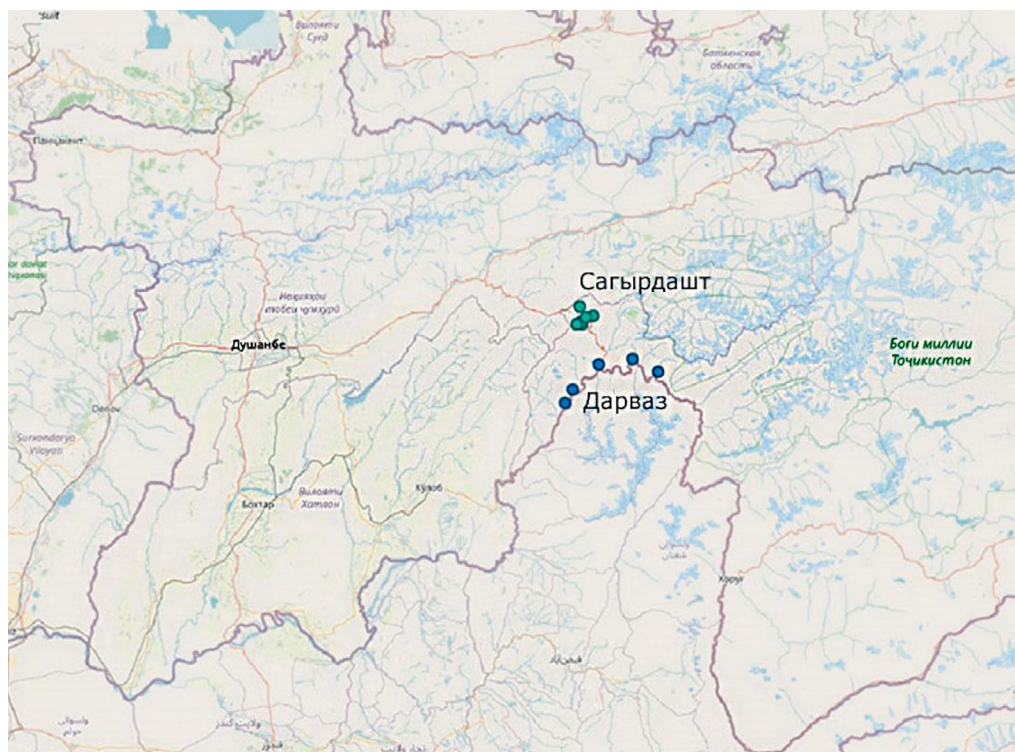

Рис. 1. Ареалы распространения информации, касающейся видимости звезд – по данным М.С. Андреева (Дарваз) (Андреев 1958) и М.Р. Рахимова (кишлаки Сагырдаштской группы) (Рахимов 1957а, 1957б). Карта составлена М.Г. Никифоровым с помощью программы “Спутник археолога”

Проведенная работа позволила систематизировать имеющиеся на тот момент знания, составить список объектов, которые потенциально могут являться звездами, и даже предложить вариант земледельческого календаря, основанного на видимости звезд (*Колганова, Никифоров* 2016). Это, по нашему мнению, был максимально возможный результат, которого можно было достичь, располагая сведениями советских этнографов. Основная проблема заключалась в том, что в их работах содержалось очень мало астрономической информации. Это и понятно, такого рода данные собирались не целенаправленно, а в общем-то случайно, так как в те годы исследователи старались записать и сохранить всю информацию, которую можно было получить. Кроме того, в большинстве случаев записи о видимости некой звезды делались с привязкой не к конкретному информанту или кишлаку, а к району или микрорегиону. Как правило, в описаниях нет фиксации даты, времени суток (вечер, ночь, утро) и направления (ази-мута) появления звезды. При отсутствии хотя бы одного из этих трех параметров невозможно проверить правильность описания известной звезды (Сириус, Плеяды, Тарозу) или определить неизвестный объект. Это минимальный набор требований к сбору информации. Для идентификации звезды желательно знать дополнительно ее относительную яркость, цвет, положение относительно других звезд и т.д.

М.С. Андреев, достаточно долго живший в Рушане (кишлак Хуф) и побывавший в экспедиции на Ванче, опубликовал обширные материалы по культуре таджиков Верховьев Аму-Дарьи. Однако в его работе нет никакой информации, свидетельствующей бы о том, что население этих регионов знало хоть какие-то звезды. Может быть, жители Рушана и Ванча действительно не использовали явления видимости звезд в повседневной жизни. В этом случае построенная карта (см. Рис. 1) является точной. А может быть, информация астрономического характера была пропущена исследователем, при том что в соседнем регионе она была им собрана.

Аналогичным образом обстоят дела с данными М.Р. Рахимова, которые были собраны в нижнем и среднем течении р. Хингоу¹: их нельзя назвать полными. В процессе работы исследователь обнаружил, что население выделяет временные периоды “Амуд” и “Дукуак”, которые связаны с появлением одноименных звезд. Однако, кроме самих названий, он зафиксировал только интервалы — календарные даты, которым соответствует каждый из периодов. Кроме того, автор часто пользуется обобщенной терминологией, например “кишлаки среднего течения Хингоу” или “кишлаки Сагырдаштской группы”, поэтому невозможно отождествить “Амуд” и “Дукуак” с реальными звездами на небе, нельзя определить ни частотность, с которой встречается звезда, ни ареал, где именно она известна.

Совокупность всех этих факторов ограничивает наши возможности в идентификации звезд, в моделировании условий их видимости, в оценке степени известности. Таким образом, карта (см. Рис. 1) оказывается малоинформативной и неточной: она не позволяет оценить ареалы распространения знаний, поскольку отсутствие астрономической информации по тем регионам, в которых работали советские этнографы, вовсе не означает, что ее там не было.

В результате проделанной работы стало понятно, что старые данные мало пригодны для анализа. Поэтому в 2019–2023 гг. мы объехали ряд районов Республики Таджикистан с целью исследования астрономических знаний у мест-

ного населения. Для этого была разработана анкета из 36 вопросов (программа собеседования). В анкете мы постарались учесть все необходимые моменты, на которые ранее не обращалось внимания. Изначально основу собеседования составили вопросы с упоминанием названий звезд и предполагаемых звездных объектов, которые были обнаружены в работах советских этнографов. В процессе сбора информации анкета дополнялась новыми вопросами, уточнявшимися в зависимости от индивидуальных знаний информанта. Поскольку уровень владения русским языком в сельской местности Таджикистана крайне низок, анкеты были переведены (включая названия звезд и астеризмов) на таджикский, узбекский и киргизский языки. В итоге нам удалось собрать достаточное количество астрономической информации, удовлетворяющей в части детализации всем предъявляемым к ней требованиям.

Постановка задачи. Целями данной работы являются: формализованная оценка уровня народных астрономических знаний населения Республики Таджикистан и определение районов и кишлаков, которые остаются очагами таких знаний. Это позволит понять, существуют ли в распределении народных астрономических знаний какие-либо закономерности и, при их наличии, сделать попытку выявить набор факторов, которыми они определяются. Если это получится, в дальнейшем можно будет решить ряд актуальных задач: например, оценить, какие территории являются наиболее перспективными с точки зрения сбора этнографической информации, или определить, как изменяется количество знаний от поколения к поколению в целом по республике и по отдельным ее регионам в частности.

Методика оценки. Под уровнем народных астрономических знаний мы будем понимать количество сведений о звездах, которые информант смог сообщить в процессе собеседования. Уровень знания k_j информанта определяется суммой коэффициентов знаний s_{ij} по всем звездам n , которые ему известны:

$$k_j = \sum_{i=1}^n s_{ij},$$

а коэффициент s_{ij} характеризует объем знаний j -го информанта о звезде под номером i .

Очевидно, что в процессе моделирования коэффициент s_{ij} можно определить не единственным образом. Изначально мы собирались его задать (в смысле энтропии Клода Шеннона) как логарифм от количества фактов, которые смог сообщить о звезде информант; достоинством такого подхода является использование этой величины (логарифма от количества фактов) в теории информации. Однако в дальнейшем было признано, что такая интерпретация неудачна. Дело в том, что звездные объекты, с которыми мы имеем дело, очень разные: есть единичные звезды, а есть их группы, образующие астеризмы; есть звезды, служащие маркером событий повседневной жизни, а есть те, знания о которых населением не используются. Получается, что для двух разных звезд может быть набрано разное количество фактов, следовательно, при подсчете количества знаний звезды окажутся в “неравной ситуации”, а это плохо.

В качестве альтернативного подхода можно предложить использовать метрику, оценивающую коэффициент s_{ij} на основе практических навыков, которые характеризуют умение информанта самостоятельно находить звезду на небе.

Для этого введем фиксированную шкалу и определим, каким навыкам должен соответствовать каждый ее уровень. Мы остановили свой выбор на 4-балльной шкале:

- 0 — информант ничего не знает о звезде; не знает даже ее названия;
- 1 — уровень знаний о звезде минимален (фольклорный уровень). Из описания звезды, данного информантом, нельзя прийти к выводу, что человек сам наблюдал звезду, скорее всего, его описание — пересказ сведений, полученных от других лиц. Критерии этого уровня знаний:
 - а) информант сам говорит, что слышал об этой звезде от других,
 - б) информант может сообщить минимальные общеизвестные сведения,
 - в) дата и время видимости звезды не сообщаются или указаны неправильно,
 - г) азимут (направление), где появляется звезда, указан неправильно,
 - д) звезда или расположение звезд астеризма описаны неправильно;
- 2 — средний уровень знаний. Из описания можно предположить, что информант сам видел эту звезду и умеет находить ее на небе. Критерии:
 - а) приведены дата, время и азимут появления звезды,
 - б) информант утверждает, что может найти эту звезду,
 - в) часть сведений неверна (напр., вместо утреннего восхода описан вечерний, показано неправильное направление и т.д.),
 - г) информация о звезде не является подробной;
- 3 — высокий уровень знаний. Нет сомнения в том, что информант сам умеет находить данный объект. Он сообщает о звезде максимально много информации, ему известны редкие и специфичные факты (напр., цвет звезды, относительная яркость, расположение относительно других звезд). Если речь идет об астеризме, то человек может его правильно нарисовать или выложить какими-либо мелкими предметами.

Таким образом, коэффициент s_{ij} может принимать значения от 0 до 3. Недостатком шкалы является небольшая градация значений. Тем не менее мы можем рассчитывать на то, что оценки в подавляющем большинстве являются точными, а погрешность оценивания не превышает 1 балла.

В качестве исходных данных мы взяли сведения, полученные в кишлаках по рекам Ягноб (*Гуломшоев и др.* 2023), Зеравшан (*Антонова и др.* 2023), Язгулём (*Гуломшоев и др.* 2024), и ряд еще не опубликованных данных, собранных в долинах рек Хингоу и Шахдара, а также на Дарвазе и в других районах Таджикистана. В долине Зеравшана опрашивались жители 23 кишлаков (39 информантов-таджиков) в Горно-Матчинском, Айнинском и Педжикентском районах. В долине Ягноба работы проводились в 10 кишлаках (26 информантов), в долине Язгулёма — в 5 кишлаках (19 информантов). Всего было опрошено 177 человек (156 мужчин и 21 женщина) в возрасте от 24 лет до 101 года.

Дадим краткое описание неопубликованных данных. В долине р. Хингоу были собраны сведения в 21 кишлаке (от нижнего течения реки к верхнему): Кафтаргузар, Яфуч, Чильдара, Хур, Сайёд, Сабзихарв, Пунарвог, Хипшон, Арганкул, Лайрон, Алисурхон, Лангар, Лоджирк, Сангвор, Кулубай Боло, Сайдон, Сагырдашт, Чухкок, Камчак, Лухч и Сафедорон. Есть еще несколько кишлаков выше Сангвора, однако, со слов местных жителей, они насчитывают от одного до пяти домов, и проживают там в основном достаточно молодые люди, не имеющие особых знаний в области народной астрономии. В долине Шахдары сбор

информации проводился в нижнем течении реки, в кишлаках Сумджев, Хидоржев, Лахик, Лангар, Миденшарв, Парзудж, Зайниц, Бародж, Дашт и Кала, на территории протяженностью около 25 км, что вполне сравнимо с размерами заселенной части долины Язгулёма.

К этим данным мы добавили результаты двух небольших разведок, проведенных в Балджуванском районе в кишлаках Бальджуван, Богизагон, Шайдон, Афарди и Даштархо (10 информантов) и на Дарвазе в кишлаках Ёгед, Зинг, Даштак и Курговад (7 информантов). Как видно из приведенных данных, в ходе разведок было пройдено меньше кишлаков и опрошено меньше информантов. Тем не менее собранная информация позволяет в первом приближении охарактеризовать изученную территорию, а собранный материал оказался столь интересным, что мы включили его в анализируемый набор данных. В результате общая выборка составила 177 информантов (см. Табл. 1).

Таблица 1

Распределение числа информантов по исследованным территориям

№ п/п	Территории	Число информантов
1	Зеравшан	39
2	Ягноб	26
3	Бальджуван	9
4	Хингоу	56
5	Дарваз	7
6	Язгулём	19
7	Шахдара	19
8	Остальные	2
	Всего	177

Общая оценка знаний информантов. Проведенные ранее исследования показали, что в целом население плохо помнит/знает звезды. Наиболее известны жителям кишлаков Сириус, Плеяды и три звезды пояса Ориона (Тарозу). Знание этих объектов зафиксировано во всех исследованных районах. Отдельные информанты называли и другие звезды, например Ангур (α Волопаса), Мул-лосангин (α Лиры), Мурх (α Тельца), однако таких людей было не так много, а объектов, упомянутых ими в дополнение к перечисленным выше, мало. Кроме того, из названных информантами звезд и астеризмов мы учитывали только те, которые: 1) упоминались по меньшей мере дважды; 2) удалось надежно отождествить. Поэтому, если информант имеет минимальный уровень знаний о трех наиболее известных объектах, то по нашей шкале его коэффициент k будет оценен в 3 балла. Если же он может дать об этих объектах исчерпывающую информацию, то его $k = 9$ баллам. Чтобы набрать более высокое значение коэффициента, информанту должны быть известны еще какие-то звезды.

На Рис. 2 представлена зависимость уровня знаний информантов от возраста. Картина, отраженная на графике, может быть описана следующим образом. По словам абсолютно всех опрошенных, знания о звездах они получили в детстве в кругу своей семьи, т.е. от кого-то из родителей, бабушек или дедушек. Поэтому можно считать, что к 20 годам знания в основном уже сформированы, и точки на графике располагаются слева направо параллельно оси времени: меняется возраст информантов, но уровень знаний остается неизменным. Накопление знаний, приводящее к росту k , если и происходит, то в очень редких случаях, поскольку, во-первых, астрономическая информация не актуальна для большинства людей, а во-вторых, все знают примерно одно и то же. Скорее возможен процесс потери знаний, когда человек с возрастом забывает часть информации или не может ее оперативно вспомнить во время опроса.

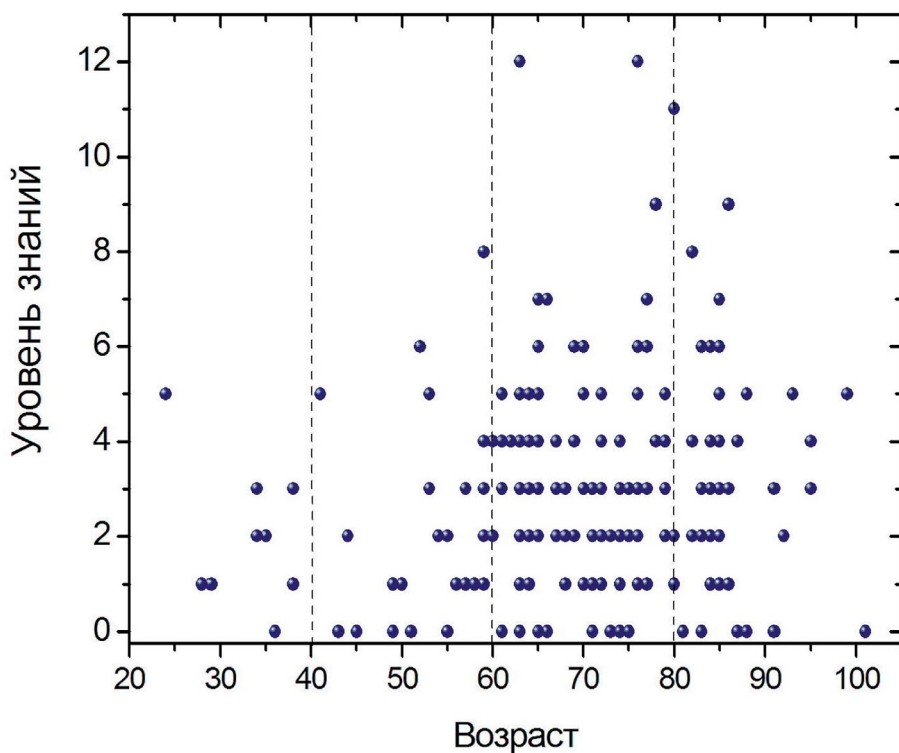

Рис. 2. Зависимость количества знаний от возраста. Рис. М.Г. Никифорова

Максимальное значение коэффициента уровня знаний составляет $k_{25}^{\text{Max}}=12$, что соответствует нашим предварительным ожиданиям: наиболее компетентные люди хорошо знают три общеизвестных объекта (Сириус, Плеяды и три звезды пояса Ориона), что составляет 6–9 баллов, и дополнительно еще одну какую-то звезду, что обеспечивает разброс значений коэффициента в диапазоне от 7 до 12 баллов. Этот уровень знаний можно оценить как высокий, и чаще всего его демонстрируют пожилые люди. С другой стороны, незнающие ($k=0$) и малознающие ($k<3$) информанты встречаются во всех возрастах.

Для дальнейшего анализа разобьем выборку на четыре возрастные группы с шагом в 20 лет, что в Таджикистане примерно соответствует одному поколению. Получим группы: от 20 до 40 лет; от 41 года до 60 лет; от 61 года до 80 лет; старше 80 лет. Поскольку при выборе информантов мы отдавали предпочтение наиболее пожилым людям, распределение по возрасту получилось неравномерным. Самой многочисленной оказалась третья возрастная группа (61–80 лет), затем шла четвертая группа (старше 80 лет), хотя мы не ограничивали ее по возрасту, далее – вторая группа (41–60 лет); наименее представительной была первая группа (20–40 лет), поскольку здесь мы не ожидали значительных результатов и опрос информантов этой возрастной категории проводился только с целью сравнения.

Оценим средний коэффициент знаний в каждой группе среди наиболее компетентных информантов, вычислив среднее значение коэффициента лучших 50% и лучших 25% от общего числа опрошенных, что соответствует фильтрации данных по медиане и верхнему квартилю. Результаты расчетов представлены в Табл. 2.

Таблица 2

Оценка уровня знаний среди наиболее знающих информантов

№ группы	Возраст		Коэффициент k		СКО		Число опрошенных		Декремент D	
	Интервал	Средний	50%	25%	50%	25%	50%	25%	50%	25%
1	20–40	33.2	3.0	3.7	1.2	1.3	10	5	–	–
2	41–60	54.0	4.0	5.0	1.6	1.4	29	15	0.75	0.74
3	61–80	70.2	4.9	6.3	2.1	2.3	100	50	0.81	0.79
4	81–100+	86.5	5.1	6.2	1.6	1.4	38	19	0.96	1.01

Сравнение усредненных коэффициентов показывает, что и для лучших 50%, и для лучших 25% информантов справедливы следующие соотношения: $k_{50}^1 < k_{50}^2 < k_{50}^3 \approx k_{50}^4$ и $k_{25}^1 < k_{25}^2 < k_{25}^3 \approx k_{25}^4$. Получается, что самыми компетентными являются информанты из третьей и четвертой групп, средний уровень знаний которых оказывается примерно одинаковым. Это позволяет охарактеризовать “знающего” информанта коэффициентами $k_{50} \geq 5$ и $k_{25} \geq 6$, причем последний (k_{25}) равен половине максимального коэффициента $k_{25}^{\text{Max}} = 12$. Заметим, что эти оценки получены на достаточно большой выборке (177 информантов), поэтому их не нужно будет уточнять при появлении новых данных по какому-то другому региону. Для проведения сравнения будет достаточно пересчитать новую информацию в рамках построенной шкалы.

Анализ данных табл. 2 показывает, что чем меньше возраст информанта, тем меньшими знаниями в среднем он обладает. Для характеристики этой тенденции введем декремент затухания знаний, который определим как коэффициент отношения коэффициентов знаний в соседних группах: $D^{i,i+1} = k^i / k^{i+1}$ (напр.: $D_{25}^{12} = k_{25}^1 / k_{25}^2 = 0.74$). Заметим, что значения декрементов, рассчитанные по первым трем группам, очень близки между собой: $D_{50}^{12} = 0.75$, $D_{25}^{12} = 0.74$, $D_{25}^{23} = 0.81$, $D_{25}^{23} = 0.79$. Можно грубо принять, что среднее значение декремента при переходе из одной группы в другую составляет $D \approx 0.8$, – это позволит сделать оценку знаний, которыми люди обладали в прошлом и которыми они будут обладать в будущем. Например, если бы нам были доступны для опроса инфор-

манты в возрасте от 100 до 120 лет (условная пятая группа), то их средние коэффициенты знаний были бы равны $k_{50}^5 = k_{50}^4 / D = 6.4$ и $k_{25}^5 = 7.8$. В условной нулевой группе (до 20 лет) значение коэффициента должно было бы составить около $k_{50}^0 = 2.4$, однако, поскольку мы не собирали сведения в этих возрастных категориях, мы не можем проверить точность этих оценок.

Оценка знаний информантов по территориям. Собранных данных вполне достаточно для условного разделения некоторых районов на отдельные части, что позволит сделать ряд интересных заключений. Например, долину р. Ягноб очевидным образом мы разделили на подвергшуюся (все кишлаки выше Хишартоба) и не подвергшуюся (кишлаки Маргеб, Анзоб и Марзич) переселению (Гуломшоев и др. 2023).

Долина Зеравшана тоже условно была разделена на две части: к верхнему течению реки мы отнесли кишлаки, расположенные восточнее Кудишара, к нижнему – расположенные западнее. При этом сам Кудишар, хотя формально он находится на территории Горно-Матчинского района, был причислен нами к кишлакам нижнего течения. Такой выбор обусловлен тем, что граница Айнинского и Горно-Матчинского районов проходит по кишлакам Пастигав и Кудишар, которые переходят друг в друга. Однако ближайший к Кудишару кишлак Горно-Матчинского района Худгиф Соя, где мы собирали данные, расположен в 15 км к востоку от него (Антонова и др. 2023). Поэтому по набору знаний Кудишар гораздо ближе к Пастигаву, чем к Худгифу Соя.

Долина р. Хингоу столь протяженна, что мы разделили ее на четыре части: 1) к верхнему течению реки были отнесены кишлаки Сангвор, Лоджирк, Лангар, Алисурхон, Лайрон, Арганкул; 2) к среднему течению – Хипшон, Пунарвог, Сабзихарв, Сайёд, Хур; 3) к нижнему течению – Кафтаргузар, Яфуч, Чильдара; 4) в отдельный кластер были выделены кишлаки Сагырдашской группы – Сагырдашт, Сайдон, Кулумбаи Боло, Чухкок, Камчак, Лухч и Сафедорон.

Долина р. Язгулём, исследованные части долины р. Шахдары и Бальджуванского района занимают относительно компактные территории протяженностью 25–30 км, поэтому они не делились на части, и относящиеся к ним сведения анализировались нами как единые наборы информации.

В результате деления 7 районов мы получили 12 отдельных территорий, примерно одинаковых по площади, для каждой из которых был посчитан коэффициент знаний k_{50} (Табл. 3).

Согласно Табл. 3, наибольшими астрономическими знаниями $k_{50} \geq 5$ обладают жители среднего течения р. Хингоу, Дарваза, долины Язгулёма и непереселенной части Ягноба. Отметим, что именно в этих местах знают наибольшее число звезд и встречаются наиболее компетентные информанты с индивидуальными значениями $k_{50} \geq 6$. Очевидно, что выявленная корреляция ожидаема (т.е. эту закономерность можно было предположить изначально). Однако вычисленные нами значения коэффициентов позволяют приблизительно сравнивать уровни знаний между собой.

Фактор переселения. В разное время принудительному переселению подверглись жители долин рек Хингоу, Язгулём, Ягноб и Зеравшан, что в той или иной степени отразилось на уровне астрономических знаний. Опыт проведенных в разные годы исследований, основанных на опросах населения, показывает, что любые серьезные изменения в общественной жизни приводят к потере исторических знаний и традиций.

Таблица 3

Оценка знаний информантов по исследованным районам и выделенным ареалам распространения астрономических знаний

№ п/п район	№ п/п ареал	Территория/Ареал	k_{50}		Число информантов
1	1	Зеравшан (верхн.)	4.3	± 1.2	23
	2	Зеравшан (нижн.)	2.3	± 0.5	16
2	3	Ягноб (пересел.)	2.7	± 1.4	13
	4	Ягноб (непересел.)	5.5	± 3.2	13
3	5	Бальджуван	4.3	± 1.9	9
4	6	Хингоу (верхн.)	4.8	± 1.6	18
	7	Хингоу (средн.)	6.8	± 2.7	11
	8	Хингоу (нижн.)	3.5	± 1.2	12
	9	Хингоу (Сагыр.)	4.9	± 1.7	15
5	10	Язгулём	5.7	± 1.2	19
6	11	Дарваз	6.1	± 3.0	7
7	12	Шахдара (нижн.)	3.7	± 1.1	19

В конце 1940-х – начале 1950-х годов были переселены жители долины р. Хингоу, причем компания по перемещению затронула в том числе кишлаки нижнего течения, вдоль которых шла единственная в то время дорога на Памир. Повторное освоение долины произошло в начале 1980-х годов, когда людям разрешили вернуться в места прежнего проживания.

Среди всех принудительных перемещений самым коротким было переселение язгулёмцев в 1954 г., поскольку из-за высокой детской смертности уже через год большая часть жителей вернулась обратно. Тем не менее небольшие кишлаки верхней части долины все же были заброшены. Об этом свидетельствует местное население, а кроме того, это можно проследить, сопоставив нынешнее состояние долины с ее описанием в работе Л.Ф. Моногаровой (*Моногарова* 1949).

В 1970–1971 гг. жители долины Ягноба фактически подверглись депортации: в целях освоения ранее не засевавшихся хлопком территорий и облегчения снабжения населения, проживавшего в высокогорье, власти Таджикской ССР организовали принудительное переселение кишлаков, расположенных выше Маргеба, в Зафаробад, Варзоб и Зукан. Возвращение жителей началось только в постсоветский период, когда новые власти перестали препятствовать этому процессу. В настоящее время типичный кишлак в верхнем течении Ягноба состоит из нескольких домов, а многие люди старшего поколения приезжают сюда только в летнее время.

Население долины Зеравшана тоже было использовано в качестве трудового ресурса для освоения новых плодородных земель. Правда, была выбрана более мягкая форма: перемещались отдельные семьи, поэтому не было такого, чтобы кишлак был полностью заброшен, как в долине Хингоу или в верхнем течении Ягноба.

Сравнение показывает, что переселенные на короткое время жители Язгулёма и непереселенные жители Дарваза и Ягноба обладают примерно одинаковым объемом информации о звездах и астеризмах. Поскольку язгулёмцы вернулись назад уже через год, этот вывод вполне ожидаем. Здесь следует отметить, что мы не знаем, каким был уровень астрономических знаний в каждом регионе до начала всех переселений, например в 1940 г.

Разумно предположить, что начальный уровень знаний на сопредельных территориях будет примерно одинаковым в силу того, что между ними должен происходить обмен знаниями. Можно говорить о различных вариантах передачи информации; чаще всего это происходило через женщин, которые выходили замуж и уезжали в другие кишлаки, расположенные в 15–30 км от места их рождения. Заметим, что примерно половина опрошенных утверждает, что свои знания они получили от матери или бабушки.

На удаленных друг от друга территориях или там, где невозможно прямое сообщение между людьми, уровень знаний может существенно отличаться. Так, согласно Табл. 3, зеравшанцы знают о звездах/астеризмах меньше язгулёмцев, дарвазцев и неперемещенных ягнобцев. Это нельзя объяснить только фактором переселения. Даже если половина жителей долины Зеравшана была перемещена, то оставшейся половины должно было бы быть достаточно для сохранения астрономических знаний — следовательно, их уровень здесь изначально был ниже.

Интересен отмеченный нами в исследовании факт высокого уровня астрономических знаний в среднем течении р. Хингоу. Несмотря на переселение и массовое возвращение к местам прежнего проживания лишь через 25–30 лет, население, по всей вероятности, сумело сохранить свои астрономические знания. Но поскольку мы не знаем начальный их уровень, сложно оценить, какая часть информации была утеряна. Возвращение жителей в верховья р. Хингоу произошло позднее, поэтому численность населения там до сих пор не восстановилась. На карте Н.А. Кислякова, составленной в 1936 г., от Лоджирка до Сангвора отмечено 6 кишлаков, а выше Сангвора еще 13 (*Кисляков* 1936: вкладка), но в 2019 г., проехав от Лоджирка до Сангвора, мы лишь дважды видели отдельные дома. Самым крупным кишлаком выше Сангвора является Найгуфт, в котором живет семь семей, там до сих пор нет электричества. Очевидно, что малая плотность населения не способствует сохранению и передаче астрономических знаний.

Фактор перемещения населения отразился существенным образом на астрономических знаниях жителей переселенного Ягноба. Этому можно найти несколько причин. Во-первых, такие знания всегда привязаны к определенному образу жизни и к определенной территории, где они востребованы (возле какой горы восходит Солнце в Навруз; где появляется какая-то звезда) и вне которой забываются и теряются. Очевидно, вероятность того, что человек вспомнит неактуальную информацию спустя 25–30 (а тем более спустя 40–50) лет, существенно снижается. Во-вторых, земли переселенного Ягноба до сих пор мало населены. Если на других территориях численность населения давно восстановилась, то здесь она застыла на уровне полутора десятков жителей на кишлак. При столь низкой плотности населения передача информации от поколения к поколению затруднена. Даже если имеется носитель с высоким уровнем знаний, в условиях ограниченных контактов ему некому их передать.

Географический фактор. По имеющимся в настоящее время данным мы можем выделить тенденцию, согласно которой жители в низовьях рек обладают меньшими знаниями, чем жители в верхних течениях. Это можно проследить на примере протяженных рек Зеравшан и Хингоу (см. Рис. 3).

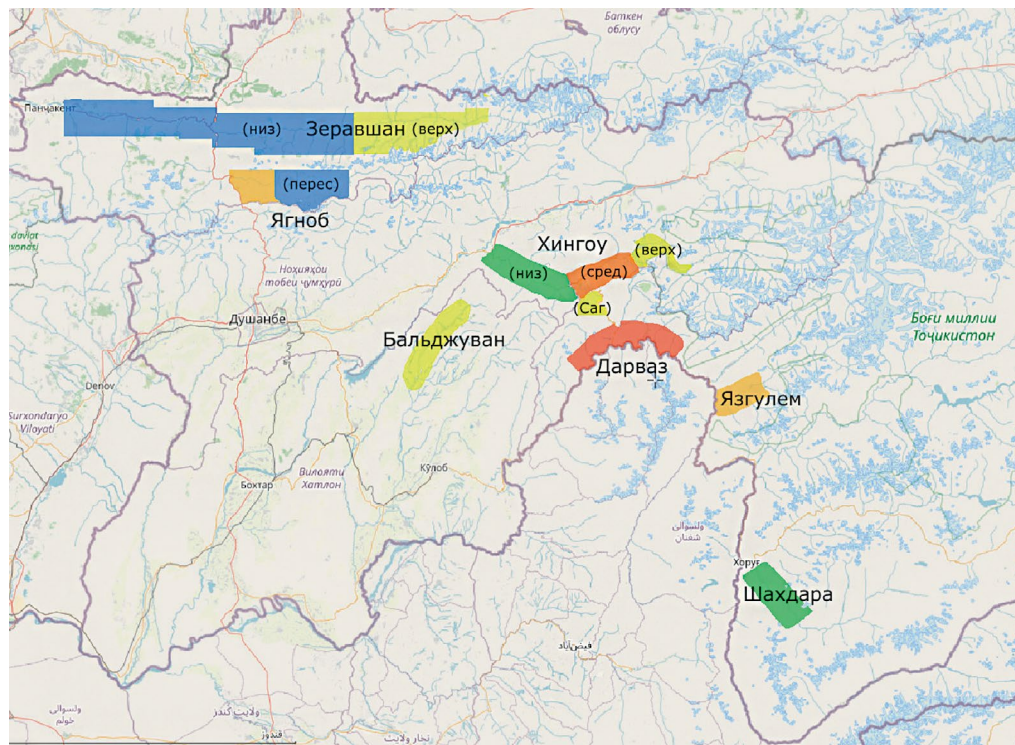

Рис. 3. Оценка коэффициента астрономических знаний по исследованным территориям (голубой: $2 \leq k < 3$, зеленый: $3 \leq k < 4$, желтый: $4 \leq k < 5$, оранжевый: $4 \leq k < 5$, красный: $5 \leq k < 6$). Карта составлена М.Г. Никифоровым с помощью программы «Спутник археолога»

Коэффициенты астрономических знаний жителей Матчинского (верхнее течение Зеравшана) и Айнинского (нижнее течение Зеравшана) районов соответственно составляют $k_{\text{Зерав}}^{\text{Верх}} = 4.3$ и $k_{\text{Зерав}}^{\text{Низ}} = 2.3$, и такое отличие является значимым. Аналогичная ситуация наблюдается в долине р. Хингоу. Наименьшее значение коэффициента астрономических знаний по долине зафиксировано в нижнем течении – $k_{\text{Хингоу}}^{\text{Низ}} = 3.5$, в верхнем течении и в кишлаках Сагырдашской группы он составляет $k_{\text{Хингоу}}^{\text{Верх}} = 4.8$ и $k_{\text{Сагыр}} = 4.9$ соответственно, а самое большое значение коэффициента обнаружено в среднем течении – $k_{\text{Хингоу}}^{\text{Сред}} = 6.8$.

Обитаемая часть долины Язгулёма простирается на 25–30 км, примерно такая же протяженность у исследованных нами части долины Шахдары (30–35 км) и части Бальджуванского района (30–35 км). Протяженность изученной части долины Ягноба около 50 км. Поэтому делить эти территории на более мелкие части было бы неправильным (они сопоставимы с анализируемыми нами частями долин Зеравшана и Хингоу). Верхняя часть Ягноба была выделена особо, по-

скольку сильно пострадала от переселения, что существенно сказалось на уровне астрономических знаний местных жителей.

Обратим внимание на то, что в низовьях Шахдары (если сравнить с соседними Дарвазом и Язгулёмом) мы получили относительно небольшое значение коэффициента $k_{\text{Шахдара}}^{\text{Низ}} = 3.7$. Однако, если наше предположение верно, то в верхнем течении Шахдары коэффициент астрономических знаний должен быть выше.

Самые большие значения коэффициента астрономических знаний обнаружены в среднем течении р. Хингоу и на Дарвазе; почти такой же уровень знаний зафиксирован в Язгулёме. Вероятно, это не случайно. Расположение всех этих территорий вдоль Памирского тракта способствовало постоянному обмену знаниями между носителями информации из разных регионов. В то же время кишлаки в долинах Зеравшана, Ягноба и Сурхоба (Бальджуванский район) были более изолированными, поэтому изначально уровень астрономических знаний там, вероятно, был более низким и одинаковым по всей долине. Именно такая картина, по нашему предположению, была характерна для этих территорий 100–150 лет назад, когда астрономические знания были необходимы для ведения хозяйства.

В наше время информация такого рода потеряла свою актуальность, стала забываться, но утрата астрономических знаний в территориальном плане идет неравномерно. Наши исследования показывают, что в верховьях рек живут люди более консервативных взглядов, что способствует сохранению информации. Население, которое проживает вдоль Памирского тракта, изначально обладало более высоким уровнем знаний, поэтому там до сих пор сохранилось больше астрономической информации, чем в других регионах.

Отметим, что мы исследовали не все районы Таджикистана, однако, если наша модель распространения и угасания астрономических знаний верна, то должны быть правильны следующие прогнозы:

1. В Вахане уровень остаточных астрономических знаний населения должен быть сравним по величине с выявленным у жителей Дарваза, долины Язгулёма и среднего течения р. Хингоу.

2. Жители нижнего течения рек Бартанг (Рушан), Гунт и Шахдара (Шугнан) должны демонстрировать меньший уровень астрономических знаний, чем жители верхнего течения соответствующих рек.

3. Жители территорий со сходными географическими условиями должны обладать примерно одинаковыми знаниями. Так, коэффициенты астрономических знаний жителей Ховалингского и Бальджуванского районов должны быть близки по значениям, как и коэффициенты жителей районов Ванча и Язгулёма.

4. Жители территорий с относительно высокой мобильностью населения должны иметь очень низкий уровень астрономических знаний. Это касается Куляба, Дангары, Гиссара, Худжанда и др.

Все эти предположения можно будет проверить в ходе проведения новых полевых работ.

Примечание

¹ В книге и статье М.Р. Рахимова нет ни одного упоминания названий кишлаков из Вахио-Боло. Самым верхним поселением, о котором он пишет, является кишлак Хур, относящийся к среднему течению. Поэтому, наиболее вероятно, что М.Р. Рахимов не работал в верхнем течении Хингоу, поскольку местное население уже было переселено или находилось в процессе переселения. По сведению одного из наших информантов, кишлак Лоджург был переселен в 1953 г.

Источники и материалы

Плиний 2009 — Плиний. Естественная история. Кн. 17, 18 // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Рязань: Александрия, 2009. С. 249—381.

Ptolemy 1816 — Ptolemy C. Appartions des fixes stars et annonces / Traduites du grec de Ptolemee par M. L'abbe Halma. 1816.

Научная литература

Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Т. 2 // Труды. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Сталинабад: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1958.

Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии наук. Т. 9. СПб.: Изд-во Академии наук, 1911.

Антонова Н.А., Дубова Н.А., Наврузбеков М.Н., Никифоров М.Г. Звезды в жизни населения долины реки Зеравшан // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 26—41. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/26-41>

Гуломшоев С., Дубова Н.А., Никифоров М.Г., Полякова М.К. Календарно-астрономические представления жителей долины реки Ягноб // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 60—73. <https://doi.org/10.31857/S086919080025780-5>

Гуломшоев С., Дубова Н.А., Никифоров М.Г., Полякова М.К. Астрономия Язгулемцев // Восток (Oriens). 2024. № 2. С. 18—39.

Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло // Труды Института антропологии, этнографии и археологии. Этнографическая серия. 1936. № 2.

Кисляков Н.А., Писарчик А.К. (ред.) Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе: Дониш, 1966.

Колганова Г.Ю., Никифоров М.Г. Звезды в земледельческом календаре таджиков // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 123—135.

Майский Л. Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и верхнего Ванча // Советская этнография. 1934. № 4. С. 102—107.

Моногарова Л.Ф. Язгулемцы Западного Памира // Советская этнография. 1949. № 3. С. 89—108.

Рахимов М.Р. Исчисление времени у таджиков бассейна реки Хингоу в XIX — начале XX века // Советская этнография. 1957а. № 2. С. 73—87.

Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1957б.

Research Article

Dubova, N.A., and M.G. Nikiforov. Spatial Modeling of the Folk Astronomical Knowledge among the Residents of Tajikistan [Prostranstvennoe modelirovanie sokhrannosti narodnykh astronomicheskikh znaniy zhitelei Tadjikistana]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 123—139. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040078> EDN: AYMPSK ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Nadezhda Dubova | <http://orcid.org/0000-0002-4340-1037> | dubova_n@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Michail Nikiforov | <http://orcid.org/0000-0003-3106-5854> | followup@mail.ru | Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow State Linguistic University” (38 Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russia)

Keywords

Tajikistan, ethnography, folk astronomical knowledge, spatial modeling, star identification

Abstract

The term “folk astronomical knowledge” refers to a set of practical knowledge that allows a person to navigate in space and time. An important point is the possibility of a total assessment of this knowledge not only at the level of an individual, but also at the level of a separate settlement or region. The authors developed a method for determining an indicator characterizing the level of folk astronomical knowledge, based on field materials collected in the Republic of Tajikistan in 2019–2023. The method was verified on a large sample (177 people were surveyed). The average values of the “coefficient of knowledge” (k) made it possible to assess the process of knowledge loss among informants of four age groups, as well as to compile maps reflecting the preservation of folk astronomical knowledge in the studied territories. The analysis of the maps makes it possible to propose a model describing the observed prevalence of this knowledge. Its maximum level is recorded along the Pamir Tract, in the zone of active information exchange, and the minimum is in isolated valleys. Based on the proposed model, high-quality predictions were made about the level of popular astronomical knowledge in areas that have not yet been surveyed

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22–18–00529]

References

- Andreev, M.S. 1958. Tadjhiki doliny Khuf (Verkhov'ia Amu-Dar'i) [Tajiks of Huf Valley (Upper Reaches of Amu Darya)], 2. In *Trudy. Materialy k izucheniiu kul'tury i byta tadjikov* [Proceedings: Materials for Studying the Material Culture of Tajiks]. Stalinabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Tadzhikskoi SSR.
- Andreev, M.S., and A.A. Polovtsev. 1911. Materialy po etnografii iranskikh plemen Srednei Azii: Ishkashim i Vakhan [Materials on the Ethnography of Iranian Tribes of Middle Asia: Ishkhashim and Vakhan]. *Sbornik Muzeia po antropologii i etnografii pri Akademii nauk* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Academy of Sciences], 9. St. Petersburg: Izdatel'stvo Akademii nauk.
- Antonova, N.A., N.A. Dubova, V.N. Navruzbekov, and M.G. Nikiforov. 2023. Zvezdy v zhizni naseleniia doliny reki Zeravshan [Stars in the Life of the Population of the Zeravshan River Valley]. *Vestnik antropologii* 3: 26–41. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/26-41>
- Gulomshoev, S., N.A. Dubova, M.G. Nikiforov, and M.K. Poliakova. 2024. Astronomiia Yazgulemtsev. [Astronomical Knowledge of Yazgulemians]. *Vostok (Oriens)* 2: 18–30.
- Gulomshoev, S., N.A. Dubova, M.G. Nikiforov, and M.K. Poliakova. 2023. Kalendarno-astronomicheskie predstavleniia zhitelei doliny reki Yagno [Calendar and Astronomical Knowledge of the Yaghnob River Valley Inhabitants]. *Vostok*

- (*Oriens*) 3: 60–73. <https://doi.org/10.31857/S086919080025780-5>
- Kisliakov, N.A. 1936. Sledy pervobytnogo kommunizma u gornyx tadjikov Vakhio-Bolo [Traces of Primitive Communism among Tajiks of Vakhio-Bolo]. *Trudy Instituta antropologii, etnografii i arkheologii. Etnograficheskaya seriia* 2.
- Kisliakov, N.A., and A.K. Pisarchik, eds. 1966. *Tadjiki Karategina i Darvaza* [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Vol. 1. Dushanbe: Donish.
- Kolganova, G.Y., and M.G. Nikiforov. 2016. Zvezdy v zemledel'cheskom kalendare tadjikov [Stars in the Agricultural Calendar of Tajiks]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 123–135.
- Maiskii, L., 1934. Ischislenie polevogo perioda sel'skokhoziaistvennykh rabot u gortsev Pamira i verkhnego Vancha [Calculation of the Field Period of Agricultural Works among the Mountaineers of the Pamirs and Upper Vanj]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 102–107.
- Monogarova, L.F. 1949. Yazgulemtsy Zapadnogo Pamira [Yazgulems of Western Pamir]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 89–108.
- Rakhimov, M.R. 1957. Ischislenie vremeni u tadjikov basseina reki Khingou v XIX – nachale XX veka [Calculation of Time among the Tajiks of the Hingou River Basin in the 19th – Early 20th Centuries]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 73–87.
- Rakhimov, M.R. 1957. *Zemledelie tadjikov basseina r. Khingou v dorevoliutsionnyi period (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Agriculture of Tajiks of Hingou Valley in Pre-Revolutionary Period]. Stalinabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Tadzhikskoi SSR.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РИТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.С. Кочкунов

Айдарбек Сулайманкулович Кочкунов | <https://orcid.org/0000-0002-8856-3080> | aidar.k@mail.ru | д.и.н., профессор | Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина (ул. Киевская 44, Бишкек, 720000, Кыргызская Республика)

Ключевые слова

кыргызы, ритуал, идентичность, традиция, ислам, похоронно-поминальная обрядность, религиозная ситуация, конфликтогенность

Аннотация

В статье исследуются этнографические аспекты религиозной идентичности кыргызского народа, выраженные через отношения к ритуалам семейного цикла, преимущественно погребально-поминальной обрядности. Рассмотрены особенности развития религиозной культуры, региональные различия проявления религиозной идентичности, место ритуала в дискурсе между традиционализмом и исламской нормативностью, вопросы урегулирования ритуала. Отмечается уникальность истории религиозной жизни кыргызского народа, которая заключается в неоднократной модернизации в течение XX в. и в переходе от сплошной атеизации к возрождению религиозного сознания. Исследуются разнообразие и противоречивость религиозных идентичностей, характер столкновения позиций между разными течениями по вопросам ценностей ритуала семейного цикла. Установлено, что сегодня ритуалы народа стали центральным вопросом дискурса между традиционалистами, исламскими нормативистами, “государственниками” и представителями светских подходов. Автор приходит к выводу, что регламентирование некоторых сторон обрядности, в частности похоронно-поминальной, показывает тенденцию сближения государственного и религиозного (исламского) подходов, что в будущем может привести к противоречиям между различными идентичностями.

Как известно, ритуал и религиозная идентичность – взаимосвязанные явления. Ритуал (символы, стереотипы, действия) – внешнее выражение религиозного (иррелигиозного) сознания и важнейший компонент поведенческой культуры человека. Религиозная идентичность изменчива, тогда как ритуал относительно консервативен. Напластование различных идентичностей

Статья поступила 07.12.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 31.05.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кочкунов А.С. Религиозная идентичность в контексте ритуальной культуры кыргызского народа на современном этапе // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 140–160. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040089> EDN: AYEPRZ

Kochkunov, A.S. 2024. Religioznaia identichnost' v kontekste ritual'noi kul'tury kyrgyzskogo naroda na sovremennom etape [Religious Identity in the Context of Present-Day Ritual Culture of the Kyrgyz People]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 140–160. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040089> EDN: AYEPRZ

усложняет ритуал, превращает его в поле столкновений различных систем мировоззрения, в том числе религиозных. В современном кыргызском обществе превалирует тенденция перформанса идентичностей, что привело (и приводит) к появлению множества несовпадающих позиций, большинство из которых носят конфликтогенный характер на уровне межличностных и межгрупповых отношений. Такого рода конфликты в совокупности представляют собой одну из проблемных зон в социокультурном развитии сегодняшнего Кыргызстана.

В данной статье понятие “религиозная идентичность” используется в узком смысле — как проявления симпатии/антипатии в процессе внутриэтнической коммуникации в отношении тех или иных форм и видов этнокультурных традиций, связанных с религией. Целью статьи является этнографическое исследование некоторых аспектов религиозной идентичности кыргызского народа в контексте погребально-поминальной обрядности. Фокусирование внимания на этом виде обрядности продиктовано тем, что в настоящее время он находится в центре противостояния носителей религиозного и иррелигиозного сознания, оказывающего чувствительное влияние на морально-нравственный и общественно-политический климат в республике. Погребально-поминальная обрядность, как лакмусовая бумажка, высвечивает идентичности людей, в том числе религиозные. Кроме этого, в рамках сравнительного анализа рассматриваются отдельные аспекты и других видов народных ритуалов. В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи: исследовать современные дискурсивные ритуалы кыргызского народа; определить основные аспекты погребально-поминального ритуала, вызывающие противостояние различных идентичностей; попытаться выявить причины этого противостояния и характер религиозных идентичностей.

Источники и методы исследования. В основу статьи положены полевые этнографические материалы автора — записи рассказов информантов, результаты многолетних (с 90-х годов прошлого века) наблюдений за эволюцией религиозной жизни кыргызского народа. В статье анализируются данные, собранные в 2020–2022 гг. в селах Нарынской, Иссык-Кульской, Джалал-Абадской, Баткенской и Чуйской областей и в городах Ош, Майлуу-Суу, Каракуль, Каракол и Чолпон-Ата.

В полевой работе использовались такие методы, как беседа, глубинное интервьюирование, наблюдение и включенное наблюдение (когда сам автор был свидетелем или принимал участие в ритуальных действиях как член сообщества). Был проведен анализ научных трудов и статей историков, этнографов, политологов, а также государственных решений, материалов СМИ, выступлений видных деятелей мусульманского духовенства Кыргызстана, представителей различных конфессий и течений.

Основную часть информантов составили люди среднего возраста (от 25 до 45 лет) обоего пола, так как именно эта возрастная группа наиболее активно вовлечена в противостояние в вопросах соотношения традиций и инноваций в сфере религиозного.

Историография темы. К настоящему времени опубликован ряд работ, посвященных этнографическому исследованию вопросов взаимосвязей народного ритуала и религиозных процессов в постсоветском Кыргызстане (Айтпаева 2004; Мурзакметов 2005; Айтпаева и др. 2010; Дюшенбиев 2011; Kochkunov 2018; Кочкунов 2018; Стасевич 2018, 2019; Маничкин 2020), политическим и социологическим

аспектам религиозной ситуации в стране, а также изучению вопросов политизации ислама (Эсенаманова 2003; Молдалиев 2008; Маликов, Усубалиев 2008; Курбанова 2010; Мурзахалилов, Арынов 2010; Мурзахалилов 2019; Элебаева и др. 2016).

Результаты исследования

Многие исторические формы религиозной системы продолжают функционировать и поныне, являясь органической частью общей ритуальной культуры народа и воздействуя (в том или ином виде и в той или иной степени) на его жизнь. Постсоветский этап религиозной жизни Кыргызстана отличается от всех предыдущих резким повышением религиозного сознания населения. Этому способствовали фундаментальные изменения государственного и общественного строя страны, начавшиеся с распадом Советского Союза. Кыргызстан выбрал либеральный путь развития, принципы которого, в том числе свобода совести и вероисповедания, легли в основу законодательства республики. Таким образом, были сняты все барьеры, препятствовавшие реализации свободы вероисповедания. Это, в свою очередь, открыло новую страницу в истории религиозной жизни населения Кыргызстана. В результате появились тенденции, изменившие и продолжающие менять религиозную ситуацию в стране: реисламизация; оформление новых, в основном протестантских конфессий, которые не были характерны для кыргызов ранее, а также радикальных и фундаменталистских течений, большая часть которых связана с исламом; зарождение различных тоталитарных сект, имеющих в той или иной степени отношение к определенным религиозным системам либо претендующих на создание “новой религии”, и, наконец, появление групп, призывающих к возвращению к традиционным, преимущественно доисламским религиозным системам, прежде всего к тенгрианству — *теңирчилик*. Каждая из этих тенденций представляет собой сложное общественное явление и заслуживает отдельного исследования. В данной статье рассмотрим вопросы взаимосвязи процесса реисламизации и современной ритуальной практики кыргызского народа с формированием новой религиозной идентичности.

Ритуальная практика. Ритуальная практика современного кыргызского народа представляет собой сложное этнокультурное явление. В ней органически переплелись элементы самого разного происхождения и содержания. Отдельные ритуалы уходят своими корнями в эпоху разложения первобытнообщинных, патриархальных, родоплеменных отношений. Значительное влияние на формирование и эволюцию ритуалов оказали шаманизм, культ предков, тенгрианство и другие верования. На эту особенность указывали исследователи истории и этнографии кыргызского народа (Абрамзон 1990: 284–354; Басилов 1992; Маничкин 2020). С началом проникновения ислама и его ритуальной практики в духовную культуру кыргызов начинается длительный процесс приобщения народа к новой религиозной системе (Дюшенбиев 2011). Из-за ряда исторических и культурных факторов полный переход к исламу не был завершен, к тому же в территориальном плане он протекал неравномерно. У кыргызов Приферганской долины (юг страны) исламские традиции постепенно вытесняли доисламский пласт, ритуалы которого продолжали функционировать у кыргызов севера страны. Эти обстоятельства, безусловно, наложили отпечаток на религиозную историю народа. В семейной и общественной жизни доисламская ритуальная практика

продолжала занимать видное место (Баялиева 1972). Данные обстоятельства необходимо учитывать при анализе проблем формирования на современном этапе религиозной идентичности кыргызского народа. У разных групп кыргызов отмечаются разные уровни религиозной идентичности, что непосредственно влияет на характер взаимоотношений в личностном, семейном и общественном пространствах. Отметим, что в период советских трансформаций ритуальная культура кыргызского народа, так же как и других народов СССР, подвергалась глубинным изменениям. Таким образом, к моменту распада советского государства и началу независимого развития весь фонд народной, в том числе ритуальной, культуры кыргызского народа представлял собой симбиоз народных (этнических), исламских и советских ритуалов.

В период независимого развития Кыргызстана на фоне беспрецедентной реисламизации общества ритуальная практика народа стала одним из объектов противостояния различных позиций. По существу, почти все циклы семейных и общественных ритуалов подвергаются ревизии со стороны адептов разных религиозных течений. К тому же сторонники исламских ценностей отличаются настойчивостью, граничащей с бескомпромиссностью. Все это вносит серьезный раскол в общество по вопросам целесообразности соблюдения тех или иных обрядовых действий.

Ритуалы у кыргызов состоят из ряда мероприятий, имеющих отношение к жизненному циклу человека: торжества по поводу рождения и первых этапов жизни ребенка; свадебные празднества; а также обряды, связанные со смертью и с похоронно-поминальными действиями. Кроме этого, существует целый пласт хозяйственных и календарных ритуалов, однако, по сравнению с семейными, их роль и место в современной жизни минимальны.

Элементы погребально-поминальной обрядности как предмет дискурса. Как правило, наиболее острый, порой непримиримый характер носит полемика по вопросам организации похорон умершего человека и погребально-поминальных мероприятий. Вмешательство органов государственной власти страны в этот вопрос (Указ Президента 2022) и решения (*фатвы*) Республиканского муфтията показывают, что этот вполне житейский и семейный вопрос приобрел статус вопроса общественной важности. Сами похороны, послепохоронные и поминальные ритуалы стали предметом жарких споров между близкими родственниками, занимающими разные позиции. Наиболее непримиримы члены семьи, придерживающиеся правил нормативного ислама, те же, кто предпочитает общепринятые для данного социума традиции, выступают против любых сокращений или отмены каких-либо ритуалов.

Позиции и оппозиции идентичностей. С 1990-х годов, т.е. с начала суверенного развития Кыргызстана, вся сфера этнической культуры стала объектом полемики. Условно можно выделить две противостоящие друг другу группы: сторонники сохранения традиций (обозначим их СТР) и сторонники соблюдения исламской нормативности в полном объеме (обозначим их СИН). Первые призывают придерживаться тех порядков, которые сложились как общепризнанные к моменту распада СССР. Они считают, что несмотря на трансформацию в советский период, этот обрядовый пласт сохранил многие черты кыргызской этнической культуры, в которых причудливо сплелись доисламские традиции и исламские новации. Хотя различные группы кыргызского народа всегда имели свои региональные особенности, похоронно-поминальные ритуалы, отмечае-

мые на разных территориях, в основных чертах совпадали: обычай оплакивания; убой большого количества скота; многоэтапность поминальных мероприятий; неоднократная организация массовых поминальных трапез; система дарообмена; культ умершего человека; устройство надмогильного сооружения и др.

Вторые (СИН) сформировали альтернативное течение еще в период начала системного проникновения ислама в среду кыргызов. Этот процесс, усилившийся в XVII–XIX вв., был прерван в 20–30-е годы XX в. в период советских преобразований, когда религиозная жизнь братских народов СССР была поставлена под жесткий контроль государства. Несмотря на то что советская власть проводила мощную и системную политику атеизации, многие черты традиционных обрядов, связанных с доисламскими пластами культуры, сохранились в различных сферах жизни народа. Однако ситуация коренным образом стала меняться в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда начались процессы распада СССР. Соответственно, главной причиной активизации СИН стал системный кризис кыргызского общества в результате перехода к новому строю. Этот период характеризовался резкой поляризацией имущественного положения людей, появлением большого количества бедных семей, упадком морали и нравов, массовой безработицей и началом мигрантского движения. Главной проблемой страны было отсутствие четкой государственной политики в социально-духовной, в том числе религиозной, сфере. Советская идеология сошла с исторической арены, либерализация же воспринималась всеми как вседозволенность, последствием чего стала полная дезориентация общества, что привело к идеологическому и культурному вакууму. Этот вакуум и стали энергично заполнять представители различных религиозных, псевдорелигиозных течений и тоталитарных сект. Особую активность проявили так наз. традиционные религии, среди которых выделялся ислам. Поскольку основная масса верующих в стране идентифицировала себя как мусульман, резко возросли авторитет и влияние исламского духовенства Кыргызстана. СИН на первоначальном этапе ограничивались робкой критикой отдельных сторон кыргызской ритуальной практики, в том числе похоронно-поминальной обрядности, и высказывались за их пересмотр на базе исламских установлений. Однако в последующем, со второй половины 1990-х годов, стали открыто требовать изменения порядка организации похоронно-поминальных мероприятий и приведения их в соответствие с нормами ислама.

Таким образом, ритуальная сфера этнической культуры народа стала своеобразным индикатором религиозной идентичности. Собранные мной в разных регионах страны этнографические материалы убедительно свидетельствуют о том, что полемика по поводу ритуалов и обрядности давно вышла за рамки словесных баталий и превратилась в открытое противостояние между разными группами, придерживающимися противоположных позиций. Эта ситуация в определенной степени становится причиной напряженности в семейных общинах, влияет на родственные отношения и в целом вносит раскол в кыргызское общество. Более того, за последние два десятилетия среди сторонников трансформации народных традиций в сторону исламской нормативности произошла дифференциация; появились различные течения, иногда придерживающиеся полярных взглядов – от умеренного подхода к жизненным реалиям до радикальных требований изменения всего пласта этнической культуры народа в соответствии с исламской нормативностью. Получили определенное развитие в мусульманской общине Кыргызстана такие течения, как “Таблиги Джамаат”, салафиты, “Якин Инкар” и др.

(Мурзахалилов, Арынов 2010: 69–75; Мурзахалилов 2019: 121–130). Кроме того, в общественно-политической жизни страны до недавнего времени присутствовали течения, которые идентифицируются как приверженцы “политического ислама” (сторонники создания политической системы на основе исламских ценностей) (Эсенаманова 2003; Молдалиев 2008). Деятельность некоторых течений, согласно решениям судебных органов страны, находится под запретом. Таким образом, в религиозных воззрениях мусульманского населения Кыргызстана произошли и продолжают происходить изменения, затрагивающие глубинные пласты сознания (Стасевич 2018, 2019) — это хорошо прослеживается на отношении к народным ритуалам, в том числе и похоронно-поминальной обрядности.

Справедливости ради следует отметить, что критическому осмыслению со стороны СИН подвергается вся сфера семейной и общественной жизни населения Кыргызстана: личные поступки, действия людей, образ мыслей, какие-либо внешние проявления, стиль одежды и пр. — все, что, по мнению СИН, противоречит исламской нормативности. В особенности большой общественный резонанс вызывает критическое отношение к многим явлениям традиционной культуры кыргызского народа, а также к советскому культурному наследию светского характера.

СИН не устраивает большинство ритуалов, связанных с жизненным циклом человека, посещение “святых мест” и природных урочищ, поклонение духам предков, сооружение надмогильных памятников, семейные праздники и торжества, посвященные бракосочетанию, рождению ребенка, встреча Навруза, а также ставшие в советское время привычными встреча Нового года с установлением украшенных елок (было несколько случаев поджога елок), отмечание знаменательных дат, юбилеев, дней рождения и др. Все эти мероприятия с позиции СИН противоречат исламским ценностям, а многие являются *ширками*¹. Конечно, степень критики (или даже полное неприятие) зависит от характера религиозной идентичности субъекта. Как показывает практика, большую проблему для органов власти представляют радикальные СИН, которые решительно и публично осуждают семейные и общественные мероприятия, не соответствующие их религиозным представлениям.

Свобода перемещения как фактор формирования религиозной идентичности.

В формировании разнообразных видов религиозной идентичности мусульманского населения Кыргызстана большое значение имело провозглашение конституционного принципа свободного перемещения как внутри страны, так и за ее пределами. Если в советский период проблем с перемещением граждан по территории страны не существовало, то возможности посещения других стран были сильно ограничены. Ситуация коренным образом изменилась в период независимого развития Кыргызстана. Одним из популярных направлений поездок с целью получения и расширения знаний по исламу стали мусульманские страны, прежде всего Турция, Саудовская Аравия, Египет и Пакистан. Эти поездки, в том числе паломничество в Саудовскую Аравию, дали новый импульс формированию религиозных идентичностей в соответствии с исламскими традициями стран пребывания. Со временем люди начали понимать, что в исламе существует большое количество различных течений и они имеют страновое различие: в народе стали употребляться такие понятия, как “арабский”, “турецкий”, “пакистанский” варианты ислама, появившиеся в результате подражания тем или иным стилям поведения. Это выражалось в смене одежды, изменении уклада

семейной жизни, в общении с родственниками и друзьями, а также в характере восприятия мусульманства. Одним из популярных ныне движений в Кыргызстане стало *дааватство*, т.е. призыв к принятию ислама, приглашение в мечеть, беседа на тему ценностей ислама. Даават осуществляется в основном мусульманами, получившими необходимые знания и навыки в Пакистане и Бангладеше, позиционирующими себя членами организации “Таблиги Джамаат” (Мурзахалилов, Арынов 2010: 185–192).

Этнография идентичностей. Одним из чувствительных вопросов современной этнической культуры кыргызского народа является вышеупомянутый похоронно-поминальный ритуал, который проводится с участием большого количества людей, имеет многодневный характер, состоит из нескольких этапов, длится вплоть до снятия траура в годовщину или через несколько лет с устройством грандиозной тризны – *аш* (подробно см.: Абрамзон 1990: 334–355; Баялиева 1972: 58–94; Асанканов и др. 2016: 335–347). Цикл обряда сегодня стал одной из спорных тем, обсуждаемых и внутри семей, и в обществе в целом, он также превратился в объект государственной политики. СИН требуют проводить похоронно-поминальные обряды по исламским канонам. Это включает: погребение умершего в день смерти; запрет оплакивания, убоя скота, угощения участников похорон и многократного чтения молитвы; отмену всех этапов поминовения; запрет установки надмогильных памятников и посещения могилы женщинами после 40 дней и многое другое. Одним словом, СИН требуют выхолащивания всего того, что, по их мнению, не соответствует исламским нормам в этой сфере. Эта точка зрения сегодня преобладает среди людей молодого и отчасти среднего возраста: “Если раньше все участники похоронного процесса в обязательном порядке садились за поминальную трапезу – *кара аш*, который проводился в домах умершего и соседей после погребения умершего, то сейчас молодежь сразу же после похорон с кладбища расходится” (ПМА 2021, с. Казарман). Конечно, такое отношение вызывает недоумение у СТР, по мнению которых, все участники обряда должны принять поминальную еду. Многие информанты, придерживающиеся традиций, считают, что прием поминальной пищи является обязательным ритуалом и богоугодным делом (*соопчулук*), в беседах они вспоминают существующую поговорку: “Пока дух умершего не доволен, у живых не идут дела (не будет успехов)!”, (кырг. “Арбак ыраазы болмоюн тирүүнүн иши жүрбөйт!”). В этнографической науке ритуальную пищу принято считать “кормлением умершего”. Примерно такая трактовка характерна и для традиции кыргызов: умерший должен перейти в другой мир сытым и довольным.

Исследование показывает, что вокруг похоронно-поминального ритуала сложилась драматическая ситуация. В семье умершего, где среди родственников преобладают СИН, без учета мнения общины, как это всегда бывало, может быть принято решение о немедленном захоронении. Такое решение может вызвать недовольство односельчан. Подобные ситуации характерны прежде всего для кыргызского населения, проживающего в северных районах страны, где традиционно сохранились многие элементы доисламских порядков, в том числе в похоронно-поминальной обрядности.

Недавно в нашем селе умер мужчина пожилого возраста. Дети приняли решение хоронить умершего сразу согласно мусульманским традициям. Некоторые родственники были против. Они говорили, что тоже мусульмане,

но мы должны хоронить в соответствии с установившимися порядками у кыргызов. Что скажет народ? Дело доходило до открытого конфликта. В конце концов все-таки похоронили по требованию детей в тот же день, так как хозяином умершего (*сөөктүн ээси*) выступали родные дети. Также в день смерти не резали скот. Народ, пришедший на похороны, разошелся с кладбища сразу после погребения. Большинство были недовольны, высказывали критику: как такое может быть? (ПМА 2020, с. Теплоключенка)

Тем не менее во многих случаях после скорых похорон проводят коллективный молебен (*куран окутуу*) с организацией массовой поминальной трапезы (*кыркы* или *кырк ашы*) на 40 день, а также в годовщину, когда, как правило, режется скот (несколько голов крупного скота) и подается вареное мясо. В некоторых случаях на это идут под давлением общественного мнения — родственников и односельчан, оставшихся недовольными такими похоронами.

У кыргызов Приферганской долины умершего хоронят в день смерти или на следующий день, если человек скончался в вечернее время. Такой порядок соблюдается и другими мусульманскими народами, проживающими по соседству: узбеками, таджиками, турками и др.; у них есть и другие общие черты в организации похоронных и поминальных действий. Однако кыргызы Приферганской долины, как и их северные собратья, соблюдают основные этапы поминальных мероприятий, за исключением убоя скота и подачи ритуальной пищи в доме умершего человека, — у них это категорически запрещено.

Во время похорон мы режем несколько голов мелкого рогатого скота, обычно овец. Крупный скот не режем. Прибывших на похороны почетных гостей размещаем в домах родственников, односельчан и вечером подаем бульон (*шорпо*), плов с небольшими кусками мяса, чай. После погребения умершего и возвращения с кладбища в этих же домах подаем всем присутствующим поминальную еду, как правило, плов (*аш*²) с мясом. Потом все расходятся. Отмечаем также семь дней, сорок дней, кроме этого, в каждый четверг проводим *бейшембилик*³. Через год проводим годовщину — *аш* (ПМА 2020, г. Ош).

Есть и отличные от принятых в этой группе кыргызов порядки организации похоронно-поминальных действий, о чем также свидетельствуют полевые материалы:

В нашем селе похороны (*тажия*) проводились в соответствии с исламскими правилами. Режется мелкий скот. Сейчас *молдо*⁴ агитирует население не резать скот, не устраивать поминальное пиршество. Недавно умер одноклассник. Родители были набожными людьми. Не стали организовывать привычные для нашего села похоронные действия, считая, что о них ничего не сказано в Коране. Проводили только заупокойную молитву (*жаназы*). *Молдо* призывал передать мясо зарезанного скота нуждающимся семьям, денежные средства, собранные от родственников, друзей, — детским домам, медресе. Я тоже считаю правильным передать собранные средства на благотворительные цели. Это было бы богоугодным делом — *соопчулук* (ПМА 2019, с. Кызыл-Бел).

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция направления финансовых средств, собранных на проведение годовщины, на помощь бедным семьям, на строительство небольших спортивных объектов, ремонт школ, покупку школьного инвентаря, компьютеров; иногда на эти деньги строят дома для бедствующих сельских семей и др. На новостных сайтах, в социальных сетях встречается множество историй об этой форме социального движения. Во многих случаях инициатива проявляется молодыми людьми и не связана ни с их религиозной идентичностью, ни с их взглядами. Однако это явление следует рассматривать в широком контексте призывов к пересмотру многих сторон семейной обрядности, которые, согласно складывающемуся сегодня общественному мнению, слишком обременительны для семьи и близких родственников: требуют больших финансовых затрат, очень продолжительны, отвлекают людей от производственной деятельности и т.д. Чтобы минимизировать эти издержки, отдельные люди выступают за новые формы организации семейных торжеств. Однако, как показывают наши полевые материалы, все же толчком к этому движению послужили непрестанные призывы к сокращению элементов похоронно-поминальных обрядов, звучавшие из уст СИН во время самих похорон *жаназа*⁵, в ходе проповедей в мечетях и даавата. В них говорилось также о целесообразности направления средств на богоугодные дела (*соопчулук*), назывались конкретные социальные проекты.

Ритуал и религиозная идентичность. В настоящее время религиозную идентичность информантов можно определить по их отношению к тем или иным элементам ритуальной культуры. Так, согласно мнению большинства моих собеседников, в числе которых были и некоторые мои родственники и знакомые, наибольшее распространение, особенно среди сельской молодежи, мелких предпринимателей и торговцев, получило движение “Таблиги Джамаат”. Как показывают наши исследования, члены этого движения активно занимаются исламской просветительской деятельностью через механизм дааватства. В странах Центральной Азии (кроме Кыргызстана) и в Российской Федерации организация “Таблиги Джамаат” запрещена как экстремистская (Мурзахалилов, Арынов 2010: 189). В Кыргызстане, несмотря на требования соседних стран и попытки привлечь внимание властей к его “опасной” деятельности, движение “Таблиги Джамаат” функционирует без каких-либо ограничений. Более того, со стороны государственных органов и мусульманского духовенства прозвучали официальные заявления о том, что данное движение не представляет угрозу безопасности страны, аргументом в которых стало то, что организация не имеет целей политического характера и не призывает к радикальным действиям; было даже рекомендовано использовать движение для нейтрализации наиболее радикальных или экстремистских течений внутри мусульманской общины Кыргызстана. Насколько такая позиция оправдана в будущем, покажет время. Однако нужно отметить, что в числе групп СИН, наиболее последовательно отстаивающих свои позиции по пересмотру и сокращению народных обрядов и обычаев, а также критически относящихся к знаменательным датам, установленным государством в качестве официальных праздников, выделяется именно “Таблиги Джамаат”.

На основании проведенных мной этнографических исследований проблем религиозной идентичности через призму народных ритуалов можно констатировать: в кыргызском социуме наметилась тенденция к изменению похоронно-поминального ритуала, хорошо прослеживающаяся на примере двух его

составляющих: 1) сохранение тела умершего в доме в течение двух суток и захоронение только на третьи сутки; 2) убой крупного скота и коллективная поминальная трапеза в день смерти и в последующие определенные дни (до снятия траура в годовщину). Остальные действия, осуществляемые в рамках похоронного ритуала, также подвергаются изменениям, однако они не несут в себе такого конфликтогенного потенциала, как эти два. Кыргызы приферганских районов (южные кыргызы) издавна (задолго до обретения страной независимости) отличались большей религиозностью, чем их соотечественники в северных районах, в их ментальности исламский фактор имел доминирующее значение. Соответственно, у кыргызов Приферганской долины исламские нормы в семейной и общественной жизни играли решающую роль: усопшего хоронили в день смерти или на следующее утро (если человек умирал вечером); для организации поминальных угощений ограничивались убоем нескольких голов мелкого скота. Были и другие отличия. Хотя справедливости ради следует отметить, что представители других национальностей, живущие в соседстве с южными кыргызами, — узбеки, таджики и другие — все равно считают такие обычаи проводов в последний путь усопшего расточительными. “Наши соседние народы (таджики, узбеки) всегда говорят, что ваши (кыргызские. — А.К.) обычаи по организации похорон требуют много расходов. Режется много скота” (ПМА 2021, с. Охна). И, с одной стороны, с такими оценками согласны многие. С другой стороны, поскольку и на севере страны появились приверженцы новых порядков организации похорон, связанных с некоторыми ограничениями и запретами, многими эти новшества воспринимаются как навязывание правил, которых придерживаются южные кыргызы. На самом деле это ошибочное мнение, так как до 90-х годов прошлого века оба эти порядка существовали независимо друг от друга и воспринимались как данность. Тенденция к изменению похоронно-поминального ритуала, скорее всего, является результатом деятельности СИН в период развития независимого Кыргызстана.

Рост исламской идентичности отмечается повсеместно.

В Нарынском районе в последние 30 лет особое распространение получил ислам. Почти в каждом селе построены мечети. Спонсорами были арабские фонды, иногда местные предприниматели на свои средства строили мечети. Молодежь, в том числе школьники, стали посещать мечеть и совершать намаз. Руководители школ не запрещают им посещать мечеть, как это было раньше. В нашем селе есть мечеть, а в другом конце села — молельный дом (*намазкана*). Раньше такого не было. Я считаю, что если молодежь будет привлекаться к исламу, то она становится более благочестивой — *ыймандуу*. Среди жителей нашего села стало меньше людей, употребляющих алкоголь (ПМА 2020, с. Эчки-Башы).

Конечно, не все положительно относятся к массовому строительству мечетей, росту количества молодых людей и людей старшего поколения, их посещающих:

В нашей семье мы с братом посещаем мечеть и совершаем намаз. Во время Рамазана держим пост *орозо*. Мой отец ко всему этому безразличен, так как сам не соблюдает предписания ислама. Я его хорошо понимаю, поскольку

он получил советское воспитание и образование. Главное — он не запрещает нам придерживаться исламских канонов и просит оставить его в покое (ПМА 2020, г. Майлуу-Суу).

Встречаются также суждения резко отрицательного характера, в основном из уст людей “светской” идентичности. Тем не менее процесс реисламизации кыргызского народа в последние 30 лет — факт состоявшийся. Если до 90-х годов прошлого века кыргызы северных районов Кыргызстана, в отличие от южных, к исламу относились инертно и в быту сочетали доисламские, исламские а также светские (как результат советской атеистической политики) традиции (ценности), то с 1990-х годов ситуация начала меняться. Расширились связи с исламскими странами, устанавливались контакты с институциональными структурами (духовными управлениями, фондами, исламскими учебными заведениями), стали совершать хадж (квота на хадж выросла с 4000 — в 1990-х годах до более чем 6000 — в 2023 г.), открывались исламские учебные заведения в Кыргызстане (медресе, университеты), создавались факультеты по изучению арабского языка в светских учебных заведениях, стали строиться мечети. Если накануне распада советского государства в Кыргызстане насчитывалось всего 39 мечетей, то к 2022 г. их число выросло до 2823. Молодые люди стали чаще выезжать в мусульманские страны в целях получения системных знаний об исламе.

Исламская идентичность в настоящее время, несмотря на кажущуюся цельность, представляет собой сложное явление. Не посвященным в суть данного вопроса не так просто определить, к какому течению относится верующий. Тем более, учитывая тот факт, что в советский период в духовном развитии кыргызского народа произошел разрыв с исламом длиной в 70 с лишним лет. Процессы, которые протекали в зарубежном исламском мире, по существу, не были известны советским мусульманам. Когда страна получила независимость, появилась возможность восстановления многосторонних, в том числе религиозных, отношений с исламскими государствами. Население постсоветского государства стало заново открывать для себя ислам. В Кыргызстан хлынуло большое количество различных религиозных течений как исламских, так и неисламских. В условиях отсутствия четких представлений о религиозных ориентациях тех или иных течений было трудно остановить свой выбор на конкретной форме ислама. Тем не менее верующая часть населения стала открыто и регулярно отмечать главные его праздники — Орозо айт и Курман айт, более того, эти дни были объявлены праздничными и нерабочими. Следует отметить, что из-за наличия христианского населения в стране и Рождество Христово было объявлено праздничным и нерабочим днем.

Вместе с тем на протяжении всего постсоветского периода в обществе были люди, придерживающиеся другого мнения и выражающие недовольство ростом религиозности населения. Сторонники такого подхода открыто критиковали те или иные аспекты складывающейся в стране религиозной ситуации и требовали усиления государственной политики контроля за этой сферой. Они выступали против массового строительства мечетей, открытия религиозных учебных заведений, ношения хиджаба, отращивания бороды молодыми людьми, перехода к одежде арабского или пакистанского стиля, дааватства, усиления влияния мусульманского духовенства на сознание людей. Кроме того, они требовали ре-агировать и на прозелитическую деятельность различных течений христианства,

а также добивались запрета тоталитарных сект и других течений всевозможных псевдорелигий. В результате государство приняло ряд важных концепций, регулирующих религиозную ситуацию в стране. Если в первые годы оживления религиозной жизни в 90-х годах прошлого века население не всегда могло определить характер религиозного течения, то со временем в эти вопросы была внесена ясность.

В Нарынском районе в 2012–2017 гг. появились представители течений, которых первоначально принимали как обычных мусульман. Потом выяснилось, что некоторые представляли якинщиков (“Якин Инкар”. – А.К.), другие – Саида Нурси. Последние проводили религиозно-просветительские уроки в арендованных домах. Иногда появлялись также хизбутовцы (“Хизб ут-Тахрир”. – А.К.). Но они куда-то быстро исчезали. Сейчас обстановка более спокойная (ПМА 2020, с. Эчки-Башы).

Одним из важных индикаторов определения религиозной идентичности субъекта является его отношение к тем или иным обрядам кыргызского народа:

В последнее время в обрядах встречается много неразберихи. Каждый раз слышим о каких-то новшествах, необоснованных запретах. Недавно на нашей улице по соседству умерла женщина. По обычаю все близкие женщины, находящиеся в юрте рядом с умершей, должны были громко оплакивать, причитать. Мужчины, стоявшие снаружи юрты, тоже должны были громко оплакивать, когда подходили люди для выражения соболезнования. И эти прибывающие вновь люди тоже должны были оплакивать. Однако дети усопшей запретили всем оплакивать. Кроме того, дочери сидели спиной к покойной и не плакали, объясняя свое поведение тем, что этих порядков нет в Коране. Мы подумали, что они являются приверженцами “Таблиги...”. Я считаю, что эти порядки не имеют отношения к исламу. Это народные традиции. Запрет на оплакивание мы все посчитали чуждым для нас. Тяжело восприняли подобное новшество (ПМА 2020, г. Каракуль).

Такие ситуации в настоящее время стали часто встречаться во многих районах страны. Если близкие родственники умершего являются СИН, то шансы устроить похороны умершего по исламским нормам выше и, соответственно, выше уровень конфликтности с СТР. В остальных случаях, когда влияние СИН ничтожно, больше шансов соблюсти традиционные формы организации похоронно-поминального ритуала. И тогда обязательно умершего хоронят на третий день (речь идет о северных районах страны), проводят все циклы поминальных трапез, забивают крупный (от одной до трех-пяти голов лошадей, коров) и мелкий рогатый скот, иногда раздают одежду умершего. В таких случаях СИН ограничиваются своеобразной “просветительской” беседой на тему нецелесообразности подобных церемоний, тем самым выдавая свою религиозную идентичность. Как правило, большинство таких людей представляют “Таблиги Джамаат”, их узнают по внешнему виду: они одеваются на манер пакистано-бангладешских мусульман. Остальные крайние течения вроде “Якин Инкар” свое присутствие на похоронах органичивают участием только в процессе погребения – *топурак салуу*. Между “Таблиги Джамаат” и “Якин Инкар” существуют

напряженные отношения, они не воспринимают друг друга. На умы мусульманского населения страны большее влияние имеют первые, поскольку, как было отмечено выше, они пользуются поддержкой Духовного управления мусульман Кыргызстана и органов государственного управления, тогда как вторые (“Якин Инкар”) запрещены государством. Несмотря на это, среди населения есть люди с этим видом религиозной идентичности, их можно узнать как по одежде, так и по образу жизни:

Сегодня представители “Якин Инкар” распространяют много непонятных слов об исламе, кроме того, они отвергают новейшие технические достижения. Пусть простит меня Аллах, они призывают к возврату времен пророка Мухаммада С.А.В. Не разрешают девочкам учиться в школе. Со скабливают штукатурку, если стена побелена, снимают деревянные полы, затевают жилые помещения. Отказываются от вакцинации детей (ПМА 2020, с. Ак-Талаа).

В нашей области был резонансный случай, когда инкарщик запретил своим дочерям ходить в школу. Всех укутал в хиджаб, маленькие девочки ходили в платке. Из дома были выброшены телевизор и другие технические средства. Сам хозяин носил широкие штаны, длинную платьеобразную одежду, поверх которой надевал безрукавку, а на голове – небольшую шапочку наподобие тубетейки. Отпустил бороду (ПМА 2020, г. Чолпон-Ата).

Подобные случаи обычно имеют большой общественный резонанс, поскольку о них рассказывается по телевидению, сообщается в средствах массовой информации. (Тем более, что в Кыргызстане данное движение находится под запретом.) К тому же, согласно законодательству, в стране всеобщее обязательное среднее образование. Никто не имеет права запрещать детям ходить в школу. Органы муниципальной власти на местах внимательно следят за соблюдением законодательства в этой сфере. В СМИ широко освещается эта работа, сообщается о встрече представителей власти с такими семьями, проведении с ними разъяснительных бесед. В результате некоторые сторонники “Якин Инкар” на словах отказываются от идей этого движения. Однако не всегда удается узнать о степени инкорпорации “отказников” в полноценную жизнь социума.

О сложности и противоречивости процесса реисламизации населения Кыргызстана и тенденциях формирования религиозной идентичности свидетельствуют и научные публикации (см., напр.: Маликов, Усубалиев 2008: 36–47), и полевые этнографические материалы автора: сообщения информантов, беседы со студентами высших учебных заведений страны. По мнению ряда информантов, население стало получать больше знаний о конкретных течениях внутри ислама:

Сейчас в нашем обществе сложилась непростая религиозная ситуация. Каждый трактует Коран по-своему. В нашей семье мы придерживаемся основных норм ислама. Держим *орозо* (рамазан), даем *фитр садага* (пожертвования) от каждого члена семьи. Я думаю, что мы должны соблюдать все предписания, исходящие от нашего муфтията, чтобы исключить разнобой. Муфтият должен целенаправленно работать над разъяснением правил и норм привычного нам *ханафи мазхаба*. Поскольку все мы официально придерживаемся *ханафи мазхаба*, то мне непонятно, почему некоторая

часть молодежи придерживается других течений ислама. В нашем селе есть *салафы*. Они в мечети отдельно читают намаз, призывают не ездить на дават, запрещают читать куран во время похорон. А наш имам, наоборот, призывает читать куран и совершать благословение — *бата*. От подобных разных подходов голова идет кругом. Поэтому многие стараются придерживаться привычных порядков. На похоронах продолжаем резать много скота, умершего хороним на третий день. Один из близких родственников по отцовской линии является салафом. Мы с ним находимся в постоянном конфликте (ПМА 2021, с. Чолпон).

Мусульмане Кыргызстана, так же как и других республик Центральной Азии, исторически придерживались ханафитского мазхаба. В настоящее время (с 2014 г.) государственная политика в сфере регулирования конфессиональных отношений признает этот мазхаб в качестве официального. Конечно, были протесты со стороны отдельных конфессий и религиозных течений. Они усмотрели в данном решении нарушение принципов свободы совести и вероисповедания, а также принятых международных обязательств. Тем не менее муфтияты страны руководствуется именно этим положением и сотрудничает с государством в вопросах регулирования религиозной жизни мусульман Кыргызстана.

Таким образом, в вопросе регулирования религиозной идентичности мусульман страны с 2014 г. имеются четкие ориентиры. Тем не менее, как показывает практика, внутри мусульманской общины страны продолжают присутствовать течения, сторонники которых не всегда разделяют официальную позицию государства и Духовного управления мусульман Кыргызстана.

Подходы к ритуальной культуре: религиозность и рациональность. В отношении к ритуальной культуре кыргызского народа можно выделить два подхода: религиозный и рациональный. Религиозный подход реализуется представителями нескольких исламских течений: “народного” или “бытового” (деполитизированного) ислама, СИН, а также крайних экстремистских движений типа “Якин Инкар”, салафия (салафизм) и др. Сторонники “бытового” ислама в общем не против сложившихся форм народных обрядов, принимают пассивное участие в их обсуждении, не выходят за рамки существующих порядков, в том числе в вопросе похоронно-поминальных ритуалов. Их в целом устраивает обрядовая культура, которая сложилась накануне распада советского государства, это касается и многих привычных семейных и общественных праздников. СИН, главными представителями которых являются члены “Таблиги Джамаат”, занимают активную позицию в вопросе пересмотра современной обрядовой культуры кыргызов. Многие аспекты народного ритуала, в их представлении, требуют изменения, они считают, что необходимо отказаться от излишеств и расточительства. Именно приверженцы “Таблиги Джамаат” настаивают на том, чтобы умершего человека хоронили сразу, требуют запретить убой скота и организацию поминальных трапез, сооружение массивных надгробных памятников, призывают отказаться от отмечания установленных государством праздников, личных и семейных событий (праздников детского цикла, дней рождения), а также от жертвоприношений. Они советуют ограничиться празднованием Орозо айта и Курман айта и отмечать только *мавлуд*⁶. Крайне радикальную позицию в вопросах обрядовой культуры занимают представители “Якин Инкар” и салафиты. Однако их сторонников слишком мало, чтобы о них говорить всерьез.

Рациональный подход, в принципе, можно рассматривать вне контекста религиозной идентичности, так как он исходит из учета обстоятельств, складывающихся в обществе в отношении всего фонда обрядовой культуры народа. Однако при внимательном изучении предлагаемых сторонниками этого подхода изменений, которые в принципе рациональны, можно обнаружить некоторое влияние СИН: в первую очередь их заботит расточительный характер народных обычаев и обрядов. В условиях социально-экономического кризиса в стране, массовой безработицы, миграции молодежи в зарубежные страны в поисках работы, по мнению “рационалистов”, население (в основном кыргызы) тратит неоправданно большие финансовые и материальные средства на организацию тех или иных семейных событий и праздников, что наносит большой урон семейному бюджету. Многие семьи, чтобы провести похороны или свадьбы, берут кредиты в банках, занимают у знакомых, таким образом попадая в долговую яму.

На самом деле в республике этот вопрос уже много лет остается крайне актуальным, он обсуждается на всех уровнях. Поэтому общественное мнение в целом оказалось подготовленным к принятию конкретных решений по упорядочению семейных и общественных праздников. О напряжении людей в связи с непомерными расходами свидетельствуют и наши полевые материалы:

В последние годы проведение семейных праздников сопровождается большими расходами. На похоронах режут большое количество крупного скота, готовят угощения с салатами, фруктами, будто проводится праздник — *той*⁷. Раньше все было скромно, чувствовалась траурная атмосфера. В настоящее время такие похороны устраивают состоятельные люди. Но и бедные семьи для поддержания своего авторитета среди населения для организации похорон или свадеб берут кредиты в банках или занимают деньги у родственников (ПМА 2022, с. Биринчи Май).

Здесь уместно подчеркнуть, что у всех групп кыргызов существует обычай взаимопомощи — *кошумча* (варианты: *ынтымак*, *ража*). Раньше любое семейное мероприятие было делом патронимий, общины, рода или племени, соответственно, основные расходы несли общинники или сородичи вкладчину. В настоящее время этот древний обычай в основных чертах продолжает существовать. Размер и вид помощи зависит от степени родства и характера отношений: на похоронах или на семейных торжествах чаще всего дают деньги, близкие родственники могут выделить скот или оказать другую материальную помощь. Это позволяет частично покрыть расходы, тем не менее основное бремя затрат несет семья. Последние 30 лет стало модно проводить семейные торжества, а также массовые поминальные трапезы в специальных заведениях — ресторанах, кафе. Это практикуется как в городах, так и в селах (Жапаров 2019: 334–340).

Наши информанты при оценке современных семейных ритуалов придерживаются разных позиций, которые можно условно объединить в три группы и обозначить следующим образом: 1) все надо оставить так, как есть, сама жизнь со временем все отрегулирует и упорядочит (приверженцы СТР); 2) государство должно регламентировать порядок проведения семейных торжеств, запретить излишества и расточительность, ввести санкции для нарушителей (“государственники”); 3) надо проводить все семейные мероприятия в соответствии с исламскими нормами (приверженцы СИН). Конечно, существует также мно-

жество других мнений в отношении каждого элемента ритуала. Тем не менее выделенные три позиции составляют основу общественного дискурса.

В последние два-три года позиция “государственников” перевешивает, что видно из принятых решений о регламентировании правил проведения семейных мероприятий (Указ Президента 2022). В настоящее время по всей республике разрабатываются и принимаются (с учетом мнения местных сообществ) нормативные акты муниципальных органов о проведении семейных праздников. Эта кампания в какой-то степени напоминает советскую практику навязывания “новых” традиций. Однако, в отличие от прежних времен, слышны голоса недовольных этими инициативами, в том числе в СМИ. В основном это люди старшего поколения, но есть и молодые люди, стремящиеся сохранить традиции.

Почему нам запрещают резать скот. Я режу свой скот. Мы всю жизнь ходили на похороны к другим, были гостями, нас угошали. Почему теперь мои дети в случае моей смерти не могут резать скот и оказывать моему духу *арбаку*⁸ почести (ПМА 2022, с. Ак-Олон).

Конечно, сейчас излишеств стало много. Но все идет от верхушки, богатых людей. Они подают плохой пример. Надо принимать меры, чтобы они перестали устраивать большие праздники и резать много скота. В нашем селе старейшины, посоветовавшись с сельчанами, решили на похоронах ограничиться убоим только одной единицы крупного скота. Однако на деле не все соблюдают это решение (ПМА 2022, с. Кара-Кульджа).

Существует также мнение, что зарегламентированность народных обычаев может разбогачить кыргызский народ:

Наши обычаи сплачивают народ. Что плохого в том, что при проведении семейных мероприятий, праздников режется скот, угощают гостей. Женщины готовят яства, молодежь и дети варят еду, кипятят воду в самоваре, принимают и рассаживают гостей, знакомятся с обычаями и обрядами народа. Если все это отменить или сократить, то как мы можем воспитать у наших детей любовь и уважение к собственным традициям. Во всем этом я вижу влияние религиозных людей, которым не нравятся народные обычаи. Да, много расточительности допускаем. Но раньше наши торжества не отличались большими расходами. Все это появилось уже в наши дни. Кыргызцы говорят обычно: “Аш көп болсо, каада көп болот” (“Чем больше богатства [пищи], тем больше обрядов”. — А.К.) (ПМА 2022, с. Заря).

Как положительный момент общественного дискурса можно оценить то, что люди открыто высказывают свои мнения по тем или иным аспектам ритуальной жизни. Анализ СМИ показывает, что чаще всего звучат следующие призывы: соблюдать разумные меры и не допускать больших расходов; направлять средства на собственное развитие, на образование детей, на отдых, поездки, покупку квартир, на оказание помощи нуждающимся семьям и др.

Тенденция рационального подхода как будто набирает обороты. Муфтият страны в целях поддержки усилий властей 9 марта 2022 г. принял фатву “О предотвращении расточительства при погребении”. Вот основные положения этого документа:

1. В доме, где проводятся похороны, первые три дня запрещается резать скот, накрывать на стол и раздавать еду. 2. Проведение повторных поминок на третий, седьмой дни после похорон, сороковин (сорока дней) не прописано в Коране. 3. Также в шариате нет практики раздавать на похоронах отрезки материала, костюмы и т.д. 4. В шариате запрещается ставить над могилой какие-то объекты (*кумбоз*) и т.д. Лучше эти деньги направить на благотворительность для вдов, сирот, и от этого будет больше пользы. 5. Исполнение данной фатвы является для мусульман шариатским долгом (Фатва 09.03.2022).

Конечно, многие аспекты кыргызских семейных торжеств, по отношению людей к которым можно определить их религиозную идентичность, тесно связаны с широко известной в мировой этнографии системой дарообмена (кырг. *катыш* или *алыш-бериш*). Люди чувствуют долг друг перед другом — материальный, финансовый, моральный. И каждый старается внести свой вклад в то или иное семейное торжество родственников, друзей, коллег по работе. Кыргызский народ, несмотря на процессы трансформации и модификации на разных этапах своей истории, в том числе в советский и постсоветский (либеральный) периоды, сохранил эту систему. Отказаться от нее, как это предлагают СИН,— задача нелегкая. На этом этапе возможно внесение каких-то изменений, что и происходит в настоящее время.

* * *

В постсоветские 30 с лишним лет происходила постоянная модернизация всех сторон жизни кыргызского народа, в том числе и религиозной. За это время произошел переход от атеизма к разнообразным формам религиозной идентичности. Определенная часть населения, безусловно, сохранила светские взгляды. Результаты социологического исследования показали, что большинство респондентов отдает предпочтение светской модели государства (*Элебаева и др.* 2016: 76). Однако и эти люди выполняют некоторые исламские ритуалы, легитимирующие их положение в мусульманском обществе, о чем свидетельствуют наши полевые материалы. В религиозном плане кыргызское общество фрагментировано. Несмотря на то что подавляющая часть верующих является мусульманами-суннитами, придерживающимися ханафитского мазхаба, существуют течения, представляющие альтернативные взгляды. Различие религиозных подходов наглядно проявляется в вопросе отношения к ритуальной культуре кыргызского народа. Дискурс вокруг семейного и отчасти общественного похоронно-поминального ритуала показывает всю сложность противостояния различных идентичностей. Регламентирование некоторых сторон ритуала отражает тенденцию сближения государственного и религиозного (исламского) подходов, что может в будущем привести к противоречиям между группами с различными идентичностями.

Примечания

¹ *Ширки* — запретные в исламе действия, ритуалы.

² *Аш* в общекрыргызской лексике означает тризну, но у южных кыргызов употребляется также в значении “плов”.

³ Четверг у мусульман считается благополучным днем для почитания умерших и других благих дел.

⁴ *Молдо* — мулла, представитель мусульманского духовенства.

⁵ *Жаназа* — заупокойная молитва, в ней до чтения молитвы (суры из корана) проводится своеобразная религиозная агитационная работа.

⁶ *Мавлуд* — праздник по случаю дня рождения пророка Мухаммеда.

⁷ *Той* — название традиционных семейных праздников.

⁸ *Арбак* — дух умершего.

Источники и материалы

Указ Президента 2022 — Указ Президента Кыргызской Республики “О мерах по упорядочению семейных торжеств и поминальных обрядов в Кыргызской Республике” от 24 февраля 2022 года.

ПМА 2020 — Полевые материалы автора. 2020 г.: г. Чолпон-Ата Иссык-Кульской обл., информант Д.Т.; с. Эчки-Башы Нарынского р-на Нарынской обл., информант А.Н.; с. Ак-Талаа Акталинского р-на Нарынской обл., информант А.А.; г. Майлуу-Суу Джалал-Абадской обл., информант Р.Ж.Г; г. Каракул Джалал-Абадской обл., информант А.М.; г. Ош, информант А. уулу Ж.; с. Кызыл-Бел Баткенского р-на Баткенской обл., информант А. кызы З.

ПМА 2021 — Полевые материалы автора. 2021 г.: с. Чолпон Кочкорского р-на Нарынской обл., информант Н.А.; с. Казарман Тогуз-Тороузского р-на Джалал-Абадской обл., информант К.Р.А.; с. Теплоключенка Ак-Суйского р-на Иссык-Кульской обл., информант Т. уулу Н.; с. Охна Кадамжайского р-на Баткенской обл., информант Ж.Т.З.

ПМА 2022 — Полевые материалы автора. 2022 г.: с. Заря Московского р-на Чуйской обл., информант С.Р.; с. Биринчи Май Сокулукского р-на Чуйской обл., информант У.Р.; с. Ак-Олон Тонского р-на Иссык-Кульской обл., информант Дж.Ж.; с. Кара-Кульджа Кара-Кульджинского р-на Ошской обл., информант Т.Ж.

Фатва 09.03.2022 — Фатва “О предотвращении расточительства при погребении”. 09.03.2022. <https://kabar.kg/news/muftiiat-kyrgyzstana-izdal-fatvu-o-zaprete-rastochitel-stva-na-pokhoronakh>

Научная литература

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.

Айтпаева Г.А. Феномен мазаров в Кыргызстане (постановка проблемы и гипотеза) // AUCA Academic Review. 2004. № 2. С. 128—139.

Айтпаева Г.А., Алдакеева Г., Эгембердиева А. Рядовые ислама, или феномен молдолор в современном Кыргызстане // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 21—36.

Асанканов А.А., Брусина О.И., Жапаров А.З. (отв. ред.) Киргизы. М.: Наука, 2016.

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992.

Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972.

Дюшенбиев С. Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. 2011. № 3. С. 107—126.

Жапаров А.З. О юбилейной церемонии у киргизов // Актуальные вопросы истории кыргызского народа: прошлое, настоящее и будущее / Отв. ред. К. Бе-

- лек, Н. Абдимиталип уулу. Бишкек: Кыргызско-Турецкий ун-т Манас, 2019. С. 334–340.
- Кочкунов А.С. Элементы исламской религии в традиционной культуре кыргызов (к вопросу изучения религиозных аспектов государственной культурной политики) // Вестник АГУПКСР. 2018. № 24. С. 316–321.
- Курбанова Н.У. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана. Бишкек: Алтын тамга, 2010.
- Маликов К.К., Усубалиев Э.Е. Мусульманская община Кыргызстана и политический процесс в стране. Бишкек: КРСУ, 2008.
- Маничкин Н.А. Шаманизм и духовно-магические практики кыргызов. М.: Смарт Ивент, 2020.
- Молдалиев О.А. Ислам и политика: политизация ислама или исламизация политики? Бишкек: Maxima, 2008.
- Мурзакметов А.К. Кыргыз ырым жырымдары. Ош: ОшГУ, 2005.
- Мурзахалилов К., Арынов М. “Таблиги Джаамат” в Кыргызстане: особенности деятельности и возможные последствия для развития религиозной ситуации в республике: анализ и прогнозы // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 3 (13). С. 185–192.
- Мурзахалилов К. “Йакын Инкар” в Кыргызстане: вероятность радикализации // Религиоведение. 2019. № 1. С. 121–130.
- Стасевич И.В. Современный Кыргызстан: повторная исламизация или возрождение национальной культуры // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 76–88.
- Стасевич И.В. Обряды жизненного цикла в современной киргизской культуре: следование традициям и зарождение новых практик // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 38–50.
- Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С., Чотаев З.Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике. Социологическое исследование. Бишкек: Триада Принт, 2016.
- Эсенаманова Н. Ислам в Центральной Азии: история и современность. Бишкек: МУК, 2003.
- Kochkunov A.S. Religious Practices in the Modern Ceremonial Lives of the Kyrgyz People // Anthology of the Middle East. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 43–54.

Research Article

Kochkunov, A.S. Religious Identity in the Context of Present-Day Ritual Culture of the Kyrgyz People [Religioznaiia identichnost' v kontekste ritual'noi kul'tury kyrgyzskogo naroda na sovremennoe etape]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 140–160. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040089> EDN: AYEPRZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Aidarbek Kochkunov | <https://orcid.org/0000-0002-8856-3080> | aidar.k@mail.ru | Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44 Kievskaya Str., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic)

Keywords

Kyrgyz, ritual, identity, tradition, Islam, funeral and memorial rites, religious situation, conflict potential

Abstract

The article examines the ethnographic aspects of the religious identity of the Kyrgyz people, expressed through attitudes to the rituals of the family cycle, mainly funeral and memorial rites. The article describes the features of the development of religious culture, regional differences in the manifestation of religious identity, the place of ritual in the discourse between traditionalism and Islamic normativity, and issues of regulating rituals. The uniqueness of the history of the religious life of the Kyrgyz people is noted, which lies in repeated modernization during the 20th century: the transition from total atheization to the revival of religious consciousness. The diversity and inconsistency of religious identities, the nature of the clash of positions between different trends on the values of the folk ritual of the family cycle are studied. It defines that today the rituals of the folk have become the central issue of the discourse between traditionalists, Islamic normativists, “statists” and representatives of secular approaches. The author comes to the conclusion that the regulation of some aspects of rituals, in particular funeral and memorial rituals, shows a tendency towards convergence of state and religious (Islamic) approaches, which in the future may lead to contradictions between different identities.

References

- Abramzon, S.M. 1990. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [Kirghiz and Their Ethnogenetic and Historical-Cultural Ties]. Frunze: Kyrgyzstan.
- Aitpaeva, G.A. 2004. Fenomen mazarov v Kyrgyzstane (postanovka problemy i gipotezy) [The Phenomenon of Mazars in Kyrgyzstan (Problem Statement and Hypothesis)]. *AUCA Academic Review* 2: 128–139.
- Aitpaeva, G.A., G. Aldakeeva, and A. Egemberdieva. 2010. Riadovye islama, ili fenomen moldolora v sovremennom Kyrgyzstane [Ordinary Islam, or the Phenomenon of Moldolor in Modern Kyrgyzstan]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 21–36.
- Asankanov, A.A., O.I. Brusina, and A.Z. Zhaparov, eds. 2016. *Kyrgyzy* [Kirghiz]. Moscow: Nauka.
- Baialieva, T.J. 1972. *Doislamskie verovaniia i ikh perezhitki u kirgizov* [Pre-Islamic Beliefs and Their Survivals among the Kyrgyz]. Frunze: Ilim.
- Basilov, V.N. 1992. *Shamanstvo v regionakh Srednei Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: Nauka.
- Diushenbiev, S. 2011. Islam v sovremennom Kyrgyzstane: sostoianie i problemy [Islam in Modern Kyrgyzstan: State and Problems]. *Religiovedenie* 3: 107–126.
- Elebaeva, A.B., N.S. Esenamanova, and Z.D. Chotaev. 2016. *Vliianie religioznogo faktora na sotsial'no-politicheskuiu situatsiiu v Kyrgyzskoi Respublike. Sotsiologicheskoe issledovanie* [The Influence of the Religious Factor on the Socio-Political Situation in the Kyrgyz Republic: Sociological Research]. Bishkek: Triada Print.
- Esenamanova, N. 2003. *Islam v Tsentral'noi Azii: istoriia i sovremennost'* [Islam in Central Asia: History and Modernity]. Bishkek: MUK.
- Kochkunov, A.S. 2018. Elementy islamskoi religii v traditsionnoi kul'ture kyrgyzov (k voprosu izucheniia religioznykh aspektov gosudarstvennoi kulturnoi politiki) [Elements of Islamic Religion in the Traditional Culture of the Kyrgyz (On the Issue of Studying Religious Aspects of State Cultural Policy)]. *Vestnik ASUPKR24*: 316–321.
- Kochkunov, A.S. 2018. Religious Practices in the Modern Ceremonial Lives of the Kyrgyz People. *Anthrology of the Middle East* 13 (1): 43–54.
- Kurbanova, N.U. 2010. *Religiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kyrgyzstana* [Religion in the Socio-Political Life of Kyrgyzstan]. Bishkek: Altyn Tamga.
- Malikov, K.K., and E.E. Usubaliev. 2008. *Musul'manskaia obshchina Kyrgyzstana i politicheskii protsess v strane* [The Muslim Community of Kyrgyzstan and the

- Political Process in the Country]. Bishkek: KRSU.
- Manichkin, N.A. 2020. *Shamanizm i dukhovno-magicheskie praktiki kyrgyzov* [Shamanism and Spiritual and Magical Practices of the Kyrgyz People]. Moscow: Smart Event.
- Moldaliev, O.A. 2008. *Islam i politika: politizatsiia islama ili politika islamizatsii?* [Islam and Politics: Politicization of Islam or Islamization of Politics?]. Bishkek: Maxima.
- Murzakmetov, A.K. 2005. *Kyrgyz yrym zhyrymdary* [Kyrgyz Hymns]. Osh: Oshskii gosudarstvennyi universitet.
- Murzakhalilov, K. 2019. “Yakyn Inkar” v Kyrgyzstane: veroiatnost’ radikalizatsii [“Yakyn Inkar” in Kyrgyzstan: The Likelihood of Radicalization]. *Religiovedenie* 1: 121–130.
- Murzakhalilov, K., and M. Arynov. 2010. “Tabligi Dzhaamat” v Kyrgyzstane: osobennosti deyatel’nosti i vozmozhnye posledstviia dlia razvitiia religioznoi situatsii v respublike: analiz i prognozy [“Tablighi Jaamat” in Kyrgyzstan: Features of Activity and Possible Consequences for the Development of the Religious Situation in the Republic: Analysis and Forecasts]. *Tsentral’naia Aziia i Kavkaz* 3 (13): 185–192.
- Stasevich, I.V. 2018. Sovremennyi Kyrgyzstan: povtornaia islamizatsiia ili vozrozhdenie natsional’noi kul’tury [Modern Kyrgyzstan: Repeated Islamization or Revival of National Culture]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 76–88.
- Stasevich, I.V. 2019. Obriady zhiznennogo tsikla v sovremennoi kirgizskoi kul’ture: sledovanie traditsiiam i zarozhdenie novykh praktik [Rituals of the Life Cycle in Modern Kyrgyz Culture: Following Traditions and the Emergence of New Practices]. *Kunstkamera* 2 (4): 38–50.
- Zhaparov, A.Z. 2019. O yubileinoi tseremonii u kirgizov [About the Anniversary Ceremony at the Kirghiz]. In *Aktual’nye voprosy istorii kyrgyzskogo naroda: proshloe, nastoiashchee i budushchee* [Current Issues of the History of the Kyrgyz People: Past, Present and Future], edited by K. Belek and N. Abdimalip uulu, 334–340. Bishkek: Kyrgyzsko-Turetskii universitet Manas.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗОЛУШКИ: СПЕЦИФИКА БРАЧНЫХ СТРАТЕГИЙ ЖЕНЩИН С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Е.Э. Носенко-Штейн, И.С. Савин

Елена Эдуардовна Носенко-Штейн | <http://orcid.org/0000-0001-9952-8582> | elednos21@gmail.com | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка 12, Москва, 107031, Россия)

Игорь Сергеевич Савин | <http://orcid.org/0000-0001-6812-7014> | savigsa@inbox.ru | к.и.н., старший научный сотрудник | Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка 12, Москва, 107031, Россия)

Ключевые слова

инвалидность, стигматизация, гендер, брак, Россия, Казахстан, Израиль

Аннотация

В статье исследуются жизненные стратегии женщин с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), стремящихся найти супруга/жизненного партнера и создать семью. Авторы рассматривают примеры современных России и Казахстана как постсоветских стран, имеющих общий культурный бэкграунд. Дополнительно привлечен материал Израиля, считающегося одной из стран, благоприятных для людей с инвалидностью, где проживает немало людей с ОВЗ — выходцев из бывшего СССР. Опираясь на самостоятельно собранные полевые материалы, авторы выделяют различные модели поведения женщин с ОВЗ в России, Израиле и Казахстане, а также выявляют специфику каждого примера. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на различия в социокультурном окружении, этнических и религиозных традициях, во всех рассматриваемых случаях на идентичность и стратегии поведения женщин с ОВЗ оказывает глубокое влияние двойная стигматизация (инвалидности и гендерная), что ведет их к ощущению своей повышенной уязвимости по сравнению с условно здоровыми людьми.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23—18—00214]

Статья поступила 27.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 04.04.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Носенко-Штейн Е.Э., Савин И.С. Современные Золушки: специфика брачных стратегий женщин с ограниченными возможностями здоровья // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 161—182. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040091> EDN: AXXP CG

Nosenko-Stein, E.E., and I.S. Savin. 2024. Sovremennye Zolushki: spetsifika brachnykh strategii zhenshchin s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Modern Cinderellas: The Specifics of Marriage Strategies for Women with Disabilities]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 161—182. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040091> EDN: AXXP CG

В данном исследовании авторы поставили своей целью изучить современные брачные стратегии женщин с физической и сенсорной инвалидностью в различных социокультурных средах. В статье представлены кейсы России, Казахстана и Израиля. Выбор объясняется тем, что Россия и Казахстан входят в зону постсоветского культурного пространства, которое характеризуется специфическим восприятием инвалидности и особым отношением к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), к их месту в обществе и, в частности, в брачно-семейной сфере. Авторы также обратились к кейсу Израиля — к опыту эмигранток с ОВЗ из бывшего СССР, поскольку в некоторой степени они также являются частью русскоязычного транснационального сообщества с его культурными установками и стереотипами относительно людей с ОВЗ, особенно относительно женщин с инвалидностью.

Мы не пытались провести сравнительный анализ этих кейсов, поскольку, несмотря на наличие многих общих культурных установок и традиций, они существенно различаются между собой (российские женщины с инвалидностью проживают как в городах, так и селах, казахстанские — преимущественно в сельской местности, а бывшие советские женщины с инвалидностью в Израиле являются по преимуществу горожанками и пережили опыт эмиграции). Вместе с тем наши многолетние наблюдения позволяют утверждать, что во всех приведенных случаях формируются сходные брачные стратегии, которые требуют отдельного изучения в дальнейших исследованиях.

Нужно отметить, что мы анализировали брачные стратегии женщин с физическими и сенсорными нарушениями. Женщины с ментальными и психическими расстройствами в данном исследовании не рассматривались: они наиболее стигматизированы не только в массовом сознании, но и среди людей с ОВЗ, и потому их сексуально-брачные предпочтения должны стать предметом особого исследования.

В целом в мире, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), насчитывается около 1,5 млрд людей с теми или иными серьезными нарушениями здоровья и около 750 млн людей с ОВЗ (ВОЗ 2011). Данные эти весьма приблизительны, поскольку в ряде стран Глобального Юга статистический учет поставлен плохо, а продолжающиеся в разных частях света вооруженные конфликты способствуют росту числа людей с инвалидностью. Однако и приведенных данных вполне достаточно, чтобы понять: люди с ОВЗ составляют огромный пласт общества. Они имеют не только проблемы, связанные с ограничениями по здоровью, но и индивидуальные возможности, потребности, жизненные стили, которые до сих пор в ряде случаев остаются слабо изученными. Это в значительной мере относится к семейной жизни людей с ОВЗ, к их предпочтениям в выборе партнера и к соответствующим стратегиям и автостереотипам.

Модели и подходы. Прежде чем говорить о жизненных стратегиях женщин с ОВЗ, связанных с созданием семьи, следует коротко остановиться на концептуализации инвалидности как сложного многосоставного явления.

Хотя иногда начало обращения к проблемам инвалидности связывают с именами Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина (а позднее — и П. Бурдьё), которые рассматривали вопросы социальной дифференциации, стратификации и т.п., все же инвалидность как самостоятельное явление привлекла к себе внимание исследователей после Второй мировой войны, когда целый ряд обществ столкнулся с проблемами множества людей разного возраста и пола, серьезно по-

страдавших в результате боевых действий, эпидемий, голода, жестокого обращения и др. Именно тогда начали формироваться *Disability Studies* (исследования инвалидности) как междисциплинарная область знания. Особенно активно эти исследования стали развиваться после того, как в ряде стран Глобального Севера в конце 1960-х годов развернулись многочисленные движения различных меньшинств, среди которых были и люди с ОВЗ, за свои права. С тех пор во многих университетах мира имеются кафедры или центры по изучению инвалидности (см. более подробно: Barton 1989; Clapton, Fitzgerald 1997; Linton 1998; Gerber 2000; Jonhstone 2005; Campbell 2009; Goodley 2011; Mallet, Runswick-Cole 2014; Ендальцева 2018).

Постепенно в изучении инвалидности сформировалось несколько основных подходов, или моделей. Позволим себе коротко остановиться на главных из них.

Наиболее ранней моделью была медицинская (биомедицинская, или медиалистская). Согласно ей, инвалидность — это медицинская проблема (результат наследственности, заболевания, травмы и пр.). Поэтому данную проблему следует решать средствами медицины (лечением и реабилитацией). В рамках названной модели инвалидность — это в первую очередь личная трагедия, психосоматическая травма, негативный и даже девиантный опыт. Поэтому инвалид может вызывать жалость и сочувствие, но от него мало что зависит: он объект *заботы* (в рамках этой модели серьезно расширился концепт социальной заботы), а также разного рода благотворительности. В то же время человек с инвалидностью *a priori* противопоставляется условно здоровому как “худший” (Oliver 1996; Radley 2002; Fisher, Goodley 2007). Данная модель является патерналистской, и она до сих пор распространена в России и многих постсоветских странах, порождая в числе прочего пассивность самих людей с ОВЗ, отстраненных и отстранившихся от решения собственных проблем.

Социальная модель оформилась несколько позднее. Ее сторонники рассматривают инвалидность как социальный конструкт, созданный условно здоровыми людьми с целью социального контроля (в том числе над людьми с ОВЗ), контроля над ресурсами и поведением и пр. Соответственно, люди с инвалидностью воспринимаются последователями этой модели как одна из наиболее дискриминируемых и бесправных групп общества, которое навязывает им многочисленные ограничения (Oliver 1996; Hughes, Paterson 1997; Tregaskis 2002). Особое значение в рамках рассматриваемой модели обрело понятие стигматизации инвалидности (Goffman 1963). В настоящее время эта модель является наиболее распространенной и, пожалуй, одной из самых политизированных в исследованиях инвалидности: в ее русле публикуются многочисленные работы, посвященные социальной политике, инклюзивному образованию, безбарьерной среде и пр. Однако в последние годы она подвергается критике за невнимание к физиологическому аспекту инвалидности, боли, физическому и психологическому дискомфорту (Goodley 2001; Siebers 2008; Mallet, Runswick-Cole 2014). Кроме того, сторонники социальной модели нередко не учитывают историко-культурный контекст, в котором существует и конструируется инвалидность.

Некоторые исследователи выделяют и другие модели инвалидности, в том числе позитивную, или аффирмативную, чьи сторонники фокусируются на ценности культурного опыта людей с ОВЗ. В отличие от медицинской, аффирмативная модель сдвигает фокус с понимания инвалидности как личной трагедии

на уникальность опыта человека с ОВЗ. В рамках этой модели публикуются многочисленные исследования, посвященные творческим, научным, спортивным успехам людей с инвалидностью. Данную модель критикуют за излишнюю коммерциализацию: в ее русле проводятся выставки, конкурсы, благотворительные мероприятия; однако повседневным проблемам людей с ОВЗ уделяется мало внимания (*Jonhstone 2005; Ендальцева 2018*).

Существуют и другие модели (подробнее о них см., напр.: *Jonhstone 2005; Smart 2009; Watson, Simo 2020; Cureton, Wasserman 2020*), в том числе правовая, или юридическая, исходящая из концепции равенства прав всех людей и сосредоточивающаяся на защите прав инвалидов и разработке соответствующего законодательства.

Авторы настоящей статьи исходят из понимания инвалидности как сложного феномена с биомедицинскими корнями, конструируемого в конкретном историко-культурном контексте, который включает этнические и религиозные традиции, социальные роли и т.п. Именно вследствие многогранности феномена инвалидности в выбранных нами кейсах наблюдается как определенное сходство, так и своеобразие, которые мы собираемся проанализировать.

Источники и методы. Основными источниками для статьи послужили биографические интервью, проведенные в России (Москва и Московская обл., Архангельск и Томск) в 2015–2021 гг. Мы также использовали материалы экспертных интервью с руководителями организаций для инвалидов и результаты включенного наблюдения в указанных городах. Их анализ позволяет составить представление о брачных предпочтениях женщин, проживающих как в мегаполисах, так и в средних и небольших городах.

Источниками для кейсов Казахстана и Израиля стали тексты глубинных интервью, проведенных в этих странах. В Казахстане в 2020–2022 гг. были взяты интервью у женщин с ОВЗ в разных городах (Алматы, Шымкент, Актобе) и в сельской местности (Актюбинская, Жамбылская, Туркестанская области). Помимо этого, были использованы тексты экспертных интервью с лидерами организаций для инвалидов, а также данные, полученные в ходе включенного наблюдения в с. Сайрам и г. Шымкенте. Основываясь на анализе указанных источников, мы сделали попытку изучить брачные стратегии горожанок и сельских жительниц Казахстана с инвалидностью.

В Израиле глубинные интервью с русскоязычными женщинами с нарушениями зрения были проведены в 2014 г. в г. Хайфе и Хайфском округе. Это позволило рассмотреть брачные стратегии мигранток с ОВЗ, переселившихся как в крупный город, так и в небольшие города Хайфского округа (Нешэр, Ор-Акива). В качестве дополнительных источников использовались некоторые автобиографии и статистические материалы.

Таким образом, мы применяли в основном качественные методы, включая разговорный анализ текстов биографических интервью.

Сказочный принц в России: кто он?

Во многих постсоциалистических странах, включая Россию, женщине с ОВЗ особенно сложно реализоваться в разных сферах жизни, в том числе в семейной (*Ярская-Смирнова 2002; Zavirsek 2006; Тарханова 2018*). Об этом не раз говорили и писали активисты различных организаций и движений для людей с ОВЗ, в част-

ности, об этом упоминал в автобиографических “Записках слепого” А. Графов (ослепший в студенческом возрасте и впоследствии долго работавший на предприятиях Всесоюзного/Всероссийского общества слепых):

Незрячие девушки и женщины часто оказываются в более трудном положении, чем незрячие мужчины. Не знаю, почему, но иногда этим женщинам гораздо труднее найти работу... И им гораздо сложнее выйти замуж. А незрячие мужчины иногда женятся на здоровых женщинах, нечасто, но бывает (Графов 2009).

Обозначенная проблема является результатом двойной стигматизации, которую испытывают женщины с ОВЗ: по гендерному признаку и по признаку социальному (Garland-Thompson 2002; Kim 2011), поскольку люди с ОВЗ во многих странах обладают крайне низким статусом (точнее, статусами: экономическим, социальным, культурным, нередко семейным).

Подобную стигматизацию и автостигматизацию чаще испытывают женщины — инвалиды детства (т.е. те, у кого заболевание или нарушение функций организма были врожденными либо приобретенными до 18 лет). Они чаще попадают в замкнутую социокультурную среду, которую мы условно называем “инвалидным гетто” (подробнее см.: Носенко-Штейн 2021). Женщины, получившие инвалидный статус после 18 лет, как правило, имеют иной жизненный опыт, в том числе в создании семьи.

Для многих женщин с ОВЗ, особенно для инвалидов детства, приоритетным является брак или партнерство с условно здоровым мужчиной (см.: Носенко-Штейн 2018). Анализ источников позволяет прийти к выводу о том, что это обусловлено несколькими причинами: 1) стремлением улучшить свое материальное благосостояние, так как мужчины с ОВЗ часто не работают, либо их зарплаты невелики; 2) желанием обрести помощь в хозяйстве и быту, а также психологическую поддержку, на которую, по мнению этих женщин, супруги с ОВЗ не всегда способны; 3) стремлением родить здорового ребенка, что проблематично, если у партнера имеется серьезное, особенно генетически обусловленное заболевание; 4) желанием дать ребенку “нормальное” воспитание и образование, что намного сложнее сделать с отцом, у которого серьезная инвалидность, в силу вышеперечисленных факторов.

И, пожалуй, самое важное — стремление повысить свой статус в глазах окружающих, а также возвыситься в собственных глазах и таким образом поднять самооценку и частично избежать стигмы инвалидности. Условно здоровый мужчина в этом случае выполняет функцию “сказочного принца”, причем его возраст, внешние данные и иногда экономический статус отходят на задний план. Перед нами своеобразный вариант синдрома Золушки, о котором еще в 1981 г. говорила американский психолог К. Доулинг (Dowling 1981) как о женском страхе перед независимостью и неосознанном стремлении быть защищенной (чтобы о ней заботился кто-то другой). В дальнейшем об этом синдроме, или комплексе, немало писали, указывая, что женщина с инвалидностью, подобно Золушке, имеет очень низкий социальный статус, который не столько определяется тем, чего Золушка (в нашем случае женщина с ОВЗ) действительно лишена, сколько становится результатом проекции на нее предубеждений, стереотипов и даже страхов со стороны окружающих (Носенко-Штейн 2018).

Для того чтобы заполучить такого принца и создать семью, женщины с ОВЗ в нашей стране выбирают различные стратегии. Анализ текстов интервью позволил нам выделить основные из них (подробнее о некоторых см.: *Носенко-Штейн* 2022):

1. Стратегия “беспомощной жертвы”. Выбравшая ее женщина полагает, что она несправедливо наказана жизнью/судьбой/обществом и т.п.

Например, Алена Д., 53 г., инвалид 2-й группы (диабет 1 типа), не работала всю жизнь, не замужем, ее партнер – инвалид 3-й группы, имеет временную работу. Она рассказывала:

В молодости я ох и красивая была. Многие мужики ко мне клеились. Мне дарили дорогие подарки, я и не работала. Но потом здоровье сильно ухудшилось, и я поняла, что никому не нужна... Мои знакомые познакомили меня с Валерием, он тоже инвалид... Иногда он работает, зарабатывает немного. У нас у обоих пенсии. Конечно, деньги нужны, но инвалиды много не зарабатывают... Вообще я не понимаю, за что меня судьба так наказывает (ПМА 2017: Щелково).

Подобная стратегия наиболее характерна для женщин, выросших в семьях, где была гиперопека со стороны близких родственников. В итоге такие женщины считают себя слабыми, нуждающимися в постоянной помощи, иногда непривлекательными внешне и сексуально (о стигме инвалидной сексуальности см.: *Прокопенко* 2001; *Ярская-Смирнова* 2002; *Mladenov* 2014). Такая стратегия нередко присуща женщинам, живущим в “инвалидном гетто”: они предпочитают общаться с себе подобными, иногда посещая сайты знакомств для инвалидов. В результате они либо не вступают в брак, либо вступают в брак с мужчинами с инвалидностью.

2. Стратегия “инвалидной активистки-общественницы”. Эту стратегию тоже нередко выбирают женщины – инвалиды детства. Они становятся активистами или волонтерами различных объединений и движений для людей с ОВЗ.

Так, Ирина Н., 58 лет, инвалид 2-й группы (ДЦП), сначала росла в семье, а потом жила в интернате. На момент интервью была второй раз замужем, имеет сына от первого брака. Ирина – историк, преподаватель Северного (Арктического) федерального университета, член правления местного отделения Всероссийского общества инвалидов:

Аспирантуру я закончила, но защититься не пришлось, потому что я вышла замуж, и у меня родился сын. Я думаю, лучше я буду без степени, но счастливая мама, а работать я буду, и мою историю у меня никто не отберет. И я до сих пор работаю...

Что касается личной жизни, она тоже очень бурная, насыщенная, как в сказке, хотя, честно говоря, мы эту сказку сами делаем. <...> Первый муж у меня был воспитанник того же интерната откуда я вышла, он был не очень здоровый, у него был перенесенный тяжелый полиомиелит... и он от этого умер 12 лет назад. <...> Когда Витя умер, я думала, что всё, можно на себе крест поставить, теперь буду ждать, когда Андрюха (ее сын. – *Авт.*) женится и даст мне возможность с внуками познакомиться. Хотя я понимала, что и с внуками-то познакомиться мне тоже проблема – у меня шея болит, мне

на руки не поднимать... только когда ребенок встанет на ноги, тогда я что-то могу, чем-то его занять... Да и, если честно, не хотелось, я в состоянии бабушки себя не представляю до сих пор. А тут поехала в Москву в командировку и встретила своего второго мужа – иностранца. Как-то так все быстро получилось, и вот мы пять лет вместе. Мы довольны. Он молодой, он меня на 20 лет моложе. Темнокожий, красивый. <...>

Хорошо меня приняли и все в его семье, и родственники его, и друзья, никаких барьеров вообще нет (ПМА 2017: Архангельск).

Рис. 1. Интервью с Ириной Н. в САФУ. Архангельск, 2017. Фото Е.Э. Носенко-Штейн.

В результате женщины, выбравшие стратегию “инвалидной активистки-общественницы”, как и представительницы первой группы, чаще контактируют с людьми с инвалидностью и, как следствие, вступают в брак или находят жизненного партнера с ОВЗ. Но их активная жизненная позиция и широкий круг контактов (в т.ч. во время различных встреч на разном уровне, поездок, командировок) нередко приводят к тому, что они создают семью с условно здоровыми мужчинами.

3. Стратегия “одинокого воина”. Она встречается относительно редко и характерна как для инвалидов детства, так и для женщин с поздней инвалидностью. Такие женщины стремятся решить свои проблемы самостоятельно, прибегая к помощи окружающих (не настаивая на ней) в случае крайней необходимости. Инвалидный статус для них часто неприемлем или крайне нежелателен из-за его непривлекательности и стигматизации, поэтому они стремятся дистанцироваться от людей с ОВЗ и их сообществ.

Юлия Мельник¹, 32 г., инвалид 2-й группы (ДЦП), педагог, на момент интервью работала в Московском государственном психолого-педагогическом университете; не замужем, живет с матерью. Юлия говорила:

Что касается здорового или человека с инвалидностью, я для себя такого четко, чтобы “человек должен быть здоров” или “должен быть человек с инвалидностью”, установок таких в голове не держу. Как получится. Важнее, что он будет за человек и какой он будет, насколько интересен будет, что он будет из себя как личность представлять. Вот это важно, и это значимо. А здоровый он будет или будет человек с инвалидностью, это тот же стереотип, что люди с инвалидностью не могут учиться, не могут работать, тот же самый стереотип, что партнер должен быть только здоровым, иначе будут проблемы и в материальном плане, заработка существенно ниже. Может быть, и так, а может быть, и совсем иначе. Будет человек с инвалидностью, если я его полюблю,— значит, человек с инвалидностью, здоровый — значит, здоровый (ПМА 2021: Москва).

Алла Т., 53 г., незрячая, инвалид 1-й группы, юрист, замужем, есть взрослый сын, вспоминала:

Я пять раз была замужем, правда, дважды за одним и тем же, но все равно, надеюсь, что больше не выйду <смеется>. Два раза была замужем за зрячим, один мой муж плохо видел, у одного был рак, он потом умер. Но я не искала мужа по здоровью. Я сама *почти* со всем справляюсь, хорошо зарабатываю... Я увлекалась раньше — это да, но, надеюсь, что это прошло. Я поняла, что надо искать друга, а не здорового самца (ПМА 2015).

Женщины-“воины” предпочитают вовсе не выходить замуж, нежели создавать семью с низкостатусным мужчиной, хотя на словах они нередко декларируют свое безразличие к статусу партнера. Если к моменту наступления инвалидности семья у них была, они пытаются либо сохранить ее, либо найти условно здорового мужа/жизненного партнера.

На практике перечисленные стратегии не всегда встречаются в чистом виде, некоторые женщины могут менять их в течение жизни или даже совмещать в зависимости от ситуации. Анализ источников позволяет прийти к выводу, что мечта о “сказочном принце”, то есть о здоровом муже/партнере, чаще всего сбывается у женщин, выбирающих смешанную стратегию “одинокого воина” и “активистки-общественницы”, поскольку в этом случае желание избежать романтических отношений с мужчинами, принадлежащими к сообществам с крайне низким статусом, не столь ярко выражено, как у “одиноких воинов”. Одновременно контакты со значительным числом людей делают возможность обрести “женское счастье” со здоровым партнером более реальной.

Ирина Дорохова, 45 лет, инвалид 1-й группы (травма позвоночника, полученная в 31 г.), экономист, основатель школы для инвалидов “Особая мода”, замужем вторично, имеет дочь от первого брака, утверждала:

...когда меня выписали из больницы, а я жила в реабилитационном центре, мне некуда было пойти, у меня не было квартиры, у родителей на тот

момент была тоже экономически очень непростая история. Я жила два месяца у подруги. И потом каким-то волшебным способом мне помогли купить коммуналку, в которой не было ни раковины, ни унитаза. Восемь квадратных метров. И когда мне кто-то рассказывает, как ему тяжело, я знаю, что такое тяжело. Да, сейчас я живу в хорошей трехкомнатной квартире... Я со вторым мужем познакомилась, он здоров, у нас все хорошо (ПМА 2021: Томск).

Как мы уже отметили, наиболее распространенной в России является стратегия “беспомощной жертвы” (хотя качественные исследования не позволяют выявить, какова доля ее предпочтителей), что обусловлено рядом факторов. Основной из них — двойная стигматизация со стороны доминантного большинства, которая выполняет функцию социального (в т.ч. гендерного) контроля над конкретной группой. Стигматизация не только порождает различные негативные стереотипы и клише в отношении женщин с ОВЗ (ярлыки беспомощности, ненужности, обузы и пр.), но и способствует формированию подобных автостереотипов у самих женщин. Такое отношение вполне объяснимо в рамках до сих пор широко распространенной в России медицинской модели инвалидности, поскольку в ее русле люди с ОВЗ рассматриваются как худшие по сравнению с условно здоровыми и не могут рассчитывать на успешный брак и семейные отношения. Ситуация усугубляется тем, что статус незамужней женщины в нашей стране довольно низок, что вдобавок к статусу женщины с инвалидностью делает обретение “сказочного принца” для многих проблематичным.

Семейная карьера у женщин с ОВЗ в Израиле

В Израиле, который считается одной из стран, дружественных по отношению к людям с ОВЗ, и где проблемы гендерного равенства решаются в целом успешнее, чем во многих постсоветских странах, ситуация несколько иная. Она имеет некоторую специфику, если говорить об отдельных проблемах семейных стратегий женщин с сенсорной инвалидностью, иммигрировавших из бывшего СССР в Израиль за последние три десятилетия. Помимо трудностей, с которыми сталкивается большинство иммигрантов в принимающем обществе, и проблем русскоязычных женщин в Израиле (о некоторых из них см., напр.: *Носенко-Штейн* 2019), у рассматриваемых нами женщин есть дополнительная сложность — инвалидность. Проблема состоит в стигматизации инвалидности, которая оказывает значительное влияние на интеграцию иммигранток в принимающем обществе, в том числе на возможность создания семьи.

В этой статье мы решили опубликовать результаты предварительных исследований жизненных стратегий русскоязычных женщин с инвалидностью в Израиле с целью рассмотреть, как меняются брачные предпочтения женщин из бывшего СССР (России и Украины), попавших в иную социокультурную реальность.

Первая встреча у одного из авторов этой статьи произошла со Светланой, 36 лет, родившейся в г. Клинцы (Брянская обл.). Прежде у нее было нормальное зрение, она работала медсестрой и состояла в браке. В возрасте 26 лет в результате диабетической ретинопатии (заболевания сетчатки, вызванного сахарным диабетом) женщина полностью ослепла. Светлана рассказывала, что домашние

целый год не разрешали ей выходить на улицу, опасаясь за нее и, возможно, стыдясь показываться вместе с инвалидом. Заявив: “Я хочу жить, а не существовать”, молодая женщина уехала в Израиль (муж и родители отказались эмигрировать). Там Светлана получила высшее образование музыковеда и вышла замуж за русскоязычного мужчину из Литвы, который на родине получил высшее образование, но в Израиле был вынужден работать строителем. У пары родилось двое детей. Светлана рассказывала:

Когда мы познакомились, я училась в университете. За мной тогда ухаживал парень-израильтянин. Но мы с ним все же очень разные, это чувствовалось, и я понимала, что для семьи это плохо... А с ним (мужем. — *Авт.*) у нас много общего, оба думаем одинаково (ПМА 2014: Нешэр).

Вторая история — это история Татьяны, 51 г. Она родилась в Ростове-на-Дону, инвалид детства по зрению (2-я группа), окончила в своем родном городе университет, была замужем и имеет дочь. В 2000 г. Татьяна с родителями и дочерью приехала в Израиль, где получила второе высшее образование, стала социальным работником и вторично вышла замуж за условно здорового мужчину из России, работающего водителем. Женщина делилась своей ситуацией:

У него тоже высшее образование. Но тут с работой очень сложно, особенно после 40 лет. Мне просто повезло, я попала в программу, мне разрешили получить бакалавриат, тем более что я у себя тоже социальным работником работала... А у него не сложилось. Но он к моей дочке хорошо отнесся, и я подумала — а почему нет? (ПМА 2014: Хайфа)

Третье интервью было взято у Риты Бекман, довольно известной художницы, приехавшей в Израиль из Киева в 1999 г. Рита имела высшее техническое образование, работала инженером, состояла в браке, но развелась (в интервью она подчеркивала, что проблемы со зрением сыграли в этом решающую роль). После переезда она смогла самореализоваться благодаря занятиям живописью (которыми серьезно увлеклась еще до эмиграции). Художница неоднократно выставляла свои работы, некоторые из них удалось продать (см. ее картины на сайте: Художник Бекман). В Израиле Рита вышла замуж за русскоязычного условно здорового мужчину — ортодоксального еврея, который не работает и живет на пособие. Поэтому ее заработки являются серьезным подспорьем в семье. Рита рассказывала:

Когда я приехала, мне, как и дома, после развода ничего не хотелось... Знакомые познакомили меня с Марком (будущим мужем. — *Авт.*). Он соблюдающий, Вы видите (Рита имеет в виду, что он соблюдает предписания иудаизма. — *Авт.*). Это непросто, но куда денешься. Зато мы друг друга поддерживаем, язык общий, много общего (ПМА 2014: Ор-Акива).

Как мы видим, все три информантки относительно интегрированы в израильское общество: у них есть временная или постоянная работа, они замужем за условно здоровыми мужчинами. “Выйти замуж за здорового” для них больше не является элементом престижа, т.е. то, о чем женщины с ОВЗ мечтают в стране

исхода, в определенной мере сбылось. Отчасти это можно объяснить тем, что мужчин брачного возраста в Израиле несколько больше, чем женщин (*Prashizky, Remennick* 2014). Однако все информантки состоят в браке с русскоязычными мужчинами, чей экономический статус довольно низок; он понизился по сравнению с тем, который был у них в стране исхода (*Носенко-Штейн* 2019).

Русскоязычные “золушки” в Израиле в роли “сказочного принца” видят не просто условно здорового мужчину, но условно здорового местного уроженца. Согласно некоторым исследованиям, мужчины из постсоветских стран менее “востребованы” на израильском брачном рынке, нежели коренные израильтяне (*Prashizky, Remennick* 2014). Однако иммигрантки с ОВЗ из стран бывшего СССР, как показывают результаты предварительного исследования, предпочитают русскоязычных партнеров (пусть даже они более низкого экономического и социального статуса), имеющих сходные культурные установки. Причиной подобного выбора являются не столько трудности адаптации в принимающем обществе, сколько стигматизация инвалидности, существовавшая в странах исхода и оказавшая влияние на идентичность этих женщин (*Носенко-Штейн* 2018). Подобная стигматизация инвалидности существует и в Израиле. В результате женщины с ОВЗ продолжают ощущать себя второсортными на новом месте.

“Золушки” в Казахстане

В Казахстане доминирует иная по сравнению с Россией конфигурация брачно-семейных отношений. Она сложилась под влиянием идеологии и психологии больших семей, где сохраняется тесное общение между людьми разных поколений и смежных (двоюродных, троюродных и т.д.) родственных линий. В таких условиях человек на протяжении всей жизни регулярно общается и поддерживает связи с сотнями родственников, находясь под плотным социальным контролем, что уберегает его от излишне самостоятельного (иногда рискованного) поведения и в то же время гарантирует помощь и содействие.

На женщин с ОВЗ традиция больших семей воздействует еще сильнее, поскольку, как показывают наши предыдущие исследования (*Савин* 2021: 87), они оказываются в центре внимания и заботы со стороны большого числа родственников. С одной стороны, это обеспечивает их более высоким уровнем поддержки, с другой — предписывает им модели поведения, удобные с точки зрения семьи в целом, но не всегда совпадающие с интересами самой женщины.

Отмеченные условно патриархальные модели распространены неравномерно по всей территории республики (*Савин* 2022: 76–78). Во-первых, в городах (городское население Казахстана несколько лет назад превысило сельское) сложилось почти такое же сочетание факторов, которые определяют стратегии поисков брачного партнера женщинами с ОВЗ, как в России. Это привело к возникновению нескольких типов социальных контекстов, которые определяют модели восприятия и самовосприятия женщин с ОВЗ и формируют различные сценарии брачного поведения.

Во-вторых, некоторые горожане сочетают сельские и городские модели семейных взаимоотношений, поскольку часть родственников, с которыми они регулярно общаются, остается жить в сельской местности, продолжая следовать традиционному укладу.

В-третьих, в сельской местности среди значительной части населения наиболее распространена модель большой семьи. Конечно, ситуация неоднородна. Некоторые сельчане в силу профессии или других условий придерживаются городского стиля жизни, что не может не сказаться и на их отношении к людям с ОВЗ, особенно к женщинам. Другие принадлежат к более закрытым этническим сообществам (узбеки, таджики, турки, курды) или включены в процессы традиционализации и возрождения национального образа жизни (что больше характерно для казахов) и потому используют в повседневной жизни модели поведения, характерные скорее для старших членов семьи и предполагающие больший социальный контроль над индивидом.

В целом нужно отметить, что в Казахстане влияние семейных ценностей гораздо более заметно, чем в России, и это не могло не повлиять на самоощущение женщин с ОВЗ, с которыми нам довелось встретиться за три года полевой работы в стране. В частности, практически никто из наших собеседниц не отметил в качестве важных для себя путей самореализации карьеру или творческую деятельность. Для них обретение “нормальности” и преодоления стигмы инвалидности, неполноценности было возможно только через утверждение себя в рамках семьи, хотя в их личных историях семья присутствовала далеко не всегда, поскольку не все они были замужем на момент интервью.

Поэтому нам было интересно посмотреть, насколько к казахстанскому обществу применимы модели брачного поведения женщин с ОВЗ, выявленные нами в России.

1. Среди женщин с ОВЗ, выросших и живущих в городах и поселках городского типа (которые особенно распространены на севере Казахстана) встречается тип “беспомощной жертвы”. Правда, нам не удалось зафиксировать у наших собеседниц саморефлексии по поводу собственной женской судьбы в виде мотивов искупления вины или наказания за какие-либо деяния, совершенные ими самими или их родственниками.

Три наших собеседницы, живущие в разных городах Казахстана, подходящие под тип “беспомощной жертвы”, если и винят кого-то или что-то в собственной ситуации, то лишь врачей и их ошибки. Все они имеют диагноз ДЦП и в двух случаях передвигаются на колясках. При этом две женщины в возрасте до 30 лет периодически находятся в отношениях с мужчинами, которые в прошлом прерывались из-за непрямого, но явного вмешательства родителей. Например, Айгуль, 26 лет, 2-я группа инвалидности (ДЦП), говорила: “Его мама сказала, что я не смогу обеспечить ему (у ее знакомого такой же диагноз — ДЦП и 2-я группа инвалидности. — *Авт.*) уровень повседневного комфорта, к которому он привык благодаря ей (маме. — *Авт.*)” (ПМА 2020: Актобе). Роза, 19 лет, 1-я группа инвалидности (ДЦП) рассказывала: “И его, и мои родители исподволь внушали нам: ну посмотрите на себя, как вы будете вместе жить, без посторонней помощи не можете на коляске на улицу выйти” (ПМА 2021: Актюбинская обл.). В итоге молодые люди общаются, но пока только как друзья, и надеются на изменение позиции родителей.

Виктория, 1-я группа инвалидности (ДЦП), сетовала на свою неудавшуюся личную жизнь, однако не обвиняла в этом судьбу или родителей. Всю негативную энергию, порожденную одиночеством и неустроенностью, она направила на борьбу с органами социального обеспечения, с которыми находится в постоянном конфликте (ПМА 2022: Шымкент). Общие знакомые намекнули, что ее

одинокость, по крайней мере отчасти, обусловлено особенностями характера Виктории: взрывного и неуступчивого.

2. “Активистки-общественницы” в Казахстане представлены в руководстве различных организаций для людей с ОВЗ, одна из них даже была депутатом парламента страны. Но из-за занятости и постоянной включенности этих женщин в решение различных проблем общественного характера провести личные интервью с ними не получилось. Они рассказывали о проблемах и путях их решения в целом, но почти не говорили о своей собственной жизни. Эта стратегия в Казахстане, очевидно, требует дальнейшего изучения.

3. Стратегия “одинокого воина” в казахстанском кейсе представлена на примере двух женщин, которые явно имеют твердый, целеустремленный характер, однако направили свои усилия не на профессиональную карьеру, а на поиски “второй половины”. Несмотря на то, что обе женщины периодически работали, они почти не упоминали об этой стороне своей жизни в интервью. На момент встречи обе информантки были замужем за мужчинами с инвалидностью (у обоих мужчин 2-я группа инвалидности, ДЦП) и имели детей. Одна из них, Евгения (27 лет, 2-я группа инвалидности, ДЦП), растила детей от предыдущего брака с условно здоровым мужчиной. Вторая – Ольга (1-я группа инвалидности, ампутация обеих кистей рук в результате детской травмы), воспитывалась в специализированном интернате, ее история была рассказана в нашей предыдущей статье (Савин 2021: 86). Она потрясает своим стремлением к обретению статуса “нормальной женщины”, т.е. имеющей мужа и детей. Информантка с детства слышала в свой адрес обидные слова “сочувствия” “безручке”, у которой никогда не будет семьи. И мысль о необходимости стать “нормальной” через обретение “нормальной” семьи стало ее жизненным кредо: “Вот посмотришь, бабушка, еще увидишь. Я все равно своего добыю, будет у меня и муж, и ребенок” (Там же).

Ольга познакомилась со своим будущим мужем в церкви на традиционном воскресном обеде для людей с ОВЗ, у них есть дочь десяти лет. Это состояние “нормальности” повлияло и на физическое самоощущение Ольги: “Теперь, когда есть муж и ребенок, у меня мозги в другую сторону, теперь мне все (негативное отношение со стороны. – *Авт.*) безразлично. Я живу как здоровый человек. Я уже не комплекую, я даже сейчас протезы не ношу. Даже не заказываю, они мне мешают” (ПМА 2020: Шымкент).

Жизненные устремления Евгении в каком-то смысле противоположны тем, которыми руководствовалась Ольга. Если Ольга хотела преодолеть свою инвалидность (т.е. стигму инвалидности) и уйти из мира протезов, специализированных учреждений и т.д. в мир “нормальной” семьи, то Евгения искала своего мужчину, исходя из критериев не “нормальности”, но душевной близости и взаимопонимания. Она не находила этого ни в семье, ни в школе, ни в колледже, где была “особенной” и оказывалась объектом насмешек и социального исключения. У Евгении были отношения с условно здоровым партнером, которые распались сразу после рождения их здорового сына. Мальчик сейчас живет с ее родителями, и с ним она не может регулярно видеться. Евгения неохотно говорит об этом, но, судя по всему, родители не поддерживают ее желания создать новую семью.

Имея диплом медсестры, Евгения пыталась реализоваться не в работе, а в отношениях с человеком, который ее поймет. С Андреем (25 лет, 2-я группа инвалидности, ДЦП) она познакомилась в “Одноклассниках” в общем чате,

а не в специальной группе для людей с ОВЗ. Через пять дней общения они встретились в торговом центре и стали регулярно проводить время вместе, быстро поняв, что наиболее комфортно им в специализированном клубе для встреч людей с ОВЗ “Салем”. Сейчас она живет у Андрея, нашла полное взаимопонимание с его матерью и считает, что наконец обрела семью. Она осторожно говорила о поисках работы, но отказалась обсуждать тему общих с Андреем детей. Однако было видно, что Евгения вполне счастлива в последние три года, с тех пор как стала жить со своим избранником (ПМА 2022: Шымкент).

Анализ источников показывает, что в Казахстане в целом прослеживаются стратегии, характерные для брачного поведения женщин с ОВЗ в России. Главное отличие состоит в том, что ни одна из наших информанток (кроме “активисток-общественниц”) не упоминала о значимости для себя профессиональной или творческой самореализации. При этом все женщины имели оконченное или неоконченное среднее образование (в т.ч. специальное) и пытались найти дополнительную работу. Однако детали своей жизни, связанные с работой, в разговоре они не упоминают без наводящих вопросов — все внимание сосредоточено на семье.

Ситуация в Казахстане, способствующая формированию специфической социальной среды для женщин с ОВЗ, отличается от ситуации в Российской Федерации. Остановимся на этом подробнее.

Во-первых, в Казахстане одновременно сосуществуют городская и сельская модели поведения (в т.ч. брачного). Об истории Бахыт, 30 лет, уже рассказывалось в нашей предыдущей публикации (Савин 2021: 86). В контексте данной статьи важно отметить, что когда Бахыт встретила своего будущего мужа (40 лет, 1-я группа инвалидности, ампутация ноги в результате подростковой травмы), ее семья была против нового семейного статуса женщины. Квартира в городе, где жила Бахыт, была куплена усилиями всей ее семьи, и Ерлана (будущего мужа) подозревали в корыстных планах на недвижимое имущество. До встречи с ним Бахыт почти не выходила из дому, стесняясь своего состояния (полная обездвиженность ног в результате детской травмы), хотя была очень активна внутри семьи и сельского окружения, в котором раньше жила. Она закончила исламский институт и пользовалась большим авторитетом среди женской половины сельчан, преподавая им основы ислама и арабского языка.

При этом Бахыт не рассматривала возможность построить свою личную жизнь отдельно от семьи, смирившись с тем, что ей помогают многочисленные племянники. Она была классической “беспомощной жертвой” с поправкой на казахстанский контекст в виде мощной поддержки/контроля со стороны большой семьи. Этот контроль информантке пришлось преодолевать в течение нескольких лет, убеждая родных, что ей лучше иметь свою отдельную семью (ПМА 2020: Шымкент).

Во-вторых, в сельской местности Казахстана в относительно закрытых этнических сообществах у женщин с ОВЗ горизонт возможностей на брачном рынке значительно уже, чем у условно здоровых женщин из сельской махалли или у горожанок с ОВЗ. Родители, понимая это, гораздо более активно вмешиваются в личную жизнь дочерей, пытаясь устроить их судьбу. Сложившуюся тенденцию хорошо видно на примере Лейлы (16 лет, 2-я группа инвалидности, детская травма бедра), которая живет с братьями и сестрами в довольно комфортных условиях, созданных ее родителями внутри двора (см. Рис. 2), который в узбекской махалле традиционно отделен от внешнего мира сплошными стенами (см. Рис. 3).

Рис. 2. Двор в махалле в Шымкенте, 2022 г. Фото И.С. Савина.

Лейла учится в обычной школе (последний год находится на домашнем обучении), изучает по совету родителей арабский и английский языки и выглядит вполне цветущей девушкой, через пару лет готовой к семейной жизни. Легкая грустинка в глазах информантки была порождена, видимо, страданиями, постоянными поездками в столицу на дорогостоящие процедуры и пониманием некоторого отличия своей судьбы от судеб сверстниц. Отец в ней души не чает, не жалеет денег на визиты к врачам, которые гарантируют ей вполне нормальную жизнь при условии регулярных медицинских процедур. Он же вел весь разговор, лишь иногда обращаясь к Лейле, которая подтверждала все слова отца с благодарной грустной улыбкой. Глава семьи намекнул, что уже нашел достойную кандидатуру в мужа Лейле, но принуждать ее не будет, хотя по виду девушки понятно, что принуждать ее и не придется: дочь понимает свои возможности и целиком полагается на отца (ПМА 2022: Шымкент).

Таким образом, встреча со “сказочным принцем” для женщин с ОВЗ в Казахстане может произойти при весьма отличающихся от российских реалий обстоятельствах, которые зависят и от места проживания, и от общего окружающего социального контекста, и от этнической принадлежности женщины.

Рис. 3. Улица в махалле в Шымкенте, отделенная стенами от внутреннего двора, 2022 г. Фото И.С. Савина.

* * *

Подводя итоги, стоит отметить, что женщины с физической и сенсорной инвалидностью в ряде постсоветских стран и — шире — в постсоветском культурном пространстве обнаруживают сходные черты в брачных предпочтениях, а также в стратегиях создания семьи. В то же время, как мы показали, каждый рассматриваемый случай имеет свою специфику.

Так, в России для женщин с ОВЗ особенно важно иметь здорового мужа или жизненного партнера, и для обретения этого “сказочного принца” (культурная маска традиционного “хорошего мужа”) российские женщины выбирают активные жизненные стратегии. В противном случае они остаются “беспомощными жертвами”, зависимыми от окружающих, имеющими низкую самооценку, и часто не обретают семью.

В Израиле, где русскоязычные женщины с ОВЗ сталкиваются с иными вызовами, для обретения семьи и преодоления самостигматизации, которая широко распространена в России (и некоторых других постсоветских странах), в качестве “сказочного принца” они выбирают условно здоровых русскоязычных мужчин, которые, впрочем, обладают более низким статусом на израильском брачном рынке. Их объединяет общность языка и культуры.

В Казахстане сегодня сосуществуют несколько моделей организации социальной среды в целом и, соответственно, брачных стратегий женщин с ОВЗ. В крупных городах для урбанизированного населения эти стратегии почти ничем не отличаются от тех, которым следуют “золушки” на постсоветском пространстве, с поправкой на значимую роль семейной и соседской взаимопомощи, сохранившейся от догородского периода жизни части горожан. В сельской местности и среди тех горожан, которые следуют правилам традиционных семейных отношений, женщины с ОВЗ испытывают влияние этики и норм больших семей, что гарантирует большую поддержку со стороны родственников. Подобная поддержка со стороны “своих” оборачивается повышенным контролем над личными устремлениями женщин с ОВЗ.

Во всех рассматриваемых случаях женщины с ОВЗ в большей или меньшей степени испытывают двойную стигматизацию: как принадлежащие к низкостатусной социальной группе (люди с ОВЗ) и как представительницы гендерной группы (женщины в некоторых постсоветских странах имеют более низкий социальный статус). В России и особенно в Казахстане, помимо естественного желания обрести семью, добавляется еще и фактор низкого статуса незамужней женщины, который характерен для стран, в той или иной мере сохраняющих черты традиционного общества. С одной стороны, судьбы женщин с ОВЗ воспроизводят стратегии условно здоровых женщин с учетом повышенной уязвимости на рынке невест (отсюда, как подчеркивали эксперты, распространенность стратегии “беспомощной жертвы”, особенно в Казахстане). С другой — эта уязвимость по-разному проявляется в различных культурных средах. Поэтому синдром Золушки (который, впрочем, распространен во многих странах) имеет место во всех рассмотренных жизненных историях.

Примечания

¹ Здесь и далее фамилии информанток указаны по их настоятельной просьбе.

Источники и материалы

ВОЗ 2011 — Всемирная организация здравоохранения. http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2011/disabilities_20110609/ru (дата обращения: 06.03.2023).

Графов 2009 — *Графов А.П.* Записки слепого // Библиотека av3715.ru. <http://www.av3715.ru/library/book.php?id=135631> (дата обращения: 17.06.2023).

ПМА 2014 — Полевые материалы авторов. Интервью: г. Хайфа (Израиль); г. Нешэр (Хайфский округ, Израиль); г. Ор-Акива (Хайфский округ, Израиль).

ПМА 2015 — Интервью: г. Москва.

ПМА 2017 — Интервью: г. Щелково Московской обл., г. Архангельск.

ПМА 2020 — Интервью: г. Актобе (Казахстан), май; г. Шымкент (Казахстан), май.

ПМА 2021 — Интервью: г. Москва (записано по “Скайпу”); г. Томск; город в Актюбинской обл. (Казахстан), август.

ПМА 2022 — Интервью: г. Шымкент Туркестанской обл. (Казахстан), май.

Художник Бекман — Художник Бекман Рита Аркадьевна // Artnow.ru. <https://artnow.ru/hudozhnik-Bekman-Rita-3308.html> (дата обращения: 22.07.2023).

Научная литература

- Ендальцева А.С. Disability Studies и поиски чистой модели: про швы, невозможность и пространство: между Глобальным Югом и Глобальным Севером // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018. С. 43–74.
- Носенко-Штейн Е.Э. “Хочу замуж за здорового”: брачные предпочтения женщин с ограниченными возможностями здоровья в современной России // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 36–46. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010049>
- Носенко-Штейн Е.Э. Семья и брак в устных историях русскоязычных иммигрантов с нарушениями зрения (Израиль, начало XXI века) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII международной научной конференции: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. М.; Калининград: ИЭА РАН; Калининградский федеральный ун-т им. Канта, 2019. С. 501–504.
- Носенко-Штейн Е.Э. Выйти за пределы “гетто”: стигма инвалидности и попытки ее преодоления // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 36–49. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/36-49>
- Носенко-Штейн Е.Э. Женское счастье для людей с ограниченными возможностями в современной России (жизненные стратегии женщин в создании семьи) // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 378–381.
- Прокопенко Ю. Секс и инвалидность. Предрассудки в отношении сексуальной жизни инвалидов и неинвалидов // Сексолог. 2001. <http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm> (дата обращения: 17.06.2023).
- Савин И.С. Самопрезентация людей с инвалидностью в Казахстане: общее и особенное // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 80–90. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/80-90>
- Савин И.С. Инвалидность как социокультурный феномен в Казахстане: поселенческий и религиозный аспекты // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2022. № 2 (66). С. 74–81. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_2_74
- Тарханова Е.С. Особенности социально-трудовой адаптации женщин-инвалидов на региональном рынке труда // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2018. С. 776–781.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Стигма инвалидной сексуальности // В поисках сексуальности / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 223–246.
- Barton L. Disability and Dependency. L.: Routledge, 1989.
- Campbell Th. (ed.) Disability Studies Emerging Perspectives. Leeds: Disability Press, 2009.
- Clapton J., Fitzgerald J. The History of Disability: A History of “Otherness” // New Renaissance Magazine. 1997. No. 7 (1). P. 1–8.
- Cureton A., Wasserman D. T. (eds.) The Oxford Handbook of Philosophy and Disability.

- Oxford: Oxford University Press, 2020.
- Dowling C.* The Cinderella Complex: Women's Hidden Fear of Independence. N.Y.: Simon & Schuster, 1981.
- Fisher P., Goodley D.* The Linear Medical Model of Disability: Mothers of Disabled Babies Resist with Counter-Narratives // *Sociology of Health & Illness*. 2007. No. 29 (1). P. 66–81.
- Garland-Thomson R.* Integrating Disability, Transforming Feminist Theory // *Feminist Disability Studies*. 2002. No. 14 (3). P. 1–32.
- Goffman E.* Stigma and Social Identity // *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Cliff: Prentice-Hall, 1963. P. 1–11.
- Goodley D.* "Learning Difficulties", the Social Model of Disability and Impairment: Challenging Epistemologies // *Disability & Society*. 2001. No. 16 (2). P. 207–231.
- Goodley D.* Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction. L.: Sage, 2011.
- Gerber D.F.* (ed.) Disabled Veterans in History. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000.
- Hughes G., Paterson K.* The Social Model of Disability and the Disappearing Body: Towards a Sociology of Impairment // *Disability & Society*. 1997. No. 12 (3). P. 325–340.
- Jonhstone D.* An Introduction to Disability Studies. Oxford: David Fulton Publishers, 2005.
- Kim Q.H.* (ed.) Feminist Disability Studies. Bloomington: Indiana University Press, 2011.
- Linton S.* Claiming Disability: Knowledge and Identity. N.Y.: New York University Press, 1998.
- Mallett R., Runswick-Cole K.* Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives. L.: Routledge, 2014.
- Mladenov T.* Breaking the Silence: Disability and Sexuality in Contemporary Bulgaria // *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life* / Eds. M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. L.: Routledge, 2014. P. 141–164.
- Oliver M.* Understanding Disability: From Theory to Practice. L.: Macmillan, 1996.
- Prashizky A., Remennick L.* Gender and Cultural Citizenship Among Non-Jewish Immigrants from the Former Soviet Union in Israel // *Citizenship Studies*. 2014. No. 18 (3–4). P. 365–383. <https://doi.org/10.1080/13621025.2014.905276>
- Radley A.* Portrayals of Suffering: On Looking Away, Looking At, and the Comprehension of Illness Experience // *Body and Society*. 2002. No. 8 (3). P. 1–23. <https://doi.org/10.1177/1357034X02008003001>
- Siebers T.* Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.
- Smart J.F.* Disability, Society, and the Individual. Austin: Pro Ed, 2008.
- Tregaskis C.* Social Model Theory: The Story So Far // *Disability & Society*. 2002. No. 17 (4). P. 457–470.
- Watson N., Simo E.* (eds.) Routledge Handbook of Disability Studies. L.: Routledge, 2020.
- Zavirsek D.* Disabled Women's Everyday Citizenship Rights in East Europe: Examples from Slovenia // *Women and Citizenship in Central and Eastern Europe* / Ed.J. Lukic. L.: Routledge, 2006. P. 185–204.

Research Article

Nosenko-Stein, E.E., and I.S. Savin. Modern Cinderellas: The Specifics of Marriage Strategies for Women with Disabilities [Sovremennye Zolushki: spetsifika brachnykh strategii zhenshchin s ogranicennymi vozmozhnostiami zdorov'ia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 161–182. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040091> EDN: AXXPCG ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena Nosenko-Stein | <http://orcid.org/0000-0001-9952-8582> | elednos21@gmail.com | Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russia)

Igor Savin | <http://orcid.org/0000-0001-6812-7014> | savigsa@inbox.ru | Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russia)

Keywords

disability, stigmatization, gender, marriage, Russia, Kazakhstan, Israel

Abstract

The article examines life strategies of disabled women who wish to find a spouse/life partner and build a family. We take the cases of contemporary Russia and Kazakhstan as countries that in many aspects share a common post-Soviet social and cultural background. Israel, which is considered one of the countries favorable for disabled people, is additionally taken as a case for comparison, for in fact there live many impaired ex-Soviets including women with disabilities. Drawing on own field research, we attempt to outline the principal models of marital behavior of such women in the countries under examination, pinpointing their specificities in each case. We argue that despite different social and cultural surroundings as well as varying ethnic and religious traditions, the factor of double stigmatization – both of disability and of gender stigmatization – makes a profound impact on self-identifications of these women who feel more vulnerable if compared with so-called “normal” women.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 23–18–00214]

References

- Barton, L., ed. 1989. *Disability and Dependency*. London: The Falmer Press.
- Campbell, Th., ed. 2009. *Disability Studies Emerging Perspectives*. Leeds: Disability Press.
- Clapton, J., and J. Fitzgerald. 1997. The History of Disability: A History of “Otherness”. *New Renaissance Magazine* 7 (1): 1–8.
- Cureton, A., and D.T. Wasserman, eds. 2020. *The Oxford Handbook of Philosophy and Disability*. Oxford: Oxford University Press.
- Dowling, C. 1981. *The Cinderella Complex: Women's Hidden Fear of Independence*. New York: Simon & Schuster.
- Endaltseva, A.C. 2018. Disability Studies i poiski chistoi modeli: pro shvy, nevozmozhnost' i prostranstvo: mezhdru Global'nyim Yugom i Global'nyim Severom [Disability Studies: In Search of “Pure” Model (About Stitches, Dis-Ability and Spaces)]. In *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti (teoriia, reprezentatsiia, praktiki)* [Back Side of the Moon, or What We do not Know about Disability (Theory, Representation, Practices)], edited by A. Kurlenkova and E. Nosenko-Stein, 43–74. Moscow: MBA.

- Fisher, P., and D. Goodley. 2007. The Linear Medical Model of Disability: Mothers of Disabled Babies Resist with Counter-Narratives. *Sociology of Health & Illness* 29 (1): 66–81.
- Garland-Thomson, R. 2002. Integrating Disability, Transforming Feminist Theory. *Feminist Disability Studies* 14 (3): 1–32.
- Goffman, E. 1963. Stigma and Social Identity. In *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, by E. Goffman, 1–11. Cliffs: Prentice-Hall.
- Goodley, D. 2001. “Learning Difficulties”, the Social Model of Disability and Impairment: Challenging Epistemologies. *Disability & Society* 16 (2): 207–231.
- Goodley, D. 2011. *Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction*. London: Sage.
- Gerber, D.F., ed. 2000. *Disabled Veterans in History*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Hughes, G., and K. Paterson. 1997. The Social Model of Disability and The Disappearing Body: Towards a Sociology of Impairment. *Disability & Society* 12 (3): 325–340.
- Iarskaia-Smirnova, E.R. 2002. Stigma invalidnoi seksual’nosti [The Stigma of Disabled Sexuality]. In *V poiskakh seksualnosti*, edited by E. Zdravomyslova and A. Temkina, 223–246. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Jonhstone, D. 2005. *An Introduction to Disability Studies*. Oxford: David Fulton Publishers.
- Kim, Q.H., ed. 2011. *Feminist Disability Studies*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Linton, S. 1998. *Claiming Disability: Knowledge and Identity*. New York: New York University Press.
- Mallett, R. and K. Runswick-Cole. 2014. *Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives*. London: Routledge.
- Mladenov, T. 2014. Breaking the Silence: Disability and Sexuality in Contemporary Bulgaria. In *Disability in Eastern Europe and the former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life*, edited by M. Raselland and E. Iarskaia-Smirnova, 141–164. London: Routledge.
- Nosenko-Stein, E. 2018. “Khochu zamuzh za zdorovogo”: brachnye predpochteniiia zhenshchin s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov’ia v sovremennoi Rossii [“I Want to Marry a Healthy Man”: Marriage Strategies among Disabled Women in Today’s Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 36–46. <https://doi.org/10.7868/S0869541518010049>
- Nosenko-Stein, E. 2019. Sem’ia i brak v ustnykh istoriiakh russkoiazychnykh immigrantok s narusheniiami zreniia (Izrail’, nachalo XXI veka) [Family and Marriage in the Stories of Russian-Speaking Female Migrants with Visual Impairments (Israel, Early 21st Century)]. In *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoiashchego. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Women and Men in the Migrations of Past and Present. Proceedings of XII International Conference, 2 vols.], edited by N. Pushkareva, I.O. Dementiev, and M.G. Shenderiuk, 1: 501–504. Moscow; Kaliningrad: IEA RAN; Kaliningradskii federal’nyi universitet im. Kanta.
- Nosenko-Stein, E. 2021. Vyiti za predely “getto”: stigma invalidnosti i popytki ee preodoleniia [Getting out of the “Ghetto”: Stigma of Disability and Attempts of Its’ Overcoming]. *Vestnik antropologii* 1 (53): 36–49. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/36-49>

- Nosenko-Stein, E. 2022. Zhenskoe schast'e dlia liudei s ogranichennymi vozmozhnostiami v sovremennoi Rossii [Women's Happiness for Disabled People in Contemporary Russia]. In *Proshloe, pamiat', narrativ: gendernoe izmerenie povsednevnosti. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii izuchenii zhenskikh istorii* [Past, Memory, Narrative Gender Perspective of Daily Life: Proceedings of 15 International Conference of Russian Association for Studying Women's Stories], edited by N.L. Pushkareva, 2: 378–381. Moscow: IEA RAN.
- Oliver, M. 1996. *Understanding Disability: From Theory to Practice*. London: Macmillan.
- Prashizky, A., and L. Remennick. 2014. Gender and Cultural Citizenship Among Non-Jewish Immigrants from the Former Soviet Union in Israel. *Citizenship Studies* 18 (3–4): 365–383. <https://doi.org/10.1080/13621025.2014.905276>
- Prokopenko, Y. 2001. Seks i invalidnost'. Predrassudki v otnoshenii seksual'noi zhizni invalidov i neinvalidov [Sex and Disability. The Prejudice about Sexual Life of Disabled and Non-Disabled People]. *Seksolog*. <http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm>
- Radley, A. 2002. Portrayals of Suffering: On Looking Away, Looking At, and the Comprehension of Illness Experience. *Body and Society* 8 (3): 1–23. <https://doi.org/10.1177/1357034X02008003001>
- Savin, I.S. 2021. Samoprezentatsiia liudei s invalidnost'iu v Kazakhstane: obshchee i osobennoe [Self-Presentation of Disabled People in Kazakhstan: Common and Peculiar Features]. *Vestnik antropologii* 1 (53): 80–90. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-53-1/80-90>
- Savin, I.S. 2022. Invalidnost' kak sotsiokul'turnyi fenomen v Kazakhstane: poselencheskii i religiozniye aspekty [Disability as Social and Cultural Phenomenon in Kazakhstan: Through the Prism of Settlement and Religion]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya, Sotsialnye nauki* 2 (66): 74–81. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_2_74
- Siebers, T. 2008. *Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Smart, J.F. 2008. *Disability, Society, and the Individual*. Austin: Pro Ed.
- Tarkhanova, E.S. 2018. Osobennosti sotsial'no-trudovoi adaptatsii zhenshchin-invalidov na regional'nom rynke truda [Specifics of Social and Labor Adaptation of Disabled Women at The Regional Labor Market]. In *Invalidy, invalidnost, invalidizatsiia* [Disabled People, Disability, Disabilization], edited by Z. Kh. Saralieva, 776–781. Nizhny Novgorod: NISOTs.
- Tregaskis, C. 2002. Social Model Theory: The Story so Far. *Disability & Society* 17 (4): 457–470.
- Watson, N., and E. Simo, eds. 2020. *Routledge Handbook of Disability Studies*. London: Routledge.
- Zavirsek, D. 2006. Disabled Women's Everyday Citizenship Rights in East Europe: Examples from Slovenia. In *Women and Citizenship in Central and Eastern Europe*, edited by J. Lukic, 185–204. London: Routledge.

ОБРАЗЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ ТАТАРСТАНА В ВИДЕНИИ ЛИДЕРОВ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ И ПРОСТЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Г.И. Макарова

Гузель Ильясовна Макарова | <http://orcid.org/0000-0002-3912-0961> | makarova_guzel@mail.ru | д. соц. н., главный научный сотрудник отдела этнологических исследований | ОСП ГНБУ “АН РТ” “Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ” (ул. Батурина 7А, Казань, Республика Татарстан, 420111, Россия)

Ключевые слова

нестолличный промышленный город, образ города, индустриальная идентичность, городская история, пространственная социокультурная среда, этнокультурная специфика города, акторы городского развития, Татарстан

Аннотация

В статье рассмотрены вербально фиксируемые доминанты видения и выстраивания образов нестоличных промышленных городов Татарстана их ведущими акторами, принимаемые и по-своему описываемые простыми горожанами. Они дополнены личными наблюдениями автора и анализом закрепленных в городской символике и топонимике, монументальной пропаганде и произведениях искусства смыслов. Проведенные в 2021–2022 гг. в Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске, Зеленодольске экспертные интервью и проблемно-ориентированные интервью в семьях показали, что их индустриальная специализация (и обозначение как города машиностроителей, химиков, нефтяников, кораблестроителей соответственно), как и связанные с ней особенности менталитета жителей, продолжают определять образы поселений. Причем завод становится в них неким незримым “партнером” каждого горожанина, задавая ритм и стиль жизни, ключевые моменты исторической памяти. В то же время их индивидуальность складывается под влиянием особенностей формирования населения, социокультурных пространств и городской культуры, в том числе этнокультурной специфики.

Глобальные вызовы сделали очевидной значимость развития промышленных городов России. Их социальная устойчивость связана с укреплением не только производственных, но и исторических, социокультурных оснований локальной идентичности, с пониманием перспектив и желаемого направления изменений. Все это делает актуальным обращение к проблематике их образов, складывающихся в повседневном взаимодействии жителей и под влиянием

Статья поступила 20.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 27.04.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Макарова Г.И. Образы промышленных городов Татарстана в видении лидеров городских сообществ и простых жителей // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 183–204. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040102> EDN: AXWZLC

Makarova, G.I. 2024. Obrazy promyshlennykh gorodov Tatarstana v videnii liderov gorodskikh soobshchestv i prostykh zhitelei [Images of Industrial Cities of Tatarstan in the Vision of the Leaders of Urban Communities and Ordinary Residents]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 183–204. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040102> EDN: AXWZLC

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

янием деятельности ведущих участников городских процессов. Данные образы могут выступать основой стратегий поселений, пробуждая активность социальных субъектов через осознание того, чем для них является Город и как он связан с такими смыслами, как Любимое дело, Завод, Регион, Страна.

Случай Татарстана интересен тем, что это развитый в экономическом плане субъект РФ, в котором имеются разного типа индустриальные центры, связанные с машиностроением, добычей и переработкой сырья, нефтехимией, оборонной промышленностью и функционирующие во взаимодействии с новыми точками высокотехнологичных производств. Важно рассмотреть, в какой мере их сохраняющаяся промышленная специфика сказывается на представлениях горожан о городе и какое значение приобретает складывающийся социокультурный ландшафт (в том числе его этническая составляющая). Также это регион, который прошел основные этапы советской и российской истории и сегодня успешно осуществляет ряд современных социальных проектов, в том числе связанных с благоустройством территорий. В связи с этим важно выяснить, как все это проявляется в формате вербальных описаний специфики нестоличных промышленных городов республики, рассмотрев их в контексте закрепляемых в городской символике, топонимике, искусстве смыслов.

Теоретические подходы, методика исследования

Возникшие в советский период промышленные города представляют собой особый социокультурный феномен. Они стали активно изучаться в 1970–1980-е годы (Г.Ф. Купевым, Ж.А. Зайончковской и др.), причем раскрывались их преимущества и недостатки. В то же время главный фокус исследования всех городов был сконцентрирован тогда (на этапе ускоренной модернизации) на проблематике “город и труд”, особое внимание уделялось взаимоотношениям предприятий и города, роли производств в совершенствовании качества жизни горожан.

В 1990-е — начале 2000-х годов в центр внимания отечественных ученых выходит человек. Исследователи (Ю.Л. Пивоваров, Л.Б. Коган, позже В.Л. Глазачев и др.) начинают писать о городах как “очагах культуры”, о важности предлагаемого ими жителям разнообразия форм деятельности. Однако промышленные поселения переживают в этот период кризис в связи с закрытием (приостановкой) градообразующих предприятий, ведущим к росту безработицы и социальной девиации. В последние десятилетия во многих из них отмечается новое укрепление позиций ведущих производств и одновременно расширение сфер приложения труда, а также поиск своего “лица” (Карачурина 2012). Моногорода изучают М.Г. Меерович, В.П. Зимин, Н.В. Зубаревич и др. На социокультурных аспектах проблематики, формировании их имиджа и брендов концентрируют внимание Ю.Л. Балюшина, П.А. Путинцев и Т.А. Быстрова, Л.Э. Старостова, В.П. Столбов и Э.П. Литова и др.

Цель статьи — определить видение акторами городского развития (лидерами муниципальной власти, ведущих производств, бизнеса, креативных индустрий, общественных организаций) и “рядовыми” горожанами образов промышленных городов Татарстана, выделить в них типическое (общее) и отличающее каждый из них, представив в широком историческом и современном социокультурном контекстах. Под акторами в данном случае понимаются субъекты, которые имеют устремления и возможности выступить в роли интеграторов сообществ,

формирующих в городе повестку дня, определяющих его функционирование и иницирующих изменения.

Первыми к образам современных городов обратились социологи — М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Д. Харви, М. Кастельс и др. Наиболее последовательный анализ этого сложного феномена находим в работах представителей чикагской школы — Р. Парка, Л. Вирта, Э. Берджесса. Отмечая увеличение численности и плотности населения, неоднородности американских городов и отход в них от традиционной культуры первичных групп, они по сути представили обобщенный образ большого промышленного города. О характерной для городских поселений загруженности и калейдоскопичности писали У.Х. Уайт и Дж. Джейкобс, ратуя за сохранение в них разнообразия.

Вопрос о восприятии пространства города был впервые поставлен специалистом по городскому планированию Кевином Линчем. Выделяя элементы структуры и разрабатывая метод картирования, он понимал под образом города коллективное видение его пространственной формы. Для нас в такой трактовке важно то, что этот образ был рассмотрен с позиции оценок и отношения индивидов (традицию продолжает Дж.Л. Назар). Данные и другие подходы отражены в книге “Города разума. Образы и темы города в социальных науках” (Rodwin, Hollister 1984).

Сегодня — в условиях деиндустриализации — в странах Запада промышленные города больше рассматриваются в аспекте конструирования их имиджей. Причем в одних случаях, как показывает пример Белфаста (где, несмотря на закрытие верфей и маргинализацию рабочих, продолжает эксплуатироваться образ индустриального прошлого родины “Титаника”), имеет место несоответствие данного имиджа социальной реальности (Hodson 2019). В других — формируются новые образы: “креативного города” (Harcup 2000), места возрождения сельских практик (Э. Бурити), привлечения свободного капитала (Дж.Р. Шорт, Л.М. Бен-тон и др.). Раскрывается влияние продвигаемых образов на городские ландшафты — У. Дж. Маллетт, А. Господини (Gospodini 2006) и др. И в этом контексте кейс промышленных городов Татарстана, как и ряда других регионов России, интересен тем, что в них производственный профиль сохраняется, поэтому новые смыслы появляются не взамен, а наряду с прежними, индустриальными.

Опираясь на работы российских исследователей, охарактеризуем далее различия в подходах к пониманию образов городов, характерные для представителей разных наук. Так, трактовка данного понятия социальными и культурными антропологами, как и некоторыми гуманитарными географами, историками, философами, культурологами, базируется на изучении историко-культурных аспектов поселений, рождающихся в сознании горожан в ходе повседневного взаимодействия смыслов, запечатленных в городских мифах, персонажах и знаковых местах, топонимах и т.д. Тем самым образ города предстает сквозь призму “самопонимания и самоощущения его жителей” (Шабаетов и др. 2018: 262), воспроизводящих городские нарративы и создающих их (Карасева 2022). Методика исследователей В.В. Абашева, А.С. Бреславского, К.Д. Бугрова, Н.В. Дранниковой, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, М.Л. Лурье, М.Ю. Тимофеева, Ю.П. Шабаетова, авторов книги “Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест” (Малькова, Тишков 2012) строится в данном случае на наблюдениях, а также на анализе культурных, исторических и современных текстов.

Социологи, а также ряд социальных психологов, экономгеографов, политологов рассматривают социально-экономические и социокультурные факторы формирования образов городов (Е.А. Корчак, М.В. Назукина и др.) и то, какими их видят представители разных социальных групп (Ю.А. Пидодня, Г.В. Еремичева и др.). Они изучают их в контексте проблематики неравенства, структурирования городского пространства, деятельности сообществ (С.Ю. Барсукова, И.А. Скалабан, Е.В. Тыканова, Э.К. Наберушкина) и социальных сетей (С.В. Пирогов и др.), конструирования городской идентичности (О.А. Богатова, Р.В. Евстифеев и др.), в том числе с использованием механизмов брендинга (Д.В. Визгалов, Н.Ю. Власова, А.Ю. Согомонов и др.). Методика базируется на массовых опросах и интервью, анализе официальных документов и интернет-ресурсов, касающихся городского развития.

Третье направление берет начало в работах градостроителей и урбанистов. Продолжателем К. Линча – в плане изучения роли “застройщиков” в формировании городских образов – применительно к российским городам выступил В.Л. Глазычев. Для него (как и А.Э. Гутнова, В.А. Филина и др.) они связываются в первую очередь с планировкой и градостроительной композицией, а также с искусством. О важности оптимального соотношения исторического облика города и задач формирования комфортной городской среды пишут Е.В. Хохрин и С.А. Смольков, об историко-архитектурных ресурсах индустриального наследия – Н.С. Солонина и О.А. Шипицына, на визуальных характеристиках городов и их воплощении в художественном творчестве делает акцент Ю.Р. Горелова (Горелова 2019). Эти авторы опираются как на документы по развитию городской застройки и художественные произведения, так и на формируемые людьми ментальные карты.

Большинство представителей всех обозначенных направлений рассматривают образ города в настоящем с отсылками к прошлому. В то же время важность определения векторов его дальнейшего развития подчеркивают представители мыследеятельностного подхода (Ю.В. Громыко), а метод прогнозного социального проектирования городского развития был разработан Т.М. Дридзе (Дридзе 1994: 7).

В данном случае рассмотрение образа города будет выстраиваться на пересечении социально-антропологического и социологического подходов. В связи с этим в качестве инструментального, опираясь на характеристики, данные рядом исследователей, мы будем ориентироваться на следующее его определение. *Образ города* – это совокупность (синтез) формирующихся в сознании населения и продвигаемых акторами городского развития представлений о нем (Замятин 2013: 14), о его социокультурной специфике, связанных с “пространственными компонентами среды” (Пидодня 2010), с его прошлым, настоящим и будущим, с опытом жизнедеятельности субъектов в данном городе (Там же). Видение образа города сказывается на городской идентичности – т.е. самоотождествлении горожанами себя с ним и с теми, кто проживает на его территории.

Статья основывается на результатах осуществленных автором в четырех промышленных городах Татарстана исследований:

1) поисковых проблемно-ориентированных интервью в семьях жителей (октябрь – декабрь 2021 г.; $n = 16$). Они являлись, по сути, групповыми фокусированными дискуссиями, направленными на выяснение видения ими проблем и акторов развития городов, их образов и идентификации с ними;

2) экспертных интервью с представителями муниципальных органов власти, руководителями ведущих производств, малого и среднего бизнеса, городских общественных организаций (октябрь – декабрь 2022 г.; $n = 31$). Они выстраивались вокруг схожей проблематики с акцентом на деятельности данных акторов в направлении развития города.

Тексты интервью были дополнены аналитическими заметками, делавшимися автором и фиксировавшими наблюдения по поводу особенностей пространств каждого города, их индивидуальности и комфортности, развитости инфраструктуры, разделения на районы (по характеру застройки и степени удаленности от ведущих предприятий), наличия/отсутствия зеленых зон, этнокультурной специфики, динамики городской жизни, а также поведения различных групп горожан. Позже, в ходе подготовки статьи, был также проведен ряд консультаций с целью выяснения отдельных вопросов, связанных с темой работы.

Качественное исследование охватило следующие нестоличные промышленные города, отличающиеся по численности и истории создания, но схожие в плане выполняемых ими социальных функций:

– Набережные Челны – получивший статус города в 1930 г. и разросшийся в 1970–1980-е годы в связи с комсомольской стройкой и возведением КамАЗа. В настоящий период – крупнейший город (по классификации Г.М. Лаппо) с населением 545750 человек (СБ 2023), расположенный в 205 км от Казани;

– Нижнекамск – возникший вокруг “Нижнекамскнефтехима” (городской статус получен в 1966 г.); в последние десятилетия к комбинату добавилось предприятие по нефтепереработке “Танеко” и др. Ныне – большой город (241 106 человек) в 170 км от Казани;

– Альметьевск – сформировавшийся на месте татарского села в связи с разработкой нефтяных месторождений город (с 1953 г.) с ведущей компанией “Татнефть”. Его население составляет 164 145 человек, расположен в 224 км от столицы республики;

– Зеленодольск – возникший на месте рабочего поселка город (с 1932 г.), приближающийся по численности к большому – 99 078 человек. Градообразующие предприятия (Завод имени Серго – POZIS и Зеленодольский завод им. А.М. Горького) имеют преимущественно оборонную направленность.

В регионе накопился свой опыт изучения промышленных городов. Их социальные особенности анализировались Р.З. Алтынбаевым, Я.З. Гариповым, С.П. Дыриным, Ф.Ф. Ишкинеевой и др.; искусство – С.М. Червонной, А.Б. Файнбергом, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Р.Р. Султановой (Султанова 2001); градостроительные аспекты – А.А. Дембичем и др. Однако с антропологических позиций данные поселения практически не исследовались.

Индустриальная специализация в образе городов

В связи с тем, что индустриальная специфика во всех четырех изучаемых поселениях сохранилась и градообразующие предприятия выжили в рыночных условиях, остаются значимыми и их обозначения как городов машиностроителей, химиков, нефтяников, кораблестроителей. Интенции в данном направлении свойственны в первую очередь руководству ведущих компаний, хотя они поддерживаются и другими акторами городского развития, простыми горожанами:

Наш генеральный директор всегда говорит: у нас нет деления нефтяник — не нефтяник. Все, кто тут живут, все — нефтяники, потому что без учителей, без докторов, без кондукторов наши работники не смогли бы работать (ПМА 2: 1).

Двигателем города изначально является завод КамАЗ, потому что только из-за него со всего СССР люди приехали сюда, в этот город, на постройку, на запуск. <...> Все от него идет, вся основная масса людей работает там, на этом заводе (ПМА 1: 1).

Название нашего предприятия состоит из двух частей — “Нижнекамск” и “Нефтехим”, — поэтому город и предприятие неразрывны. И сегодня практически каждая третья семья в Нижнекамске связана с нефтехимией (ПМА 2: 2).

Наш город — побратим Кронштадту. У нас военный завод, корабли, у нас кораблестроение (Там же: 3).

Обозначенные характеристики получили закрепление в названиях улиц. В Челнах это: Автозаводский проспект, улицы Автомобилистов, Инженерная, Металлургическая, Команды Камаз-мастер; с возведением города связаны бульвар Строителей и улица Академика Рубаненко (разработчика его ген. плана). Они перекликаются с тематикой монументальной пропаганды, в числе которых памятник “Слава строителям КамАЗа”, бюсты его первого гендиректора Л.Б. Васильева и руководителя строительства Е.Н. Батенчука; с историей завода знакомят музеи, а малышей-картингистов называют “камазята” (как ранее звали всех детей, родившихся в “новых” Челнах). В топонимике Нижнекамска находим отражение его отраслевой специфики: Проспект химиков, парк Нефтехимиков, улица Менделеева, Б.В. Бызова, О.Г. Мурадяна — руководителя строительства Нефтехима; бюст его первого директора Н.В. Лемаева открыт в одноименном сквере, а известная хоккейная команда носит имя “Нефтехимик”.

В Альметьевске обращают на себя внимание памятники “Нефтяники” (где они изображены на буровой установке) и “Нефть” (в виде нефтяного фонтана); те же символы отражены в геральдике города. В нем функционирует ДК “Нефтьче” (нефтяник — в пер. с тат.) и спорткомплекс “Нефтяник”, а в названиях улиц читается политика сохранения имен известных представителей профессии (В. Шашина и др., всего порядка 15 наименований). В Зеленодольске на его гербе видим ладью и молот, а среди названий улиц — Кузнечная, Кронштадтская, Морская, Судостроителей, Металлистов, среди достопримечательностей — Корабельный фонтан, Бронекатер “Калюжный”, памятник контр-адмиралу Д.Д. Рогачёву. В городе работает молодежный центр “Порт”, спортивные комплексы “Метеор” и “Маяк”.

Иными словами, предприятия выступают в данных поселениях не просто в роли работодателя, но и — определяя топонимию и городскую символику — формируют “правила” маркирования публичных пространств. Производственная специфика находит отражение и в художественном творчестве. Особенно это было характерным для изобразительного искусства 1960–1980-х годов (Султанова 2001: 27–48), о чем говорят уже сами названия работ: “КамАЗ на перевале Чор-Мазак” (К. Сафиуллин), “Портрет молодого строителя КамАЗа” (Х. Гимазетдинов) и “Литейный завод КамАЗа” (А. Вашуров); “Химия” (Г. Капитов), “Пуск этилена” (В. Никольский) и “Вечерний химкомбинат” (А. Фатхутдинов),

“Дорога нефтяников” и “Клад Татарии” (А. Косолапов) и др. В литературе выделим поэму-сказку “Тан Батыр. Баллада о нефтянике” А. Маликова и поставленный по ней спектакль. Тем самым на тот период завод являлся также неким культуртрегером, определявшим смысловую доминанту искусства.

Возвращаясь к интервью, заметим, что в их ходе много говорилось о профессиональных праздниках, отмечаемых в городах. В Альметьевске это День нефтяника, широко празднуемый в один день с Днем города. В Нижнекамске – День химика, причем по этому случаю поселение становится центром региональных торжеств. В Челнах сохраняется традиция проводить День строителя, что связано с гигантской стройкой 1970–1980-х годов; на городской уровень выходит День машиностроителя. В Зеленодольске, помимо дней кораблестроителей, машиностроителей, на городском уровне с советских времен проводится также День Военно-Морского Флота:

День города/День нефтяника – это, наверно, самое крупное событие. <...> Привозят федеральных... музыкантов ...это прямо серьезный концерт. <...> Площадь перед ДК “Нефтьче”... думаю, там не меньше... 10 тысяч наберется народу (ПМА 1: 2).

“Нижнекамскнефтехим” приглашает... своих работников, звезду ежегодно. <...> У нас сейчас там (в ледовом дворце. – Г.М.) проходит республиканский День химика, и сюда приезжают именно со всей республики (Там же: 3).

Всегда очень классно проводился здесь День строителя. <...> Такие праздники закатывали на Майдане (Там же: 4).

Самый главный день – морского флота. <...> На пляже... раньше организовывали... Наша военно-морская часть... моряки высаживались... снимали фуражки и махали (ПМА 2: 4).

Отмеченное подтверждает тезис о сохраняющемся отражении индустриальной специализации промышленных городов в их образах. Причем это составляет *типическую* для них характеристику, выделяемую также другими исследователями по отношению к поселениям подобного рода. К примеру, авторы статьи “Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России...” пишут о том, что производственные гиганты Урала включаются сегодня в актуализацию своего исторического наследия (*Шипицына и др.* 2021: 126) и воспроизведение индустриальной идентичности в городах. Н.В. Дранникова отмечает, что северодвинцы обозначают свой город как “город корабелов”, а себя – как “судостроителей” и что здесь “локальная идентичность накладывается... на идентичность профессиональную” (*Дранникова* 2020: 87).

С профилем поселений связан и профессиональный состав населения, влияющий на менталитет жителей. Вот как говорит об этом приглашенный в Зеленодольск специалист в области креативных индустрий: “Там такая... инженерная интеллигенция. Это прямо чувствуется в разговоре. <...> Планомерности там очень много... потому что все-таки... инженерно-технический персонал – он другой” (ПМА 2: 5). Также здесь приведем цитату из интервью, проведенного в Нижнекамске: “Здесь же технология (химический, нефтехимический процесс, нефтеперерабатывающие процессы), в основе которой химия, физика, математика” (Там же: 6). Далее в ходе рассуждений эксперта вырисовывался образ

терпеливых, организованных людей, умеющих сосредоточиться и “относящихся серьезно ко всему” (Там же) — т.е. артикулировались те их качества, которые важны для работающих в области химии.

Таким образом, завод продолжает выступать в изучаемых поселениях неким незримым “партнером” каждого горожанина, не только дающим работу, средства к существованию, но и в определенной мере формирующим склад ума и ценностные установки. В то же время взаимоотношения завода и жителей города различаются в зависимости от характера деятельности каждого из них, а также от их отношения к данной деятельности. Так, для одних — в особенности работающих на предприятии (в том числе молодых людей) — завод остается местом самовыражения, и обозначенные смыслы сохраняют значимость и актуальность. Соответственно для них он — “соратник”. Поэтому их дискурс завода нередко переходил в дискурс города и наоборот (к примеру, говоря о проблемах поселения, они могли незаметно для себя начать размышлять о важности самореализации и продвижения на производстве, передачи опыта молодым специалистам, а также о способах удержания в городе молодежи, о необходимости диалога с учителями по поводу значимости поддержания престижности работы на нем).

В то же время вместе с диверсификацией экономик поселений в них появляются новые формы занятости и новые смыслы. И они уже не связаны напрямую с градообразующим предприятием, которое, однако, может продолжать восприниматься как “хозяин” города — диктующий смыслы, определяющий ритм и образ жизни, выбор профессии и способы проведения досуга. Иными словами, содержание и сама тональность оценок города-завода зависели от того, в какой мере субъекты включены в производственные процессы и насколько они для них важны.

Отношение к заводу и его месту в городе определяется и теми предпочтениями, которые он может дать. В частности, в Зеленодольске (при всем осознании работниками предприятий важности их дела) низкие зарплаты на “оборонке”, близость столицы региона с большими возможностями трудоустройства и размещение в пределах расширившихся границ города логистических хабов ведут к утере привлекательности (особенно для молодежи) связанных с производством смыслов и связей. В Набережных Челнах о самореализации на заводе говорилось больше, хотя также звучали замечания по поводу заработных плат (при высоких ценах на жилье). Соответственно часть молодых людей выбирает сферу бизнеса, креативные профессии, и для них город и завод уже не связаны столь тесно друг с другом.

В Нижнекамске, в котором нефтехимические и нефтеперерабатывающие компании продолжают расширяться, заводы дают неплохие возможности для профессионального роста и материального обеспечения себя и семьи. Соответственно, позитивная идентификация с ними встречалась достаточно часто. В то же время те, кто стремится реализоваться в иных, не связанных с производством сферах, оценивали потенциал города-завода критически. Наконец, в Альметьевске, отличающемся от остальных изучаемых поселений своим особым статусом нефтяной столицы республики, работа на ведущем предприятии считается престижной (давая ряд преимуществ, в том числе материальных). При этом “Татнефть” стремится поддержать свой фирменный стиль и образ, актуализируя связанные с компанией смыслы. Остальные сферы (образователь-

но-научная, малый и средний бизнес, культурная, креативная) в данном случае зависят от нее. Другими словами, здесь предприятие действительно выступает “хозяином” города, хотя (по замечанию самих жителей) хозяином рачительным, заботящимся о нем.

И в завершении раздела отметим, что из текстов интервью становилось очевидным стремление ряда экспертов расширить рамки индустриальных образов городов, дополнив их прежде всего образовательной и культурной составляющими. Соответственно обозначались интенции (в том числе самих представителей производств) уйти от однозначного их толкования как городов-заводов, привязанных к одному промышленному объекту. В частности, в Челнах в связи с этим подчеркивалась важность создания Передовой инженерной школы — “драйвового вуза” (ПМА 2: 7) и центра подготовки кадров не только для КамАЗа, но и для всей страны. В Альметьевске акцентировалась значимость реализации проекта Высшей школы нефти, объединяющего образовательную программу и научные разработки и трактуемого как “источник роста города” (Там же: 8). В Нижнекамске аналогичные устремления связывались с НХТИ (Нижнекамским химико-технологическим институтом), в котором началась реализация проекта научно-образовательного кампуса. В то же время в Зеленодольске эксперты ратовали за возвращение в город хотя бы филиалов казанских вузов (важно, однако, отметить, что здесь еще с 1949 г. продолжает работать Зеленодольское проектно-конструкторское бюро).

Отражение истории городов и их населения

“Город инициативных людей”. История возникновения городов и формирования населения также определяет их образы. Причем при ее обсуждении интервьюируемые вновь выходили на тему менталитета жителей.

Хотя статус города был получен Набережными Челнами в 1930 г., никто из участников исследования не говорил об этом. Все связывали историю со строительством в 1970—1980-е годы завода-гиганта: “Я вырос под огнями КамАЗа, на другом берегу Камы. Вот у меня в деревне ночью было светло как днем от огней, которые здесь зажглись на стройке” (ПМА 2: 9). Показательно, что архитектор В.Л. Глазычев, работавший в Челнах в 1984 г. по одному из проектов, вспоминал, что он приехал, когда строительная техника доламывала последние старые постройки (из которых ему удалось “спасти” лишь несколько зданий [Глазычев 2005]). Возможно, в том числе поэтому в ходе интервью складывалось впечатление, что до КамАЗа города не было. Так или иначе, тогда данный путь воспринимался однозначно как путь в светлое будущее, что хорошо передано в картине А. Вашурова “Новые Челны”, где изображена дорога от старого деревянного к новому “белому” городу.

Таким образом, завод стал в данном случае не просто смысловой доминантой поселения, но и начальной точкой исторической памяти горожан. Этому способствует и следующее обстоятельство: его население сформировалось по большей части в период возведения и запуска предприятия. С 1969 г. по 1989 г. оно увеличилось более чем в 13 раз (с 37,9 тыс. человек до 500 с лишним тыс. человек [Краткая характеристика 1993: 7]). Причем жителями “нового” города стали съехавшиеся сюда со всего Советского Союза на знаменитую комсомольскую стройку. В связи с этим интервьюируемыми артикулировались смыслы: город

активных людей, умеющих самоорганизовываться, потомков первостроителей КамАЗа (“Люди у нас здесь... инициативные, горячие сердцами, потому что приехали люди со всех уголков... СССР. Встретившись друг с другом, они образовали семьи, которые... создали таких же детей по темпераменту, по энергетике” [ПМА 2: 10]). Показательно также, что на городском гербе запечатлен челн с полными парусами и спущенными в воду веслами — символ движения вперед и готовности жителей ускорить это движение.

Названные качества простимулировали динамичное становление бизнеса в этом городе: “У Челнов очень такой независимый, гордый характер, и, естественно, свободные люди могли бы и хотели бы реализоваться” (Там же: 9). Озвученное обстоятельство признавалось в том числе экспертами из других городов региона: “КамАЗ закрывался. И Челны... им надо было как-то выживать. И там развивалась именно предпринимательская жилка, там очень хорошие предприниматели” (Там же: 11). Отмечалось и то, что Набережные Челны — город с “социальными лифтами” (Там же: 10).

Наконец, специфика истории проявилась в культуре. На фоне академической культуры Казани она всегда казалась более смелой и авангардной. Иными словами, новому городу стало созвучным искусство (Султанова 2001: 50), связанное с новаторским театром и “смелыми” для своего времени монументальными работами Э. Ханова. Данные традиции продолжают сегодня Русский драматический театр “Мастеровые” и Набережночелнинский государственный татарский драматический театр имени Аяза Гилязова, КОП “Метро”, “Творческий треугольник” и организуемые рок-музыкантами концерты.

“Не зовите нас чужаками, / Вспомнит кто-нибудь стариков, / Кто закладывал первый камень / Нестареющих городов”. Нижнекамск строился на пустыре, хотя вокруг него располагался ряд сел, основанных еще в XVII в. С открытием на юго-востоке ТАССР залежей нефти в конце 1950-х годов было решено возвести на северо-востоке республики нефтехимический комплекс (47 лет 2013). В 1959 г. Всесоюзным институтом проектирования “Гипрогор” был разработан генплан города, а 25 декабря 1960 г. сюда приехали строители и забili первый колышек. В 1962 г. здесь трудилась 1 тыс. человек, в 1966 г. проживало уже 30 тыс., и рабочий поселок переименовали в город. Его посещение в 1968 г. вдохновило А. Пахмутову и Н. Добронравову написать знаменитую песню “Смелость города берет”, отразившую настроение создававших его энтузиастов: “Им приходилось быть сильными. На пустом месте город строился” (ПМА 1: 5).

Соответственно Нижнекамск характеризовался интервьюируемыми как “молодой” город и место, в котором можно самореализоваться. Он обозначался также как *город-труженик*, где люди в четыре утра “едут на промзону”, поскольку химическое производство — безостановочное:

У этого города есть... свой плюс большой — это промышленная площадка, то есть, там, где... молодой специалист... может стать профессионалом своего дела (ПМА 2: 6).

Очень быстро засыпает город. В девять часов уже так мало людей, мало машин. <...> У нас большое количество населения... работает на заводе. <...> И многое там не останавливается, работает круглосуточно (Там же: 12).

Интервьюируемыми артикулировалось и то, что Нижнекамск вбирал и вбирает население окрестных деревень, что дало основание одной из экспертов называть его *городом “крестьянского характера”*: “Это город скромных людей. <...> Мы – стоящие на земле, вот так бы я сказала” (Там же: 2).

Что касается культуры, в сравнении с Челнами интервьюируемыми больше говорилось здесь о проводимых в городе конкретных мероприятиях: “Всегда там поют, рассказывают стихи и эмм... что-то танцуют. <...> Не могу сказать, насколько много и хорошо это делают, но да, это есть” (ПМА 1: 6). Упоминался и Татарский драматический театр, Музей народного художника Ахсана Фатхутдинова, известный в РТ ансамбль песни и танца “Нардуган”. Тем не менее участники интервью, особенно из числа молодежи, сетовали на недостаточную насыщенность культурной жизни Нижнекамска: “Если ты хочешь на какой-то концерт съездить, то ты едешь либо в Челны, либо в Казань” (Там же: 3).

В то же время руководством города и предприятий в последние десятилетия предпринимаются усилия по актуализации связанных с историей соседних деревень (русских и татарских), усадеб и пристани культурных символов. Тем самым, наряду с артикуляцией связанной с заводом истории города, акторы стремятся возродить/сконструировать заново более древние смыслы, сформировать альтернативные производственным культурные ландшафты.

“... это место гораздо более древнее и... хранит какие-то тонкие смыслы” (ПМА 2: 13). Альметьевск имеет иную историю. Он возник на месте татарской деревни, основанной в начале XVIII в. До революции село носило черты полугородского, и в его центре – как было свойственно пространственной структуре подобных поселений у мусульман – располагались “главная площадь, мечеть и базар” (Альметьевск б.г.) (ныне в городе есть район “Иске Әлмәт”/Старый Альметьевск с кладбищем, мечетями, частным сектором и домом культуры); развивались торговля и промыслы. В 1948 г. с обнаружением нефти численность населения начала расти, а в 1953 г. Альметьевск получил статус города.

Таким образом, в данном случае мы видим определенную преемственность места, и при более пристальном рассмотрении здесь открываются не лежащие на поверхности относительно давние культурные и духовные смыслы. Они, по мнению отдельных экспертов, берут начало в исламе (по одной из версий, деревня основана муллой Альметом [Амирханов б.г.]) и в татарской сельской культуре: “Этот уклад... на уровне подсознания. <...> У нас все-таки население... домоседы. <...> они живут... семейными ценностями” (ПМА 2: 14). При этом на них, а не только на истории развития нефтяной отрасли, выстраивается идентичность города, запрос на осмысление которой идет в настоящий период в первую очередь от ведущей компании. В связи с этим интервьюируемыми отмечались, в частности: проект “Сказка о золотых яблоках”, в рамках которого на фасадах домов появились муралы (в том числе на исторические и традиционные для татарской культуры сюжеты), самая большая в России выставка тюркских музыкальных инструментов, скульптура “Каракуз” (Черноглазая) (возведенная на площади перед зданием “Татнефти” известным скульптором Д. Намдаковым), этномодерн-фестиваль с тем же названием, а также строительство арт-резиденции (где планируется размещение площадок под ремесленные мастерские).

Таким образом, в Альметьевске мы видим пример того, как в исторической памяти горожан актуализируются связанные не только с историей завода,

но и с историей края символы и смыслы. Очевидно и стремление лидеров ведущего производства сохранить традиции и сделать при этом этническое современным, что дало основание одной из приглашенных в город специалистов назвать его руководство “патриотами Альметьевска и трудоголиками”, которым важно “превратить” город в “пространство культуры... где людям интересно и стоит жить” (Там же: 13). Сами горожане (как татары, так и русские), в свою очередь, подчеркивали, что они поддерживают такие начинания: “У нас с национальными много чего связано, татарское, именно. <...> Очень приветствуем” (ПМА 1: 7). В результате город начинает претендовать на роль нового культурного центра республики, занимающего свою отличную от Казани и Челнов нишу.

Город, у которого “на все свое мнение”. История Зеленодольска связана с поселениями, основанными в XIX в. переселенцами из русского и марийского сел. В конце XIX в. здесь была открыта железнодорожная станция (ныне – важный железнодорожный узел Казанской агломерации), мастерские по ремонту речных судов (легли в основу Завода им. А.М. Горького); начато строительство сталелитейного завода (сегодня – Завод имени Серго), для инженеров и администрации которого возведено жилье – исторический квартал “Полукамушки” (кирпичные дома по проекту К. Берга, над которыми в 1929 г. надстроены деревянные вторые этажи) (Зеленодольск б.г.). В 1913 г. здесь был сооружен уникальный для своего времени железнодорожный мост через Волгу (запечатлен в линогравюре “Романовский мост” С. Царева), имевший стратегическое значение для города и государства. А в годы Первой мировой войны из Петроградской губернии сюда были переведены персонал и оборудование Балтийского, Ижорского заводов, позже – Киевского и Ленинградского судостроительных предприятий, что позволило городу внести существенный вклад в оборону страны в годы Великой Отечественной войны.

Отмеченные выше обстоятельства дали основание экспертам называть Зеленодольск *городом инженеров*, имеющих на все свое мнение: “Люди уже были инженеры, тем более с образованием. И они уже знали себе цену <...> Мы – город... который не готов принимать все... под копирку” (ПМА 2: 5). Преобладание оборонной промышленности и расположение здесь военно-морской части усиливают *военно-патриотическую составляющую его образа* (первые места в регионе занимают зеленодольские юнармейские отряды).

Таким образом, история поселения и заводов здесь также неразрывны, однако сами заводы имеют более давние и разнообразные смыслы. При этом эвакуированные туда специалисты оказали влияние на его культуру (в частности, инициировав в сложный военный период – в 1943 г. – открытие здесь музыкальной школы). Сегодня в городе успешно функционируют Центр культуры, искусства и народного творчества им. Горького, Художественная галерея, Зеленодольский музыкальный театр, давшие региону и стране некоторые известные имена (в частности победителей конкурса “Голос”). Иными словами, можно говорить о наличии здесь своей местной культуры, тесно связанной с Казанью, но не идентичной ей, сохранившей характерные для советского периода традиции в виде классических концертов в парках и лыжных прогулок по выходным: “Вы увидите в городе в субботу-воскресенье – идущие люди в шапочках... Шапочки вот такие, знаете, с мысыком... до сих пор на этих, да, на взрослых людях (Там же: 15)”.

Добавим, что недалеко от города сегодня расположены важные туристические объекты Татарстана, связанные с русской/православной культурой (Раифский Богородицкий монастырь, музей-заповедник “Остров-град Свияжск”), что является предметом гордости для части горожан. Однако слышались и такие его оценки, как “пригород Казани”, ее спальный район, из которого вытягиваются лучшие кадры: “Город испытывает кадровый голод” (ПМА 1: 8).

Пространственные характеристики и репрезентация этнокультурного многообразия

Часть представленных в интервью образов была связана с характером организации городских пространств, с их визуальным восприятием. Так, говоря про Челны, эксперты отмечали, что они масштабно выстроены, отличаются “правильными” широкими проспектами и просторными улицами (и это перекликается с образом самих горожан — свободных, дерзких, гордых). Одни из них видели в данном факте плюсы, подчеркивая, что город “по-умному строился”, здесь удобная инфраструктура, нет дорожных пробок и “много воздуха” (ПМА 2: 7), поэтому он воспринимается и сегодня как современный, молодежный. Другие замечали, что множество “продольных улиц, заканчивающихся речкой”, ведет к сильным ветрам и что он “холодноват” (Там же: 16). Встречалась и такая характеристика, как “белый город”: “У нас город облицован белой плиткой. Почти полностью. Поэтому впечатление, что он белый” (ПМА 1: 9). Романтизированная его передача запечатлена в картине М. Усманова “Новый город на Каме”, а вот в работе “Город” В. Анятина иное настроение — отчужденности людей среди новостроек.

Поселение выстроено “линейно”: селитебная зона протянулась вдоль Камского водохранилища (что дало возможность обустроить здесь ряд набережных), а промышленно-складские районы идут следующей линией. Авторские наблюдения подтвердили сохраняющуюся здесь границу между относительно старой (ГЭС, ЗЯБ и др.) и новой частями жилых кварталов. В старой жизнь течет размереннее, семьи гуляют с колясками, а ветераны встречаются в ДК “Энергетик”. В новой больше развлечений для молодежи, площадок для экстремальных видов спорта, дорогие магазины и торговые центры; здесь же функционирует Органный зал, открылся Русский драматический театр “Мастеровые”, здание и интерьеры которого выполнены в красно-серых тонах, соответствующих, по замыслу автора, индустриальной природе города.

При этом интервьюируемыми отмечалось отсутствие в Челнах планировавшегося, но так и не реализованного центра. Одни оценивали данный факт критически: “Люди, которые приезжают... не понимают, где именно точка центральная или улица центральная. Тут по сути есть какие-то кусочки в городе” (ПМА 1: 4); другие замечали, что это даже хорошо, поскольку в нем несколько точек притяжения: “Мне кажется... у всех свои, разные интересы” (Там же: 10). Иными словами, пространство города, меняясь, продолжает нести отпечаток связанного с возведением завода прошлого; примечательно, что и адреса горожане продолжают называть по номерам строительных комплексов.

В Нижнекамске пространственные характеристики иные. При въезде в него со стороны Челнов обращает на себя внимание контраст между впечатляющим, немного мрачным индустриальным пейзажем промзоны и тихим уютным горо-

дом. Сами горожане характеризовали его как “компактный”, “зеленый”, “пешеходный”, неоднократно “попадавший на первое место... инфраструктуры городской” (Там же: 5). Благоприятные природные условия призван символизировать герб, на котором изображены сосны, река и солнце. Вот как вспоминает первое впечатление о нем один из экспертов: “Маленький такой и... белый-белый-белый-белый. <...> Улица Химиков сидит в цветах, когда яблони цветут” (ПМА 2: 17). И еще характеристика: “Если брать там моногорода, я помню в фильмах... показывают. <...> Там есть промзона, и есть такой серый городишко. Здесь это не так” (Там же: 6).

Однако, несмотря на то что жилая часть города отделена от промышленной широкой зеленой полосой, а в самом городе расположено большое количество парков и скверов, жители озвучивали проблемы с экологией и здоровьем населения. В связи с этим один из интервьюируемых дал ему характеристику “подхрамывающий” (ПМА 1: 11). Поэтому самое дорогое и комфортабельное жилье располагается здесь в противоположной от заводов стороне, где находятся историческое место “Красный ключ”, один из красивейших в регионе храмов с тихой аллеей, экопарк и благоустроенная набережная (для всех горожан).

Руководство Нижнекамска и ведущих компаний, что подчеркивалось в ходе экспертных интервью, активно решает данные проблемы: как напрямую — вводя жесткие нормы контроля на производстве, так и косвенно — налаживая правильное питание работников, стремясь улучшить экологическую ситуацию путем организации движения электротранспорта, строительства велодорожек: “Есть предрассудки... что экологию формируют только заводы... На сегодняшний день влияние автомобильного транспорта, оно тоже колоссальное” (ПМА 2: 18).

Альметьевск отличается от охарактеризованных выше поселений тем, что в нем нет столь большой выделенной промзоны, поскольку нефтедобыча ведется за пределами города. Однако здесь находятся заводы, производящие оборудование и комплектующие (для нефтедобычи и нефтесервиса), располагаются дирекция и НГДУ предприятий. Характеризуя его пространства, эксперты и горожане обращали внимание на то, что они стали в последние годы благоустроенными — “город, где комфортно жить” (Там же: 8). Это обстоятельство объяснялось возможностями ведущей компании, а также тем, что «топ-менеджмент, на примере “Татнефти”, “СМП” (“СМП Нефтегаз”. — Г.М.) и “Таграс” живет здесь» (Там же: 19). Отмечалось, что он “грамотно... обживает с точки зрения инфраструктуры... мест проведения досуга... и это в шаговой доступности” (ПМА 1: 2); поэтому отдельные интервьюируемые определяли его как “маленькую Швейцарию”. В связи с этим выделялись такие объекты, как “Каскад прудов”, велодорожки (“больше ста километров. Это вело-столица России” [ПМА 2: 19]), Спортивно-оздоровительный комплекс “Ян”; назывался также Интерактивный научно-познавательный центр “Альметрика”, Детский технопарк “Кванториум”. Подчеркивалось и то, что расстояние от города до столицы Татарстана сокращается в связи со строительством новой платной автомагистрали.

Тем не менее отдельные информанты сетовали на недостаточную развитость здесь историко-культурной среды: “История города, у нас этого нет. Вот как ни развивай, а исторические какие-то вещи, там здания, сооружения, куда хочется сходить, посмотреть, почувствовать...” (ПМА 1: 12). Таким образом, при том что в поселении акцентируются связанные с историей места смыслы, его

собственно городская история недавняя, и городские пространства только формируются.

В Зеленодольске обратил на себя внимание большой частный сектор, разделенный переездами и напоминающий скорее загородный поселок. Такой образ передается и названиями части улиц – Березовая, Вишневая, Залесная, Озерная, Весенняя. Достаточно тихий и спокойный центр (улица Ленина), в котором сохранились милые трехэтажные дома старой советской застройки, живет своей размеренной жизнью. А проехав по эстакаде через железную дорогу, попадаешь в развернувшуюся вдоль Волги промзону: такое ее расположение продиктовано тем, что Завод им. Горького спускает на реку производимые им суда: “Город все-таки обосновывался как промышленный. И весь вот этот берег сейчас занят большими нашими производствами” [ПМА 2: 15]). В связи с этим отдельными интервьюируемыми отмечалось, что он не имеет своей набережной (променада) и что новый благоустроенный пляж оказался вынесенным за городскую черту. В свою очередь, ближе к Казани (по дороге к ней) разрастается новый микрорайон – “Мирный” – с современным парком, кинотеатром и Молодежным центром “Порт”.

Соответственно, характеристики и оценки города оказались противоречивыми и отличались у представителей разных возрастов. Так, горожане старшего поколения и те, кто уже имеет свои семьи, отмечали, что город зеленый, в нем есть лес, река и озеро, возможности для культурного развития детей: “Вот музыкальная школа, там рядом художественная школа... Детские сады и школы тоже, не надо на трамваях ехать” (ПМА 1: 13). Однако те, кто еще не обзавелся семьей, характеризовали его как скучный, подчеркивая, что для учебы и развлечений приходится ездить в Казань: “Молодежи <...> здесь нечего делать – тут нет образования, здесь нет развлечений, здесь некуда пойти” (Там же: 14).

Важно подчеркнуть, что во всех изучаемых поселениях интервьюируемые признавали позитивное влияние на их образы реализации в республике проектов реновации парков и скверов, благоустройства дворов. Отмечалось и то, что городские пространства стали в связи с этим более безопасными, а меняющиеся ландшафты позитивно сказываются на городской идентичности: «Я вот, значит, диплом получила, и... у меня была прямо прогулка по Альметьевску. И он тогда выглядел плохо <...> “Ну, не хочу я в Альметьевске жить!” <...> А теперь... если бы я сейчас заканчивала вуз и прогуливалась бы хоть по этой Ленина... я бы наверно тут осталась» (ПМА 2: 20).

Наконец, еще один аспект, на котором важно остановиться отдельно, касается отражения в представлениях о промышленных городах Татарстана их этнокультурной специфики. В ходе интервью данный вопрос не поднимался специально, однако он возникал в процессе обсуждения. Прежде всего во всех четырех городах интервьюируемыми отмечалась поддерживаемая на уровне республики паритетность татарской и русской культур, ислама и православия. Данные продвигаемые региональными акторами идеи трактовались как общепринятые и само собой разумеющиеся:

Здесь в одну сторону дороги стоит мечеть, с другой стороны церковь. И строятся новые тоже также, учитываются особенности всех (Там же: 18).

Мы ежемесячно проводили мероприятия по табличкам... на двух государственных языках – татарском и русском. <...> Чтобы информационная доступность была (Там же: 19).

В то же время отмечалась деятельность национально-культурных ассоциаций, репрезентирующих культуры всех народов: «В этом году отремонтировали Дом Дружбы “Родник”, где у нас 22 общины находятся... у каждого есть своя комната. Они все у нас оформлены в национальном стиле. Есть там воскресная школа, куда ходят дети. И на своем родном языке проходят у них занятия и готовятся выступления» (Там же: 21).

Обозначались и этнокультурные особенности каждого поселения. В частности, в Альметьевске, как уже отмечалось выше, подчеркивалась историческая связь с традиционной культурой места, прежде всего татарской: “Это кластер старинных деревень, по большей части, конечно, мусульманских деревень. И это очень сильно ощущается, вот этот духовный... стержень” (Там же: 13). И хотя отдельные интервьюируемые говорили о том, что связанный с сельской культурой домашний/семейный уклад препятствует выходу жителей в пространства города, в нем постепенно складывается своя городская среда, где значимы и традиционные спектакли Татарского драматического театра, и современные фестивали, выставки, ярмарки, а на велодорожки как бы “приглашает” его жителей и гостей скульптура, изображающая Г. Тукая (татарского поэта-классика) на велосипеде.

Этнокультурная специфика Нижнекамска также определялась рядом экспертов как связанная в первую очередь с татарской культурой. При этом, наряду с ее воплощением в “Парке Тукая”, в организуемых на открытых площадках концертах, вновь отмечалась деятельность татарского театра (с его литературными вечерами “Жидегән чишмә”), ансамбля “Нардуган” и галереи А. Фатхутдинова. В то же время становящееся знаковым для нижекамцев место “Святой/Красный ключ” является выражением тесной связи мусульманской и православной традиций и истории.

В Челнах в качестве этнокультурной доминанты интервьюируемыми выделялась идея многонациональности, а также равенства татарской и русской культур. И это органично для города, население которого сформировано в годы всесоюзной стройки. Не случайно в изобразительном искусстве здесь находит отражение как татарская тема (в картинах М. Хазиева, Х. Шарипова и др.), так и русская/православная (в работах группы художников “АНСВАКИ”). В ходе интервью данная идея проводилась представителями городской администрации: “У нас отремонтирован капитально Русский драматический театр – новое здание, Татарский драмтеатр” (ПМА 2: 10). Другие эксперты и “простые” челнинцы выражали привязанность к тому либо другому из них:

У нас есть “Мастеровые”, слава Богу. <...> Здание абсолютно новое. <...> И актеры у нас есть потрясающие, очень тонкие, эрудированные люди (Там же: 22).

Татарский драмтеатр в новое здание большое переехал. <...> Там очень внутри красиво. <...> Я сама очень люблю театр, татарский театр... прям на душу лежит. <...> Татарский язык вот именно в театре очень люблю (ПМА 1: 10).

Наконец, в Зеленодольске при артикулировании паритетности культур экспертами отмечалось, что они гордятся фестивалем “Свет Вифлеемской звезды”: “На уровне республики как бы мы ассоциируемся именно с этим праздником”

(ПМА 2: 5). Также в городе начал проводиться день Ивана Купалы. Это объяснялось тем, что среди жителей поселения преобладают русские. Хотя, как и во всех городах Татарстана, здесь проходят и татарские праздники: «Гордимся своим Рождественским фестивалем, который мы на протяжении... 24-х лет проводим. <...> Ну, и “Сабантуй” у нас очень интересно проходит» (Там же: 15). Поэтому было ожидаемо, что и в стрит-арт-проекте “Яркий Зеленодольск”, помимо пейзажей и репрезентации ведущих предприятий города, можно будет увидеть церкви (Свияжского и Раифского комплексов и др.), а также мечети.

В качестве обобщения отметим, что при всей значимости этнической темы в изучаемых промышленных городах она все же остается в них вторичной по отношению к смыслам, связанным с их индустриальным прошлым и настоящим.

* * *

Проведенное исследование позволило выделить основные составляющие образов промышленных городов Татарстана, выявить их типические черты и отличающие друг от друга характеристики. Вербально фиксируемый формат описания данных образов лидерами городских сообществ и “рядовыми” горожанами (ориентирующимися на предлагаемые акторами смыслы и по-своему выражающими их) оказался “созвучным” закрепляемым в городской символике и топонимике, монументальной пропаганде и произведениях искусства смыслам.

1) Общим для изучаемых поселений (как и ряда других промышленных городов России) явилось то, что сохраняющийся индустриальный профиль и конкретная отраслевая специализация продолжают определять их образы. Отсюда обозначение данных поселений как города нефтяников, химиков, машиностроителей, судостроителей. При этом, задавая их ритм и образ жизни, завод выступает для каждого горожанина неким незримым “партнером”: “со-ратником” — в случае его вовлеченности в дела завода, “хозяином” — если чувства сопричастности к его деятельности и проектам нет. Восприятие города-завода зависит и от возможностей самого ведущего предприятия выступить в роли участника городского развития, обеспечить преференции своим работникам. В то же время наблюдается стремление акторов (в том числе связанных с производством) расширить индустриальные смыслы образовательной и научной составляющими.

2) История городов, получающая отражение в их образах, также тесно связана с историей заводов. Иными словами, предприятия выступают не просто смысловой доминантой данных образов, но и в ряде случаев — начальной точкой отсчета исторической памяти горожан. Имеет значение и история возникновения и формирования населения. В связи с этим Набережные Челны обозначались как город инициативных и гордых людей — потомков первостроителей КамАЗа, Нижнекамск — город-труженик больше “крестьянского характера”, Альметьевск — как поселение, где в качестве духовного стержня сохраняется связь с культурой татарской/мусульманской деревни, а Зеленодольск — как город, “лицо” которого определяется прибывшей сюда в периоды эвакуаций инженерной интеллигенцией, отличающейся независимостью суждений.

3) Ряд характеристик определяется пространственной организацией городов, их географическим положением, экологической ситуацией и формирую-

шейся культурной спецификой. Так, Челны — это город широких проспектов и удобной инфраструктуры, сохраняющий “следы” советской эпохи в виде отсутствия центра и многонациональной культуры, которую можно также охарактеризовать как современную индустриальную и авангардную. Нижнекамск — город, поражающий контрастом мощи индустриального пейзажа и уюта городских парков, ищущий и находящий пути разрешения экологических противоречий, с культурой, складывающейся в ходе деятельности местных коллективов и актуализации связанных с окрестностями более давних смыслов. Альметьевск — небольшой, благоустроенный и комфортный для проживания город, культура которого ориентирована на становление креативных индустрий, базирующихся на этнических (связанных прежде всего с локальной татарской традицией) мотивах. Зеленодольск — расположенный недалеко от столицы республики, протянувшийся вдоль Волги (хотя и не имеющий своей набережной) зеленый и спокойный город со своей провинциальной, тесно связанной с Казанью культурой, отличающейся большей связью с русскими/православными традициями.

Таким образом, при обусловленной главной функцией промышленных городов Татарстана схожести их образов, они индивидуальны и отличаются друг от друга связанными со спецификой истории и формирования населения характеристиками, особенностями организации пространства и культуры (в том числе этнической ее составляющей). У каждого из них постепенно формируются свое “лицо”, визуальный облик и характер.

Источники и материалы

- 47 лет 2013 — 47 лет назад Нижнекамску официально присвоили статус города // Официальный сайт Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан. 22.09.2013. <https://e-nkama.ru/news/253/18631>
- Альметьевск б.г. — Альметьевск. Город республиканского подчинения, центр Альметьевского района // Tatarica. Татарская энциклопедия. <https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/almetevsk> (дата обращения: 07.07.2023).
- Амирханов б.г. — Амирханов Р. Когда и кем было основано село Альметьево? // Тюрко-Татарский Мир. <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/8> (дата обращения: 29.03.2024).
- Зеленодольск б.г. — Зеленодольск. Город (с 1932 г.) республиканского подчинения, административный центр Зеленодольского района (с 1958 г.) // Tatarica. Татарская энциклопедия. <https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/zelenodolsk> (дата обращения: 10.07.2023).
- Краткая характеристика 1993 — Краткая характеристика г. Набережные Челны и отраслей городского хозяйства. Набережные Челны, 1993.
- ПМА 1 — Полевые материалы автора. Интервью в семьях жителей промышленных городов Татарстана, 2021 г. (информанты: 1 — Набережные Челны, муж., 32 г.; 2 — Альметьевск, муж., 45 л.; 3 — Нижнекамск, муж., 35 л.; 4 — Набережные Челны, жен., 48 л.; 5 — Нижнекамск, жен., 66 л.; 6 — Нижнекамск, жен., 28 л.; 7 — Альметьевск, жен., 46 л.; 8 — Зеленодольск, жен., 58 л.; 9 — Набережные Челны, жен., 24 г.; 10 — Набережные Челны, жен., 40 л.; 11 — Нижнекамск, муж., 38 л.; 12 — Альметьевск, жен., 43 г.; 13 — Зеленодольск, жен., 50 л.; 14 — Зеленодольск, жен., 17 л.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспертные интервью в промышленных городах Татарстана, 2022 г. (эксперты: 1 – Альметьевск, вед. предпр.; 2 – Нижнекамск, вед. предпр.; 3 – Зеленодольск, работ. культ.; 4 – Зеленодольск, предприн.; 5 – Зеленодольск, креат. индустр.; 6 – Нижнекамск, вед. предпр.; 7 – Набережные Челны, вед. предпр.; 8 – Альметьевск, администр. гор.; 9 – Набережные Челны, предприн.; 10 – Набережные Челны, администр. гор.; 11 – Альметьевск, предприн.; 12 – Нижнекамск, общ. организ.; 13 – Альметьевск, креат. индустр.; 14 – Альметьевск, работ. культ.; 15 – Зеленодольск, работ. культ.; 16 – Набережные Челны, вед. предпр.; 17 – Нижнекамск, работ. культ.; 18 – Нижнекамск, гор. админ.; 19 – Альметьевск, гор. админ.; 20 – Альметьевск, креат. индустр.; 21 – Набережные Челны, гор. админ.; 22 – Набережные Челны, креат. индустр.).

СБ 2023 – Статистический бюллетень “Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан” на начало 2023 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. 25.04.2023. <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie>

Научная литература

- Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2005.
- Горелова Ю.Р.* Образ города в восприятии горожан. М.: Институт наследия, 2019.
- Дранникова Н.В.* Локальная идентичность жителей двух северных городов Архангельска и Северодвинска: опыт сравнительного анализа // Антропология города. Вып. 2, Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / Под. ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УРО РАН, 2020. С. 80–105.
- Дридзе Т.М.* (ред.) Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994.
- Замятин Д.Н.* Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
- Карасева А.И.* К вопросу о культурной специфике северных городов (рец. на: Антропология города. Вып. 2. Северный город: культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / Под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова. М., 2020) // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010158>
- Карачурина Л.Б.* Урбанизация по-русски. Тенденции последних 20 лет // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 10–24.
- Малькова В.К., Тишков В.А.* (ред.) Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.
- Лидодия Ю.А.* Образ города в рамках социальной психологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 1. С. 86–87.
- Султанова Р.Р.* Искусство новых городов Татарстана (1960–1990-е годы): живопись, графика, монументально-декоративное искусство, скульптура. Казань, 2001.

- Шаббаев Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
- Шуницина О.А. и др. Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6 (1). С. 125–144. <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>
- Gospodini A. Portraying, Classifying and Understanding the Emerging Landscapes in the Post-Industrial City // *Cities*. 2006. Vol. 23 (5). P. 311–330. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2006.06.002>
- Harcup T. Re-Imaging a Post-Industrial City: The Leeds St Valentine's Fair as a Civic Spectacle // *City*. 2000. Vol. 4 (2). P. 215–231. <https://doi.org/10.1080/13604810050147839>
- Hodson P. Titanic Struggle: Memory, Heritage and Shipyard Deindustrialization in Belfast // *History Workshop Journal*. 2019. Vol. 87. P. 224–249. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
- Rodwin L., Hollister L.M. (eds.) *Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences*. N.Y.: Plenum press, 1984.

Research Article

Makarova, G.I. Images of Industrial Cities of Tatarstan in the Vision of the Leaders of Urban Communities and Ordinary Residents [Obrazy promyshlennykh gorodov Tatarstana v videnii liderov gorodskikh soobshchestv i prostykh zhitelei]. *Этнографическое обозрение*, 2024, no. 4, pp. 183–204. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040102> EDN: AXWZLC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Guzel Makarova | <http://orcid.org/0000-0002-3912-0961> | makarova_guzel@mail.ru | Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7A Baturina St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russia)

Keywords

non-capital industrial city, city image, industrial identity, urban history, spatial sociocultural environment, ethnocultural specifics of city, actors of city development, Tatarstan

Abstract

The article examines the verbally recorded dominants of the vision and construction of images of non-capital industrial cities of Tatarstan by their leading actors, accepted and described in their own way by ordinary citizens. They are supplemented by the author's personal observations and analysis of the meanings embedded in urban symbols and toponymy, monumental propaganda and works of art. Conducted in 2021–2022 in Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, and Zelenodolsk, expert interviews and problem-oriented interviews with families showed that their industrial specialization (and, accordingly, the designation as a city of mechanical engineers, chemists, oil workers, shipbuilders), as well as the associated features of the mentality of the residents, continued to determine their images. Moreover, the plant becomes a kind of invisible “partner” for every city dweller, setting the rhythm and style of life, key moments of historical memory. At the same time, the individuality of settlements is influenced by the peculiarities of the formation of their population, sociocultural spaces and urban culture, including ethnocultural specifics.

References

- Drannikova, N.V. 2020. Lokal'naia identichnost' zhitelei dvukh severnykh gorodov Arkhangel'ska i Severodvinska: opyt sravnitel'nogo analiza [Local Identity of Residents of Arkhangel'sk and Severodvinsk, Two Northern Cities: Experience in Comparative Analysis]. In *Antropologiya goroda* [Urban Anthropology]. Vol. 2, *Severnyi gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkhticheskikh gorodakh* [The Northern City: The Cultural Space and Cultural Identities in the Arctic and Sub-Arctic Cities], edited by Y.P. Shabaev, I.L. Zherebtsov, and M.A. Omarov, 80–105. Syktyvkar: IIALI Komi NTs URO RAN.
- Dridze, T.M., ed. 1994. *Proгнозное sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problem* [Predictive Social Design: Theoretical, Methodological and Methodological Problems]. Moscow: Nauka.
- Glazychev, V.L. 2005. *Glubinnaya Rossiia: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Gorelova, Y.R. 2019. *Obraz goroda v vospriiatii gorozhan* [The Image of the City in the Perception of Citizens]. Moscow: Institut nasledia.
- Gospodini, A. 2006. Portraying, Classifying and Understanding the Emerging Landscapes in the Post-Industrial City. *Cities* 23 (5): 311–330. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2006.06.002>
- Harcup, T. 2000 Re-Imaging a Post-Industrial City: The Leeds St Valentine's Fair as a Civic Spectacle. *City* 4 (2): 215–231. <https://doi.org/10.1080/13604810050147839>
- Hodson, P. 2019. Titanic Struggle: Memory, Heritage and Shipyard Deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal* 87: 224–249. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
- Karachurina, L.B. 2012. Urbanizatsiia po-rossiiski. Tendentsii poslednikh 20 let [Urbanization, Russian Style: Trends of the Last 20 Years]. *Otechestvennye zapiski* 3 (48): 10–24.
- Karaseva, A.I. 2022. K voprosu o kul'turnoi spetsifike severnykh gorodov [On the Unique Cultural Features of the Northern Urbanity]: A Review of *Antropologiya goroda* [Urban Anthropology]. Vol. 2, *Severnyi gorod: kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkhticheskikh gorodakh* [The Northern City: The Cultural Space and Cultural Identities in the Arctic and Sub-Arctic Cities], edited by Y.P. Shabaev, I.L. Zherebtsov, and M.A. Omarov. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010158>
- Malkova, V.K., and V.A. Tishkov, eds. 2012. *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest* [Culture and Space: Historical-Cultural Brands and Images of Territories, Regions and Localities]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2012.
- Pidodnia, Y.A. 2010. Obraz goroda v ramkakh sotsial'noi psikhologii [The Image of the City in the Framework of Social Psychology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* 1: 86–87.
- Rodwin, L., and L.M. Hollister, eds. 1984. *Cities of the Mind. Images and Themes of the City in the Social Sciences*. New York: Plenum press.
- Shabaev, Y.P., A.P. Sadokhin, O.V. Labunova, and N.N. Sazonova. 2018. Antropologicheskoe ponimanie goroda i metodologiya urbanisticheskogo izucheniia [Anthropological Understanding of the City and Urban Research Methodology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 3 (145): 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>

- Shipitsyna, O.A., et al. 2021 Gornozavodskaya i ravninno-fabrichnaya tsivilizatsiya Rossi: industrial'noe nasledie i gorodskaya identichnost' [Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* 6 (1): 125–144. <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>
- Sultanova, R.R. 2001. *Iskusstvo novykh gorodov Tatarstana (1960–1990-e gody): zhivopis', grafika, monumental'no-dekorativnoe iskusstvo, skulptura* [Art of the New Cities of Tatarstan (1960–1990s): Painting, Graphics, Monumental and Decorative Art, Sculpture]. Kazan.
- Zamiatin, D.N. 2013. Geokul'turnyi brending territorii: kontseptual'nye osnovy [Geocultural Branding Territory: Conceptual Bases]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* 5: 11–23.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ МОТУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЙ: ЖИЗНЬ МЕЖДУ ДВУХ МИРОВ (О-В НОВАЯ ГВИНЕЯ)

Н.Н. Миклухо-Маклай, И.В. Чининов

Николай Николаевич Миклухо-Маклай | <http://orcid.org/0000-0002-5085-1693> | nn@mikluho-maclay.ru | руководитель Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона, научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании | Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка 12, Москва, 107031, Россия)

Игорь Викторович Чининов | <http://orcid.org/0000-0002-1614-5699> | к.и.н. | Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Папуа — Новая Гвинея, меланезийцы, моту, Порт-Морсби, системы обмена, социальная структура, колониальная администрация, Миклухо-Маклай, Хануабада

Аннотация

Меланезийцы моту издревле играли значительную роль в экономической жизни многих папуасских и меланезийских сообществ прибрежных районов юго-востока о-ва Новая Гвинея. С конца XIX столетия деревни моту оказались под фактическим управлением колониальных администраций. В 1975 г., после обретения Папуа — Новой Гвинеей независимости, влияние глобализации усилилось, что привело к серьезным культурным трансформациям. Однако, несмотря на это, до настоящего времени моту во многом продолжают сохранять свою культурную идентичность.

Меланезийцы моту с давних пор проживали на юго-востоке о-ва Новая Гвинея и были известны в этих краях как отличные мореплаватели и торговцы. Они оказывали значительное влияние на экономическую жизнь многих папуасских и меланезийских сообществ. В 1873 г. в юго-восточной части острова высадился первый английский путешественник Джон Морсби, а с конца XIX столетия деревни моту оказались под фактическим управлением колониальных администраций. Морсби стал первым белокожим европейцем, которого увидели моту. Бухту, куда зашло английское судно, путешественник назвал порт Морсби в честь своего отца Фэрфакса Морсби. В 1884 г. Порт-Морсби стал частью Британской Новой Гвинее, а через 23 года

Статья поступила 11.12.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 25.06.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Миклухо-Маклай Н.Н., Чининов И.В. Культурные традиции моту через призму столетий: жизнь между двух миров (о-в Новая Гвинея) // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 205–221. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040113> EDN: AXWUWC

Miklouho-Maclay, N.N., and I.V. Chininov. 2024. Kul'turnye traditsii motu cherez prizmu stoletii: zhizn' mezhdv dvukh mirov (o-v Novaia Gvineia) [Cultural Traditions of the Motu through the Prism of Centuries: Life between Two Worlds (New Guinea)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 205–221. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040113> EDN: AXWUWC

вошел в состав Австралии. Современный город Порт-Морсби расположен между заливами Порт-Морсби-Бей и Валтер-Бей и окружен живописными горами Тоуагуба и Паго. Моту продолжают жить на земле своих предков, преимущественно на побережье.

В 1877–1878 гг. Порт-Морсби и его окрестности стали территорией, где активно действовали прибывшие из Австралии золотоискатели. Однако эта кампания не увенчалась успехом: большая часть австралийцев, заболев малярией, умерла, а выжившие вернулись домой и принесли весть о неудачном походе, которая быстро распространилась (*Finsch* 1888). В 1949 г. Порт-Морсби вошел в состав нового крупнейшего островного государства Океании Папуа – Новая Гвинея (ПНГ). После Второй мировой войны город стал основным культурным центром страны, а после провозглашения независимости 16 сентября 1975 г. ее столицей.

Океания состоит из более чем 25 тыс. островов, она делится на Меланезию, Микронезию и Полинезию (в регион также входят Австралия и Новая Зеландия). Заселение Океании по историческим меркам происходило сравнительно поздно. Первые сведения о папуасах о-ва Новая Гвинея могут быть отнесены ко времени – около 40 тыс. лет назад. В Европе же узнали о таинственных островах Океании только после кругосветного плавания 1519–1522 гг. Фернана Магеллана. Российские исследования региона начались с научной экспедиции И.Ф. Крузенштерна (1770–1846) и Ю.Ф. Лисянского (1773–1837) на шлюпах “Надежда” и “Нева”, продолжавшейся с 1803 по 1806 г. (*Миклухо-Маклай-младший* 2020а). Эта кругосветная экспедиция, имевшая целью поиски морских путей из Балтики в Русскую Америку, открыла России “дорогу” в мировой океан и положила начало русским научным исследованиям и открытиям (см., напр.: *Макаров* 1894).

Исследования в Южно-Тихоокеанском регионе во второй половине XIX в. тесно связаны с именем выдающегося ученого, путешественника, гуманиста и общественного деятеля Н.Н. Миклухо-Маклая (1846–1888), который внес огромный вклад в изучение народов о-ва Новая Гвинея, особенно его северо-востока.

В 1870 г. Миклухо-Маклай сделал сообщение в Русском географическом обществе о выборе Новой Гвинеи центром своих исследований. В результате, получив денежную субсидию и разрешение Александра II, он отправился на корвете “Витязь” к Новой Гвинее. После одиннадцати месяцев пребывания в пути, 19 сентября 1871 г., он высадился в северо-восточной части Новой Гвинеи – на берегу залива Астролябия, вскоре переименованном им в Берег Маклая (*Ревуненкова* 2021: 9).

С тех пор жизнь и деятельность знаменитого путешественника были тесно связаны с Новой Гвинеей.

После развала Российской империи и прихода большевиков в 1917 г. экспедиции российских исследователей в Океанию прекратились. Только после Великой Отечественной войны, в 1950-х годах, в Советском Союзе стали организовывать регулярные рейсы в Тихий океан. Ученые Академии наук СССР на судне “Витязь” дважды посещали Берег Маклая – в 1966 и в 1970 гг. “Витязь” заходил в залив Астролябия, на берегу которого ученый-первопроходец прожил среди первобытного народа 2,5 года.

В 1971 г. научно-исследовательское судно “Дмитрий Менделеев” под командованием капитана М.В. Соболевского совершило большое путешествие по островам Океании. Рейс был посвящен 125-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая и 100-летию со дня его первой высадки на северо-востоке острова. Начальником экспедиции был океанолог А.А. Аксенов, а этнографический отряд, в состав которого входили В.Н. Башилов, Н.А. Бутинов, М.В. Крюков, Н.М. Гиренко, О.М. Павловский, Б.Н. Путилов и И.М. Меликсетова, возглавлял Д.Д. Тумаркин. Команду дополняли два кинооператора — В.Г. Рыклин и А.Н. Попов. Советские ученые ставили перед собой цель провести исследования в тех же деревнях, которые во второй трети XIX в. изучал Н.Н. Миклухо-Маклай. По итогам экспедиции были опубликованы многочисленные статьи, основанные на уникальном полевом материале (Токарев 1975; Тумаркин 1975; Башилов 1975; Бутинов 1975а, 1975б; Меликсетова 1976; Крюков 1989).

В 1977 г. судно “Дмитрий Менделеев” вновь отправилось в Океанию. На его борту было пятеро ученых-этнографов: Д.Д. Тумаркин (начальник отряда), В.Н. Башилов, И.М. Меликсетова, Е.Н. Кальшиков и В.Н. Шамшуров, кинодокументалисты В.Г. Рыклин и А.Н. Попов, уже имевшие опыт работы в экспедиции 1971 г., а также художники М.Л. Плахова и Б.В. Алексеев. Ученые продолжили исследования на северо-востоке о-ва Новая Гвинея.

Новый этап изучения народов Океании российскими учеными непосредственно связан с Фондом сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. Созданный в 2017 г., Фонд осуществляет организационную и финансовую поддержку экспедиций, продолжающих в XXI в. славные традиции отечественных исследований. В 2017, 2019, 2023 и 2024 гг. были организованы экспедиции ученых-этнографов из Москвы и Санкт-Петербурга в Папуа — Новую Гвинею¹. Экспедиции 2019 и 2023 гг. были посвящены исследованию центрального региона страны, в особенности прибрежных деревень, расположенных неподалеку от Порт-Морсби. Ученые посетили крупнейшее поселение австронезийскоязычного народа моту д. Хануабаду, где были сделаны интересные наблюдения.

В исследованиях, позволивших посмотреть на народ моту через призму столетий, самое активное участие принял талантливый ученый Игорь Викторович Чининов, посвятивший изучению народов Океании не один десяток лет. Игорь с детства увлекался данной темой и обладал поистине энциклопедическими знаниями в этой области. Сотрудник центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН), ученик Даниила Давидовича Тумаркина², И.В. Чининов (1974—2021) скончался внезапно во время эпидемии ковида на подъеме научной карьеры. В профессиональной деятельности Игоря Викторовича отличало умение видеть суть вопроса, выявлять главное и отсеивать второстепенное. Как представитель ИЭА РАН он был в составе первой и второй (2017 и 2019 гг.) российских экспедиций в Папуа — Новую Гвинею³, возродивших в XXI в. интерес к этому региону. На основании собранных полевых материалов ученым-этнографом был подготовлен и опубликован ряд статей (см., напр.: Чининов 2019, 2021). И.В. Чининов отличался исключительной порядочностью и стойкостью, которые проявлялись как в полевой, так и кабинетной работе — в обработке и анализе полученных данных. Материал, представленный в статье, собран и подготовлен к публикации совместно Н.Н. Миклухо-Маклаем младшим и И.В. Чининовым.

Меланезийцы моту: история прошлых столетий

Моту традиционно населяли и населяют в настоящее время 13 деревень на юго-восточном побережье Новой Гвинеи, к западу и востоку от столицы Порт-Морсби. В постконтактную эпоху возникла еще одна (четырнадцатая) деревня (Groves 1991: 212). В этнокультурном отношении этот народ подразделялся на западных (семь деревень) и восточных (четыре деревни) моту. В деревнях западных моту Татана, Вабукори и Боера в отдельных кварталах проживала папуасоязычная этническая группа коита, считавшая себя отличной по происхождению от моту (Oram 2011: 3). Недалеко от побережья были и деревни, населенные только коиту, но существование в тесном контакте с моту привело в настоящее время к ассимиляции коиту.

Главным занятием моту было рыболовство, значительно меньшую роль играло земледелие. Из сельскохозяйственных культур в основном выращивали ямс, бананы и кокосы, но полученных продуктов было недостаточно для самообеспечения. Для удовлетворения своих потребностей моту участвовали в различных торговых операциях, взаимодействуя со своими близкими и дальними партнерами: обменивали рыбу, гончарные изделия и украшения с церемониальным орнаментом на необходимую им продукцию. Кроме того, моту разводили свиней, которых чаще всего использовали в церемониальных целях (Groves 1991: 213).

Традиционно хижины моту были свайными и сооружались над водой у побережья; деревни имели линейную планировку. В каждой линии постройки были связаны друг с другом деревянными мостками. “Поселки моту дел[ились] на несколько кварталов, каждый из которых занима[л] один патрилинейный клан (*идуху*). Такие локальные *идуху* группир[овались] в более крупные нелокальные единицы, также называвшиеся *идуху*. Последние [были] рассеяны по нескольким поселкам” (Беллвуд 1986: 104). Лидерство было как наследуемым, так и приобретаемым. Во главе деревни стоял самый старший потомок по мужской линии ее основателя. Но его позиция была скорее *primus inter pares* (первый среди равных) в отношении глав кланов. Последние выполняли важные ритуальные функции и имели хоть и значительную власть, но не до уровня авторитарного контроля над членами своих кланов. Индивиды, приобретавшие известность как искусные воины, рыболовы, земледельцы, а также проводившие торговые экспедиции *хири*, назывались *лохуа* (Oram 2011: 5).

Особую известность в этнологической науке получили торговые экспедиции *хири* (см., напр.: Dutton 1982; Skelly, David 2017; Бромлей 1986), осуществлявшиеся западными моту (включая выходцев из деревень Татана, Вабукори и Боера). Существовало два типа экспедиций *хири*: короткое — *хирилоу* (или *хириквадоги*) и длинное — *хирилата* (или — в некоторых деревнях — *даива*). Экспедиции совершались на больших (от 3 до 14, иногда и до 16 м) многокорпусных судах *лагатоу* вдоль берегов залива Папуа. Корпуса (*аси*) этих судов имели клювообразные концы, а паруса из циновки, сплетенных из листьев пандануса, были выполнены в форме клешни краба. С судном *лагатоу*, обрядами, сопутствующими его постройке, и с самой экспедицией были связаны специальные песни — *лагатоу эхона*, посвященные созданию судов как части особого ритуала.

Регион, охватываемый в ходе экспедиций *хири*, начинался от залива Папуа в районе мыса Позешн, где проживает папуасоязычное население. Свой тор-

говый регион моту разделяли на четыре ареала: Даива (население в основном австронезийскоязычное), Конеконе, Мареа и Намау (жители говорят на языках элеманской языковой семьи, в которую входят тоарипи, таирума, кеуру, опао и ороколо). В ареалы Даива и Конеконе западные моту совершали короткие экспедиции — *хирилоу*, во время которых выменивали у местных жителей ямс, таро, кокосы, сахарный тростник, бетель и саго; путь туда и обратно занимал около трех недель. Экспедиции *хирилата*, в ходе которых западные моту выменивали саго, совершались в ареалы Мареа и Намау и могли длиться до четырех месяцев и более (Oram 2011: 8).

Восточные моту не организовывали экспедиций в доконтактную эпоху, во-первых, из-за сравнительно хорошей обеспеченности растительной пищей, а во-вторых, из-за частых войн с западными моту. Следует отметить, что междоусобные войны были довольно заурядным явлением для всего региона, что приводило к частым перерывам в торговой деятельности жителей различных ареалов (Mennis 2015).

В экспедициях *хири* преследовались в первую очередь экономические цели. В периоды относительно хороших урожаев западные моту не предпринимали плаваний в торговые ареалы. Кроме того, сама организация *хири* была довольно сложной и требовала длительной подготовки. Руководить экспедицией могли любые взрослые мужчины, а не только старшие члены клана. Большинство *хири* возглавляли два лидера — *бадитауна* и *доритауна*, каждого из которых сопровождали “человек мачты” и “человек паруса”. *Бадитауна* являлся организатором (“продюсером”) *хири*, он руководил первой частью плавания, в том числе торговыми операциями. *Доритауна* возглавлял экспедицию на обратном пути. Сами лидеры не управляли судном, а во время плавания ритуально размещались на циновке. *Бадитауна* и *доритауна* пользовались огромным авторитетом. Тем не менее иногда экспедиции обходились и без них — когда у кого-нибудь из местных жителей было достаточно ресурсов для организации собственного *хири*. Таких людей называли *хиридуду* (Oram 2011: 12).

Главным меновым товаром у моту были керамические горшки, которые производились исключительно женщинами. Эти изделия были различных типов: горшки для приготовления пищи, горшки для воды, чаши, маленькие горшки. Но именно первые были самым ходовым товаром, а по некоторым источникам, только они служили предметом обмена с обитателями залива Папуа. Важно отметить, что в деревнях Татана и Вабукори в доконтактную эпоху не изготавливались гончарные изделия, и их жители обменивали особые бусы из раковин на глиняные горшки в других деревнях моту. Кроме керамической посуды товарами для обмена служили также изделия из раковин и клыков свиней, ожерелья из собачьих зубов (Dutton 1982: 101).

Когда *лагатои* прибывала в какую-либо деревню на побережье залива Папуа, *бадитауна* встречал его местный торговый партнер, а само судно местные жители вытаскивали на берег вблизи поселения. Старейшины помогали завязывать дружественные контакты для успешной торговли, после чего начинался обмен глиняных горшков на саго. Кроме того, местные жители изготавливали новые корпуса для *лагатои* и поставляли их моту.

За одно путешествие моту могли приобрести 12 и более корпусов каноэ у своих партнеров в тех регионах, которые посещали. Новыми корпусами моту дополняли свои каноэ сразу после их получения: конструкции судов разбира-

лись, к старым корпусам добавлялись новые, а затем *лагатоту* собирались вновь. Во время этих судостроительных работ моту проживали в хижинах на берегу, специально построенных для них местными жителями, путешественников обеспечивали пищей. Это время использовалось для получения большего количества саго, его грузили в том числе и на новые корпуса (*Oram* 2011: 17).

Количество *лагатоту*, отправлявшихся в экспедиции *хири* к берегам залива Папуа, достигало 20, а общая численность команд — 600 человек. Загружалось до 30 тыс. горшков, в среднем по 1500 на каждом судне. На обратном пути в одно каноэ помещали от 25 до 35 т саго в зависимости от количества корпусов. Отдельная деревня моту могла снаряжать в экспедицию два или три *лагатоту*, и, таким образом, общий груз саго, привозимого в деревню, мог быть довольно значительным. Тем не менее этих запасов хватало всего на три месяца, хотя численность населения большинства деревень моту в доконтактную эпоху была приблизительно 300 человек (Хануабада насчитывала порядка 800 человек). Привезенное саго распределяли среди жителей, не жалея, и вскоре моту снова испытывали острую нехватку продовольствия. Часть саго выделялась некоторым этническим группам коита и хула в рамках функционировавших между ними и моту определенных социально-экономических взаимоотношений. После возвращения экспедиций *хири* в деревнях моту начинались длительные пиршества, сопровождавшиеся танцами.

Моту оказали определенное культурное влияние на некоторые народы юго-восточного и отчасти южного побережья Новой Гвинеи. Например, папуасская этническая группа тоарипи, проживающая на побережье залива Папуа, заимствовала у моту не только суда *лагатоту*, но и систему торговых экспедиций (*Haddon, Hornell* 1975: 230).

Контакты моту с западным миром начались в 1872 г., когда в регион их обитания прибыли первые христианские миссионеры. В 1884 г. над юго-восточной частью Новой Гвинеи был установлен британский протекторат, и моту, особенно те, что проживали в деревнях недалеко от Порт-Морсби, стали активно вовлекаться в экономическую, социальную и политическую жизнь колонии. Ранние колониальные власти нанимали моту, а также полицейских с Соломоновых островов, которые осваивали упрощенный вариант языка моту во время своего размещения в Порт-Морсби, для работы в отдаленных административных округах. В результате этот вариант, изначально называвшийся “полицейский моту”, а позже “хири-моту”, стал лингва франка в Папуа (*Damton* 1986). В настоящее время хири-моту является одним из официальных языков Папуа — Новой Гвинеи (Там же: 56).

Моту из близлежащих к Порт-Морсби деревень обучались английскому языку в миссионерской школе; их нанимали на различные офисные должности в столице. Тем не менее до Второй мировой войны только небольшая часть жителей деревень в окрестностях Порт-Морсби “работала за деньги”, подавляющее большинство продолжало вести традиционный образ жизни. С началом войны моту нарастающими темпами вовлекаются в индустриальную экономику Порт-Морсби; сначала это жители близлежащих к городу поселений, а позже и жители отдаленных деревень (*Groves* 1991: 213). В настоящее время большинство моту так или иначе принимают участие в экономической жизни Независимого Государства Папуа — Новая Гвинея.

Деревня Хануабада (“Великая деревня”; на языке племени моту *хануа* обозначает “большой” или “обширный”, а *бйда* — “обитаемая страна” или “деревня”)

стала целью исследования экспедиций 2019 и 2023 гг., организованных Фондом им. Миклухо-Маклая, — в них приняли участие ученые из ИВ РАН и ИЭА РАН. Хануабада — фактически своеобразный кластер деревень моту и коита: Хоходае (коита), Порепорена (моту), Танобада (моту), Гуриу (коита), Элевала (моту). Первые две деревни образуют группу, также называемую Хануабада, последние три — группу Элевала (*Belshaw* 1957: 12).

Отметим, что это поселение в 1880 г. ненадолго (на 7 дней) посетил Н.Н. Миклухо-Маклай (в своих трудах он называет его Ануапата). Исследователь оставил ценные описания хижин и судов местных жителей:

Вечером отправился в деревню, состоящую из хижин, построенных на высоких кривых сваях на самом краю песчаного берега, так что при приливе сваи находятся в воде, но и тогда при помощи подмостков в эти хижины можно пробраться, не замочив ног. Вдоль по берегу тянется улица. Некоторые из хижин были в два этажа, нижний этаж не имел стен, а состоял только из пола, над которым возвышалась собственно хижина. За некоторыми хижинами стояла вторая, а иногда и третья, и все три были соединены мостками. Проходя по улице, я заметил около одной платформы небольшое место, покрытое циновкой, и узнал, что это не что иное, как могила недавно умершего туземца. Проходя из одной деревни в другую по берегу, я увидел несколько обрубков громадных стволов, отчасти выдолбленных, до 60 ф. длиною и 3 ф. в диаметре. Туземцы связывают их по два и употребляют для плавания вдоль берега. Они направляются до Fresh water Bay, где, кроме закупки саго, занимаются также рубкою этих стволов, долблением их и т.д., а затем возвращаются, связав выдолбленные стволы вместе. Эти неуклюжие суда, со многими парусами и большою платформою, на которой построена одна или несколько хижин, называются “лакатою” (*Миклухо-Маклай* 2020. Т. 4: 328–329).

Хануабада: жизнь между двух миров

В настоящее время д. Хануабада является крупнейшим поселением моту численностью порядка 20 тыс. человек. Поселение находится в угрожающей близости от Порт-Морсби, так как быстрорастущая столица Папуа — Новой Гвинеи с каждым годом расширяет свои границы, поглощая окрестные деревни (*Lavi* 2012).

В апреле 2019 г. авторы статьи смогли не без труда согласовать с местными старейшинами посещение Хануабады. Расположенная на побережье деревня закрыта для свободного посещения европейцев (без специального согласования это невозможно), тем не менее “званным гостям” жители, считающие Хануабаду своим домом, традиционно рады. Визитов чужаков местные опасаются не без причины. Это связано с желанием крупных строительных компаний, приобретающих землю под свои проекты, повлиять на освобождение прибрежной территории поблизости от столицы (ПМА 2019).

Для получения разрешения на посещение деревни ее глава Джилонг Аума пригласил нас в одну из хижин на прибрежной территории. Мы рассказали ему о визите Н.Н. Миклухо-Маклая в Хануабаду в XIX в., познакомили с описанием поселения, которое великий путешественник оставил в своих дневниках, а также

Рис. 1. Деревня Хануабада, вид с берега. Порт-Морсби, Папуа — Новая Гвинея. 2019 г. Предоставлено Фондом им. Миклухо-Маклая

показали документальный фильм на английском языке “Путешествие папуасов в Россию” (2018)⁴ о дружественном визите преподавателей университетов ПНГ в Москву и Санкт-Петербург. Благоприятное воздействие на решение главы деревни оказало также совместное фото российских исследователей с основателем независимого государства Майклом Сомаре, сделанное на Берегу Маклая в период экспедиции 2017 г.⁵ Джилонг Аума подробно расспрашивал нас о целях посещения Хануабады и, узнав, что ученые хотят сделать описание поселения, зафиксировать те изменения, которые произошли с течением времени, он не просто одобрил визит, но и предоставил нам проводника для путешествия по деревне.

Первое, на что мы обратили внимание, — постройки. Они по-прежнему сооружаются на высоких кривых сваях, и большая их часть возведена на мелководье, как и в доконтактную эпоху. Между домами также проложены мостки, выполняющие роль улиц. Строения уходят не менее чем на 300 м в залив Папуа, граничащий с Коралловым морем (ПМА 2019).

Территория современного поселения начинается от набережной Эла бич (Ela Beach Road). На побережье между домами пришвартованы каноэ, их в основном используют, чтобы по воде подойти к хижине для ремонта или чтобы добраться до места возведения новых строений. Ловлей рыбы вблизи деревни не занимаются из-за загрязнения прибрежных вод. На качество воды влияет как то, что деревня находится фактически в черте современного города, так и отсут-

Рис. 2. Деревня Хануабада, местные жители. Порт-Морсби, Папуа — Новая Гвинея. 2019 г. Предоставлено Фондом им. Миклухо-Маклая

ствие привычной канализации: здесь традиционно используются специальные отстойники для сбора продуктов жизнедеятельности, которые при заполнении опорожняются.

При осмотре домов невозможно не обратить внимания на порядок и чистоту. Внутреннее пространство строений разделено на несколько комнат, в некоторых домах выделено место для детей — там размещены их учебные принадлежности. Убранство домов достаточно простое; привычные телевизоры и радиоприемники встречаются редко, однако они постепенно входят в жизнь деревни, для их работы используют солнечные батареи и аккумуляторы. Хижины зачастую построены одна за другой, так что добраться до своего дома можно только пройдя через комнаты соседей — такое расположение приветствуется среди родственников. Чистота на мостках-улицах между домами поддерживается сменными дежурными (Там же).

Для приготовления пищи оборудованы небольшие пространства, где на огне готовится еда. Из домашних животных можно встретить небольших, около 40–50 см в холке, собак светлого окраса — они распространены по всей ПНГ, их породу установить не удалось. У некоторых жителей с внешней стороны дома обустроена клетка, где они держат поросенка, однако это редкость, свиньи здесь в большой цене и используются в основном как подарок-выкуп на свадьбу или во время празднования Рождества, которое в ПНГ является государственным праздником (ПМА 2019).

Рис. 3. Деревня Хануабада, клетка для содержания свињи. Порт-Морсби, Папуа – Новая Гвинея. 2019 г. Предоставлено Фондом им. Миклухо-Маклая

В 1880 г. Н.Н. Миклухо-Маклай так описывал хижины и их убранство:

Я отправился затем в одну из хижин и нашел их почти пустыми; кроме очага, состоящего из плоского ящика с землею, и нескольких сетей и оружия, ничего не было; пол из кривых палок разной толщины, со множеством щелей был очень неудобен; по крайней мере в башмаках ходить по нем небезопасно: того и гляди, можно провалиться. Туземцы же ходят босыми ногами по этим жердям с большим проворством. На веранде я примостился и нарисовал соседнюю хижину, которая может служить здесь образчиком этих построек. Длинный конек хижины выдвигается метра на $1\frac{1}{2}$ над верандой; к нему были прикреплены на длинной веревке разные предметы: листья, скорлупы сухих кокосовых орехов, перья и т.п.; движимые ветром, они производят разнообразный шум, сообразно силе ветра. <...> Смотри на детей, не умеющих еще ходить, ползающих по дырявой веранде без перил, я удивлялся, что несчастных случаев встречается, как говорят, очень мало (Миклухо-Маклай 2020. Т. 4: 344).

На набережной находятся два рынка, относящихся к владениям моту. Рынок Коки (Koki market) — центр торговли свежей рыбой Порт-Морсби. В ходе опроса торговцев рынка удалось выяснить, что рыбу ежедневно доставляют на моторных

Рис. 4. Вид на д. Хануабада и рыбный рынок Коки (здание с красной крышей). Порт-Морсби, Папуа — Новая Гвинея. 2019 г. Предоставлено Фондом им. Миклухо-Маклая

лодках рыбаки моту, которые проживают на о-ве Рыбы (Fish Island) в двух часах хода на обычной лодке с мотором; численность жителей острова около 300 человек. Рыбаки находятся в постоянном контакте с главой д. Хануабада, согласовывая с ним поставки. Контролирует работу рынка один из сыновей Джилонг Аумы. В нескольких сотнях метров восточнее рыбного рынка расположен рынок Бадили (Badili market), предлагающий товары на любой вкус, его регулярно посещают и сами жители д. Хануабада, и рыбаки, закупая все необходимое на деньги, полученные от продажи рыбы. В настоящее время в некоторых случаях осуществляется и натуральный обмен улова на нужные рыбакам товары (ПМА 2023).

Внешне дома, на первый взгляд, очень схожи со строениями, описанными Миклухо-Маклаем в XIX в., однако при детальном рассмотрении обращаешь внимание на то, что современные материалы полностью вытеснили натуральные, используемые ранее. Население носит одежду европейского покроя, различные аутентичные украшения в повседневной жизни не используются. Тем не менее жители и Хануабады, и других деревень моту сохраняют устойчивую самоидентичность и приверженность некоторым традициям своих предков, что особенно наглядно проявляется во время различных культурных фестивалей, когда моту наряжаются в традиционные костюмы, исполняют народные песни и танцы. Своеобразным символом приверженности традициям остаются *лага-тои*, которые моту изготавливают и сегодня.

В ходе опроса выявлена устойчивая приверженность традиционному образу жизни: несмотря на то что немалая часть моту активно интегрировалась в современное общество, люди предпочитают оставаться в домах, построенных точно так же, как строили их предки; внутри деревни сохраняется преданность своим кланам, численность которых может сильно разниться, но в среднем составляет около 300 человек. За каждым кланом закреплена своя территория (ПМА 2019, 2023). Разные кланы мирно соседствуют в рамках одной деревни, они подчиняются верховному вождю, который определяется посредством выборов. Жители поселения ходят на работу в современные офисы в столице, дети посещают школы, некоторые молодые люди учатся в университетах. Но вечером, когда люди возвращаются в свои дома на воде, все они занимаются поддержанием своего хозяйства, кормят свиней, ловят рыбу, охотятся в горах и на материке. Моту не могут представить существование своей семьи, своего дома вне большого прибрежного сообщества своей деревни.

У моту сохранилось патрилинейное родовое устройство. Многие века пары создавались по соглашению между родителями жениха и невесты, но с конца XX в. молодые сами могут делать выбор. Свадьбы традиционно проходят с выкупом за невесту; в ряду множества подарков обязательно есть свинья. Обычный выкуп — 15–20 свиней плюс украшения и деньги, но за хорошую невесту ее родителям могут дать и 50 свиней (*Lavu* 2012). Стоимость поросенка весом в 40 кг эквивалентна \$850. Размер выкупа обсуждается отцами “детей”, но окончательное решение принимает отец жениха. Если ему нравится выбор сына, он может заплатить высокую цену. Есть и важные нюансы выкупа, сохранившиеся из прошлого: его выплачивают не сразу. После свадьбы девушка переселяется в дом жениха и входит в новую семью, члены которой к ней присматриваются. Хорошая жена должна помогать свекрови, сохранять верность мужу; она должна родить детей. Иногда проходит несколько лет, прежде чем родители девушки получают выкуп, оговоренный до свадьбы.

Моту, живущие в Хануабаде, верят, что это их родовой законный дом, где они чувствуют себя в безопасности. Переезды в другие места, если они рассматриваются, должны осуществляться семейными группами на земли, расположенные поблизости и имеющие отношение к их клану, чтобы переехавшие могли поддерживать традиционный образ жизни и культурные связи с родной деревней. И даже те (их совсем немного), кто не хочет оставаться в Хануабаде, в основном из-за традиционных обязательств (участие в общих расходах: сбор выкупа за невесту, организация пира в связи со смертью), сказывающихся на индивидуальных доходах, боятся разрыва со своим кланом и сообществом в целом. Семьи, которые хотели бы переехать из Хануабады из-за стесненных условий жизни, не решаются это сделать, так как считают, что не получают необходимого благословения старейшин клана на такой шаг. Привычная многовековая традиция поддержки каждого жителя деревни своим кланом удерживает и молодых людей на их нынешнем месте жительства (*Lavu* 2012).

* * *

Меланезийцы моту, оставившие глубокий след в истории прибрежных районов юго-востока о-ва Новая Гвинея, до сегодняшнего дня продолжают сохранять ряд своих аутентичных традиций, несмотря на огромные экономические

и социальные перемены, произошедшие на острове за последние 100 лет. Есть надежда, что моту сохраняют свою идентичность и не утратят свою уникальную культуру. Находясь между двух миров, они делают все возможное, чтобы следовать традициям предков, не отвергая современного образа жизни, но и не позволяя ему возобладать над традиционным укладом.

В настоящее время право на владение прибрежной территорией залива Папуа, где расположена д. Хануабада, юридически закреплено за ней. Глава деревни представил нашей исследовательской группе для ознакомления документ, подтверждающий это (ПМА 2023).

Авторы предполагают, что, несмотря на зафиксированные перемены и влияние глобализации, гордость за своих предприимчивых предков, служащая основным стимулом сохранения традиций, позволит этносу моту, балансирующему сегодня между двух миров, не только сохраниться, но и продолжать комфортно существовать.

Примечания

¹ Об этом см. подробнее: *Миклухо-Маклай-младший* 2020б, 2020в, а также в материале “Экспедиции Миклухо-Маклая июль–август 2023. Озеро Кутубу, Южное нагорье, Папуа – Новая Гвинея” на сайте НКО “ФСЭН им. Миклухо-Маклая”. <https://mikluho-maclay.org/expeditions>

² Подробнее о жизни и деятельности Д.Д. Тумаркина см. на сайте ИЭА РАН. <https://iea-ras.ru/?p=1370>

³ См.: *Миклухо-Маклай Н.Н.* Возрождение российских научных исследований в Папуа – Новой Гвинее в начале XXI в. // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020. Т. 1. № 1 (46). С. 269–284. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-269-284>

⁴ *Journey of Papua New Guineans in Russia*. 2020. <https://www.youtube.com/watch?v=z0UNBm7u-EA>

⁵ Фотография была сделана во время встречи Н.Н. Миклухо-Маклая-младшего с сэром Майклом Сомаре, когда власти Новой Гвинеи назвали деревню, возле которой 146 лет назад высадился российский ученый-этнограф Николай Миклухо-Маклай, в его честь – “Маклай”. <https://tass.ru/obschestvo/4587180>

Источники и материалы

Макаров 1894 – *Макаров С.О.* “Витязь” и Тихий океан. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1894.

ПМА 2019 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в Папуа – Новую Гвинею. Апрель 2019 г.

ПМА 2023 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в Папуа – Новую Гвинею. Май 2023 г.

Finsch 1888 – *Finsch O.* Samoafahrten Reisen in Kaiser Wilhelmsland und Englisch-Neu-Guinea in den 1884 und 1885. An Bord des Deutschen Dampfers “Samoa”. Leipzig: Ferdinand Hirt & Sohn, 1888.

Научная литература

Басилов В.Н. Материальная культура бонгуанцев // *На Берегу Маклая (этнографические очерки)* / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 110–164.

Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. М.: Наука, 1986.

- Бромлей Ю.В. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
- Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск: Книжное изд-во, 1975а.
- Бутинов Н.А. Билбил и Ябоб — центры гончарного производства на Берегу Маклая // На Берегу Маклая (этнографические очерки) / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975б. С. 258–268.
- Даттон Т.Э. Язык хири-моту в Папуа — Новой Гвинее: происхождение и ранние этапы развития // Советская этнография. 1986. № 2. С. 57–60.
- Крюков В.М. Этот таинственный остров Эроманга. М.: Наука, 1989.
- Меликсетова И.М. Встреча с Океанией 70-х годов. М.: Наука, 1976.
- Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020.
- Миклухо-Маклай-младший Н.Н. (отв. ред.) Россия и Океания. Исследования и путешествия россиян в XIX–XXI вв. СПб.: ИВ РАН; Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020а.
- Миклухо-Маклай-младший Н.Н. По следам Миклухо-Маклая. Российские научные экспедиции на берег Маклая в XXI в. // Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: В 6 т. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020б. Т. 1. С. I–XVII.
- Миклухо-Маклай-младший Н.Н. Возрождение российских научных исследований в Папуа — Новой Гвинее в начале XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020в. Т. 1. № 1 (46). С. 269–284. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-269-284>
- Ревуненкова Е.В. Н.Н. Миклухо-Маклай и изучение папуасов Новой Гвинеи // Этнография. 2021. № 3 (13). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3\(13\)-6-26](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-6-26)
- Токарев С.А. (отв. ред.) На Берегу Маклая (этнографические очерки). М.: Наука, 1975.
- Тумаркин Д.Д. По следам “тамо русс” (Советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая (этнографические очерки) / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1975. С. 26–49.
- Тумаркин Д.Д. “О тамо, кайе!” (о полевой работе на Берегу Маклая) // Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН / Отв. ред., сост. И.А. Аржанцева, М.Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 6–30.
- Чининов И.В. Материальная культура жителей деревень Горенду и Бонгу (Новая Гвинея) в начале XXI века: традиции и инновации (по материалам полевых исследований) // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 243–255. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/243-253>
- Чининов И.В. Хозяйственный уклад жителей деревень Горенду, Бонгу и Гумбу (Новая Гвинея) в современных реалиях (по материалам полевых исследований) // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 261–273. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/261-273>
- Belshaw C. The Great Village; The Economic and Social Welfare of Hanuabada, An Urban Community in Papua. L.: Routledge & K. Paul, 1957.
- Dutton T. (ed.) The Hiri in History: Further Aspects of Long Distance Motu Trade in Central Papua. Canberra: The Australian National University, 1982.
- Groves M. Motu // Encyclopedia of World Cultures / Ed.D. Levinson. Vol. II, Oceania / Ed. T.E. Hays. N.Y.: G.K. Hall & Company, 1991. P. 212–215.

- Haddon A.C., Hornell J.* Canoes of Oceania: Three Volumes Combined into One. Honolulu: Bishop Museum Press, 1975.
- Lavu E.* The Demographic Behaviour of an Indigenous Population in Urban Papua New Guinea: The Motu Koitabu of Hanuabada. PhD diss. Flinders University, Adelaide, 2012.
- Mennis M.* Mariners of Madang and Austronesian Canoes of Astrolabe Bay. Port Moresby: University of Papua New Guinea Press, 2015.
- Oram N.* Pots for Sago: The *Hiri* Trading Network // The Hiri in History / Ed.T. Dutton. Port Moresby: Australian National University, 2011. P. 1–33.
- Skelly R.J., David B.* Hiri: Archaeology of Long-Distance Maritime Trade Along the South Coast of Papua New Guinea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017.

Research Article

Miklouho-Maclay, N.N., and I.V. Chininov. Cultural Traditions of the Motu through the Prism of Centuries: Life between Two Worlds (New Guinea) [Kul'turnye traditsii motu cherez prizmu stoletii: zhizn' mezhdv dvukh mirov (o-v Novaia Gvineia)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 205–221. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040113> EDN: AXWUWC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nickolay Miklouho-Maclay | <http://orcid.org/0000-0002-5085-1693> | nn@mikluho-maclay.ru | Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia)

Igor Chininov | <http://orcid.org/0000-0002-1614-5699> | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Papua New Guinea, Melanesians, Motu, Port Moresby, exchange systems, boatbuilding, pottery, social structure, colonial administration, Miklouho-Maclay, Hanuabada

Abstract

The Motu Melanesians have since ancient times played a significant role in the economic life of many Papuan and Melanesian societies in the coastal regions of the southeast of the New Guinea island. From the late nineteenth century onward, Motu villages experienced considerable influence of colonial administrations. Subsequently, following Papua New Guinea's independence in 1975, the impact of globalization intensified, causing significant cultural transformation. To date, however, the Motu continue to maintain their strong cultural identity.

References

- Basilov, V.N. 1975. Material'naia kul'tura bonguantsev [The Material Culture of the Bonguans]. In *Na Beregu Maklaia (etnograficheskie ocherki)* [On the Maclay Coast: Ethnographic Essays], edited by S.A. Tokarev, 110–164. Moscow: Nauka.
- Bellwood, P. 1986. *Pokorenie chelovekom Tikhogo okeana. Yugo-Vostochnaia Azia i Okeaniia v doistoricheskuiu epokhu* [Man's Conquest of the Pacific: The Prehistory of Southeast Asia and Oceania]. Moscow: Nauka.
- Belshaw, C. 1957. *The Great Village: The Economic and Social Welfare of Hanuabada, An Urban Community in Papua*. London: Routledge & K. Paul.

- Bromley, Y.V. 1986. *Istoriia pervobytnogo obshchestva. Epokha pervobytnoi rodovoi obshchiny* [History of Prehistoric Society: The Epoch of Prehistoric Tribal Society]. Moscow: Nauka.
- Butinov, N.A. 1975. *Put' k Beregu Maklaia* [A Way to the Maclay Coast]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
- Butinov, N.A. 1975. Bilbil i Yabob — tsentry goncharnogo proizvodstva na Beregu Maklaia [Bilbil and Yabob — Pottery Production Centers on the Maclay Coast]. In *Na Beregu Maklaia (etnograficheskie ocherki)* [On the Maclay Coast: Ethnographic Essays], edited by S.A. Tokarev, 258–268. Moscow: Nauka.
- Chininov, I.V. 2019. Material'naia kul'tura zhitelei dereven' Gorendu i Bongu (Novaia Gvineia) v nachale XXI veka: traditsii i innovatsii (po materialam polevykh issledovani) [The Material Culture of the Inhabitants of Gorendu and Bongu Villages (New Guinea) at the Beginning of the 21st Century: Traditions and Innovations (Based on Field Research)]. *Vestnik Antropologii* 3: 243–255. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/243-253>
- Chininov, I.V. 2021. Khoziaistvennyi uklad zhitelei dereven' Gorendu, Bongu i Gumbu (Novaia Gvineia) v sovremennykh realiiakh (po materialam poslevykh issledovani) [The Economic System of Gorendu, Bongu, and Gumbu Villagers (New Guinea) in Modern Realities (Based on Field Research)]. *Vestnik Antropologii* 3: 261–273. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/261-273>
- Dutton, T., ed. 1982. *The Hiri in History: Further Aspects of Long Distance Motu Trade in Central Papua*. Canberra: Australian National University.
- Dutton, T.E. 1986. Yazyk khiri-motu v Papua — Novoi Gvinee: proiskhozhdenie i rannie etapy razvitiia [Language of the Motu in Papua New Guinea: Origins and Early Development Stages]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 57–60.
- Groves, M. 1991. Motu. In *Encyclopedia of World Cultures*, edited by D. Levinson. Vol. II, *Oceania*, edited by T.E. Hays, 212–215. New York: G.K. Hall & Company.
- Haddon, A.C., and J. Hornell. 1975. *Canoes of Oceania: Three Volumes Combined into One*. Honolulu: Bishop Museum Press.
- Kryukov, V.M. 1989. *Etot tainstvennyi ostrov Eromanga* [This Mysterious Island of Eromanga]. Moscow: Nauka.
- Lavu, E. 2012. The Demographic Behaviour of an Indigenous Population in Urban Papua New Guinea: the Motu Koitabu of Hanuabada. PhD diss. Flinders University.
- Meliksetova, I.M. 1976. *Vstrecha s Okeanieŭ 70-kh godov* [Meet the Oceania of the 1970s]. Moscow: Nauka.
- Mennis, M. 2015. *Mariners of Madang and Austronesian Canoes of Astrolabe Bay*. Port Moresby: University of Papua New Guinea Press.
- Miklouho-Maclay, N.N. 2020. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works. 6 vols]. St. Petersburg: Fond sokhraneniia etnokul'turnogo nasledii im. N.N. Miklouho-Maclaia.
- Miklouho-Maclay, N.N., Jr., ed. 2020. *Rossiia i Okeaniia. Issledovaniia i puteshestviia rossiian v XIX–XXI vv.* [Russia and Oceania: Research and Travels of Russians in the 19th–21st Centuries]. St. Petersburg: IV RAN; Fond sokhraneniia etnokul'turnogo nasledii im. Miklouho-Maclaia.
- Miklouho-Maclay, N.N., Jr. 2020. Po sledam Miklouho-Maclaia. Rossiiskie nauchnye ekspeditsii na bereg Maklaia v XXI v. [In the Footsteps of Miklouho-Maclay: Russian Scientific Expeditions to the Maclay Coast in the 21st Century]. In

- Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works. 6 vols], by N.N. Miklukho-Maclay, 1: I–XVII. St. Petersburg: Fond sokhraneniia etnokul'turnogo naslediia im. Miklukho-Maclaia.
- Miklouho-Maclay, N.N., Jr. 2020. Vozrozhdenie rossiiskikh nauchnykh issledovaniy v Papua – Novoi Gvinee v nachale XXI v. [Revival of Russian Scientific Research in Papua New Guinea in the Early 21st Century]. *Yugo-Vostochnaia Azia: aktual'nye problemy razvitiia* 1 (1/46): 269–284. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-269-284>
- Oram, N. 2011. Pots for Sago: The *Hiri* Trading Network. In *The Hiri in History*, edited by T. Dutton, 1–33. Port Moresby: Australian National University.
- Revunenkova, E.V. 2021. N.N. Miklukho-Maklai i izuchenie papuasov Novoi Gvinei [N.N. Miklouho-Maclay and His Studies of the Papuans of New Guinea]. *Etnografiia* 3 (13). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3\(13\)-6-26](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-6-26)
- Skelly, R.J., and B. David. 2017. *Hiri: Archaeology of Long-Distance Maritime Trade Along the South Coast of Papua New Guinea*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Tokarev, S.A., ed. 1975. *Na Beregu Maklaia (etnograficheskie ocherki)* [On the Maclay Coast: Ethnographic Essays]. Moscow: Nauka.
- Tumarkin, D.D. 1975. Po sledam “tamo russ” (Sovetskie uchenye v Bongu) [On the Maclay Coast: Ethnographic Essays]. In *Na Beregu Maklaia (etnograficheskie ocherki)* [On the Maclay Coast: Ethnographic Essays], edited by S.A. Tokarev, 26–49. Moscow: Nauka.
- Tumarkin, D.D. 2015. “O tamо, kaie!” (o polevoi rabote na Beregu Maklaia) [“About Tamo, Kaye!” (About Field Work on the Maclay Coast)]. In *Etnografiia polevoi zhizni: vospominaniia sotrudnikov IEA RAN* [Ethnography of Field Life: Memoirs of IEA RAS Employees], edited by I.A. Arzhantseva and M.L. Butovskaia, 6–30. Moscow: IEA RAN.

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

“ГОРИЗОНТЫ ВОООБРАЖЕНИЯ” ВИНСЕНТА КРАПАНЗАНО

М.А. Назарук

Майя Александра Назарук | <https://orcid.org/0000-0002-5114-9740> | majanazaruk.me@gmail.com | независимый исследователь | Монреаль (Канада)

Винсент Крапанзано известен как один из ярких представителей направления так называемой литературной антропологии (“literary anthropology”) — направления, активно развивавшегося в период общего расцвета интерпретативной антропологии, но все реже вспоминаемого в сегодняшние дни. Крапанзано внес большой вклад в продвижение той междисциплинарной области изучения культуры и человека, где пересеклись нарративные и автобиографические методы, психология и философия, поэтика и феноменология. Неизвестный автор словарной статьи о Крапанзано в Википедии довольно грамотно пишет, что последний “часто отзывается о культурной антропологии как о дисциплине философской — во всяком случае такой, которая может давать своего рода корректирующий ориентир академической философии с ее этноцентризмом”. Он упоминает, что однажды, когда Крапанзано спросили о различии между антропологией и социологией, тот ответил, что понимает “антропологию как науку об интимном”. В этнографических работах, написанных в разные периоды его научной карьеры, Крапанзано, как замечает автор, почти всегда фокусировался на проблемах личности: “в ранних работах — с психоаналитических позиций, в последующих — с диалектических, в совсем поздних — с критико-феноменологических, где акцент ставился на intersubjectivity” (Vincent Crapanzano 2021).

Я бы добавила, что Крапанзано обращается к поэтике и поэзии как к инструментам, с помощью которых он искусно выражает нюансы и тонкости жизненного мира людей, которых он изучает. В творчестве Крапанзано мы часто встречаем одно специфическое выражение — *горизонты воображения* (или *воображаемые горизонты*; в оригинале — “imaginative horizons”). Это выражение, вошедшее в заголовок его книги 2003 г. (Crapanzano 2003), в широком смысле описывает то, как мы конструируем и осмысливаем свой опыт, и указывает на зыбкие и неопределенные границы, отделяющие наше понимание мест и событий от того, что лежит за их пределами (как и собственно за пределами горизонтов нашего воображения).

В данном выражении как бы в кристаллизованном виде отражаются многие дилеммы этнографа как исследователя. Если мы рассмотрим ранние этногра-

Статья поступила 02.05.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 06.06.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Назарук М.А. “Горизонты воображения” Винсента Крапанзано // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 222–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040124> EDN: AXTFCO

Nazaruk, M.A. 2024. “Gorizonty voobrazheniia” Vinsenta Krapanzano [The “Imaginative Horizons” of Vincent Crapanzano]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 222–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040124> EDN: AXTFCO

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

фические работы Крапанзано (см., напр.: *Crapanzano* 1972, 1973), где этнопсихологический подход является путеводной методологией, раскрывающей перед нами истории марокканцев и индейцев навахо, то мы должны будем заметить, что этнограф в конце концов попадает в ловушку собственного метода, когда начинает рефлексивно переосмысливать эти истории, которые сам же и рассказывает. Этнопсихологический подход при изучении “Другого” неизбежно приводит исследователя на путь самоанализа, заставляя его применять к собственным интерпретациям те же методологические приемы, что он применял и к объекту своего исследования. В антропологии о подобного рода субъективной инверсии нередко говорят с точки зрения “дискурсивного поворота”, т.е. тенденции отхода от практики этнографического описания, всецело сфокусированного на объекте исследования, в пользу практики автобиографического описания, где центр внимания оказывается смещен в сторону субъекта исследования.

При автобиографическом описании, однако, этнограф неизбежно задается дальнейшим вопросом о том, является ли его описание искренним, справедливым и этичным по отношению к затронутым в исследовании людям. Можно понять, почему рефлексивность стала таким важным аспектом антропологии как дисциплины и почему самые разные исследователи (как в рамках дисциплины, так и вне ее) прилагали и прилагают столько усилий к тому, чтобы деконструировать определенные стереотипы, связанные с практикой этнографической репрезентации. В процессе описания исследуемых людей, даже из самых лучших побуждений, этнограф часто производит на свет их “фотографически застывший”, стереотипизированный образ, и в этом состоит так и не разрешенная проблема репрезентации в антропологии.

Необходимо упомянуть и известную проблему понижения образа “Другого” на временной (исторической, эволюционной) шкале в процессе антропологической репрезентации. Конечно, в сегодняшней антропологии практика “временного понижения” больше не приветствуется. Временное понижение происходит тогда, когда исследуемый объект предстает позиционируемым в некоем прошлом относительно антрополога-исследователя и его коллег-современников (которым адресуется продукт антропологической работы). Такое искажение образа исследуемых людей или их культуры является примером того, что Й. Фабиан однажды назвал тенденцией к “шизогенной визуализации” (*Fabian* 1983). Данный термин Й. Фабиана указывал на множественность приемов и способов, с помощью которых или в результате которых образ “Другого” кодировался визуально, нарративно и дискурсивно как объект, предстающий удаленным во времени и заодно концептуально инструментализированным, поскольку он оказывался отделенным от реального контекста и превращенным в нечто формализованное. В антропологическом дискурсе практика подобного временного понижения часто находила выражение в так называемом мифе о доблестном дикаре, который использовался для придания научности разнообразным нарративам о характере социального взаимодействия в мире исследуемых этнографами людей.

Крапанзано в своей работе непосредственно затрагивает и практику временного понижения, и миф о доблестном дикаре, поскольку в последнем, в частности, метафорически выражен тот образ, в котором и происходило познание “примитивного” человека в западной науке. По мысли Крапанзано, новые “горизонты воображения” нам необходимы именно для того, чтобы преодолеть традиционные архетипы антропологической практики и чтобы принять новые

научные рамки, в которых исследуемый нами, антропологами, человек рассматривался бы скорее не как “исторический” субъект (т.е. оцениваемый с точки зрения прогресса и соответствующей социальной иерархии), а как субъект “философский” (т.е. как субъект мыслящий, находящийся в своем собственном экзистенциальном пространстве в контексте своих собственных представлений о дуализме духовного и телесного).

В соответствии с данными рамками строится и сама работа Крапанзано, в которой первостепенное значение приобретает душевный или эмоциональный опыт человека, с точки зрения которого переосмысливается материализм “телесного”. Телесное, согласно Крапанзано, является таким же дискурсивным аспектом, как и душевное/эмоциональное, поскольку находит свое выражение в знаковой сфере культуры. Последняя, таким образом, должна внимательно исследоваться в антропологии, и здесь Крапанзано обращается к трудам Ж. Лакана и Д. Батлер, которые помогают ему осмыслить такие феномены, как, например, боль или травма, прибегая к семиотическому анализу перекрестий языка, музыки, танца и других перформативных элементов жизни.

Крапанзано часто говорит о тенденции “соскальзывания” (в старое комфортное русло мифа о доблестном дикаре) как об одной из общих проблем, преследующих антропологов по сей день. Это концептуальное соскальзывание неизбежно, считает он, если объект исследования продолжает рассматриваться как находящийся на некой исторической шкале, и само по себе является продуктом существующих горизонтов воображения в антропологии. Анализу и критике данного (концептуального, теоретического или нарративного) соскальзывания применительно к изучению индейских народов из групп навахо и апачи Крапанзано отводит немало места на страницах своих работ. Он указывает, что бороться с ним можно с помощью привнесения философско-социологической перспективы в антропологические исследования, а именно с помощью обращения к изучению таких регистров существования, какие одинаково значимы и для исследуемых людей, и для нас как их современников (“телесное” и “эротическое”, например, представляют собой подобные регистры, не зависящие от “временной оси” существования). Эти регистры в чем-то схожи с измерением “прав человека”, так как в этом измерении тоже всё уравнивается на единой шкале существования.

Крапанзано говорит о том, что между реальностью и сферой ее знакового культурного отображения (“означаемым” и “означающим”, по терминологии Ж. Лакана) существует разрыв, который невозможно устранить. Идея “горизонтов воображения” призвана помочь нам по крайней мере уменьшить этот разрыв. Проблема телесного, в частности, выходит здесь на первый план, ибо всегда есть несоответствие между телом, которое мы видим, и телом, которое мы ощущаем. Проблема культурного понимания телесного упирается, по сути, в проблему того, что знак и связанный с ним референт на самом деле не точно соответствуют друг другу. Крапанзано в анализе этой проблемы опирается опять же, с одной стороны, на мысли Д. Батлер (согласно которой тело конституируется повторяющимися перформативными актами, представляющими собой выражения отношений власти в том смысле, который последним придавал М. Фуко); а с другой — на положения Ж. Лакана (согласно которому у бессознательного есть свой собственный язык). Телесное, как указывает Крапанзано, это то, что не может быть адекватно выражено символическими или знаковы-

ми средствами — для его обозначения начинает использоваться образный язык, фигуративные смыслы, которые и подлежат антропологической интерпретации. В соответствии с этой точкой зрения можно понять, почему именно литературный анализ в антропологии представляется столь важным для Крапанзано. Мы видим интерес к синтезу литературных и антропологических методов анализа не только в его исследованиях навахо и апачи, но и в его более ранних этнографических работах, посвященных Марокко или Алжиру, где он стремится понять культуру как текст, в котором заложена некая “кодировка цивилизации” (очевидно, что здесь просматривается влияние К. Гирца, но можно также упомянуть и идеи Ж. Деррида о том, что язык предшествует опыту).

В антропологическом изучении навахо, которое проводит Крапанзано, содержится своего рода парадокс. С одной стороны, он показывает нам историю навахо как частную, локальную историю, пролегающую на общем горизонте исторических возможностей; с другой — он пытается дать нам взглянуть на историю навахо как на нашу собственную историю (иными словами, дать нам понимание этой истории, которое, выражаясь языком М. Хайдеггера, “опережает само себя”, показывает не столько прошлое, сколько потенциальные возможности). Рассказ о навахо превращается в рассказ о нас самих, и прошлое навахо предстает как наше будущее. Если согласно М. Хайдеггеру изучение языка важно, поскольку язык — это “дом всего существования”, а изучение поэзии важно, поскольку последняя помогает раскрывать саму суть этого существования, то согласно Крапанзано язык и поэзия таким же образом помогают нам осмыслить не только изучаемую культуру, но и сам опыт нашей полевой этнографической работы.

Однако проблема как раз в том, что поэтизация навахо тоже может привести к фетишизации объекта исследования и, даже независимо от наших намерений, способствовать его превращению в доблестного дикаря, существующего в пространстве, удаленном от нашего собственного. Увы, “соскальзывание” в практику “временного понижения” всюду сопровождает этнографическое описание. Когда Крапанзано привлекает к сравнительному анализу исторического прошлого навахо такие понятия, как японское *ма*, китайское *чи* или восточное *барзах*, он сам риторическими приемами дистанцирует, удаляет, отчуждает “Другого” от наблюдателя. Он “мифологизирует” прошлое навахо, воссоздавая в уме читателя архетипическую ностальгию по “давнему”, по “первоначалам”, которую описывал еще М. Элиаде (*Eliade* 2001 [1949]).

Другой пример применения литературного анализа в работе Крапанзано — это его интерпретация роли топонимов (или, шире, практики наименования мест и связанных с ней языковых выражений, известных в антропологической литературе как *place-names*) среди индейских групп апачи. Опираясь во многом на аргументацию статьи К. Бассо (*Basso* 1988), Крапанзано стремится показать, что каждый топоним — каждое *place-name* — является средоточием коммуникационного мира в обществе и культуре апачи. В этих “именах мест” закодировано не только отношение людей к окружающему их ландшафту, но и их общее понятие о том, что такое привязанность к земле, гордость за своих соплеменников, уверенность в себе и т.д. В языке повседневного общения данные “имена мест” приобретают своего рода референтную функцию, они помогают выражать сложные абстрактные понятия — такие как, например, “ценность”, “духовность”, “коллективное существование”. Семиотический анализ этих

топонимов, таким образом, дает антропологу возможность понять глубинную психологию народа, поскольку они представляют собой, если воспользоваться выражением К. Бассо, “инструменты мышления и средства целенаправленного поведения” (Basso 1988: 102). Крапанзано как исследователь видит в них собственные методологические инструменты, с помощью которых он может совершить этнографическое путешествие в историческое прошлое народа, географическое пространство народа, а также и эмоциональное пространство народа. Он находит в них ключ к эмоциональной жизни апачи, так как в коммуникационной сфере эти топонимы выступают как своего рода аффективные триггеры и несут разнообразные культурные коннотации. Они, по меткому выражению К. Бассо, позволяют человеку “выразить много, говоря мало” (Там же: 103). Они же, соответственно, позволяют исследователю получить доступ к сфере “коллективного бессознательного” народа. Здесь, впрочем, мы сталкиваемся с несколько “эзотерическим” аспектом исследования, но от этого никуда не деться, ибо антропологический анализ, по мнению Крапанзано, всегда в конечном итоге упирается в анализ всего того, что “фрагментировано, разобщено, не имеет очевидных мотивов” (Crapanzano 2004: 40).

Анализ вышеуказанного возможен единственно за счет нашей способности к воображению. Именно оно позволяет исследователю так или иначе заполнить лакуны, всегда остающиеся в любом исследовании. Горизонты воображения антрополога, таким образом, непосредственно вторгаются в язык исследования, в его дискурсивные и риторические механизмы, в отношения власти, отраженные в нем. К концепции “горизонтов воображения” Крапанзано можно продуктивно подходить, как мне представляется, с точки зрения идей В. Изера (представителя так называемой школы рецептивной эстетики) о “тексте”, “игре” и роли воображения читателя в заполнении лакун текста, который всегда характеризуется не столько заданными значениями, сколько потенциальными возможностями. Стратегией “текстовой игры”, подобной той, что анализирует В. Изер, на мой взгляд, пользуется и сам Крапанзано как автор (ей же, как мне кажется, пользовался, например, и Б. Малиновский, но эту гипотезу я разовью в другом месте).

Крапанзано импонируют рассуждения о “размытых” или “нечетких” горизонтах воображения, его всячески занимает мысль о пространстве, которое отделяет его самого от “Другого” и которое выступает как посредник, “медиатор”, определяющий складывающиеся отношения между ним и “Другим”. Отсюда в его языке появляются такие характерные термины, как “границы”, “линии водораздела”, “рубежи” и т.д. (borders, boundaries, frontiers), которые он определяет по-разному. (Надо сказать, что эти его языковые упражнения интересны в рамках конкретно английского языка, но они не обязательно сохраняют аналогичное значение при попытке их переложения на какой-либо другой язык.)

На мой взгляд, идеи и работы Крапанзано заслуживают внимания и по-прежнему актуальны, несмотря на падающий интерес (по крайней мере, в текущий момент) к области литературной антропологии в целом. Крапанзано проводил исследования не только среди навахо, апачи и марокканцев, но и среди южноафриканцев в период апартеида, а также в сообществах христианских фундаменталистов и правоконсервативных представителей современных технологических корпораций США, где он изучал культуру того, что называется “консервативным буквализмом” в сегодняшней социальной жизни. Этому, в частности, по-

священа его книга “Служа слову” (*Crapanzano* 2001). В определенном смысле идеи, высказанные в “Горизонтах воображения”, можно рассматривать и как его ответ на заигрывание с тенденциями буквализма в социальных науках.

Пер. с англ. А.Л. Елфимова

Источники и материалы

Vincent Crapanzano 2021 – Vincent Crapanzano. 18.11.2021 / Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Vincent_Crapanzano

Научная литература

Basso K.H. ‘Speaking with Names’: Language and Landscape among the Western Apache // *Cultural Anthropology*. 1988. Vol. 3. P. 99–130.

Crapanzano V. The Fifth World of Forster Bennett: A Portrait of a Navaho. N.Y.: Viking, 1972.

Crapanzano V. The Hamadsha: A Study in Moroccan Ethnopsychiatry. Berkeley: University of California Press, 1973.

Crapanzano V. Serving the Word: Literalism in America from the Pulpit to the Bench. N.Y.: New Press, 2001.

Crapanzano V. Imaginative Horizons: An Essay in Literary-Philosophical Anthropology. Chicago: Chicago University Press, 2003.

Eliade M. Le mythe de l'éternel retour. Paris: Folio Essais, 2001 [1949].

Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. N.Y.: Columbia University Press, 1983.

Review Article

Nazaruk, M.A. The “Imaginative Horizons” of Vincent Crapanzano [“Gorizonty voobrazheniia” Vinsenta Krapanzano]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 222–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040124> EDN: AXTFCO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

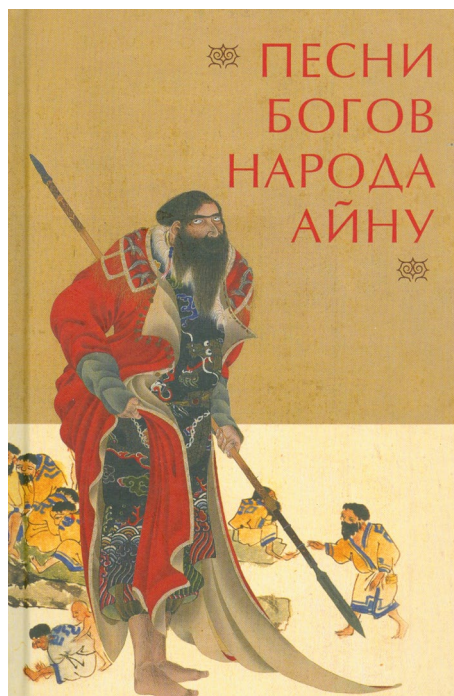
Maja Aleksandra Nazaruk | <https://orcid.org/0000-0002-5114-9740> | majanazaruk.me@gmail.com | Independent Researcher (Montréal, Canada)

Мир божеств Тири Юкиэ (рец. на: ПЕСНИ БОГОВ НАРОДА АЙНУ, ЗАПИСАННЫЕ ТИРИ ЮКИЭ / ПЕР. С ЯП. Е.Г. ТЮРЛЕНЕВОЙ. СПб.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ “ГИПЕРИОН”, 2022. 208 с.)

М.В. Осипова

Марина Викторовна Осипова | <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | к.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Информация о финансовой поддержке
План НИР МАЭ РАН

Фольклор айнов, коренного малочисленного народа дальневосточных островов Тихого океана, представляет собой важную часть мирового культурного наследия. С сожалением можно констатировать тот факт, что опубликованных на русском языке образцов устного народного творчества айнов немного. Это произведения, собранные Н.А. Невским на Хоккайдо и Б.О. Пилсудским и Н.А. Навиндовским на Сахалине (в местах компактного проживания айнов), а также переводы с английского языка В. Косарева, М. Осиповой, с японского — В. Соколова, А. Садовой, Е. Ужинина. Но опубликованы были переводы в основном прозаических произведений — сказок уепекере. На русском языке практически невозможно было найти эпические сказания камуй юкар — одного из древних популярных жанров айнской фольклорной традиции. Тем

Статья поступила 25.01.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 29.01.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Осипова М.В. Мир божеств Тири Юкиэ (рец. на: Песни богов народа айну, записанные Тири Юкиэ / Пер. с яп. Е.Г. Тюрленевой. СПб.: Издательский Дом “Гиперион”, 2022) // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 4. С. 228–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040135> EDN: AXODNI

Osipova, M.V. 2024. Mir bozhestv Tiri Yukie [The World of Chiri Yukie's Deities]: A Review of *Pesni bogov naroda ainu, zapisannyye Tiri Yukie* [Ainu Divine Songs Collection Compiled by Chiri Yukie], translated by E.G. Tyurleneva. *Etnograficheskoe obozrenie* 4, pp. 228–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040135> EDN: AXODNI

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

более отраднo было видеть публикацию именно этих произведений в переводе Е.Г. Тюрленевой.

В издании “Песни богов народа айну, записанные Тири Юкиэ” представлено 13 камуй юкар из знаменитой книги Тири Юкиэ (知里幸恵 1903–1922) “Айну синьёсю” (アイヌ神謡集 – “Сборник айнской мифологии”; 1923). Эти песнопения, записанные айнкой с о-ва Хоккайдо, стали “первой ласточкой” публикаций на айнском языке, что в Японии того времени, в условиях инокультурного и иноязычного окружения, для айнов казалось невозможным.

Перевод на русский язык “Айну синьёсю” – значимое событие в отечественном айноведении, вносящее большой вклад в современную фольклористику и в дело распространения айнской культуры. Знакомство с таким жанром, как камуй юкар, где аккумулирована традиционная культурная информация, выработанная не одним поколением айнов, обогащает знания об одном из самых загадочных народов планеты. В предложенных читателю текстах содержатся сведения о религиозных воззрениях, об особенностях материальной и духовной культуры айнов. Помимо этого, они позволяют провести сравнение с образцами фольклора других коренных народов и способствуют выявлению общих и локальных сюжетных мотивов. Ценными дополнениями являются глоссарий основных айнских терминов и примечания, вынесенные в приложение к книге, – они дают пояснения к сложным для понимания фразам/выражениям, встречающимся в текстах песнопений. Несмотря на неоспоримую ценность опубликованных переводов айнских камуй юкар, первая часть книги, посвященная вопросам этнической истории, фольклору и религиозным воззрениям айнов, вызывает разочарование, а список предложенной литературы повергает в уныние.

Книгу открывает вводная статья “Загадочный народ айну”, в которой предпринимается попытка представить исторический обзор основных событий этнической истории айнов в XX в. Далее идет краткий перечень авторов, которые посвятили свои исследования этнографии и фольклору этого народа. Предварительная характеристика дана жанру камуй юкар, приведены и некоторые факты биографии Тири Юкиэ.

Сразу обращает на себя внимание текст этой статьи. Он кажется какой-то смесью случайно подобранных фактов исторического, этнографического и лингвистического характера, хотя самым автором-переводчиком была сформулирована основная задача издания: посвятить работу фольклору айнов (с. 6). Неясно, что под этим подразумевалось: ознакомить читателя с имеющимися классификациями жанров айнского фольклора? или с особенностями каждого жанра? Ни тех ни других сведений в главе нет. Среди описаний непонятно по какому признаку подобранных событий из этнической истории хоккайдских айнов прозвучала фраза об “оказавшемся на грани вымирания” народе (с. 7). Действительно, айны – это малочисленный народ, но говорить о его вымирании преждевременно. Если бы Е.Г. Тюрленева обратилась к официальной статистике, то обнаружила бы, что сегодня только на Хоккайдо проживает 23782 айна, а если к этому прибавить численность токийских айнов, айнов Канто и айнов, проживающих за рубежом, то окажется, что их более 30000 человек. Недоумение вызывает подборка фамилий собирателей айнского фольклора и ученых-этнографов. Из зарубежных авторов названы Д. Бэчелор, Киндайти Кёсукэ, Кубодэра Ицухико, вскользь упомянуты Тири Масихо и переводчик Дональд Филип-

пи, из российских — Б.О. Пилсудский, Н.А. Невский и Е.Е. Ужинин. Обойдены вниманием оказались такие знаковые фигуры айнской фольклористики, как Б.Х. Чемберлен, К. Эттер, Сарасина Гэндзо, исследователи Огихара Шинко, Тангику Ицудзи, Огинака Миэ и др. Среди этнографов и вовсе выделены только трое — Такако Ямада, А.Б. Спеваковский и А.М. Соколов, при этом звучит фраза, что “в российском айноведении в целом мало работ, посвященных айнам Хоккайдо” (с. 13). Не умаляя достоинств названных ученых, хотелось бы напомнить, что на сегодняшний день работ по этнографии айнов, в том числе и отечественных авторов, опубликовано более 25 тыс. А среди этнографов, изучавших айнов Хоккайдо, стоило бы прежде всего назвать С.А. Арутюнова, человека, который первым в теперь уже далекие 60-е годы XX в. заговорил об этом народе. Целый список серьезных научных работ, посвященных айнам Хоккайдо, принадлежит перу С.Ч. Лим; можно назвать множество имен сахалинских и дальневосточных этнографов, возобновивших в 90-е годы XX в. после долгих лет забвения исследования айнов.

Автору-переводчику стоило бы определиться и с основным направлением содержания вводного текста: сосредоточиться на анализе исследований айнского фольклорного наследия и при этом использовать сведения исторического и этнографического характера для подтверждения той или иной мысли или же, наоборот, знакомить читателя с историческими и этнографическими фактами, подкрепляя их примерами из фольклорных произведений. Очень кратко и невнятно была представлена биография самой Тири Юкиэ. Было бы логичным больше внимания уделить событиям ее жизни, ее семье, истокам ее творчества, особенно влиянию ее тети Каннари Мацу и бабушки Монасноук, от которых Тири Юкиэ унаследовала любовь к айнскому фольклору, ее судьбоносной встрече с Киндаити Кёсукэ, первым японским лингвистом, обратившим внимание на айнский фольклор.

В главе “Мир людей и мир богов” описаны религиозные воззрения айнов на окружающий их мир и на место божеств в этом мире, на существование в пространстве нескольких миров, подробно изложена существовавшая у айнов концепция души. Однако и в этой главе не обошлось без досадных огрехов. Автор-переводчик приводит пример якобы двух айнских легенд о сотворении мира, не обратив внимания на то, что это один и тот же текст, записанный и впервые опубликованный Д. Бэчелором в 1894 г. и позже повторенный им в 1901 г. Первый вариант, на который есть ссылка (с. 22) — это всего лишь художественный перевод, выполненный В. Соколовым. Станным кажется вывод о значении числа “шесть” как “числа бесконечности” (с. 25), когда у того же Д. Бэчелора есть прямое указание на его семантическую составляющую: “...у айнов мы обнаруживаем, что число шесть постоянно повторяется как числовой показатель совершенства и рассматривается людьми как священное число. Мы часто видим это в их легендах” (*Batchelor* 1894: 27). В вопросе о реинкарнации души Е.Г. Тюрленева допустила переводческую ошибку, что привело к искажению смысла цитируемого предложения: “...*причины* реинкарнации души не совсем понятны (курсив мой.— М.О.)” (с. 29), тогда как в первоисточнике написано: “...there are not so many folktales regarding reincarnation, and *this process* is not so clear (курсив мой.— М.О.)”. То есть автору работы Ямада Такако неясны были не причины (англ. reason, cause, root, principle, subject), — они как раз подробно рассматриваются в тексте — а сам процесс реинкарнации. Но это взгляд лишь Ямада Такако.

Есть работы ее современников (Обаяси Тарё, Фудзимур Хисакадзу) со ссылкой на более ранние исследования этого вопроса, в которых дано подробное описание процесса реинкарнации души человека и предмета у айнов (*Obayashi 1997; Hisakazu 1999*).

Довольно подробное описание камуй ёкар приведено в главе, посвященной жанрам айнского фольклора: подчеркнуты особенности этих песнопений, изложена история их возникновения, представлен состав могущественных божеств айнского пантеона, охарактеризованы обязательные в камуй ёкар припевы. К сожалению, Е.Г. Тюрленева не упомянула об имеющихся переводах “Айну синъёсю” на английский язык, выполненных Д. Филиппи, Б. Петерсоном и К. Селден (*Philippi 1979; Peterson 2013; Selden 2016*). Можно было бы кратко охарактеризовать достоинства каждого перевода и сказать, чем они отличаются от представленного в книге. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующий нюанс: айнский фольклор можно разделить на два вида: написанный в прозе и представляющий собой ритмизированный текст. Камуй ёкар относится ко второму виду, имеющему размерную форму. Не секрет, что передача стихотворного эпического произведения на другие языки – трудноразрешимая задача. Это обусловлено многими факторами, в частности структурными различиями в языках и до сих пор не выработанными едиными принципами и подходами к переводу ритмизированных текстов. К сожалению, переводчики “Айну синъёсю” на английский язык, как и автор-переводчик книги “Песни богов народа айну”, отдали предпочтение передаче жизненной основы текста, а не структурных особенностей произведения, хотя имеются удачные примеры ритмизированных переводов на русский язык айнских камуй ёкар (*Невский 1972; Осипова 2019*).

Особый интерес вызывают главы “Небесные боги и их воплощение в мире людей” и “Взаимоотношения людей и богов”. В них дан краткий анализ переведенных текстов, показана роль животных, обожествляемых айнами, отношения людей с камуями и основные обряды промыслового культа. Большое место уделено описанию действий культурного героя Окикирмуи (в других вариантах – Окикуруми, Окикурми), прибывшего в мир людей, чтобы сделать его пригодным для проживания, но, кроме того, чтобы помочь айнам выработать необходимые для жизнедеятельности навыки, а главное – чтобы научить людей взаимодействию с божествами, уважению к ним, сохранению хороших отношений с ними – тогда человек сможет получать дары, поддерживающие его физическое существование. В то же время Окикирмуи – воин, борющийся против зла. Казалось бы, эти главы подводят итог рассуждениям об особенностях айнского фольклора... как вдруг в одной из них появляется раздел о хозяйственной деятельности народа, что логичнее смотрелось бы в самом начале работы. Уточнения требует и информация об иомантэ – проводах обожествляемого животного, самом важном обряде айнов. Дело в том, что термин “иомантэ” использовался для обозначения обряда, проводимого для зверя, выращенного в селении, если же он был добыт на охоте, то в его честь проводился другой обряд, обозначаемый термином “опунирэ”. Этого существенного разграничения, к сожалению, в разделе об обожествлении (в частности, обожествлении медведя) нет.

Несколько слов хотелось бы сказать о звучащем повсеместно в тексте слове “бог”. Сами айны в отношении высокочтимых существ его не употребляли. В научный оборот оно было введено исследователями прошлых веков, испове-

довавших христианство. Айны-анимисты именовали окружающие их сверхъестественные силы камуями. Д. Бэчелор, М.М. Добротворский, Б.О. Пилсудский и Н.А. Невский определили это понятие довольно обтекаемо — “то, что уважаемо, почитаемо, красиво” (*Batchelor* 1905: 205; *Добротворский* 1875: 115; *Pilsudski* 1912: 35; *Невский* 1972: 14–15). Лексему “камуй” можно считать хранилищем и своеобразным маркером национально-культурного характера айнского социума. “Вымывание” лексемы из глав, предваряющих перевод, и из самого перевода фольклорного произведения (замена на слово “бог”) искажает фольклорную картину мира народа, устная традиция которого всегда была необходимым средством трансляции культурно-бытовой информации. Слово “камуй”, с моей точки зрения, нужно было сохранить, оно придало бы работе неповторимый национальный колорит.

В заключение хочется отметить: если переводы камуй юкар выполнены хорошо, то предваряющий их текст, который составляет большую часть книги, требует серьезной доработки. Структура работы выглядит непродуманной и сумбурной. Содержание перечисленных глав заставляет задуматься о недостаточности этнографических знаний или же о легковесном отношении автора к ним. Даже если это, как поясняет Е.Г. Тюрленева, “культурологический взгляд на эпос айнов” (с. 12), то в изложении этнографической информации необходимо придерживаться точных, научно обоснованных фактов. В тексте, посвященном фольклору айнов, нет ни краткого обзора публикаций по теме, ни анализа основополагающих работ об устном народном творчестве народа, недостаточно ссылок на них. Книга не содержит и серьезного анализа творчества самой Тири Юкиэ, хотя имеются уже опубликованные работы, на которые автор-переводчик мог бы опереться (*Strong* 2010; *Осипова* 2017).

Непонятна роль научного редактора этого издания, известного и уважаемого исследователя этнической истории айнов, знатока японского языка к. и. н. В.В. Щепкина. Если его редакторской правке подвергся лишь текст перевода, то с этим он блестяще справился, но им пропущены неточности и ошибки в этнографических сведениях. В случае переиздания этой работы текст, предваряющий перевод “Айну синъёсю”, требует значительной корректировки.

Научная литература

- Добротворский М.М.* Айнско-русский словарь. Казань: Типография Казанского ун-та, 1875.
- Осипова М.В.* Юкиэ Тири и ее “птичьи” камуй юкар // Записки Гродековского музея. 2017. Вып. 35. С. 74–82.
- Осипова М.В.* Айнский танец: от игрового к зрелищному (очерки о танцевальной культуре айнов Сахалина, Курильских островов и о. Хоккайдо. Хабаровск: Гранд-Экспресс, 2019.
- Невский Н.А.* Айнский фольклор. М.: Наука, 1972.
- Batchelor J.* Items of Ainu Folk-Lore // *The Journal of American Folk-Lore*. 1894. Vol. 7. No. 24. P. 15–44.
- Batchelor J.* Ainu-English-Japanese Dictionary. Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
- Hisakazu Fujimura.* Kamuy: Gods You Can Argue With // *Ainu: Spirit of a Northern People* / Eds. W.W. Fitzhugh, C.O. Dubreuil. N.Y.: Arctic Studies Center; Na-

- tional Museum of Natural History; Smithsonian Institution; University of Washington Press, 1999. P. 193–197.
- Obayashi Taryo*. The Concept of the Souls // Circumpolar Animism and Shamanism / Eds. T. Yamada, T. Irimoto. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. P. 9–20.
- Peterson B.* The Song the Owl God Sang: The Collected Ainu Legends of Chiri Yukie. BJS Books, 2013.
- Philippi D.L.* Song of the Owl God // Songs of Gods, Songs of Humans: The Epic Tradition of the Ainu. Tokyo: University of Tokyo Press, 1979.
- Pilsudski B.* Materials for Study of the Ainu Language and Folklore. Cracow: The Imperial Academy of Sciences, 1912.
- Selden K.* The Song the Owl God Himself Sang, “Silver Droplets Fall Fall All Around”, an Ainu Tale // Asia-Pacific Journal. 2016. Vol. 14 (15). No. 5.
- Strong S.M.* Ainu Spirits Singing: Chiri Yukie and the Origins of the Ainu Shin'yoshu. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010.

Book Review

Osipova, M.V. The World of Chiri Yukie's Deities [Mir bozhestv Tiri Yukie]: A Review of *Pesni bogov naroda ainu, zapisannye Tiri Yukie* [Ainu Divine Songs Collection Compiled by Chiri Yukie], translated by E.G. Tyurleeva. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 228–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040135> EDN: AXODNI ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

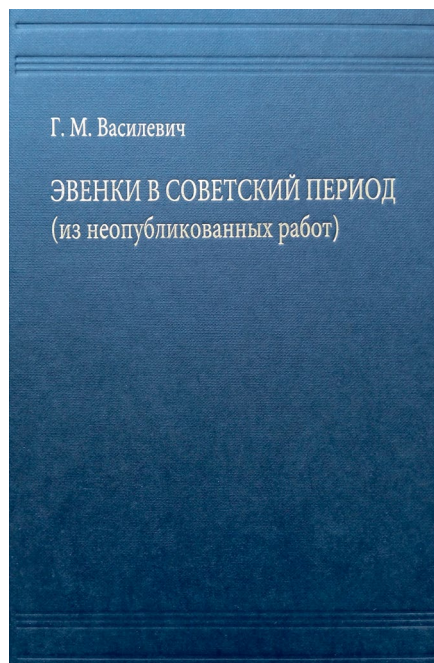
Marina Osipova | <https://orcid.org/0000-0001-9486-1861> | ainu07@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

**КНИГА, ПРОВЕРЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ (РЕЦ. НА: ВАСИЛЕВИЧ Г.М. ЭВЕНКИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ) / ОТВ. РЕД.
В.А. БЕЛЯЕВА-САЧУК, В.Н. ДАВЫДОВ. СПБ.: МАЭ РАН, 2022.
232 с., ил.)**

А.А. Сирина

Анна Анатольевна Сирина | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Информация о финансовой поддержке
План НИР ИЭА РАН

Музей антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге с 2009 г. издает интереснейшую научную серию “Кунсткамера—Архив”. В научный оборот вводятся неопубликованные монографии и другие архивные материалы известных этнографов и историков, работавших в МАЭ. С 2009 г. вышли труды кавказоведа Л.И. Лаврова, африканистов Ю.К. Поплинского и В.М. Мисюгина, историка науки А.М. Решетова, сибиреведов Е.Д. Прокофьевой, Н.П. Дыренковой, Г.М. Василевич, А.А. Попова и др.¹ Хотелось бы отметить, что, благодаря очень удачному оформлению, книги этой серии приятно держать в руках: уникальным материалам, предлагаемым читателю, соответствует сдержанно-благородная обложка.

В данной рецензии речь пойдет о книге Г.М. Василевич “Эвенки в советский период (из неопубликованных работ)” (“Кун-

Статья поступила 11.07.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 16.07.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сирина А.А. Книга, проверенная временем (рец. на: Василевич Г.М. Эвенки в советский период (из неопубликованных работ) / Отв. ред. В.А. Беляева-Сачук, В.Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН, 2022) // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 234–240. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040146> EDN: AXKPAI

Sirina, A.A. 2024. *Kniga, proverennaia vremenem* [A Book That Stood the Test of Time]: A Review of *Evenki v sovetskii period (iz neopublikovannykh rabot)* [Evenkis in the Soviet Period (from Unpublished Works)], by G.M. Vasilevich. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 234–240. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040146> EDN: AXKPAI

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

сткамера—Архив”. Т. X). В нее включены: вторая часть монографии “Эвенки” (Василевич 1969)² под заголовком “Эвенки в советский период”; статья 1969 г. “Традиционное в быту эвенков” и две докладные записки по итогам полевой работы Г.М. Василевич в 1959 и 1960 гг. Имеется также несколько небольших приложений. Книга снабжена именным и географическим указателями. Опубликованы несколько уникальных фотографий, запечатлевших Г.М. Василевич в экспедициях к эвенкам.

Глафира Макарьевна Василевич (1895—1971), крупнейший специалист в сфере эвенкийской этнографии и языкознания, работала в МАЭ в 1940—1960-е годы. Труды Василевич еще при жизни стали классическими, поэтому введение в научный оборот ее архивных рукописей представляется значительным событием в отечественном тунгусоведении. И забегая вперед, скажу, что книга разбивает стереотипные представления о том, что ленинградские сибиреведы занимались только традиционной культурой и музееведением. В реальности картина была значительно более комплексной (Давыдов, Сирина 2020).

В предисловии составители и редакторы книги В.А. Беляева-Сачук и В.Н. Давыдов познакомили читателей с происхождением и историей публикации рукописей. Впервые об их существовании сообщила Н.В. Ермолова в своей обширной статье, посвященной Г.М. Василевич (Ермолова 2003: 33—34).

Не устарела ли эта книга, подготовленная к печати уже более полувека назад в советской стране? Как она прочитывается сегодня? Конечно, книга несет на себе влияние эпохи, советской национальной политики и научно-методологических подходов. Вместе с тем Н.В. Ермолова отмечает “особую научную честность” Василевич, которая “ни в одной из своих работ не допустила <...> пафосного восхваления ленинской национальной политики, а всегда писала только то, что имело непосредственное отношение к исследованию” (Ермолова 2003: 39). Кроме того, негативные последствия патерналистской политики в те годы еще не проявились в полной мере, а некоторые позитивные моменты воспринимались как должное и потому недооценивались. Многое и нельзя было написать, особенно ей, отсидевшей в лагерях. Так что книга представляет несомненный интерес с точки зрения истории и методологии сибиреведческих исследований в советское время.

Этнологи и историки, изучающие период социалистического строительства на Севере, будут использовать эту книгу и как источник уникальной информации. Василевич, замечательный полевой этнограф и лингвист, собирала материалы к ней в экспедициях к разным группам эвенков на протяжении длительного периода времени. Особенно ценно то, что она посещала одни и те же группы эвенков (катангских, верхнеалданских, верхнеамурских и др.) повторно спустя 20—30 лет. Таким образом, она сама видела динамику перемен, происходивших у эвенков в результате социально-экономических реформ и национального строительства. При активном участии Василевич происходило создание эвенкийской письменности, которая “внесла переворот в жизнь эвенков” (с. 46). Исследовательница занималась подготовкой в Ленинграде студентов-северян — первой эвенкийской интеллигенции. Один эпизод ее жизни оказывался связан с другим самым неожиданным образом: “Пейзажи и краски, переданные акварелью эвенками (витимо-олекминскими и верхнеалданскими эвенками, студентами Василевич.— А.С.) в конце 1920-х, в начале 1930-х годов и в то время казавшиеся мне несколько фантастическими, встали передо мною в 1947 г., когда

пришлось пройти по этим горам (Алданское нагорье, Становой хребет.— А.С.) около 2000 км” (с. 51). Уже после нескольких лет заключения в сталинских лагерях она в 1959 и 1960 гг. снова выезжает к эвенкам Иркутской области и Эвенкийского автономного округа. Последняя экспедиция Василевич состоялась в 1969 г., когда ученой исполнилось 74 года.

Монографическое исследование “Эвенки в советский период” занимает около 2/3 книги. Оно состоит из пяти неравных по объему глав. Первые четыре построены по хронологическому принципу: 1917–1930 гг.— начало социалистического строительства (1 гл.); 1930–1940 гг.— плановое развитие социалистического строительства (2 гл.); 1941–1945 гг.— эвенки в период Великой Отечественной войны (3 гл.); конец 1940-х — конец 1960-х годов — социалистическое строительство в послевоенный период (4 гл.). Пятая глава описывает “национальные формы социалистической культуры”, т.е. те культурные особенности (в основном в материальной культуре), которые “вырабатывались веками и были наиболее приспособлены к местным географическим условиям” (с. 107). Эти особенности сохранялись у тех эвенков, которые после завершения коллективизации, укрупнения, введения всеобщего образования работали в традиционных отраслях хозяйства и подолгу жили в тайге.

Во время чтения книги приходит осознание громадного объема затраченных советским государством материальных и интеллектуальных ресурсов для улучшения жизни и быта прежде кочевого народа Севера и значительности изменений, которые сегодня так по-разному оценивают (ср.: *Слезкин* 2008). Василевич упоминает и о достижениях советской политики, и о перегибах, которые сразу или постепенно исправлялись. Она обращает внимание, например, на тот факт, что дети эвенков — охотников-оленьеводов круглосуточно или неделями находились в яслях/детских садах на полном государственном обеспечении. Это как будто забылось — современные исследователи сосредоточили внимание на неоднозначности интернатской системы образования. Участники тех процессов по прошествии времени оценивают подобную чрезмерную опеку государства как фактор, способствовавший развитию иждивенчества, распространению пьянства, разрушению семей и традиционной культуры (ПМА 2024). Василевич несколько раз кратко упоминает о практике каюрьства в эвенкийских колхозах в 1950–1960-е годы — извозе на лошадях и оленях. Эвенки доставляли грузы геологам, в этот период активно занимавшимся разведкой недр на Севере. Извоз способствовал росту доходов колхозов, но ученая отмечает временный характер этого явления и констатирует снижение поголовья оленей из-за их переэксплуатации в летнее время. Об этом говорят сегодня сами бывшие каюры, но они подчеркивают и положительные результаты контактов геологов и эвенков (ПМА 2024; *Давыдов* 2013).

Очень подробно и на конкретных примерах из разных регионов охарактеризован процесс перевода эвенков на оседлость (гл. 4.2). Автор выделила в нем три этапа: первый, во многом эволюционный, — до начала плановой коллективизации; второй — с 1934 по 1958 гг., когда строились небольшие колхозные поселки; третий — с начала 1960-х годов, характеризующийся укрупнением колхозов и реорганизацией хозяйства (с. 74). Интересны наблюдения Василевич о том, что эвенкийские поселки, основанные административным путем “сверху” различными комиссиями, оказывались неудобными и позже переносились, поселки же, места для которых выбирали эвенки или русские старожилы, как на-

пример пос. Тындинский, существовали и в 1960-е годы (с. 77–79). Описанные Василевич факты работы некоторых эвенкийских колхозов, например колхоза под бессменным руководством эвенка Дмитрия Афанасьевича Колесова, оставляют впечатление подлинного самоуправления. Его невестка, Е.Г. Колесова, активная общественница, рассказала о том, что во время укрупнения в 1960-е годы эвенки не желали переезжать в районный центр из своего любимого поселка, но их дома были разрушены, и произошло, по сути, насильственное переселение. Этот рассказ превратился в устойчивый нарратив, который женщина транслирует в общении с русскими, интересующимися культурой эвенков (ПМА 2024). Укрупнение привело, в частности, к проблемам со снабжением населения дровами и водой, к интенсивной эксплуатации ближних угодий в ущерб удаленным (с. 83).

К началу 1960-х годов были подготовлены национальные кадры из числа эвенков. К этому времени изменилась структура населения эвенкийских колхозов, они стали многонациональными. Обучение в школах велось на русском, якутском или бурятском языке, причем “родители одобряли обучение на русском” (с. 85). Большинство эвенкийской интеллигенции стало думать на русском или якутском языке (с. 107). Эвенки размышляли над процессами возрастания роли государства в их жизни и пытались выстроить свою тактику поведения в этих условиях. Так, катангские эвенки «с детства наблюдали за своими детьми, и тех детей, которые проявляли в раннем детстве любовь к тайге, оленям и охоте, они по окончании начальной школы оставляли дома помощниками в оленеводстве и приучали к охоте, остальных, как они говорили, “отдавали государству”» (с. 87). Удивительное свидетельство! У таежных эвенков лучше сохранялись язык и традиционная культура. Но и здесь происходили изменения, которые сказывались в трансформации жилища, транспорта, одежды, проявлялись в языке, фольклоре, в духовной и семейной жизни (гл. 5).

Заключение (с. 113–135) достаточно объемное и включает исторический экскурс, поэтому можно предположить, что изначально оно было написано Василевич для всей монографии “Эвенки”. Заключение содержит данные о 16 эвенкийских группах, отличавшихся локальными вариантами культуры и диалектами. Автор отразила динамику формирования этих групп и их отличительные особенности, которые сохранялись до начала плановой коллективизации. Согласно выводам исследовательницы, экономические реформы и неоднократные укрупнения вели к сближению представителей разных эвенкийских родов и территориальных групп. В 1930–1940-е годы эвенки сообщали Василевич о культурных и языковых особенностях соседних групп, о которых узнавали в процессе оседания. В 1940–1960-е годы они задавали ей вопросы о причинах происхождения этих отличий, а также об истории происхождения эвенков (с. 131). На первом этапе соцстроительства их интересовали другие вопросы, отмечает Василевич. Какие “другие”, она не уточняет, но можно предположить, что эвенки спрашивали о том, почему кулаки и шаманы лишены права голоса, почему государство ведет с ними борьбу. По крайней мере такие вопросы, адресованные представителям Комитета Севера, сохранились в протоколах родовых советов катангских эвенков конца 1920-х годов (Сирина 2002: 67–68, 221).

Вообще, конструктивистская роль государства в формировании самосознания эвенков как единого народа была чрезвычайно велика. Василевич подчеркивала, что “организация национальных округов и создание письменности

на эвенкийском языке стало началом нового этапа в жизни эвенков” (с. 132). Эвенки — школьники, студенты, участники Великой Отечественной войны, по наблюдениям Василевич, служили проводниками общегражданской советской культуры. Труд охотников стал нужен государству и поддерживался им. Постепенно формировалось единое эвенкийское самосознание (с. 131).

Остальные материалы — статью и докладные записки — составители расположили в книге по хронологическому принципу. На мой взгляд, докладные записки следовало бы выделить в отдельный блок, поскольку, как отмечают сами составители, “стили статей и докладных записок заметно отличаются” (с. 6). Последние предназначались для служебного пользования — их стиль был порождением патерналистской политики советской власти в отношении народов Севера (Соколова, Пивнева 2005).

В книгу включены докладная записка Василевич 1959 г. по итогам ее поездки к эвенкам Катангского района Иркутской области и докладная записка 1960 г. по итогам поездки к эвенкам Байкитского и Илимпейского районов Эвенкийского АО (в приложении имеется программа-опросник Эвенкийского отряда). Тексты этих докладных записок впервые были опубликованы в книге “Народы Севера России. 1959—1962. Этнологическая экспертиза”, вышедшей в издательстве ИЭА РАН в 2005 г. (Соколова, Пивнева 2005: 35—44)³. Записки насыщены конкретной информацией о социально-экономическом и культурном положении эвенков и их проблемах; обе завершаются рекомендациями. Высокая квалификация этнографов, их тесное взаимодействие с властью на местах способствовали созданию текстов, содержащих достоверные сведения. Так, Василевич вскрыла причины целого ряда явлений, в том числе оттока эвенков Катангского района в Эвенкию в конце 1950-х — начале 1960-х годов, а также сокращения количества оленей в районе в послевоенный период. Она сообщала о недостатке нужных и качественных товаров в местных магазинах и одновременно о широкой торговле вином и водкой, писала о проблемах с подготовкой эвенкийских кадров и об особенностях реализации языковой политики в районе. Докладные записки Василевич свидетельствуют о ее заинтересованности в решении проблем эвенков, а по полноте описания и предлагаемым рекомендациям несколько не уступают докладным запискам московских этнографов, работавших в секторе по изучению социалистического строительства у малых народностей Крайнего Севера Института этнографии АН СССР.

Составители включили в книгу статью Василевич “Традиционное в быту эвенков”, написанную по результатам ее последней экспедиции 1969 г. к эвенкам севера Амурской области и Юго-Восточной Якутии. Исследовательница поставила перед собой сложную задачу: на основе полевых материалов показать жизнь двух эвенкийских колхозов — “Заря” (Амурская обл., пос. Первомайский на р. Тынде) и “Дружба” (участок Золотинка укрупненного колхоза “Алдан”) — с точки зрения сохранения элементов традиционной неоседлой культуры. Статья получила нелицеприятный отзыв (опубликован в приложении). Интересно, что и книга “Эвенки. Историко-этнографические очерки” (Василевич 1969) наряду с позитивными оценками вызвала и незаслуженно критические. Однако тот факт, что на монографию Василевич откликнулся практически весь сектор Севера московской части Института этнографии (Смоляк, Соколова 1971: 163—166; Гурвич и др. 1971: 166—168), говорит о том, что книга стала событием в научной жизни объединенного Института этнографии, между ленинградской и московской частями которого

шло негласное соревнование. Тем не менее это не помешало Василевич защитить свою докторскую диссертацию в форме научного доклада в Институте этнографии АН СССР в Москве в 1968 г. (Ермолова 2003: 36–37).

За последние годы тунгусо-маньчжурская этнография значительно обогатилась не только исследованиями современных ученых, но и публикацией ценного наследия предшественников, хранящегося в архивах. Кроме новой книги Г.М. Василевич, назову переведенную на русский язык монографию С.М. Широкогорова “Социальная организация северных тунгусов” (2017) и работу В.Н. Васильева “Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов” (2024). Готовится к печати книга о Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. Б.А. Куфтина. Возвращение в научный обиход работ предшественников обогащает источниковую базу тунгусоведения уникальными материалами, расширяет перспективу истории североведческих исследований, сохраняет преемственность науки и поддерживает этику внутринаучных отношений. С опорой на богатую историю дисциплины тунгусоведческие исследования будут развиваться еще более быстрыми темпами.

Примечания

¹ Подробнее о книгах этой серии см. на сайте Кунсткамеры: https://www.kunstkamera.ru/science/books/kunstkamera_arhiv

² В 2023 г. издательством “Наука” в Новосибирске было осуществлено издание книги Г.М. Василевич “Эвенки: этнографическая монография: В 2 кн.” (Отв. ред. Л.И. Миссонова и др.), в которую вошел текст рукописи “Эвенки в советский период”.

³ В публикации 2005 г. имеются отсутствующие в рецензируемой книге три обширных приложения.

Источники и материалы

ПМА 2024 — Полевые материалы автора. г. Зея Амурской области. Апрель 2024.

Научная литература

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.

Гурвич И.С., Долгих Б.О., Туголуков В.А. Рец. на: Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969 // Советская этнография. 1971. № 1. С. 163–166.

Давыдов В.Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем / Ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.

Ермолова Н.В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 10–46.

Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск: Оттиск, 2002.

Сирина А.А., Давыдов В.Н. Этнограф Борис Александрович Васильев и его очерк “Пять дней среди орочей”: стратегии письма в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150012346-0>

Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008.

Смоляк А.В., Соколова З.П. Рец. на: Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969 // Советская этнография. 1971. № 1. С. 166–168.

Соколова З.П., Пивнева Е.А. (ред.) Народы Севера России. 1959–1962 годы. Этнологическая экспертиза. М.: ИЭА РАН, 2005.

Book Review

Sirina, A.A. A Book That Stood the Test of Time [Kniga, proverennaia vremenem]: A Review of *Evenki v sovetskii period (iz neopublikovannykh rabot)* [Evenkis in the Soviet Period (from Unpublished Works)], by G.M. Vasilevich. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 234–240. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040146> EDN: AXKPAI ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna Sirina | <http://orcid.org/0000-0002-9268-9807> | annas@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)